

NOVENSIA

Ośrodek Badań nad Antykiem
Europy Południowo-Wschodniej

18-19

Studia i materiały
pod redakcją naukową

Piotra Dyczka
i Tomasza Scholla

Projekt okładki
Zofia Zarzycka

Redaktor
Hanna Cieniuszek

Korektor
Elwira Wyszowska

© Copyright by Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego 2008

Wydawnictwa Uniwersytetu Warszawskiego
00-497 Warszawa, ul. Nowy Świat 4
<http://www.wuw.pl>; e-mail: wuw@uw.edu.pl
Dział Handlowy WUW: tel. (0 48 22) 55-31-333;
e-mail: dz.handlowy@uw.edu.pl
Księgarnia internetowa: <http://www.wuw.pl/ksiegarnia>

ISSN 0860-5777

Wydanie I

Druk i oprawa: Nokpol, Kobyłka

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Татьяна М. Арсеньева</i> , Некоторые итоги работ в Танаисе	9
<i>Бэата Балюкевич</i> , Детские захоронения в Танаисе (раскоп XXV)	29
<i>Буркхард Бёттингер</i> , Интерпретация находок амфор из Танаиса эллинистического времени и история торговли	39
<i>Елена В. Власова</i> , Рог для питья из кургана у станицы Елизаветовской	65
<i>Marija Vuzov</i> , Public Inscriptions on Two Marble Tablets from Tanais. (The perception in Croatia of the earliest mention of the Croatian name)	75
<i>Валерий Ф. Чеснок</i> , Ветвь священной оливы или боги и герои античных стадионов на территории России	87
<i>Роксана Хованец</i> , Репрезентативный материал с западного некрополя Танаиса, раскоп XVII.2	107
<i>Christian-Herbert Fischer</i> , Tanais. The analysis for organic dyestuffs from the grave G-14 (trench XVII.2)	125
<i>Владимир К. Гугуев</i> , Структура погребального ритуала Нижне-Гпилковского некрополя (к вопросу о донском варианте меотской культуры)	129
<i>Сергей В. Гуркин</i> , Поздние кочевники южнорусских степей IX–XIII вв. (печенег, торки, половцы)	139
<i>Сергей М. Ильиненко</i> , Цифровые <i>diapinti</i> на узкогорлых светлоглиняных амфорах III в. н.э. из Танаиса	157
<i>Йолашта Яблоновска-Тараха</i> , Костяные изделия Танаиса (По результатам исследований польско-российской экспедиции в 1996–2005 гг.)	177
<i>Петр Яворски</i> , Две античные геммы из Танаиса	201
<i>Людмила М. Казакова</i> , К вопросу об оборонительной системе Западного района раннего Танаиса	207
<i>Виктор П. Копылов</i> , Большая греческая колония на месте Елизаветовского городища и Танаис. Проблема двух Танаисов	219

<i>Адам Лукашевич</i> , Ещё раз о P. Lond. VII 1973 = SB III 7363. Боспорские посланники в Египте	233
<i>Владимир Е. Максименко, Александр А. Харченко</i> , Античный город Танаис и варвары	237
<i>Мартин Матера</i> , Греческие керамические клейма из раскопок Варшавского Университета в Танаисе (раскоп XXV)	249
<i>Светлана А. Науменко</i> , Амфоры из закрытых комплексов Танаиса римского времени	267
<i>Евдокия Папуци-Владыка, Евгения Ф. Редина</i> , Кошары – последние хоры Ольвии	291
<i>Тамаш Шолль</i> , Десять лет раскопок Варшавского Университета в Танаисе	307
<i>Сергей Л. Соловьев</i> , Борисфен и Танаис: два пути греческой колонизации Северного Причерноморья	339
<i>Альфред Твардецкий</i> , Проблемы эпиграфики Боспорского царства на примере надписи KL 705 (Керченский музей)	351
<i>Елена Г. Яценко</i> , Стеклянные сосуды I–середины II вв. н.э. из раскопок городища Танаис	365
<i>Ирина В. Циркунова</i> , Чернолаковый канфар из западного пригорода Танаиса	381

CONTENTS

<i>Татьяна М. Арсеньева</i> , Chosen results of research in Tanais	9
<i>Бэата Балюкевич</i> , Child burials from Tanais (trench XXV)	29
<i>Буркхард Бёттгер</i> , Interpretation of amfora finds from Hellenistic Tanais and the history of commerce	39
<i>Елена В. Власова</i> , A drinking horn from a barrow near the Elizawietowska fort	65
<i>Marija Vuzov</i> , Public Inscriptions on Two Marble Tablets from Tanais. (The perception in Croatia of the earliest mention of the Croatian name)	75
<i>Валерий Ф. Чеснок</i> , The holy olive branch of Gods and heroes of antique stadiums in Russia	87
<i>Роксана Хованец</i> , Representative material from the western necropolis of Tanais, trench XVII.2	107
<i>Christian-Herbert Fischer</i> , Tanais. The analysis for organic dyestuffs from the grave G-14 (trench XVII.2)	125
<i>Владимир К. Гузев</i> , Burial ritual structure at the Nizne-Gnilowska necropolis (the issue of the Don variant of Meotan culture)	129
<i>Сергей В. Гуркин</i> , Late nomads of the southern steppe in Russia in the 9 th through 13 th centuries (Pechenegs, Turks, Kipchaks)	139
<i>Сергей М. Ильиенко</i> , Dipinti with digits on amphorae made of bright clay with narrow necks (Tanais, 3 rd century BC)	157
<i>Йоланта Яблоновски-Тираха</i> , Bone items from Tanais. (Results of the Polish-Russian expedition between 1996–2005)	177
<i>Петр Яворски</i> , Two antique gems from Tanais	201
<i>Людмила М. Казакова</i> , The defense system in the western region of early Tanais	207
<i>Виктор П. Копылов</i> , A large Greek colony on the spot of the Elizavctovski fortified settlement and Tanais. The question two Tanais	219
<i>Адам Лукашевич</i> , P. Lond. VII 1973 = SB III 7363 reconsidered. Bosphoran envoys in Egypt	233

<i>Владимир Е. Максименко, Александр А. Харченко, The ancient town of Tanais and barbarians</i>	237
<i>Мартин Матера, Greek ceramic stamps from the excavations of Warsaw University at Tanais. Trench XXV.</i>	249
<i>Светлана А. Науменко, Amphorae from closed roman complexes in Tanais</i>	267
<i>Евдокия Пануци-Владыка, Koshary – Ancient settlement in chora of Olbia</i>	291
<i>Томаш Шоль, Ten years of the Warsaw University excavations in Tanais</i>	307
<i>Сергей Л. Соловьев, Borysthene and Tanais: two ways of the Greek colonization of the Northern Black Sea Littoral</i>	339
<i>Альфред Твардецкий, Problems of the Bosporan Kingdom epigraphy exemplified by inscription KI. 705 from the Kerch Museum</i>	351
<i>Елена Г. Яценко, Glass vessels from the 1st–half 2nd century AD from Tanais</i>	365
<i>Инна В. Циркунова, A black varnished kantharos from western Tanais</i>	381

PRZEDMOWA

Oddajemy do rąk Czytelników kolejny (18–19) tom *Novensia* – rocznika Ośrodka Badań nad Antykiem Europy Południowo-Wschodniej, który ukazując się nieprzerwanie już od 18 lat. Obecnie Ośrodek prowadzi wykopaliska na trzech stanowiskach: *Novae* (Bułgaria, kierowane przez P. Dyczka), *Rhizon/Risinium* (Czarnogóra, kierowane przez P. Dyczka i J. Reclawa) i *Tanais* (Federacja Rosyjska, kierowane przez T. Scholla). Badania nad ostatnim z nich trwają już 10 lat. Ten jubileusz stał się pretekstem dla rosyjskiego i polskiego zespołu badawczego do dokonania podsumowania uzyskanych wyników, spojrzenia na rolę *Tanais* w szerszym kontekście oraz wyznaczenia głównych celów naukowych na przyszłość.

Forum dyskusyjnym stała się zorganizowana przez Ośrodek międzynarodowa konferencja naukowa *Tanais i jego sąsiedzi. 10 lat wykopalisk Uniwersytetu Warszawskiego w antycznym mieście Tanais*, która odbyła się 8–12 października 2005 roku w Stawiskach k. Kościerzyny. W konferencji wzięło udział 45 naukowców: z Polski, Rosji, Niemiec, Chorwacji i Włoch, którzy przedstawili 30 referatów dotyczących najważniejszych aspektów badań archeologicznych w *Tanais*. Najbardziej interesujące referaty zamieszczono w niniejszym tomie *Novensia*. Mamy nadzieję, że spotkają się one z życzliwym przyjęciem Czytelników.

W referatach zaprezentowano szerokie spektrum zagadnień naukowych. W swoich wystąpieniach uczestnicy konferencji nie ograniczali się tylko do jednego okresu chronologicznego, do wąskiego terytorium czy też szczegółowej problematyki. Zanalizowano różne zagadnienia, począwszy od epoki brązu po średniowiecze, od obszarów sąsiadujących z *Tanais* po Europę Centralną i Południową, a nawet Egipt. Przedstawiono efekty prac na samym stanowisku, np. wyniki badań archeologicznych nad fortyfikacjami i nekropolami, nie zapominając o całkowicie unikalnych, świetnie zachowanych kompleksach magazynowych wypełnionych amforami. Naczynia te oraz umieszczone na nich napisy i stemple poddano dogłębnej analizie, starając się wyciągnąć syntetyczne wnioski dotyczące wymiany handlowej, relacji ze światem klasycznym oraz „barbarzyńcami”. Zaprezentowano także bardzo cenne wnioski płynące z analizy źródeł epigraficznych. Osobny temat stanowiły opraco-

wania poszczególnych zabytków, które mają znaczenie naukowe, a ponadto odznaczają się także wysokimi walorami estetycznymi. Były to wytwory nie tylko ceramiczne, lecz także kościane, szklane czy biżuteria.

Oprócz naukowej sesji plenarnej odbyły się także sesje panelowe i organizacyjne, które poświęcono różnym aspektom badań, ale także wypracowaniu planu naukowego na przyszłość oraz nawiązaniu bilateralnej współpracy między różnymi instytucjami reprezentowanymi przez uczestników konferencji.

Konferencja nie mogłaby się odbyć bez pomocy finansowej Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego oraz władz Uniwersytetu Warszawskiego, którym pragniemy wyrazić serdeczne podziękowania. Dziękujemy także firmie Xanadu za sponсорowanie konferencji.

Tom ten chcielibyśmy zadedykować długoletniemu kierownikowi Ekspedycji Archeologicznej Dolnego Donu, Pani Profesor Tatianie Michajłownie Arseniewej z Instytutu Archeologii Rosyjskiej Akademii Nauk z Moskwy. Bez jej wieloletniej nieocenionej pomocy i zaangażowania nie byłaby możliwa realizacja naszych planów badawczych. Chcemy Jej także podziękować za wszystkie dobre uczucia, które nam nieustannie okazuje, za rady i opiekę. Tworzy wspaniałą atmosferę do pracy i ułatwia nam pokonywanie wszelkich przeciwności.

*Piotr Dyczek
Tomasz Scholl*

Татьяна М. Арсеньева

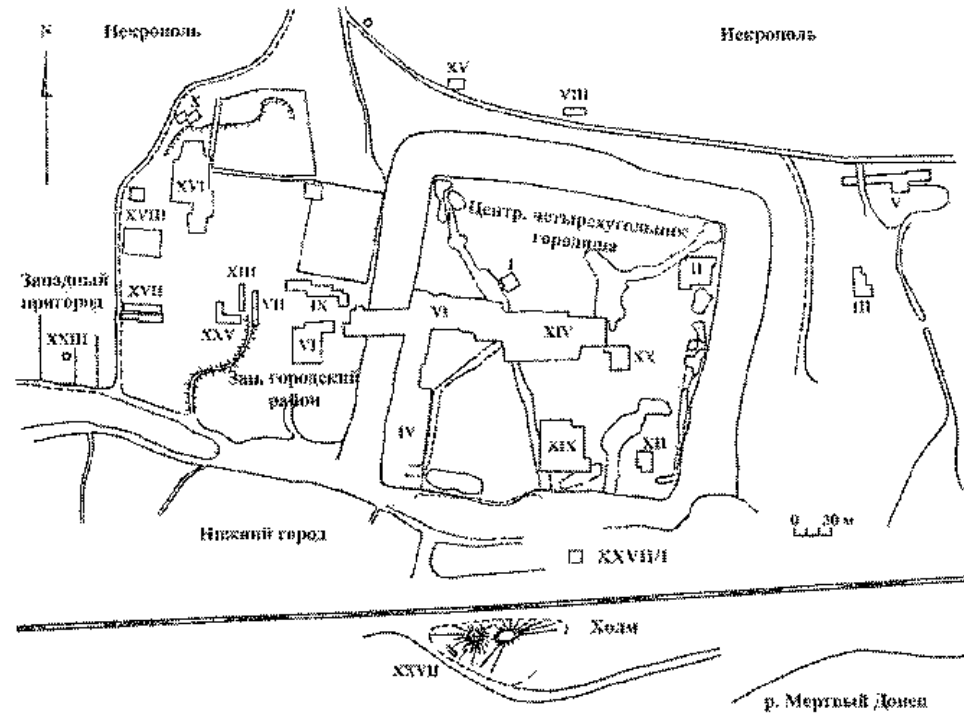
НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ РАБОТ В ТАНАИСЕ

Танаис среди античных памятников юга России занимает особое место. Все исследователи указывают на то обстоятельство, что город возник относительно поздно и на земле, где жили местные племена, в значительном удалении от всех других греческих центров. Соответственно сложилось устойчивое мнение, что это был самый варварский город Боспора, осуществлявший связь между античным миром и окружающим населением на протяжении многих веков.

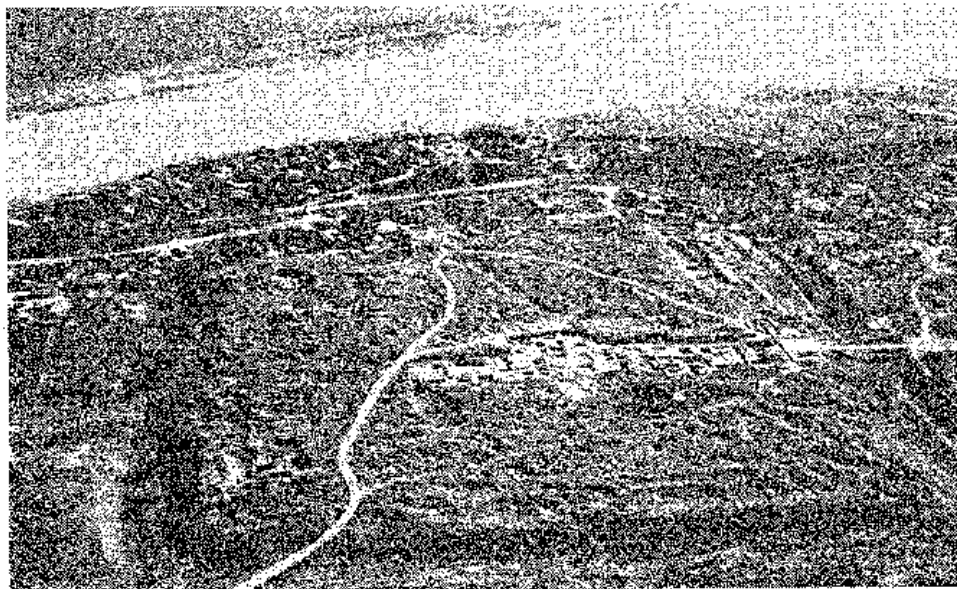
Эпизодические раскопки города и его некрополя проводились еще до революции — материалы этих работ обобщила и опубликовала Т.Н. Книпович¹. Но в ее распоряжении был слишком разрозненный материал, многие стороны истории города остались неизвестными и для воссоздания его облика в разные периоды жизни, для выяснения времени его возникновения и гибели, для установления роли Танаиса в истории Северного Причерноморья были нужны новые исследования. С этой целью в 1955 г. Институтом археологии АН СССР и Ростовским областным музеем краеведения была создана Нижне-Донская археологическая экспедиция, главной задачей которой стали исследования города Танаиса и его некрополя. Экспедицию возглавил и долгое время ею руководил Д.Б. Шелов.

Уже первые годы раскопок этой экспедиции позволили Д.Б. Шелову разрешить основные вопросы по истории города, что было им представлено в многочисленных статьях и книгах². Была уточнена историческая топография Танаиса. Основная его территория, располагалась на второй высокой террасе, она имеет форму четырехугольника (площадью 225 x 240 кв. м), ориентированного по сторонам света (ил. 1, 2). Здесь работы на протяжении многолетних раскопок проводились на разных участках (раскопы I, II, IV, VI, XII, XIV, XIX, XX). Жизнь на этой территории с некоторым перерывом продолжалась на всем протяжении существования города (с III в. до н.э. до середины V в. н.э.).

С первых лет раскопок исследовалась оборонительная система четырехугольника. Лучше других изучена западная оборонительная линия. Она сложилась уже к концу III—II вв. до н.э. — это каменная оборонительная стена с вы-

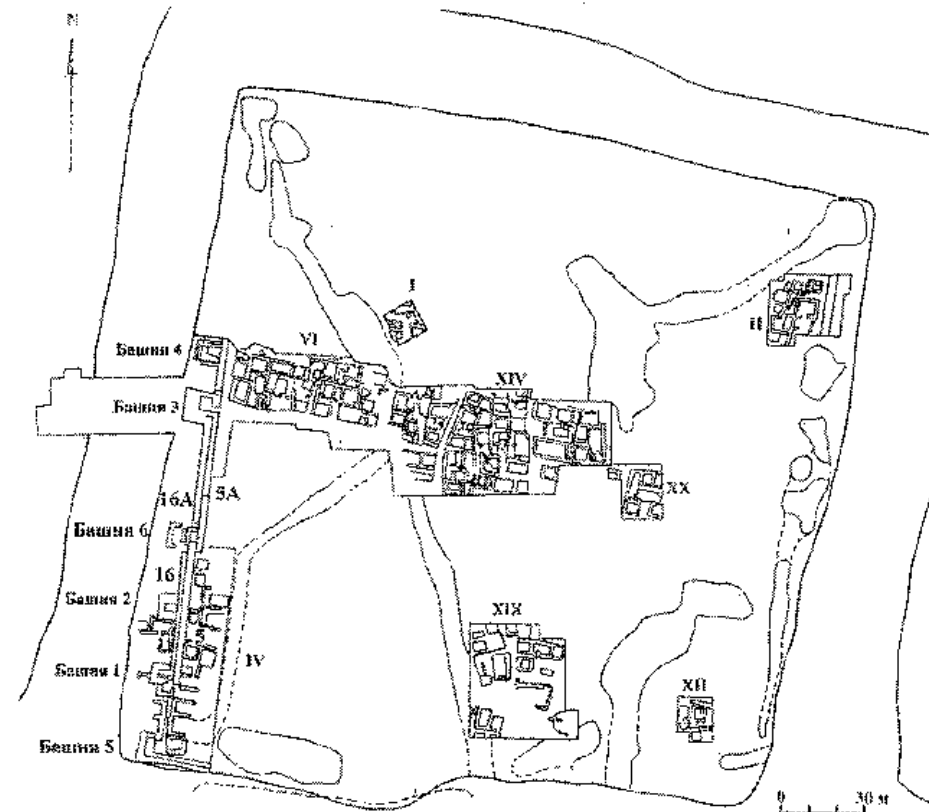

Ил. 1. Генплан городища Танаис с раскопами [рис. С.А. Науменко]

Ил. 2. Вид основного четырехугольника городища, аэрофотосъемка 1978 г. [фото В.Ф. Чеснок]

ступающими от нее башнями, угловые их части и входы, по античной традиции, выложены крупными, прямоугольными, рустованными блоками. В последние годы была полностью исследована одна из башен (башня 3), расположенная в центре оборонительной линии (ил. 3)³. Стены ранней башни сохранились в высоту на два с лишним метра. Полностью исследовано внутреннее помещение этой башни, площадью 24 кв. м и вход. Внешние фасы стен целиком не раскрыты – их перекрывают стены более поздних башен II в. н.э. и первой половины III в. н.э. Ранняя башня от линии стены выступает на запад на 6,50 м. От первого периода ее существования до нас дошли два уровня полов с очагами и ямами. В одной из ям были аккуратно сложены шесть одинаковых, хорошо обработанных, округлых ядер из ракушечника или песчаника, что позволяет предположить использование в Танаисе баллисты. В 2005 г. несколько севернее башни 3, где по предположению находились городские ворота, раскопками был открыт новый, хорошо сохранившийся участок ранней оборо-

Ил. 3. План основного четырехугольника городища с кварталами римского времени [рис. С.А. Науменко]

нительной стены и примыкавшей к ней еще одной ранней башни. Верхняя ее часть была исследована ранее, в 1964–1965 гг., тогда она относилась к башне II в. н.э.⁴ и не предполагалось, что она возводилась на остатках более ранней башни.

О ранней городской застройке у нас данных немного. В какой-то мере облик эллинистического Танаиса удалось восстановить только раскопками последних лет. В результате стало ясно, что город не был таким варварским, как казалось ранее. В южной его части (раскоп XIX), работами русско-немецкого отряда, были открыты строения, выполненные явно в античных традициях. Здесь были обнаружены площади и большая широкая лестница, составленная из крупных известняковых блоков (ширина лестницы с запада на восток достигает 8 м). Она имеет три каменные ступени, на одном из блоков верхней ступени сохранилось округлой формы ложе для установки колонны. Эти постройки украшали город уже во II в. до н.э. Необходимо отметить и находки кусков обработанного мрамора и надписей, найденные здесь. Часть из них Ю.Г. Виноградов датировал концом III–II вв. до н.э., что очень важно, так как ранее в Танаисе были известны только надписи первых веков н.э. Среди них имеются фрагменты декрета, почетной стелы, votивных и посвячительных надписей, а также надписей фиссов. Выполнены они из местного известняка или привозного мрамора и, видимо, были либо вмонтированы в стены или украшали город в виде стел⁵.

Для изучения плана города важным было открытие по обеим сторонам площади улиц, идущих в северо-восточном и северо-западном направлениях. Как и все известные в Танаисе улицы и переулки, они вымощены мелкими камнями и керамикой, среди которой в ранних подмостках много амфорных клеев. Структура улиц была непрочной и мостовые постоянно наращивались. Нижнее полотно улиц, заложенное в конце III в. до н.э., часто перекрывало более ранний, существовавший до закладки улиц, слой жизни. Продолжение улиц в северных направлениях выявлено также на раскопах, расположенных в центре города (раскопы VI, XIV, XX). Кроме меридиональных улиц и переулков, там прослежена одна широтная улица, идущая от середины оборонительной линии к центру города.

К сожалению, ранних жилых и хозяйственных строений открыто сравнительно немного из-за значительных перестроек и повсеместного строительства глубоких подвалов во II–первой половине III в. н.э., срывших их большую часть. К самым ранним постройкам, кроме отдельных хозяйственных ям, относится уникальный для Танаиса подвал — „закрытый комплекс” с узкой датой и разнообразными находками. Уцелела нижняя часть подвала, заглубленная в скалу. В подвале находились почти целые сосуды, родосская и синопская амфоры первой половины III в. до н.э., фрагменты других ранних амфор, простой и чернолаковой посуды. Особо выделим чернолаковый кубок с орнаментальными поясами с изображениями листьев, завитков и гроздей винограда; изображением морских волн с выпрыгивающими из воды дельфинами — подобный сюжет

характерен для аггической керамики конца IV–III вв. до н.э. Там же было найдено шесть терракотовых протом богини Деметры со сложенными под грудью руками, тип которых восходит к боспорским изделиям V–III вв. до н.э. (ил. 4) и, наконец, две лапикапейские монеты начала III в. до н.э. Второе раннее подвальное сооружение было открыто в южной части города (раскоп XIX). Это тоже прямоугольная постройка, вырубленная в скале и частично сохранившая кладку стен, была обнаружена под глинобитными слоями пола более позднего подвала. Находки в нем (обломки разных форм амфор, чернолаковой и простой керамики) относятся к середине III в. до н.э., подвал просуществовал недолго и уже к концу века был засыпан⁶.

Ил. 4. Терракоты с изображением богини Деметры из подвала ИО, усадьбы 6

Традиция строительства подвалов сохранилась в Танаисе и в первые века н.э., когда почти под каждым наземным домом сооружали глубокие подвалы — хранилища.

Несмотря на последние открытия, очень важные для ранней истории города, о застройке и планировке домов говорить пока невозможно, поскольку нижние слои сохранились плохо. Тем не менее, можно думать, что ранняя застройка была не очень плотной и достаточно хаотичной. Определенно можно говорить, что в конце III–II в. до н.э. были проложены основные уличные магистрали и почти все они продолжали функционировать до разгрома города в середине III в. н.э.

С запада к основному четырехугольнику примыкал второй городской район, находившийся на той же террасе и тоже укрепленный каменными стенами (рас-

копы VI, VII, IX, XXV). Как было установлено сравнительно недавно раскопками русско-польского отряда, кроме стен, во всяком случае с западной стороны, он был дополнительно защищен глубоким рвом⁷. Дома в этом городском районе, открытые и исследованные еще в первые годы работ экспедиции, были небольшими, многие из них неправильной формы, с тупыми и острыми углами и произвольной ориентировкой. Между домами пролегли узкие извилистые переулки, иногда мощеные. Жизнь на этом участке протекала только до рубежа н.э., потом этот участок города был разрушен и пришел в запустение, а ров был засыпан. Общий характер, расположенных здесь строительных остатков, гораздо более варварский, чем на основной территории Танаиса (ил. 5)⁸.

В 1999–2002 гг. к западу от вышеописанного района, в 300 м от западной оборонительной стены основного четырехугольника, был исследован еще один городской участок (раскоп XXIII – площадь его ок. 800 кв. м) (ил. 6)⁹. Здесь на огороде одного из домов хутора были открыты остатки ряда усадеб конца III–I вв. до н.э., состоящих из прямоугольных, ориентированных по странам света помещений, и вымощенных плитками дворики. Помещения имели ровные, аккуратные стены, глинобитные полы, с сохранившимися на них очажными конструкциями и многочисленные хозяйственные ямы, впущенные с уровня полов в материковую глину и скалу.

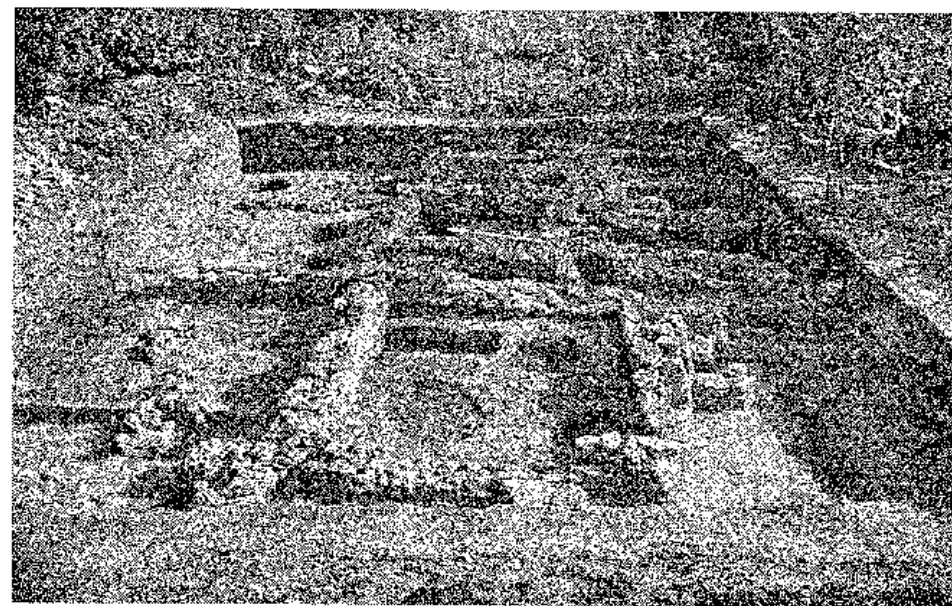
Между домами прослежены остатки мощений трех прямых улиц, широтной и меридиональной. С севера открытый район защищали оборонительная стена и ров. Остатки оборонительной стены сохранились на небольшую высоту, ширина ее ок. 2-х м. От жилых построек стену отделял узкий проход, шириной до 1,5 м. К южному фасу стены подходила под прямым углом улица, вымощенная необработанным камнем, шириной до 2 м. Глубина рва достигает 3,6 м, ширина по верхнему контуру – 10 м, по дну – 2,5 м (ил. 7).

Следов пожара в постройках не обнаружено, видимо, они были оставлены в конце I в. до н.э. Для датировки основным материалом служат многочисленные амфорные обломки, главным образом, клейма родосских амфор. Слои I в. н.э. на этом участке отсутствовал, над эллинистическим слоем располагался слой II в. н.э. с невыразительными строительными остатками, в III в. н.э. здесь уже располагался некрополь, который, в свою очередь, перекрывал грунт и постройка средневекового времени. Не выясненными пока остаются размеры всей площади, занятой ранним городом, этому мешает слишком плотная современная хуторская застройка. По мнению С.М. Ильяшенко, возглавлявшего эти раскопки, город тянулся на запад на 350–400 м, до естественной балки, возможно, выполнявшей на западе функции рва, а на юге доходил до самой реки.

Открытие нового жилого района позволяет пересмотреть многие устоявшиеся положения о раннем периоде города и поставить новые вопросы. Без дополнительных исследований пока трудно говорить о связи между собой двух западных городских районов, объяснить более варварский характер открытого ранее участка города, примыкающего к четырехугольнику („западное крыло городища”), и нового, имевшего правильную планировку и античный облик.

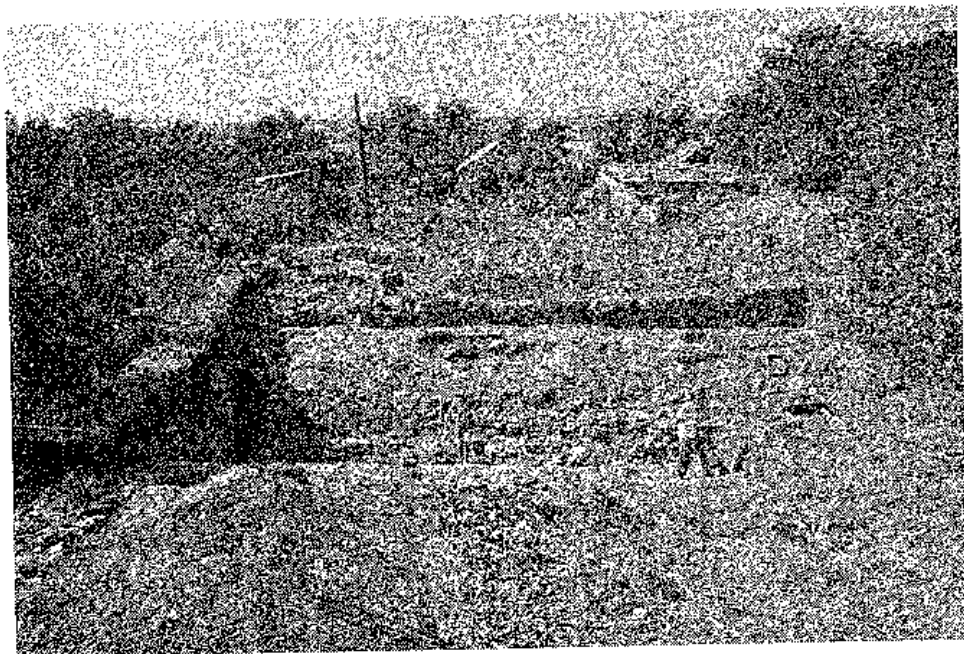

Ил. 5. Эллинистический квартал в Западном городском районе (раскоп VI), вид с востока [фото С.М. Ильяшенко]

Ил. 6. Квартал эллинистического времени в Западном приторье (раскоп XXIII), вид с юга [фото С.М. Ильяшенко]

Илл. 7. Оборонительный ров Западного пригорода (раскоп XXIII), вид с севера
[фото С.М. Ильяшенко]

Образование их совпало по времени и с временем формирования на основной территории городища главных элементов планировочной структуры, улиц, площадей и оборонительных стен. Определенно ранний Танаис, как мы видим, занимал значительно большую площадь, чем предполагалось, в связи с этим, можно считать, что и число жителей в раннем городе также было намного больше, чем это представлялось. Можно думать, что город в это раннее время определенно переживал период расцвета.

Город послеполемоновского времени – I в. н.э. определенно пострадал от карательной экспедиции Полемона. На западных городских участках жизнь вообще прекратилась, а на центральном четырехугольнике были разрушены и перестали функционировать оборонительные стены. Очевидно, здесь была разрушена уже сложившаяся к этому времени городская застройка. О ней судить трудно, она была в большей своей части скрыта во время перестроек во II–III вв. н.э.

Еще в 1957 г. в юго-западной части четырехугольника были открыты остатки усадеб I в. н.э., выходящие за пределы разрушенной оборонительной стены. Это были не единичные постройки I в. н.э., работами последних лет, при исследовании других более северных участков западной оборонительной линии, была выявлена та же картина – открыты остатки нескольких помещений с мощным проулком I в. н.э. за пределами разобранной оборонительной стены,

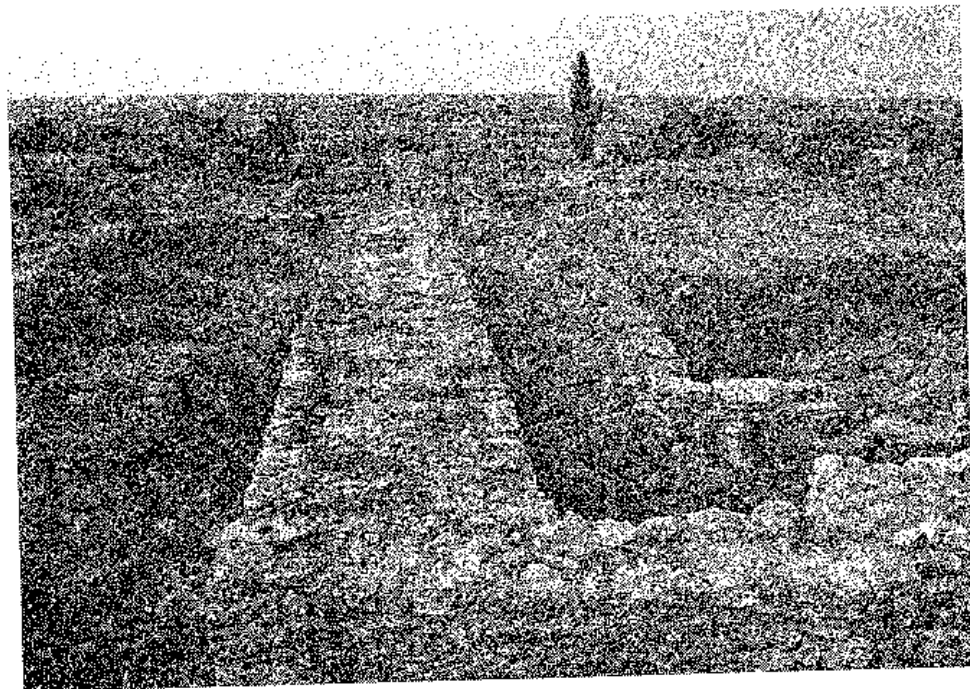
существовали они сравнительно недолго – до восстановления линии обороны в конце I–начале II в. н.э., во время строительства новой оборонительной стены и башен и сооружения глубокого рва. На территории четырехугольника на отдельных участках также отмечены следы деятельности и строительства этого времени. Наблюдается реставрация улиц, в связи с чем увеличилась уличная подсыпка и верхнее полотно их стало значительно возвышаться над уровнем дневной поверхности – уровнем дворов. Очень важным свидетельством для характеристики жизни города этого времени является открытие в южной его части в 2002 г. хорошо сохранившегося подвала, не заданного более поздним строительством – он был засыпан и перекрыт вымосткой. Среди разнообразных находок, открытых в подвале, обломков амфор, керамики, подвесок, бус и монет, особенно выделяются заготовки бронзовых фибул, свидетельствующие о продолжении производственной деятельности в постполемоновском городе¹⁰.

В конце I–самом начале II в. н.э. основная территория четырехугольника превращается в хорошо укрепленную крепость, ограниченную с запада, севера и востока глубоким рвом, частично вырытым в глинистом грунте, частично вырубленным в скале. В это же время, судя по западной оборонительной линии, вдоль которой в последние годы проводятся раскопки под руководством С.А. Науменко, наращивается и восстанавливается эллинистическая оборонительная стена. К ее западному внешнему фасу дополнительно для укрепления пристраивается новая стена, общая толщина стены, после пристройки дополнительного паширя, составляет ок. 4–4,5 м (ил. 8).

Над ранней эллинистической башней 3 (в центре западной оборонительной линии) в конце I–самом начале II в. н.э. возводится новая башня, частично используя старые стены, частично их перекрывая. Башня строится несколько большего размера, от линии стены она выступает на запад на 7 м.

Планировочная система города этого времени известна достаточно хорошо, она в основном сохраняется до середины III в. н.э. и повторяет многие особенности, заложенные еще в эллинистическое время. Почти все площади, улицы и переулки находятся на тех же местах, на которых находились и ранее. Меридиональные улицы делят город на различные между собой по площади кварталы. Кварталы, как правило, объединяют несколько усадеб, каждая из которых состоит из жилых и хозяйственных помещений с подвалами, группирующимися вокруг выложенных плитами дворики. В центре дворов имеются глубокие цистерны.

Д.Б. Шеловым история Танаиса была в свое время разделена на три периода, границами между которыми служили крупные разрушения – на рубеже нашей эры и в середине III в. н.э. За последние годы раскопок отчетливо обозначилась еще одна крупная катастрофа, постигшая город в середине II в. н.э. Разрушения этого времени в Танаисе отмечались в ходе раскопок и ранее, но они казались небольшими, локальными, хотя прослеживались почти на всех участках центрального четырехугольника городища. Первоначально казалось, что подобные разрушения были связаны с плохим строительством неумелых

Ил. 8. Западная оборонительная линия основного четырехугольника городища, вид с севера [фото В.К. Гугусва]

мастеров, вынуждавших жителей постоянно проводить перестройки и ремонты своих домов и общественных сооружений – оборонительных стен и башен. Кроме того, слои повсеместных мощных пожаров и разрушений середины III в. н.э., приведших город к полному запустению на длительный срок, затмили и отвлекли внимание исследователей от проблем связанных с жизнью города в середине II в. н.э. Сейчас стало очевидным, что, хотя катастрофа II в. н.э. была и не менее страшной, в сравнении с последующей, город сумел восстановиться тогда в достаточно короткие сроки. Особенно отчетливо прослеживаются разрушения при исследовании оборонительных башен. Выделяются башни, переставшие функционировать во II в. н.э. и возведенные над ними или рядом с ними башни, дожившие до разгрома Танаиса в середине III в. н.э. О восстановительном строительстве говорят и многие лапидарные надписи от времени Савромата I до Ининфимея. В них говорится о сооружении или восстановлении городских стен, башен, ворот, агоры, источника¹¹.

По всей видимости разрушения города во II в. н.э. можно связать с проникновением с востока на Нижний Дон мощных военизированных кочевых образований – носителей позднесарматской археологической культуры. Именно с этого времени в городе стало реально ощущаться присутствие степного населения. Но, как уже говорилось, катастрофа не имела затяжного характера.

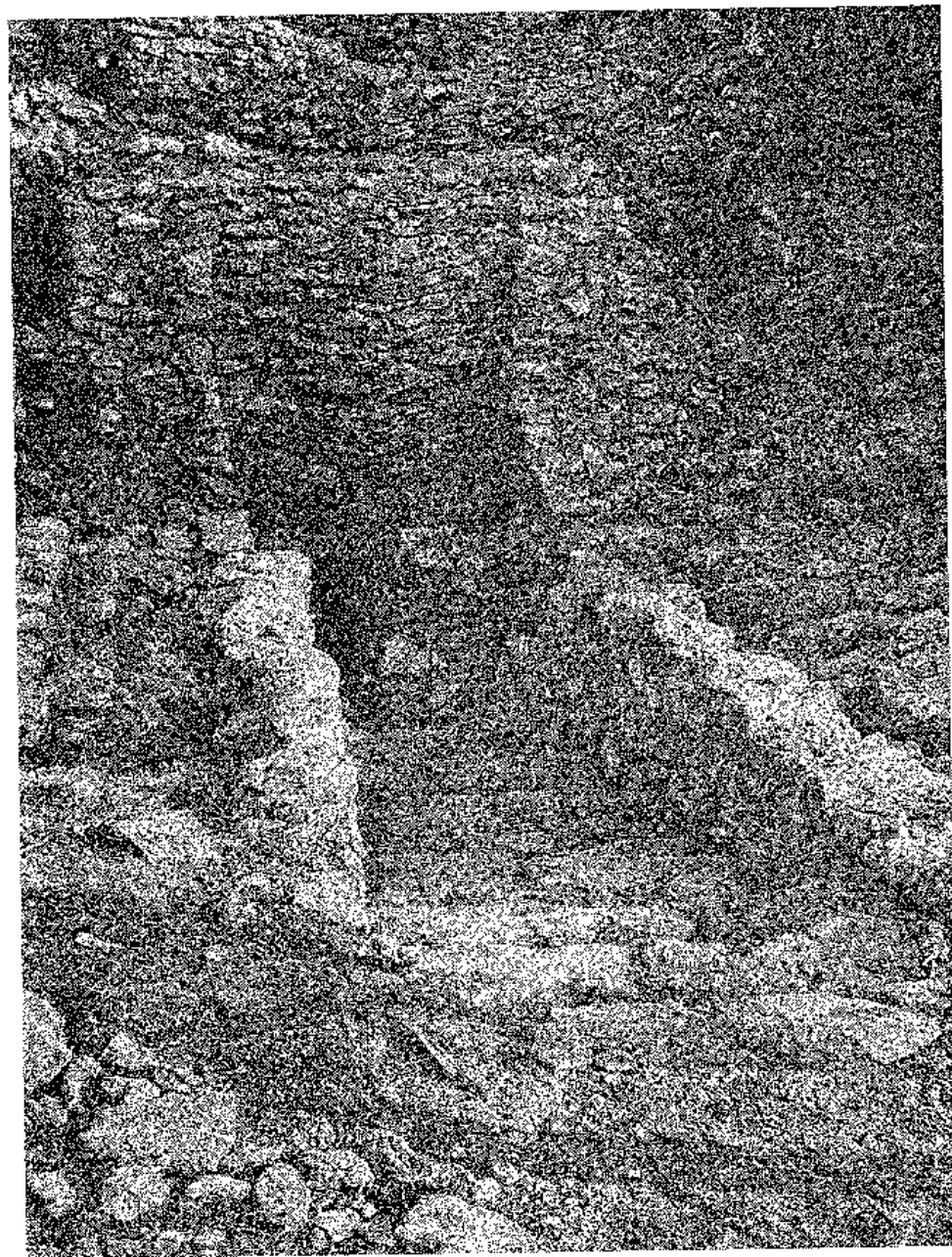
Жители вывозят мусор, восстанавливают дома и линию обороны. Именно к этому времени относятся многочисленные свалки с битой керамикой и горелыми слоями, самая большая из них представляет собой высокий холм, расположенный к югу от городища.

Холм находится у поворота реки в припортовой части города. О его происхождении и назначении существует много предположений. Во время строительства железной дороги в 1867–1870 гг. он был частично снесен и разделен дорогой на две половины. Сейчас его высота достигает в южной, наиболее высокой части, 12 м. Холм постоянно разрушается как естественными путями, так и жителями соседних домов. В 2000 г. был заложен небольшой раскоп в юго-западной части в южной половине холма¹². Открытый слой состоял из зольного грунта с сажей, со множеством кусков сырца и обожженного турдука, с громадным количеством битой керамики, бытовавшей в Танаисе в первой половине II в. н.э.

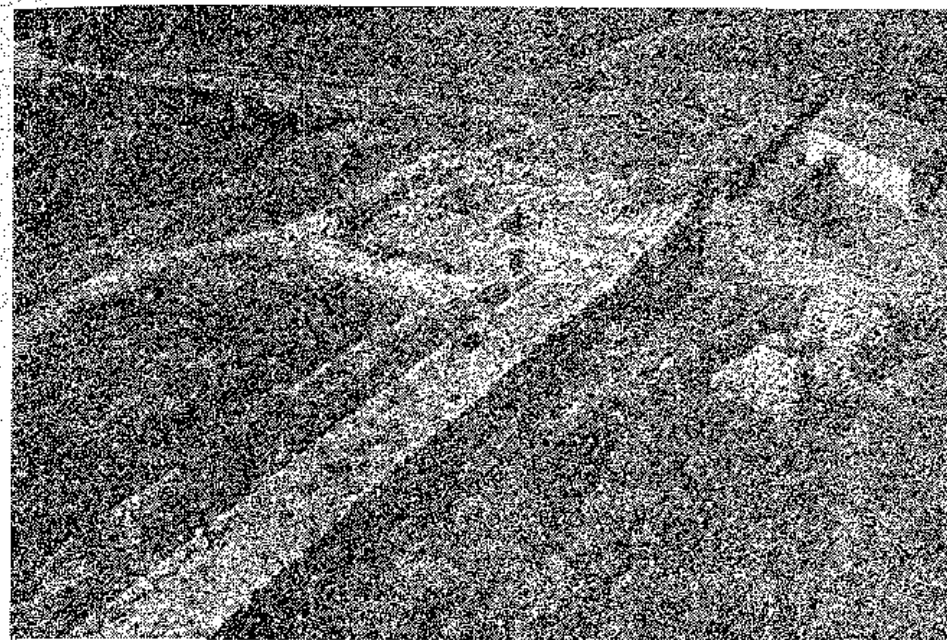
Особо следует отметить и свалку в виде грунта с керамикой, находившуюся в юго-восточной части городища (раскоп XIX). Свалка завалила глубокий бассейн со спускающимися к нему лестницами (ил. 9). Это интересное сооружение пока до конца не раскрыто, оно было разрушено в середине II в. н.э., не восстановлено и над ним поверх завала соорудили мощную улицу с водостокom, вымостку и рядом с ней цистерну, функционировавшие до разгрома города в середине III в. н.э.

Во второй половине II в. н.э. вновь восстанавливается оборонительная система. Над разрушенной башней 3 уже во II в. н.э. сооружается новая башня, простоявшая до середины III в. н.э. (ил. 10). Башня сохранилась на незначительную высоту – до 1 м с учетом фундамента. Он был составлен из огромных каменных, неправильной формы блоков, лежавших на слое засыпи башни предыдущего времени. От башни последнего строительного периода дошли вымостка, служившая полом внутрибашенного помещения (площадь ее ок. 23 кв. м) и стены внешнего фаса. Это башня была самой мощной по своим размерам, она выступала на запад от линии стены на 10,5 м, площадь ее ок. 111 кв. м.

Разгром Танаиса в середине III в. н.э. уничтожил весь город. Следы разрушений прослеживаются на всех раскапываемых участках городища. Еще П.М. Леонтьев, первый исследователь Танаиса, отмечал, „что это разрушение было самое страшное, какое можно себе представить: в городе не осталось почти камня на камне; от весьма немногих стен сохранились нижние ряды каменной кладки; башни разрушены почти до основания, и самые погреба засыпаны развалинами обрушившихся строений. Разорение должно было быть внезапным, поэтому в некоторых погребах замечены остатки зернового хлеба; в разорении участвовал огонь, которого следы видны почти везде во внутренней части города и на внутренней стороне городских стен и башней”¹³. Эту страшную картину отмечали все исследователи Танаиса, работами Нижне-Донской экспедиции раскрыты десятки помещений с подвалами, заваленными горелыми балками, углем, золой и красной от огня глиной с камнями. В помещениях обнаружено

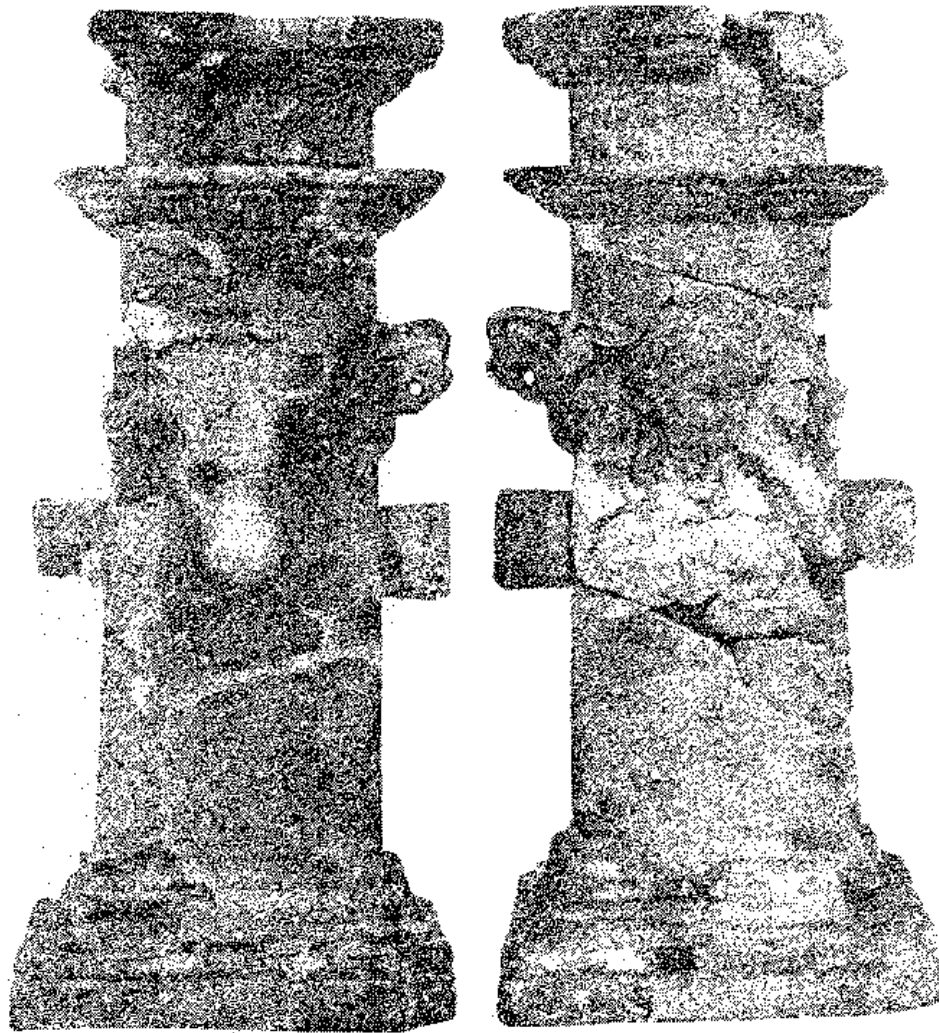
Ил. 9. Бассейн на раскопе XIX, вид с запада [фото С.М. Ильяшенко]

Ил. 10. Западная оборонительная линия основного четырехугольника городища, башня 3, вид с юго-востока [фото В.К. Гугуева]

сотни предметов, находившихся в домах в момент катастрофы. Время ее устанавливается достаточно точно и относится к самой середине III в. н.э. Находки, открытые в подвалах, описаны и представлены во множестве изданий, касающиеся раскопок Танаиса. Поэтому остановимся только на одном очень интересном памятнике.

Это мраморный алтарь, открытый на вымостке двора в слое пожара середины III в. н.э. (ил. 11)¹⁴. Сделан алтарь из светлого мрамора, из-за пожара он стал пятнистым и темным, поверхность у него гладкая, хорошо обработана. Алтарь был разбит на три больших куска и множество фрагментов – мрамор побывал в огне и стал крошиться. Он имеет вид высокой, прямоугольной в сечении стелы на расширенном ступенчатом основании. Вверху она заканчивается сложным венцом. Верхняя поверхность у него плоская с прямоугольным углублением в центре (высота алтаря 0,66 м). На боковых узких гранях симметрично расположены выступающие рельефные изображения и прямоугольные выступы. На основных лицевых широких гранях с одной стороны изображены в низком рельефе голова быка, с другой – в высоком рельефе погрудная женская фигура. Женская головка на алтаре больше всего напоминает мраморный рельеф открытый раскопками П.М. Леонтьева в 1853 г. Т.Н. Книпович, исследовавшая рельеф, отмечает близость леонтьевской головки к восточно-греческому искусству эллинистической эпохи с кругом памятников III в. до н.э.¹⁵ Наш ал-

Ил. 11. Мраморный алтарь из раскопа XX [фото Г. Выжиковского]

тарь определенно открыт в слое пожара III в. н.э., но, вероятно, его специально сохранили и он тоже может быть отнесен к более раннему времени.

В IV в. н.э. жизнь в городе возродилась. Опираясь на отсутствие монет последних боспорских царей, Д.Б. Шелов пришел к выводу, что жизнь в городе восстановилась только к 70-м годам IV в. Позднее стали относить время восстановления города, не очень обосновывая перенос, к середине этого века. За последние годы было найдено несколько позднебоспорских монет конца III-первой трети IV в. н.э. Эти находки имеют принципиальное значение для

характеристики хронологии Танаиса — они относятся к временному отрезку, ранее в городе совсем не представленному¹⁶. Поэтому, возможно, в будущем будет пересмотрена дата возрождения города. Также трудно говорить о причинах и времени окончательного запустения города. Сейчас ее, как и раньше, мы относим к середине V в. н.э.

Поздние городские руины и слои практически прослеживаются почти на всех исследованных участках центрального четырехугольника. По сравнению с напластованиями более ранних хронологических периодов они самые мощные, достигают 1,5–2,5 м толщины и их можно сравнить лишь со слоями II–III вв. н.э., учитывая глубину подвалов. Можно думать, что мусор из города этого времени не вывозился и постоянно накапливался. Весь облик дошедших до нас городских остатков свидетельствует о резком возрождении влияния варварских элементов, проявляющихся и в планировке, и в строительстве, и в находках культурных остатков.

Главная отличительная черта позднего города — это совсем другая планировочная структура: улицы и площади раннего времени оказались застроенными новыми домами и изрыты ямами. Иногда дома пристраивались к каменным завалам III в. н.э., в IV в. не разбиравшимся. Особенно заметны эти особенности рядом с западной оборонительной стеной, где образовался колоссальный каменный завал от рухнувших стен и жители позднего города совладать с ним были не в состоянии.

На основной части города не открыто ни одной широкой улицы или площади, между домами имелись лишь узкие проходы, вымощенные камнями — это был дневной уровень жизни города, который по отношению к полам жилищ был значительно выше примерно на 0,6–1 м. Практически все постройки позднего времени заглублялись в грунт и были полуземлячками, на отдельных участках, в южной части города, где находилась в прежние века площадь и не было ранних строений, они оказались заглубленными до самой скалы и даже врезанными в нее. В проемах входа домов часто имеются лестницы из двух — трех ступеней или каменные пороги, ведущие вниз до самого пола.

Достаточно хорошо прослеживаются три строительных этапа — они отмечены почти на всех участках четырехугольника с поздними постройками. По находкам между собой они различаются плохо, так как почти не удается разделить керамику по хронологическим группам. Удалось установить, что для первого этапа строительства характерны большие дома, площадью до 30 кв. м. Дома второго этапа часто встроены в более ранние, они часто имеют округлые стены или только скругленные углы. Постройки третьего этапа совсем небольшие, встроены в мусорные слои и сделаны очень небрежно.

Планировка внутри домов была различной. В больших домах часто встречаются перегородки, сооруженные из тростника и жердей, крепившихся в специальных ровиках и ямах для столбов. Почти во всех жилищах удалось проследить плотные хорошо утрамбованные полы с многочисленными подмазками. Характерной принадлежностью каждого дома являются очаги или печи и раз-

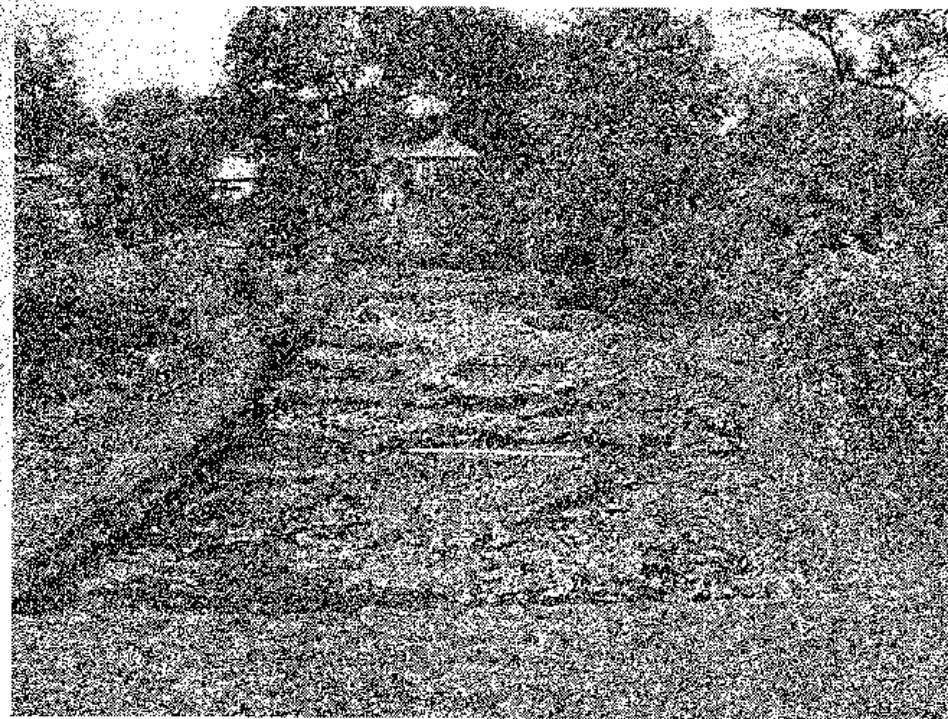
ного размера хозяйственные ямы. Печи имели кулолообразную форму, делались очень искусно из камня, глины и мелкой керамики и возвышались на небольшом постаменте у одной из стен дома. На полах домов постоянно встречаются круглые зернотерки, многочисленная лепная керамика самых разнообразных форм, краснолаковая посуда, обломки амфор, кости животных и рыб. Возрастание роли лепной керамики среди находок характерно для Танаиса. Эта тенденция отмечается и в других городах Боспора и объясняется общей варваризацией и натурализацией хозяйства. В Танаисе, кроме этих близких процессов, наблюдаются и некоторые особенности, связанные с появлением нового населения, принесшего с собой и новые формы сосудов ранее не встреченные на Нижнем Дону и в городе. В первую очередь, к ним относятся остроресберные миски, часто с лощеной поверхностью, украшенные по ребру орнаментом в виде фасеток и насечек. Подобные миски встречаются в памятниках черняховской культуры, но там они, как правило, делались на круге и потому несколько отличаются от танаисских. Следует отметить, что находки на полах помещений достаточно бедные. Только изредка в помещениях находили серебряные, бронзовые и железные фибулы, пряжки, зеркала и стеклянные сосуды. Среди находок из поздних слоев, определенный интерес представляет находка литейной формы для отливки зеркал, позволяющая говорить, что в городе, как и в III в. н.э., продолжали изготавливать зеркала с петелькой в центре. Диаметр, отливасмого в форме зеркала, 6 см, орнамент – круг в центре с расходящимися от него лучами.

Для топографии позднего Танаиса большое значение имеют раскопки последних лет. Представлялось, что город этого времени занимал только основную территорию городища. Теперь выяснено, что его площадь была значительно больше – открыто еще две городских застройки. Одна – на подворье одного из домов хутора, к югу от юго-западного угла четырехугольника, здесь находился большой жилой квартал с помещениями и мощеными мелкими камнями улицами (раскоп XXVIII – площадь его ок. 270 кв. м). Одна из улиц была проложена между домами с севера на юг, вторая с востока на запад, они пересекались друг друга почти под прямым углом. Ширина улиц – 2,5–3 м. Полностью раскрыто несколько домов, площадью около 30 кв. м (ил. 12).

Дома сложены из известняка и сохранились в высоту до 3–4 рядов кладки. Помещения имеют подквадратную форму со скругленными углами. Полы у них глинобитные, плотно утрамбованные – обычные для построек этого этапа. Как всегда, в помещениях этого времени открыты печи и очаги. В слое над полом и на полу много поздней керамики, особенно много обломков лепных горшков.

Открытый квартал принадлежал одному строительному горизонту и, видимо, соответствовал сооружениям 2-го этапа строительства на четырехугольнике.

Ниже слоев с поздними постройками удалось опуститься лишь на небольших участках, в связи с высоким уровнем грунтовых вод, но все-таки можно говорить, что ниже находились какие-то строительные остатки первых веков нашей эры.

Ил. 12. Квартал позднесантичного времени на территории Нижнего города Танаис (раскоп XXVIII) [фото С.М. Ильашенко]

Второй участок поздних построек был открыт в 2005 г. на территории самого музея. Это два крупных дома с частично скругленными углами, в одном из них сохранились остатки очагов и хорошо прослеживались глинобитные полы. Ниже домов на этом участке находились могилы.

Благодаря раскопкам последних лет, наши представления изменились не только в отношении топографии позднего города, но и в отношении его укреплений на территории основного четырехугольника. Еще в первые раскопочные сезоны был открыт участок стены, сложенный довольно небрежно в виде вала из камня. Этот вал был принят за оборонительную стену¹⁷. Продолжения вала в последующих раскопках нигде, ни к югу, ни к северу, обнаружено не было, а среди развалов оборонительных стен первых веков н.э. были открыты достаточно хорошо сохранившиеся помещения позднего Танаиса. Многие помещения выходили за пределы укреплений и доходили до самого края рва. Сейчас трудно говорить, что это был за вал и какие функции он выполнял.

Много новых данных о позднем Танаисе получено и по материалам некрополя. До недавнего времени было открыто сравнительно немного могил, с уверенностью относимых к последним векам жизни в городе. Это положение изменилось – поздние захоронения теперь отмечены на самых разных участках

некрополя. Погребальный инвентарь многих могил достаточно богатый и разнообразный – это фибулы, серьги, пряжки, лунницы, наливные золотые бляшки, подвески и зеркала. Вещи находят аналогии на широкой территории от Дона до Пиренейского полуострова. В находках и обряде прослеживаются черты, связанные с алацкими, восточногерманскими, возможно, сарматскими традициями, находившимися под воздействием и нивелировкой позднебоспорской культуры¹⁸.

Сноски

¹ Т.Н. Книпович, *Танаис. Историко-археологическое исследование*, Москва-Ленинград 1949.

² Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.*, Москва 1970; он же, *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*, Москва 1972; он же, *Некрополь Танаиса*, Москва 1961; он же, *Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н.э.*, Москва 1975.

³ Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко, *Новые данные о фортификации Танаиса*, ДБ, 7, Москва 2004, 29–73. Работы проводились при финансовой поддержке РФНФ.

⁴ Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*, 27–28.

⁵ Т.М. Арсеньева, Б. Беттгер, Ю.Г. Виноградов, *Новые исследования в Танаисе*, ВДИ, № 3, 1996, 54–72.

⁶ Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко, *Усадьбы Танаиса*, Москва 1992.

⁷ T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w sezonie 2002*, „Światowit”, tom IV (XIV), Warszawa 2002, 13–17, pl. 1.

⁸ А.И. Болтунова, Д.В. Деопик, И.С. Каменецкий, *Раскопки западного района Танаиса*, АДПП, Москва 1969.

⁹ Т.М. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, *Раскопки Нижне-Донской экспедиции в западной части х. Педвиговка*, ПИФК, вып. VIII, Москва-Магнитогорск 1999, 154–160. Она же, *Исследования на территории хутора Недвиговка в 2000 г.*, ПИФК, вып. X, Москва-Магнитогорск 2001, 103–110. Работы проводились при финансовой поддержке РФНФ.

¹⁰ T. Arsen'eva, J. Fornasier, *Archaeologische Forschungen am Rande der griechischen Oikumene. 10 Jahre deutsch-russische Ausgrabungen in Tanais*, „Eurasia Antiqua” Band 9, Berlin 2003, 237–279, Abb. 7–12.

¹¹ Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры...*, 69.

¹² Т.М. Арсеньева, В.Г. Житников, Л.М. Казакова, С.А. Науменко, Т.А. Прохорова, *Итоги исследования юго-западного холма городища Танаис*, „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг.”, вып. 17, Азов 2001.

¹³ П.М. Леонтьев, *Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях*, [в:] *Протилей*, IV, 1854, 438; *Извлечение из всеподданнейшего отчета об археологических разысканиях в 1853 г.*, СПб., 1855, 103–104.

¹⁴ Т.М. Арсеньева, С.А. Науменко, *Раскопки Танаиса в центре восточной части городища*, ДБ, 4, Москва 2001, 62–63, рис. 26–29.

¹⁵ Т.Н. Книпович, указ. соч., 83 и сл., рис. 37.

¹⁶ С.И. Безуглов, *Денежное обращение Танаиса (III в. до н.э. – V в. н.э.)*. Авторский диссертационный доклад на соискание ученой степени кандидата исторических наук, ПИФК XIV, 2004, 192–194, рис. на с. 193.

¹⁷ Т.М. Арсеньева, И. Форназир, *Каменная форма для отливки зеркал*, ПИФК XIV, 2004, 192–194, рис. на с. 193.

¹⁸ Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, *Некрополь Танаиса*, Москва 2001, 82.

Список сокращений

АДПП – Античные древности Подонья – Приазовья, Москва

ВДИ – Вестник древней истории

ДБ – Древности Боспора, Москва

ПИФК – Проблемы истории, философии, культуры

Chosen results of research in Tanais

Summary

Archaeological fieldwork in Tanais was started in the half of the 19th century. But it was not before 1955 that the research was carried out systematically, up to present day. Initially, fieldwork was used to establish the boundaries of the town in its various phases, among other by means of researching the fortifications. Next, the inner constructions were recognized, the street grid and the living quarters. In recent years, fieldwork shed a new light on the spatial organization of the town, its historical phases and last years of functioning, which were linked with Goth settlements. Fieldwork on the premises of the Tanais necropolis also brought new results.

Бэата Балюкевич

ДЕТСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ В ТАНАИС (РАСКОП XXV)

Вступление

Когда я принимала участие в археологических исследованиях в Танаис, у меня появилась возможность присутствовать при открытии особенных захоронений. Это захоронения младенцев, часть которых была похоронена в амфорах.

Детские захоронения в амфорах были широко распространены на греческих некрополях. С таким способом захоронений мы встречаемся также на причерноморских территориях. Но здесь амфоры в качестве гроба уже не так популярны. Хотя захоронения в сосудах были известны тоже среди кочевников Поднепровья [Кастанаян 1969].

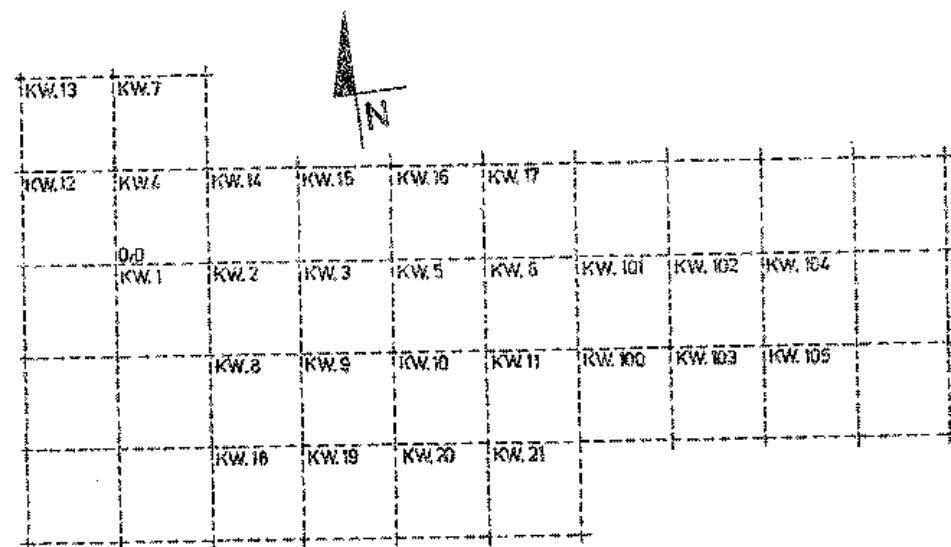
Методы

В начале кости были определены анатомически [Bochenek, Reicher 1990; Malinowski, Strzałko 1985; Pióntek 1999] и измерены [Malinowski, Bożilow 1997]. Длина плечевых, лучевых, бедренных и большеберцовых костей позволила, оставаясь на проведенных уже исследованиях [Florkowski, Kozłowski 1994, Pióntek 1999, Stloukal, Hanakova 1978], определить возраст.

Возраст детей был определен при помощи не только основных двух возрастных категорий: *infans I* и *infans II*, а также при помощи определения *ново-рожденный* (т.е. очень ранний *infans I*).

Антропологический материал

В Танаис на раскопе XXV (ил. 1) в течении пяти сезонов было найдено одиннадцать детских захоронений:

Ил. 1. Разрисовка квадратов на раскопе XXV

1. Захоронение № 2 (G-2) – в амфоре, квадрат 6 (ил. 2)

Найдено: 7 тел позвонка, 15 дуг позвонка, фрагменты (далее: фр.) черепа, два фр. нижней челюсти, пяточная кость (далее: к.), таранная к., 11 ребер, 2 лопатки, 2 плечевые к., 2 локтевые к., 2 лучевые к., 10 к. пальцев, 6 фр. таза, 2 бедренные к., 2 большеберцовые к., 2 малоберцовые к., 2 ключицы.

Измерены: плечевые к. (61 и 64 мм), локтевые к. (59 и 57 мм), лучевые к. (50 и 51 мм), бедренные к. (71 и 72 мм), большеберцовые к. (66 и 64 мм), малоберцовая к. (66 мм) и ключицы (41 и 42 мм).

Возраст: новорожденный.

Длина тела: 45 см.

Захоронение определено на запад.

2. Захоронение № 3 (G-3) – в амфоре, квадрат 6 (ил. 3)

Найдено: 14 фр. черепа, 3 ребра, большеберцовая к., малоберцовая к., бедренная к., 6 к. пальцев, 2 дуги позвонка, пяточная к.

Возраст: новорожденный.

Длина тела: ок. 45 см.

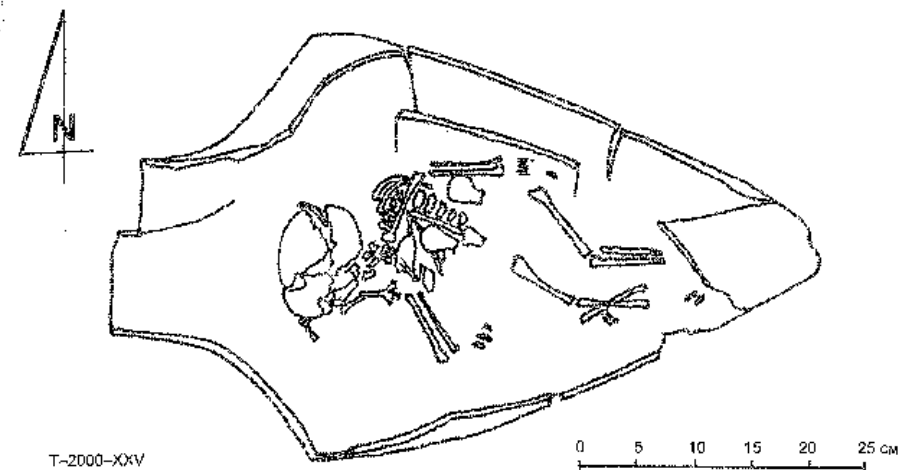
Захоронение определено на север.

Кроме скелета в амфоре найдено: 4 фр. керамики, рыбы позвонки.

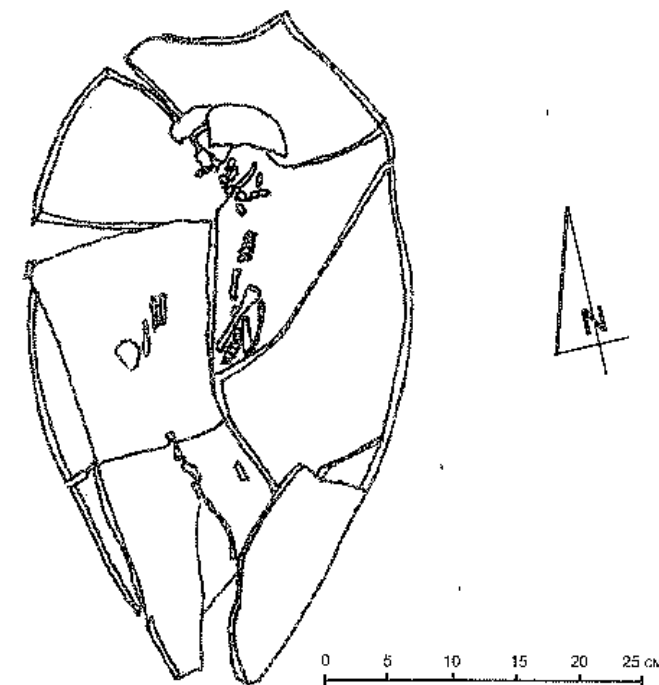
3. Захоронение № 4 (G-4) – в амфоре, квадрат 6 (ил. 4)

Найдено: 20 ф. черепа, бедренная к., 2 лучевые к., малоберцовая к., 2 пяточные, 3 к. пальца, фр. грудины, 7 тел позвонка, 40 дуг позвонка, фр. таза, 2 фр. челюсти, 2 лопатки, ключица.

Возраст: новорожденный.

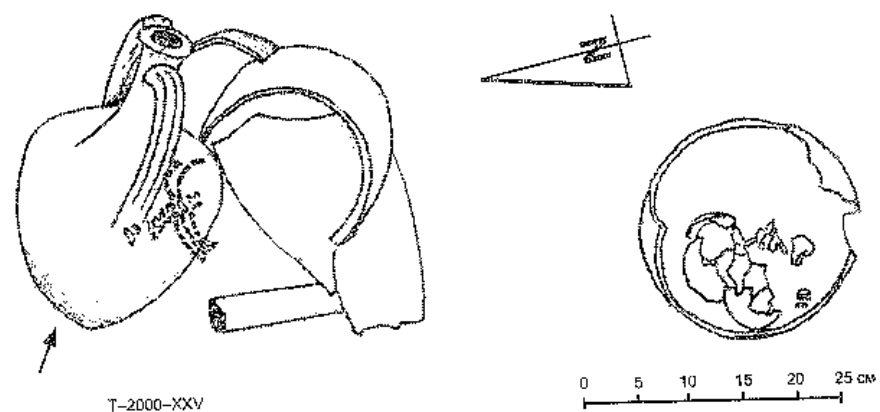

Ил. 2. Захоронение № 2 [рис. К. Шантрох]

Ил. 3. Захоронение № 3 [рис. К. Шантрох, Р. Хованец]

Ил. 4. Захоронение № 4 [рис. К. Шантрох]

Захоронение определено на север.

Кроме скелета найдено: зуб козы – овцы, рыбы позвонки.

4. Захоронение № 5 (G-5) – квадрат 6

Найдено: 8 фр. черепа, 2 лопатки, ключица, 2 плечевые к. (55 и 54 мм), 19 ребер, лучевая к., бедренная к., большеберцовая к., малоберцовая к., 7 тел позвонка, 12 дуг позвонка.

Возраст: новорожденный.

Длина тела: ок. 43 см.

Захоронение определено на север.

5. Захоронение № 6 (G-6) – квадрат 6

Найдено: 2 фр. ребер, 2 лучевые к. (66 и 66 мм).

Возраст: новорожденный.

Длина тела: 50 см.

6. Захоронение № 7 (G-7) – в амфоре, квадрат 9 (ил. 5)

Найдено: 46 фр. черепа, нижняя челюсть (левая ветвь), 44 дуги позвонка, 20 тел позвонка, 29 фр. ребер, грудина (в 3 частях), 2 лопатки, 2 ключицы (левой фр.), 2 плечевые к. (61 и 62 мм), 2 локтевые к. (фр.), 2 лучевые к., 2 к. запястья, 4 пястные к., 2 повздошные к., 2 седалишные к., 2 бедренные к. (70 мм, левой фр.), 2 большеберцовые к. (68 и 67 мм), 2 малоберцовые к., 2 пяточные к., 3 к. предплюсны, 4 плюсневые к. и 16 фалангов пальцев.

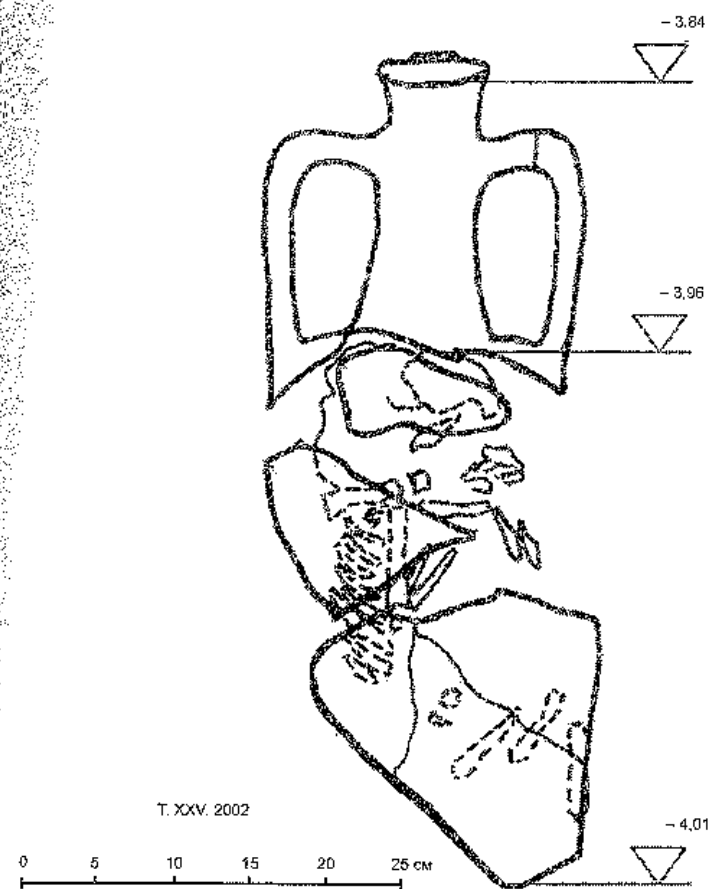
Возраст: новорожденный.

Длина тела: ок. 46 см.

Захоронение определено на север.

7. Захоронение № 8 (G-8) – квадрат 10

Найдено: 23 фр. черепа, нижняя челюсть (левая ветвь), 43 дуги позвонка, 15 тел позвонка, 25 фр. ребер, грудина (в 3 частях), 2 лопатки, 2 ключицы,

Ил. 5. Захоронение № 7 [рис. А. Сюздак]

2 плечевые к. (63 и 62 мм), левая локтевая к., 2 лучевые к., 2 бедренные к. (70 и 72 мм), 2 большеберцовые к. (65 и 67 мм), 2 малоберцовые к. и 12 фалангов пальцев.

Возраст: новорожденный.

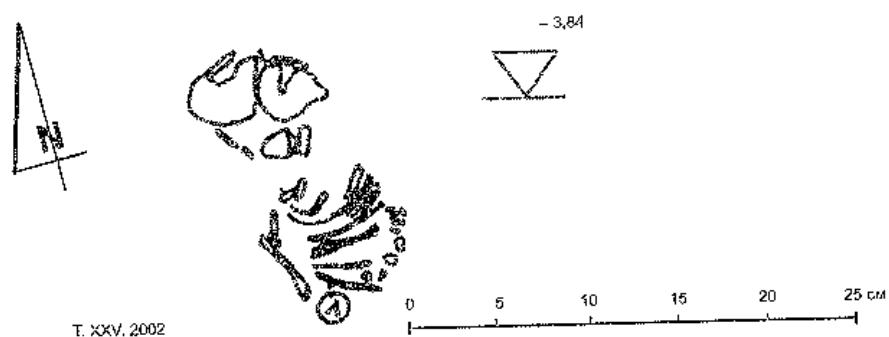
Длина тела: ок. 46 см.

Захоронение определено на север.

8. Захоронение № 9 (G-9) – квадрат 10 (ил. 6)

Найдено: 8 дуг позвонка, 16 фр. ребер, грудина (в 3 частях), правая плечевая к. (60 мм), левая локтевая к., 2 бедренные к. (69 и 70 мм), 2 большеберцовые к. (67 и 65 мм), 2 малоберцовые к. (одной фр.), 2 пяточные к., 2 таранные к., 1 к. предплюсны и 1 плюсневые к.

Возраст: новорожденный.

Т. XXV. 2002

Ил. 6. Захоронение № 9 [рис. В. Рыбички]

Длина тела: ок. 45 см.

Захоронение определено на север.

9. Захоронение № 10 (Г-10) – квадрат 15 (ил. 7)

Тела лежало навзничь, с согнутыми руками, ладони лежали на тазе.

Найдено: 26 фр. черепа, нижняя челюсть, 25 дуги позвонка, 19 тел позвонка, 2 сросших поясничных позвонка, 27 фр. ребер, 2 лопатки (фр.), правая ключица (75 мм), 2 плечевые к. (191 и 121 мм), фр. лучевой к., 2 подвздошные к., седалищная к., 2 бедренные к. (166 и 166 мм), 2 большеберцовые к. (правая – 136 мм, левая – поврежденная), 2 малоберцовые к. (поврежденные), 2 пяточные к., 2 фаланги пальцев.

Зубы: прорезаны все молочные зубы.

Возраст: *infans I/infans II*.

Длина тела: 83 см (*in situ*), а также 78 см (по размерам длинных костей).

Захоронение определено на север.

Инвентарь: 5 скоплений рыбных остатков было найдено выше погребения; вокруг скелета находилось еще 14 фр. керамики, 2 фр. лепной керамики, а также рыбные позвонки; под тазом лежала свинцовая пластинка.

10. Захоронение № 11 (Г-11) – в амфоре, квадрат 17 (ил. 8)

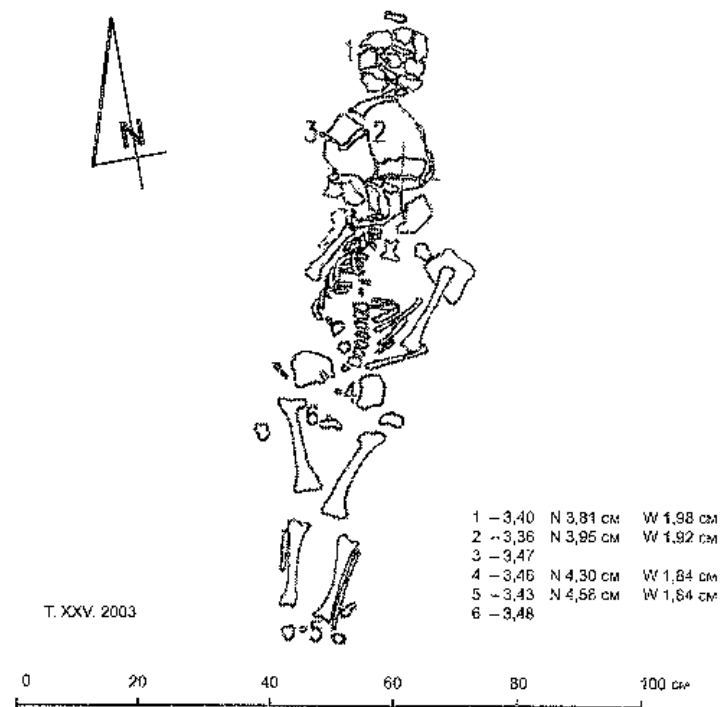
Найдено: 26 фр. черепа, фр. нижней челюсти, 48 дуги позвонка, 29 тел позвонка, 28 фр. ребер, правая лопатка, 2 ключицы (фр.), правая плечевая к. (62 мм), правая локтевая к. (60 мм), лучевая к. (51 мм), 18 фалангов пальцев руки, 2 подвздошные к., 2 бедренные к., правая большеберцовая к. (64 мм), 2 малоберцовые к. (фр.) и 14 фалангов пальцев.

Возраст: новорожденный.

Длина тела: ок. 46 см.

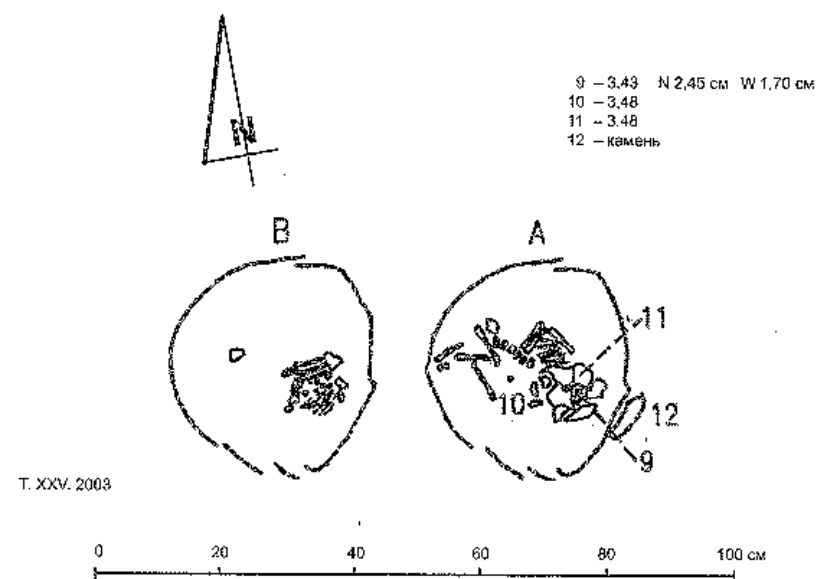
Захоронение определено на восток.

Инвентарь: поблизости скелета были найдены 3 фр. ракушки и 4 фр. рыбы.

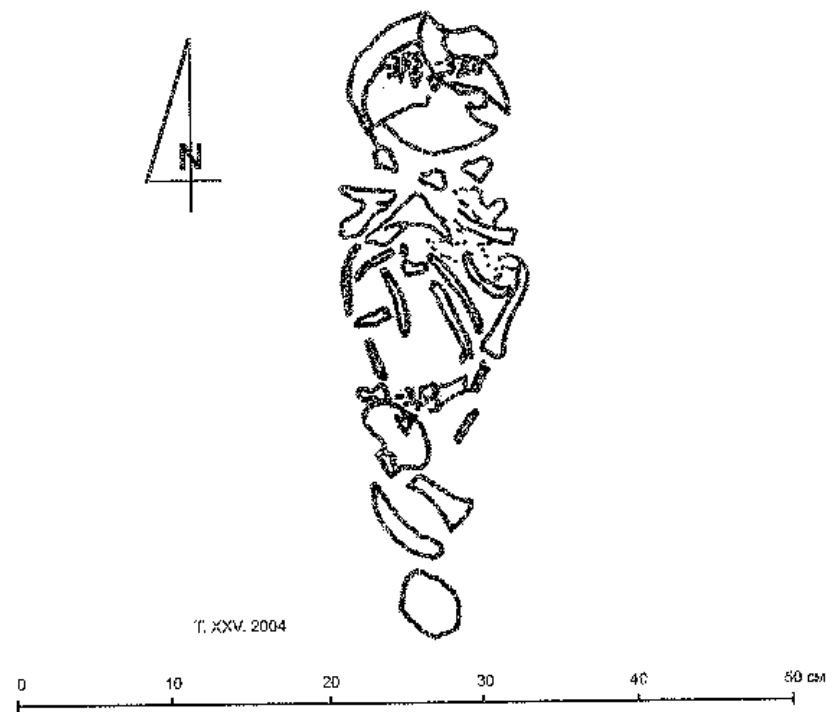
Т. XXV. 2003

Ил. 7. Захоронение № 10 [рис. Д. Осовицка, М. Вольски]

Т. XXV. 2003

Ил. 8. Захоронение № 11 [рис. А. Стозак, М. Вольски]

Илл. 9. Захоронение № 12 [рис. М. Белявски, М. Кобылински]

11. Захоронение № 12 (G-12) – квадрат 17 (илл. 9)

Найдено: фр. черепа (*cranium*), 48 дугов позвонка, 24 тела позвонка, фр. ребер, грудина (в 3 частях), 2 лопатки, 2 ключицы (дл. – 44 мм), 2 плечевые к. (дл. 69 мм), 2 локтевые к. (фр.), 2 лучевые к., к. запястья, 6 пястные к., 2 плюсневые к., 2 седлистые к., 2 бедренные к. (фр.), 2 большеберцовые к. (фр.), 2 малоберцовые к., 2 пяточные к., к. предплюсны, 5 плюсневых к. и 11 фалангов пальцев.

Возраст: новорожденный.

Длина тела: ок. 49 см.

Захоронение определено на север.

Кроме захоронений в раскопе были найдены единичные детские кости:

- в квадрате 6–2: левые плечевые к., большеберцовая к. и 2 ребра – *infans I*;
- в квадратах 9–10: таз, бедренная к. и малоберцовая к. – *infans I*;
- в квадратах 14–15: большеберцовая к. – *infans I*;
- в квадрате 17: правая большеберцовая к., малоберцовая к., плюсневая к. и 10 фалангов пальцев, 7 фр. черепа и 2 бедренные к. – *infans I*;

- в квадратах 15–16: правая плечевая к., правая локтевая к., правая лучевая к., 4 пястные к., обе большеберцовые к., правая малоберцовая к. – *infans II*;
- вал: 2: плечевые к.;
- в квадратах 18–21: лобовая к., 2 большеберцовые к. и малоберцовая к.

Результаты

Кости найдены в квадрате 6 возможно принадлежат разрушенным погребениям минимум 2 детей (2 левые плечевые кости) или же это часть захоронения № 6. Если даже кости из квадрата 6 вызывают сомнения, являются ли они останками иного захоронения, то уже другие находки (в квадратах 9–10, 14–15, 17, 15–16, 18–21) – несколько десятков костей – свидетельствуют о том, что здесь кроме уже исследованных 11 захоронений были еще другие детские захоронения, по крайней мере было их 6.

15 погребений из 17 – это захоронения младенцев, кроме конечно захоронения № 10 и останков найденных в квадратах 15–16, которые принадлежали детям постарше (*infans I/infans II*).

Пять захоронений было в амфорах, при этом в трех из них кроме костяков находились останки рыб.

Почти все, т.е. 8 погребений были расположены головой на север, кроме захоронения № 2 (на запад), № 11 (на восток) и № 6 (неизвестно).

Заключение

Этот материал очень интересен, особенно для антрополога, потому что детские останки очень плохо сохраняются, а здесь выпала возможность исследовать детскую некрополь. Исследование всего некрополя могло бы дать ответы на много вопросов связанных с похоронным обрядом Танаис.

Литература

- Bochenek, Reicher 1990 – A. Bochenek, M. Reicher, *Anatomia człowieka*, t. 1, Warszawa.
- Florowski, Kozłowski 1994 – A. Florowski, T. Kozłowski, *Ocena wieku szkieletowego dzieci na podstawie wielkości kości*, „Przegląd Antropologiczny” 57, 71–86.
- Кастанаян 1969 – Е.Г. Кастанаян, *Грунтовые некрополи восточных городов*, Материалы и исследования по археологии СССР, Москва.
- Malinowski, Bożilow 1997 – A. Malinowski, W. Bożilow, *Podstawy antropometrii. Metody, techniki, normy*, Warszawa–Łódź.
- Malinowski, Strzałko 1985 – A. Malinowski, J. Strzałko, *Antropologia*, Warszawa–Poznań.
- Piontek 1999 – J. Piontek, *Biologia populacji pradziejowej. Zarys metodyczny*, Poznań.
- Stloukal, Hanakova 1978 – M. Stloukal, T. Hanakova, *Die lunge der Langsknochen altslawischer Bevölkerung Unter besonder Berücksichtigung von Wachstumsfragen*, „Homo” 29, 53–69.

Child burials from Tanais (trench XXV)

Summary

During fieldwork in Tanais the remains of a necropolis with child burials were found (dated within the end of the 2nd-1st half of the 3rd century AD). These burial could be in amphorae as well as pits. The majority of the remains stemmed infants. It should be noted, that the state of preservation of the child bones was surprisingly good.

Буркхард Бёттгер

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ НАХОДОК АМФОР ИЗ ТАНАИСА
ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ И ИСТОРИЯ ТОРГОВЛИ

При рассмотрении археологических данных в связи с вопросами торговых связей и экономического статуса Танаиса в эллинистическое время необходимо представить теоретическую основу, на которой амфоры берутся в качестве доказательства таких связей и торговой активности (ил. 1, 2). Прежде всего, амфора была изделием местных гончарных мастерских и в отличие от столовой и кухонной посуды или глиняных светильников, она не являлась самостоятельным предметом торговли, а была тарой для транспортировки и хранения продуктов, которые собственно и являлись товаром. Свойства этого товара – например жидкость или сыпучий товаром – обуславливали узкую или более широкую форму горла и венчика амфоры. Вес содержимого обуславливал прочность и толщину стенок сосудов. В свою очередь рыночная стоимость товара обуславливала размеры и объем амфоры.

О том, что характерная форма амфоры служила признаком происхождения товара и, вероятно, гарантией его качества, свидетельствуют два обстоятельства. Во-первых – сохранение в течении длительного времени стандартных форм амфор. Во-вторых – появление имитаций таких амфор, содержимое которых в оригинале пользовалось особым спросом на рынке.

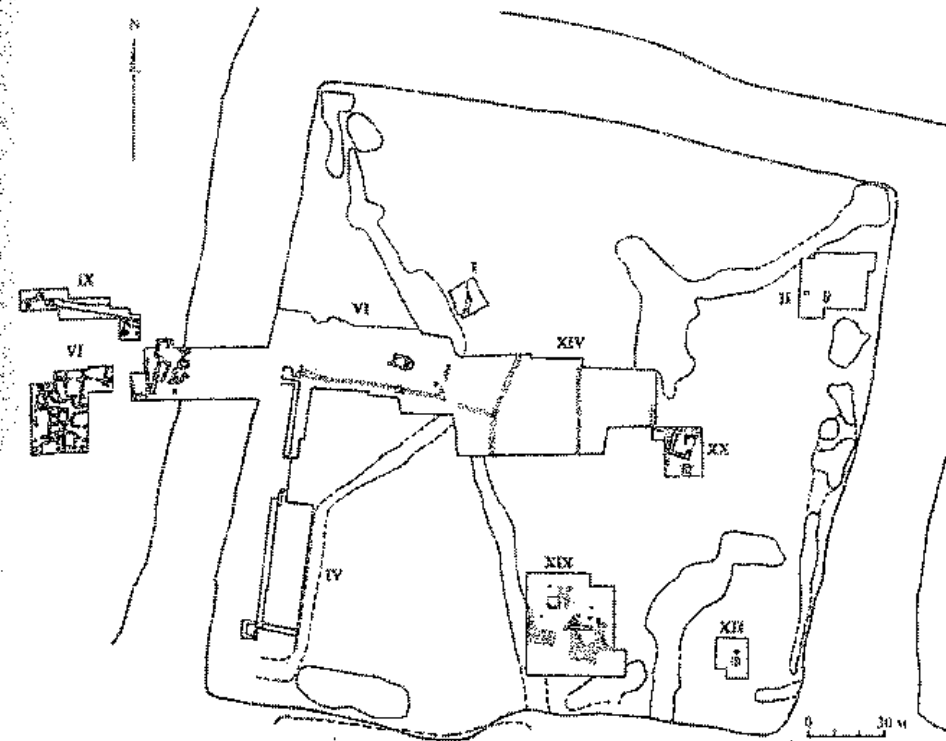
Для периода эллинизма можно определить место изготовления амфор по клеймам, а для неклеяемых частей – путем сравнения с другим керамическим материалом. Труднее надежно установить происхождение сосуда, если клейма отсутствуют, а также, если нет находок в печах или на свалках, которые могут быть свидетельством местного производства. Мы знаем также, что большое количество амфор, найденных на одном месте, не говорит о том, что сосуды были изготовлены там, где они найдены.

Учитывая вышеизложенные предположения, а также тот факт, что результаты даже предельно систематических раскопок зависят от случая, мы попытаемся определить для эллинистического времени танаисской истории основные центры поставок и проследить динамику их контактов с Танаисом. Принципи-

альным исходным пунктом будет следующее: как видно из таблицы 1 и диаграммы (ил. 3), город во все периоды своего существования снабжался товарами для меновой торговли.

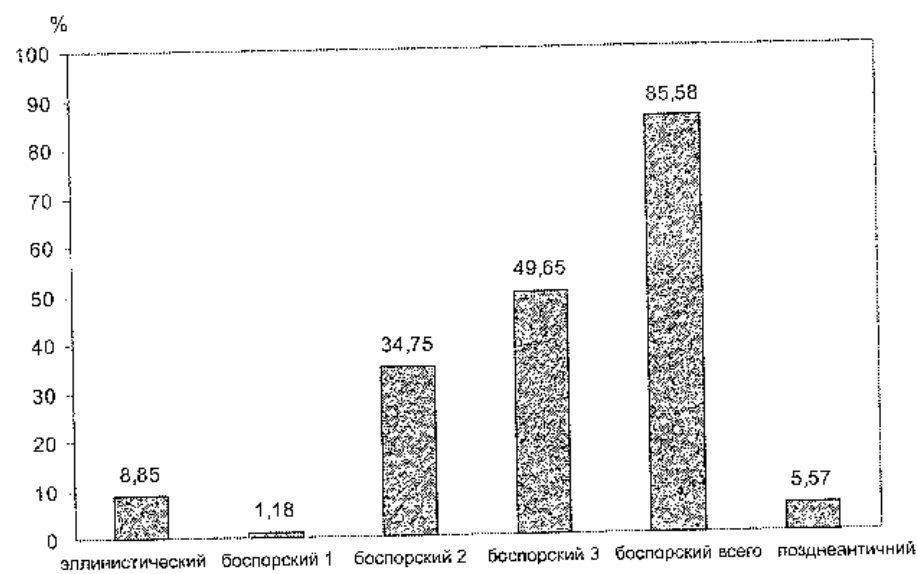
Ил. 1. Карта Понта Эвксинского и восточного Средиземноморья [Л. Ильюковб, К. Паппиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье в I тысячелетии до нашей эры.* Ростов-на-Дону, „Рим“, 2000, 10]

Ил. 2. Общий план Танаиса эллинистического времени [Б. Бёггер, С.А. Науменко, *Танаис и его амфоры* (в печати), рис. 2]

Табл. 1. Распределение минимального количества сосудов (МКС) по периодам и фазам

Период	Цельный	Верхняя часть	Велчик	Ручки	Ножка	Всего	МКС	Процент
Эллинистический	23	34	2 588	7 048	1 025	10 718	1 334	8,85
Боспорский 1	4	16	204	672	214	1 110	174	1,18
Боспорский 2	111	546	6 989	13 457	4 866	25 969	5 234	34,75
Боспорский 3	1 203	2 647	8 592	30 516	5 984	48 942	7 482	49,65
Позднеантичный	13	194	1 567	3 571	241	5 586	840	5,57
Всего	1 354	3 437	19 940	55 264	12 330	92 315	15 064	100,00

Ил. 3. Распределение минимального количества судов (МКС) по периодам и фазам

Однако он никогда не имел прямых контактов с центрами, о которых свидетельствуют найденные здесь амфоры. Все поставки в Танаис, который лежал в стороне от привычных торговых дорог на краю степи и связанный с греческим миром лишь морским путем через Меотиду, могли происходить только при посредничестве Боспора – через его гавани. Это предполагает, что боспорская администрация, которая контролировала движение товаров через Боспор Киммерийский, несомненно, имела свой финансовый интерес в товарообмене с районом дельты Дона и, соответственно, в позитивных торгово-политических отношениях с Танаисом.

Трудно себе представить, чтобы Танаис имел свой торговый флот, плававший по таким разным акваториям, как Меотида, Понт и Эгейское море. Также нереально считать, что родосские или гераклейские корабли могли добираться по долгому и опасному пути до самого Танаиса. Уже большие различия глубин Понта и Меотиды требовали использование разных типов судов неодинаковой осадки. Таким образом можно предполагать, что корабли, приходящие из Эгейского моря или из Понта, разгружали свои грузы в крупных портах Боспора – в Пантикапее или в Фанагории, и что эти товары в соответствии с потребностями рынка в дельте Дона перегружались на более мелкие суда с небольшой осадкой, для того чтобы преодолеть Меотиду. Поэтому в Танаис доходили только грузы, необходимые самим жителям города, и – прежде всего – те, которые можно было с максимальной выгодой обменять на товары кочевников. Судя по форме амфор, главным предметом торговли было греческое вино, а затем оливковое масло, специально предназначавшееся для горожан. Очевидно, отбор

товаров осуществлялся уже в боспорских портах на основе рыночной информации купцов из Танаиса и с их согласия или даже по их заказу.

Заметку Страбона (XI 2, 2) о том, что река Танаис, от ее устья и до верховьев недоступна из-за холодов и бедности живущих там племен, по всей вероятности, следует понимать как информацию направленную на защиту товарообмена и закрытия зоны степной торговли от нежелательных конкурентов. Такая заведомо ложная информация противоречит также списку товаров Страбона (XI 2, 3), которые он перечисляет, как товары привозимые из степи. Это даёт нам возможность предположить, что неправильная информация распространялась для конкурентов и самими боспорскими купцами. Танаисским купцам такая дезинформация была тоже выгодна, поскольку позволяла им проводить повышение цен для своих клиентов в степи, которые могли только через Танаис получать минимальные сведения о ценах на греческом рынке. Так как Танаис посещали главным образом кочевники, то можно предположить, что оба партнера – Боспор и Танаис – делили доход от подобных операций, пользуясь неосведомленностью степных жителей.

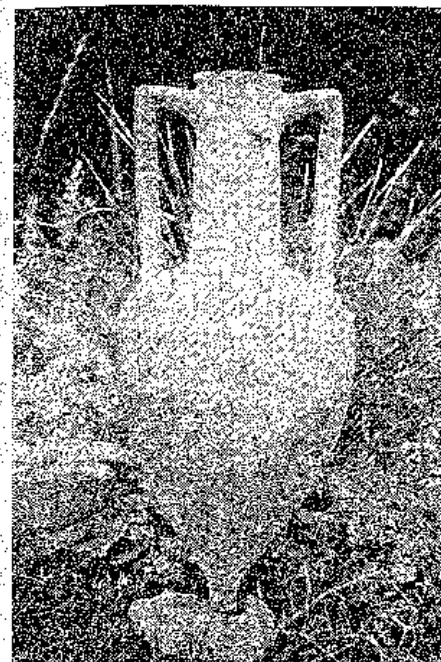
Эллинистический период, судя по стратиграфическим данным, можно разделить на несколько фаз. Первая – это фаза эмиграции. Она длится приблизительно с конца первой четверти до начала последней четверти III до н.э. Эта фаза плохо представлена находками, чтобы делать какие-то конкретные выводы о торговых контактах поселения с окружающим миром. Поэтому я ограничусь приведением широкого спектра данных только для последующих периодов. Примерно с третьей четверти III в. до н.э. начинается вторая фаза – фаза полиса, которая характеризуется созданием городской структуры с оборонительной и уличной системами и агорой. В этот период постепенно увеличивается ввоз родосских амфор, который, судя по находкам клейм, непрерывно возрастает до 175 г. до н.э., а затем постепенно снижается до конца третьей четверти II в. до н.э. (табл. 2).

Табл. 2. Статистика типов амфор эллинистического периода – центра

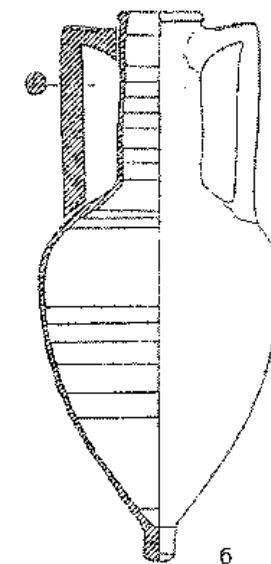
Тип №	Обозначение	Тип №	Обозначение	Тип №	Обозначение
11	Родос	112	Зесет 34	123	Танаис I 12
12	Танаис I 1	113	Танаис I 2	124	Танаис I 13
13	Гераклея	114	Танаис I 3	125	Танаис I 14
14	Фасос	115	Танаис I 4	126	Танаис I 15
15	Херсонес	116	Танаис I 5	127	Кос
16	Синопа	117	Танаис I 6	128	Псевдо-Кос
17	Киос	118	Танаис I 7	129	Танаис I 16
18	Хиос	119	Танаис I 8	130	Танаис I 17
19	Зесет 54	120	Танаис I 9	131	Танаис I 18
110	Зесет 33	121	Танаис I 10	132	Танаис I 19
111	Зесет 59-60	122	Танаис I 11		

Табл. 3. Статистика типов амфор эллинистического периода – фрагменты

Тип №	Целые	Верхняя часть	Венчик	Ручка	Ножка	Всего	МКС	Процент
I 1	8	3	618	1 586	166	2 381	430	32,24
I 2			7		10	17	10	0,75
I 3		2	2		7	11	7	0,52
I 4				4	2	6	4	0,29
I 5			2	19	8	29	10	0,75
I 6	6	1	58	216	49	330	87	6,52
I 7			7	51	33	91	33	2,47
I 8					5	5	5	0,37
I 9					11	11	11	0,82
I 10			1		10	11	10	0,75
I 11				2	3	5	5	0,37
I 12					3	3	3	0,22
I 13			11			11	11	0,82
I 14		1				1	1	0,08
I 15		1	2			3	3	0,22
I 16			2			2	2	0,15
I 17			2			2	2	0,15
I 18			3			3	3	0,22
I 19			1			1	1	0,08
I 20		1				1	1	0,08
I 21	1					1	1	0,08
I 22	1					1	1	0,08
I 23	1					1	1	0,08
I 24	1					1	1	0,08
I 25		1	6			7	7	0,52
I 26		1	2			3	3	0,22
I 27		2	75	849	22	948	23	1,72
I 28	4	18	1 789	4 321	696	6 828	654	49,03
I 29	1					1	1	0,08
I 30		1				1	1	0,08
I 31		1				1	1	0,08
I 32		1				1	1	0,08
Всего	23	34	2 588	7 048	1 025	10 718	1 334	100,00

а

б

Илл. 4 а и б. Примеры родосских амфор [а – фото автора; б – Б. Бётгер, С.А. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 3, 5]

Для этой второй фазы эллинистического периода Танаиса, можно выделить три группы центров импорта. К первой принадлежат Родос, Синоп и Книд, типы № I 1, 6, 7. При этом на долю Родоса приходится ок. 66% всех поступающих в Танаис амфор. Вторая группа включает Херсонес, Гераклею Понтийскую, типы № I 3, 5, 9 и 10, названные по именам исследователей или месту находки, а также пока неопределенные центры, с типами амфор № I 2, 13, 25. В третью группу объединены Фасос, Хиос, типы № I 4, 8 и ещё неопределённые центры, с типами амфор № I 12 (Зеест 34), 14–24 и 26.

Именно Родос, более всего удаленный от Танаиса, занимал в это время явно ведущее место в его поставках. Такая же масса родосских амфор как в Танаисе была найдена на Боспоре только в городе Фанагории. Это позволяет предположить, что импорт в Танаис осуществлялся именно через этот порт (илл. 4). Исходя из формы стандартной родосской амфоры, в качестве товара можно рассматривать только вино.

Чтобы получить представление о количестве поставляемого товара в Танаис, были вычислены ёмкости всех целых амфор по формуле Герона для определения объема неправильных тел вращения.

$$(d_1 + d_2 : 2)^2 \times (11 h : 14),$$

d_1 – максимальный диаметр сосуда,
 d_2 – минимальный диаметр сосуда,
 $11 h$ – одиннадцать раз высота измеряемого сосуда.

(*Scriptores metrologici reliquae*, ed. F. Hulstsch 1864/1866: Nachdruck Stuttgart 1971, Bd. I, *Fragmenta de mensuris cubicis*, frg. 19 und 21, S. 202, 203)

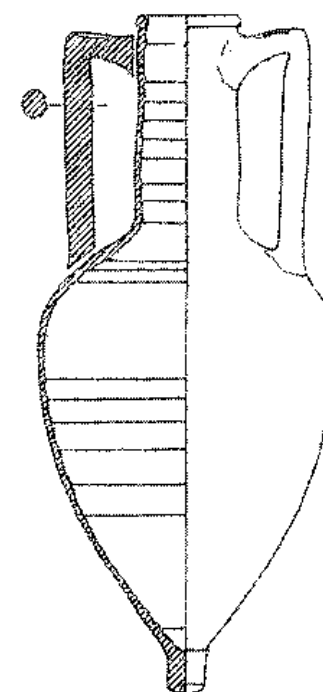
Для сравнения, специально отобранные целые амфоры были заполнены просом до уровня верхней части ручек, в виду того, что выше, должна была находиться пробка. Были получены различные результаты. Это связано с тем, что формула Герона не учитывает следующие моменты: при измерении высоты сосуда то, что ножка не была полой; при измерении диаметра сосуда – толщину стенок; при измерении горла и венчика сосуда – пространство, занятое пробкой. Поэтому формула дает завышенный результат. В большинстве случаев сохранность сосудов не позволяла использовать для их обмеров жидкость. Это надо учитывать, так как при заполнении сосудов вместо жидкости – мелкозернистым, сыпучим материалом остаются пустоты между зернами, а это дает заниженный результат, по сравнению с измерениями жидкостью. Поэтому необходимо было учитывать арифметическое среднее от суммы обоих результатов, что ближе к реальной величине отдельных амфор со слегка колеблющимися показателями объемов (табл. 4).

Табл. 4. Результаты определения объемов содержимого родосских амфор

Тип № I 1, Родос	Расчет	Наполнение	Средняя величина
стандартная амфора			
кат. № 1	43,90 л	23,00 л	28,95 л
кат. № 5	35,80 л	24,70 л	30,25 л
кат. № 6	34,60 л	25,00 л	29,80 л
фракционная амфора			
кат. № 11	17,30 л	11,50 л	14,40 л
без кат. №, западный некрополь, курган I, погребение 23, № 269	18,10 л	13,20 л	15,65 л

Из средних подсчитанных величин измеряемых родосских стандартных амфор получаем среднее число – равное ок. 30 л – в качестве величины объема стандартной амфоры. Около половины этого объема (= ок. 15 л) составляет средний объем фракционной амфоры. Возможно, что такие фракционные амфоры использовались как для дегустации вина, так и при продаже во время переговоров или заключении сделки. Поэтому у каждой партии товаров, очевидно, была одна такая фракционная амфора. Именно этот факт мог объяснить их малое число по сравнению с находками стандартных сосудов.

Средний объем стандартной родосской амфоры (30 л), умноженный на минимальное число учтенных нами сосудов из Танаиса – 430 штук, даёт прибли-

Ил. 5. Синопская амфора [В. Бёттгер, © А. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 7, 49]

зительное количество ввезенного родосского вина в Танаис, равное 129 гектограмм (гп). Эта цифра, впрочем, основывается только на той массе находок керамического материала, который был получен в эллинистических слоях при исследовании лишь части городища и его пригорода (ок. 2000 кв. м), т.е. ок. 2,35% всей площади Танаиса. Чтобы получить общее представление об объеме поставок родосского вина в Танаис, имеет смысл гипотетическая экстраполяция этих величин на общий ареал городища – с 2,35% на 100% – даже при учёте того, что на его территории имелось много участков (улицы, площади), где не хранились амфоры. Такой перерасчет даёт общую цифру импорта родосского вина равную ок. 5500 гп, что в среднем на каждый год столетнего периода второй фазы эллинизма, даёт в свою очередь 55 гп. Это приравнивается 183 амфорам с объемом по 30 л в год. Такие приблизительные цифры могут дать только теоретическое представление о количестве поставок родосских амфор в Танаис.

На втором месте среди центров, ввозивших в Танаис товары в амфорах, было южно-понтский город Синопа (ил. 5, табл. 5). На его долю приходится 16,32% от общего числа минимального количества сосудов второй фазы эллинистического периода. Трудно ответить на вопрос, какой товар поставлялся в этих амфорах, было ли это вино или оливковое масло. Объем этих амфор определялся путем вычисления среднего арифметического из обоих расчетов, как было уже представлено выше, по формуле Герона и наполнению сосудов просом.

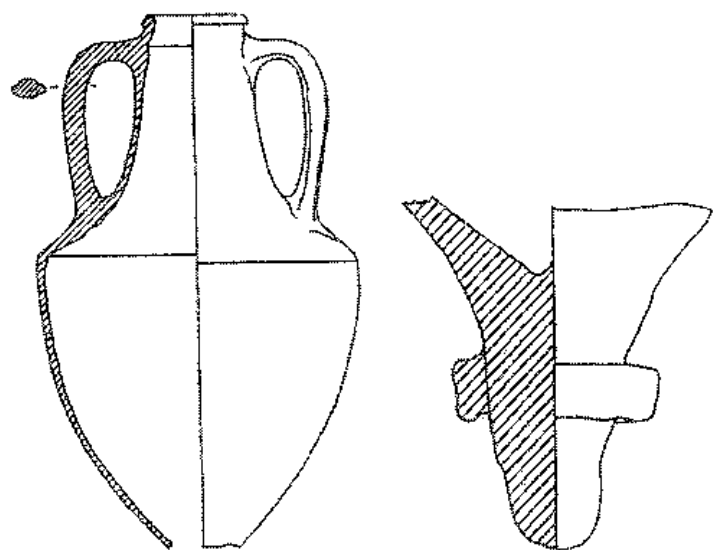
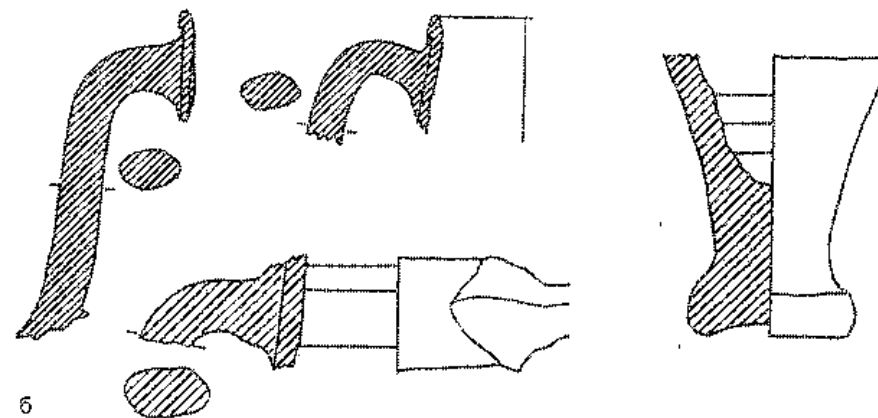
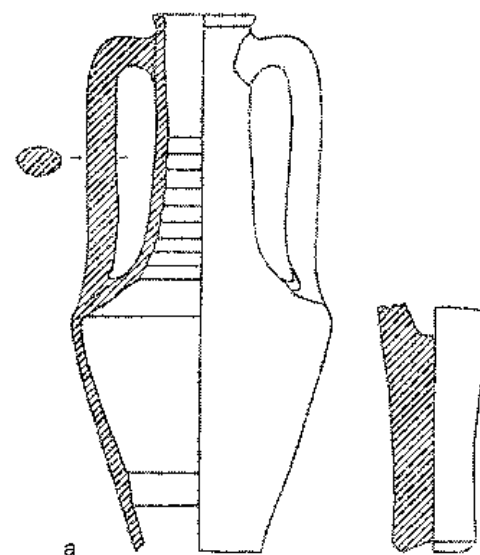

Табл. 5. Результаты определения объема содержимого синопских амфор

Тип № 16, Синоп, стандартная амфора	Расчет	Наполнение	Средняя величина
Кат. № 43	25,40 л	18,00 л	21,70 л
Кат. № 46	19,30 л	17,70 л	18,50 л
Кат. № 49	18,50 л	13,20 л	15,65 л

Средний объем амфоры равен 18,6 л. Для минимального количества учтенных нами амфор – 87 штук – объем составляет 16,18 гл. Теоретическая экстраполяция на всю площадь городища составила бы за период около 100 лет – 688,5 гл, то есть примерно 6,89 гл, что равно приблизительно 37 синопским амфорам в год. Объем синопского ввоза составил лишь восьмую часть ввоза родосского вина. Этот факт может свидетельствовать, что спрос на товар, ввозимый в синопских амфорах, был незначительным, что означает, этим товаром, возможно, было оливковое масло.

Такой винодельческий экспортный центр как Книд представлен относительно слабо (ил. 6). Ёмкость стандартной книдской амфоры приблизительно равняется 30 л. Таким образом, при рассчитанном количестве в 33 амфоры было привезено ок. 9,9 гл, что при теоретическом перерасчете на всю территорию городища дало бы за 100 лет объём приблизительно в 421,3 гл, то есть в среднем это составило бы 14 амфор в год.

Ил. 6. Книдская амфора [Б. Бётгер, С.А. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 8, 51, 55]Ил. 7 а и б. Фрагменты амфор из Гераклеи Понтийской и Херсонеса [Б. Бётгер, С.А. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 6, 31, 32, 34, 38]

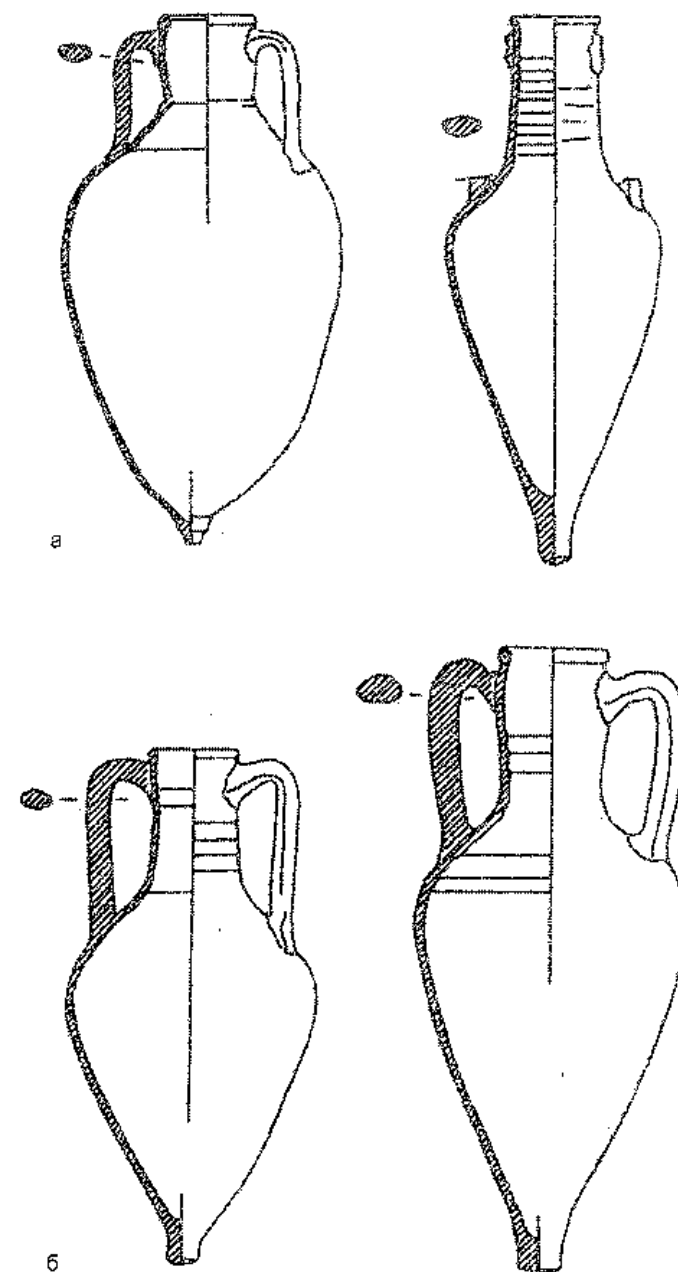
Во второй группе центров, чья продукция ввозилась в Танаис в незначительных объемах, относятся такие известные на Боспоре понтийские винные экспортеры как Гераклея Понтийская и Херсонес (типы № 13 и 5) (ил. 7). Не вполне ясно, почему их вина, относящиеся не к лучшим и поэтому к более дешевым сортам, не переправлялись из Боспора на танаисский рынок в больших количествах. Что касается Херсонеса, то причиной этого могло быть порой напряженное, даже иногда враждебное отношение боспорских правителей к этому городу, как к политическому конкуренту. Возможно, таким же было отношение и к метрополии Херсонеса – Гераклее, хотя это и маловероятно, принимая во внимание интересы купечества. По всей видимости, для финансовой политики боспорского государства в первую очередь имели значение таможенные доходы.

В последней группе представлены типы амфор, которые во второй фазе эллинистического периода составляют менее чем 1% от общей суммы находок амфор и их фрагментов. Можно отметить, что в этой группе есть амфоры и известных центров – Хиоса (тип № 18), Фасоса (тип № 14) и Колхиды (тип № 11, Зест 59–60). Трудно объяснить, почему продукция таких традиционных экспортеров вина, как Хиос и Фасос, хорошо представленная в Северо-Понтийском регионе амфорами с клеймами, попадала в Танаис в таких малых количествах. Мы имеем только фрагменты максимум 5 амфор. Так называемые „колхидские“ амфоры из близко расположенного района Понта, также редки в Танаисе в отличие от значительного их количества во всем Боспорском регионе. Для типов I 21–24 (ил. 8) из пока неопределенных центров можно предоставить результаты расчетов и измерений их объемов. В данном случае речь идет об амфорах средней величины – емкостью от 10 до 17 л. Экстраполяция суммарного объема средних величин этих амфор – 54,8 л на общую площадь городища для периода 100 лет дала бы цифру 0,24 гл, что соответствует примерно двум амфорам в год (табл. 6). Это говорит о случайности появления в Танаисе товаров из этих центров, т.е. об отсутствии регулярных торговых связей с ними.

Табл. 6. Результаты определения объема содержимого типов I 21–24

Тип №	Расчет	Наполнение	Средняя величина
I 21, неопределенный центр, кат. № 99	17,30 л	16,00 л	16,65 л
I 22, неопределенный центр, кат. № 100	12,20 л	6,70 л	9,45 л
I 23, неопределенный центр, кат. № 101	20,50 л	13,00 л	16,75 л
I 24, неопределенный центр, кат. № 102	14,20 л	9,70 л	11,95 л

Таким образом, данные приведенные выше для группы амфор, объемы которых мы можем измерить, вместе дают общую сумму – равную 66,34 гл в год.

Ил. 8 а и б. Амфоры из неопределенных центров [Б. Беттгер, С.Л. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 13, 99–101]

Общий объем амфор неизмеренных нами типов, но вычисленных по их опубликованным примерам, составляет приблизительно 8 гл в год. Теперь, подсчитав вместе все данные объемы, как обмеренных нами амфор, так и вычисленных по литературе, мы получаем цифру равную 74 гл в год для всего городища.

Сюда нужно ещё прибавить объем предположительно рассчитанных только по одному найденному на городище экземпляру — это 11 типов амфор, который составляет ок. 4,0 гл в год. Вместе с вышеуказанным объемом импорта обмеренных амфор, общий объем ввозимых в Танаис товаров мог бы составить в год примерно 78 гл, что соответствовало бы емкости приблизительно 325 амфор (табл. 7).

Табл. 7. Подсчёт общего объёма представленных в Танаисе амфор

Общая сумма объёмов измеренных амфор — типы № 1, 2, 6, 7, 21, 22, 23, 24	66,34 гл в год
Общая сумма объёмов амфор, определенная по литературе — типы № 3, 4, 5, 8, 9, 10, 12	8,0 гл в год
Общая сумма объёмов предположительно рассчитанных 11 типов амфор (каждый тип представлен только одним экземпляром) — типы № 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 25, 26	са 4,0 гл в год
Общая сумма	са 78 гл в год = 325 амфор

Необходимо остановиться ещё на одном аспекте. Танаис был основан в качестве эмпория для товарообмена с обитателями донских степей. В сущности, при таких сделках товары обмениваются между их владельцами в том состоянии, в котором они транспортируются. Казалось бы, амфора с вином обменивалась на соответствующий эквивалент степного хозяйства (например, на несколько овец). Следовательно, амфоры как винные упаковки, должны были бы встречаться в степи в большом количестве. Однако они известны там, только в относительно редких случаях — как погребальный инвентарь. К тому же необходимо не забывать о трудности транспортировки по бездорожной степи действительно тяжелых сосудов, вес брутто которых достигал примерно 40–50 кг.

При учете этих фактов можно предположить, что содержимое амфор переливалось в другие, более эластичные, легкие и пригодные для транспортировки резервуары, например в бурдюки. Однако такое непрерывное изъятие амфор из торгового оборота должно было привести к накоплению большого числа пустых сосудов в Танаисе, количество которых вскоре превзошло бы потребность в них для вторичного использования в качестве сосудов или в качестве строительного материала для вымостки улиц, площадей или дворов.

Чтобы получить представление о реальном количестве поступивших в Танаис амфор, а также остающихся здесь амфор после продажи вина или употребления товара, необходимо учесть то обстоятельство, что какая-то неопределенная часть амфор или их фрагментов складировалась на свалках за преде-

лами города. Это следует из того, что строительный мусор вместе с хозяйственными и керамическими отходами сваливался за городом. Это нашло подтверждение, как при исследовании свалки на северной окраине Танаиса, так и при исследовании другой свалки, расположенной к югу от центральной части городища, у самой реки. Результаты этих еще не законченных работ пока не могут быть включены в наше исследование, но позволяют расширить представления о реальном составе и количестве амфор. Уже сейчас ясно, что для всех периодов истории Танаиса мы располагаем лишь частью имевшихся тогда в городе амфор.

В связи с этим естественно предположить, что возврат части пустых или заполненных подходящим товаром амфор позволял бы освобождаться от массы пустой тары. В этом случае сосуды должны были бы сначала складироваться на Боспоре. Необходимо учитывать, что тару, пустую или наполненную новым содержимым, с Боспора не всегда могли вернуть в её первоначальный исходный пункт. Центры экспорта, например Родос, нередко ставили на свои амфоры клейма с конкретными данными для продукта. В таком случае при новом заполнении амфоры вином клеймо уже не согласовывалось бы с содержимым. Исследования в боспорских портах пока не дали ответа на вопрос, имел ли место вообще возврат пустой тары и какая реальная часть её возвращалась опять с новым товаром в Танаис.

Как было уже сказано, у Танаиса не было прямого контакта ни с одним из центров, чьи амфоры были здесь представлены. Он получал товары через Боспор, так что для эмпория, очевидно, не были важны расстояния до экспортного центра и, следовательно, длительность транспортировки товара, так как все товары всё равно поставлялись через Боспор. Этим объясняется широкий разброс центров поставок, свидетельствующих в первую очередь о торговых связях самого Боспора, а не Танаиса. В списке этих боспорских деловых партнеров, известных исключительно благодаря своему вину, наиболее удаленными были эгейские центры Родос, Книд, Хиос и Фасос; в то время как Гераклея, Синопа и Колхида принадлежали уже к понтийскому региону. Херсонес и столица Боспора — Пантикапей были самыми близкими к Танаису центрами. К этим производителям вина, известным по своему географическому положению, добавляется еще большое число пока неопределенных центров.

Приблизительно к концу II в. до н.э. в боспорских торговых отношениях должны были произойти заметные изменения, выразившиеся в сокращении числа поставщиков. В третьей фазе эллинистического периода, продолжавшейся до разрушения города Полемоном в 8 г. до н.э., вместо 26 прежних поставщиков, осталось всего шесть таких производственных центров. Новичком на танаисском рынке стали косские амфоры (тип № 1 27) и их многочисленные имитации, выпускавшиеся в различных местах, называемые, как известно, псевдо-косскими амфорами (тип № 1 28).

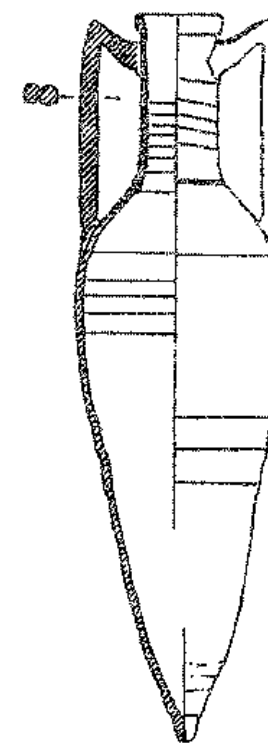
Бросается в глаза прекращение поставок вина через Боспор прежнего главного поставщика Танаиса — Родоса. Причину этого надо искать в судьбе само-

го острова. Во-первых, из-за потери своего военного флота в третьей македонской войне в 171-168 гг. до н.э. возросла угроза со стороны пиратов для торговых судов острова на море. Во-вторых, из-за основания в 167 г. до н.э. Римом порта свободной торговли Делоса, где можно было беспроцентно торговать, и что означало для Родоса, таким образом, смертоносную конкуренцию. В-третьих, из-за убытков, полученных Родосом от митридатских войн, связанных с тем, что Рим блокировал проход в Понтос и отрезал Родос от прежних торговых понтийских партнеров. По всем этим причинам, Родос потерял свою былую мощь и торгово-политическое положение.

Для Синопы и её торговли бурное время митридатских войн также имело негативные последствия. С 183 г. до н.э. Синопа была столицей Понтийского царства и пользовалась своим преимущественным положением. Но во время третьей митридатской войны (74-64 гг. до н.э.) царская резиденция и другие южно-понтийские портовые города, такие как Амис, Гераклея, Амастрис и Тиос были завоеваны и разграблены римскими легионами Лукулла (70 г. до н.э.). Синопа потеряла свое прежнее значение. Этим объясняется нестабильность торговых связей с ней. С одной стороны, в первой половине I в. до н.э. резко сократился импорт в северо-понтийскую область, потому что хозяйственный потенциал города был в основном направлен на снабжение понтийских армий. С другой стороны, Боспор не был в состоянии поставлять соответствующие товары, так как его ресурсы были подорваны ежегодными принудительными поставками — 7500 т зерна — для войск Митридата. Эта тяжелая для обоих партнеров ситуация являлась, очевидно, причиной того, что в составе амфор Танаиса этого времени Синопа представлена очень малым процентом находок.

Что касается поставок с острова Кос, который ранее политически подчинялся Родосу, то уже вышеперечисленные исторические причины резкого сокращения экспорта с самого Родоса, относятся также и к этому центру.

В Танаисе на долю Коса в этот период приходится 3,37% от общего состава сосудов. Интересен тот факт, что одновременно с немногими подлинно косскими амфорами в Танаисе появляется большое число сосудов точно такой же формы, но изготовленных из совершенно другой глины. Очевидно, другие производители поставляли на северо-понтийский рынок свое собственное менее качественное вино в упаковке, имитирующей оригинальные косские амфоры. Тем самым они составили конкуренцию косскому вину. Для этого сложились благоприятные внешние и внутренние исторические и экономические условия, связанные с одной стороны, с римской блокадой Понта, которая отрезала путь для эгейских конкурентов, а с другой стороны, с внутренней политикой Митридата III, который стремился объединить экономически весь понтийский регион и способствовал этим тому, что мелкие поставщики смогли вдруг выйти на рынок Понта со своими некачественными товарами. Поэтому можно было бы предположить, что псевдо-косские амфоры происходят из различных центров Причерноморья, что как раз объяснило бы и разный состав глины этих сосудов.

Илл. 9. Псевдо-косская амфора [Б. Бёттгер, С.А. Науменко, *Танаис и его амфоры...*, рис. 15, 124]

Вино, производившееся, вероятно, в Понтийском регионе, привозилось в Танаис в псевдо-косских амфорах в больших количествах. Их доля от общего числа находок сосудов этой фазы составляет свыше 96%. Исходя из этого, можно предположить, что снабжение танаисского рынка играло большую роль в расчетах понтийского царя. Тем самым для своих военных планов Митридат III надеялся заручиться поддержкой живущих в донских степях племен в обмен на обильные поставки вина. Распределительным пунктом товаров остался Боспор, но руль управления этим процессом находился теперь в руках понтийских правителей, которые направляли продукцию также и из своих хозяйственных регионов.

Для четырех полностью сохранившихся псевдо-косских амфор типа № I 28 был определен объем путем расчета и контрольного наполнения сосудов (илл. 9, табл. 8).

Средний объем стандартной амфоры равен 21,1 л, а объем фракционной амфоры — 12,4 л. Для 654 экземпляров типа № I 28 подсчитывается общий объем примерно 138 гл. Перерасчет на общую площадь городища за период поставок ок. 100 лет составил бы примерно 5870 гл или 58,7 гл в год. Общая емкость поставок оригинальных косских и псевдо-косских амфор могла бы составить вместе около 60 гл в год (примерно 290 амфор). Объем остальных типов

Табл. 8. Результаты определения объема содержимого псевдо-коксских амфор

Тип № I 28, Псевдо-Кокс, стандарт	Расчет	Наполнение	Средняя величина
Кат. № 123	27,10 л	23,50 л	25,30 л
Кат. № 124	23,30 л	17,30 л	20,30 л
Кат. № 117	21,80 л	13,80 л	17,80 л
Кат. № 118, фракционная амфора	14,50 л	10,30 л	12,40 л

амфор неопределенных центров составляет вместе около 1 гл в год, что даёт при общем подсчете цифру 61 гл в год.

Выше приводилась величина объёма поставок для второй фазы эллинистического периода, составляющая 78 гл в год (325 амфор), которую можно сравнить с величиной объёма третьей фазы — 61 гл в год (305 амфор). Мы видим, что разница в объёмах между двумя периодами составляет всего 17 гл в год. При этом бросается в глаза, что разница в количестве амфор незначительна — только 20 штук. Уменьшение объёмов ввоза с 78 до 61 гл в год является результатом явной тенденции к общему уменьшению размеров и следовательно и объёмов амфор (средне-статистический объём амфоры изменяется с 30 л до 21 л).

Тем не менее, независимо от изменения объёмов отдельных амфор, можно наблюдать, что поставки на танаисский рынок были непрерывными, несмотря на сильно изменившуюся в связи с военными потрясениями политическую и вместе с тем торговую ситуацию. Принимая во внимание конфликт Митридата с Римом, здесь можно было бы видеть проявление особого интереса Понтийского царства к военному потенциалу степных племен донского региона, спрос которых на вино должен был бы удовлетворяться по возможности на высоком уровне. Вследствие долготелных военных действий в районе Эгейи и римской блокады входа в Понт, область поставок вина на Танаис все больше ограничивалась понтийскими центрами.

Эллинистический период в истории Танаиса закончился катастрофой, связанной с полемоновской акцией в 8 г. до н.э.

Далее, затронем ещё несколько вопросов, связанных непосредственно с торговлей Танаиса. Неоднократно отмечался тот факт, что именно вино как товар ввозилось в эллинистический период в Танаис. Размер и большой вес полных амфор, конечно, должен был создавать определенные неудобства при их транспортировке. Наполненная вином амфора (1 л = 1 кг) даёт чистый вес нетто ок. 30 кг. К этому добавляется еще вес самой тары, доходивший в среднем до 20 кг. И хотя такой вес ок. 50 кг могли легко переносить два грузчика с помощью шестов, продетых сквозь ручки сосудов. Эта возможность транспортировки зависела от прочности крепления самих ручек. Поэтому частые перемещения грузов были нежелательны, так как опасность потерять содержимое из разбитых амфор должна была быть сведена до минимума.

Риск перевозки такого крупного брутто-веса значительно уменьшался в случае правильного использования сосудов на танаисском рынке, что значит также, заполнение пустых амфор новым содержимым при повторной их перевозке. Какими продуктами могли заполняться амфоры на Танаисе в эллинистический период, нам пока не известно. Виноные амфоры, конечно, особенно пригодны для перевозки товаров в виде жидкостей, которые вряд ли присутствовали в Танаисе. Как нам кажется, такими товарами могли быть рыбные соусы или соленая рыба, хотя при этом предположении возникает вопрос, связанный с уничтожением запаха. Можно предполагать, что амфоры отмачивались после употребления в соленой воде или то, что запах рыбы не мешал кочевникам, так как они всё равно пили вино с рыбой.

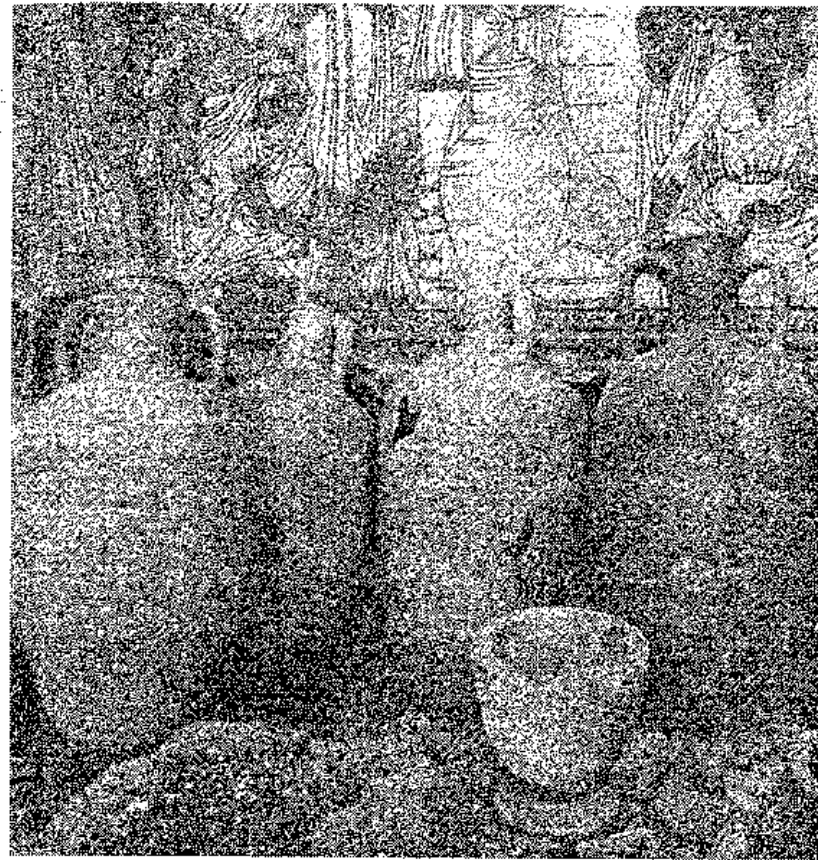
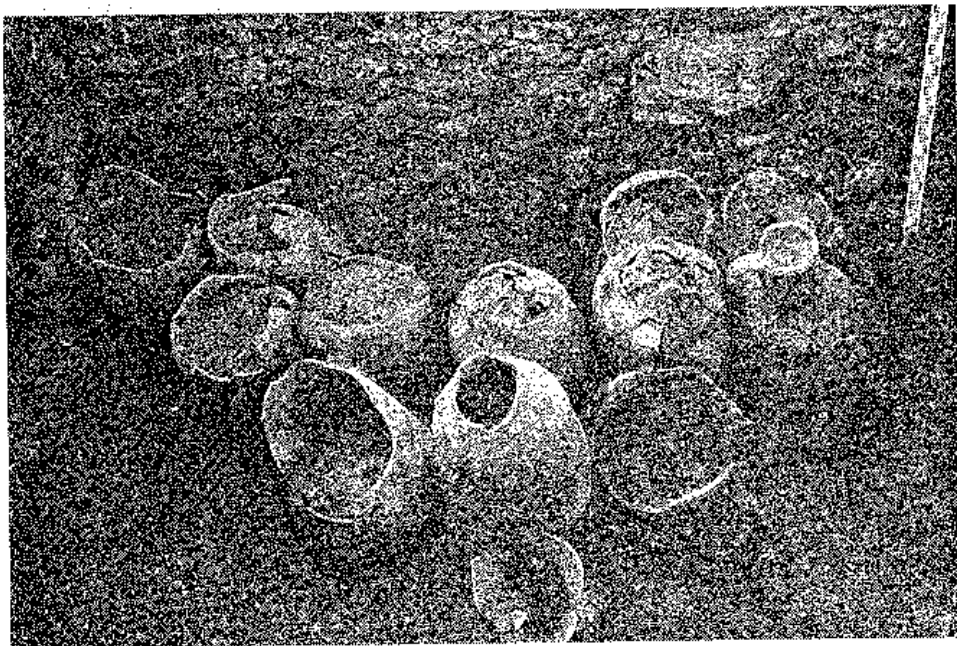
В процессе перевозок тары был период времени, когда амфоры, уже пустые, складировались в ожидании последующего заполнения или какого-то иного использования. К сожалению, на сегодняшний день найдено небольшое количество подвалов эллинистического времени и все они оказались пустыми. Поэтому информацию о перемещении амфор и об их содержимом могли бы дать только данные, полученные при изучении более поздних подвалов II—III вв. н.э. (ил. 10). На малых и средних амфорах часто встречаются тщательно выполненные маркировки-дипинги, с указанием меры и оригинального содержимого, а на горлах больших амфор надписи нанесены крупными буквами, чаще неумелой рукой. Эти надписи пока еще специально не изучались. Интересно отметить систему хранения товаров на складах. Амфоры, стояли рядами чаще вдоль стен и были чуть углублены в глиняный пол, в подвалах располагались и мелкие сосуды для вина — в углах и вдоль стен, иногда штабелями в 4—5 рядов (до 300 штук). В некоторых случаях можно было наблюдать, что одни амфоры (очевидно, с содержимым) стояли в подвале отдельно от других, на которых надписи были стёрты (очевидно, пустые). Такой порядок наряду с частыми обновлениями надписей на амфорах свидетельствует об интенсивном обращении самой тары. Эти наблюдения могут служить примером и для выяснения вопроса хранения сосудов в эллинистический период.

В связи с приведенными выше цифрами объёмов гипотетических ежегодных поставок товаров особо стоит вопрос их транспортировки. Как мы знаем, амфоры привозились из Боспора в Танаис водным путем на кораблях. Известно, что суда „морского класса“ торговых флотов Эгейи могли перевозить до 15 т груза. Средиземное и Черное моря представляют собой широкие, открытые водные бассейны, в то время как Меотиды, является мелким и поэтому очень чувствительным к ветрам водоёмом. Меотиды возникла из устья лимана реки Дон в результате гидрологической эволюции и поэтому имела пологие берега. Её можно было безопасно переплыть только по линии бывшего сильно петляющего русла реки Дон (ил. 11—14). Путь от Боспора до Танаиса можно было преодолеть только на небольших грузовых кораблях, передвигавшихся при необходимости против направления ветра, с помощью мускульной силы гребцов.

а

б

в

Ил. 10 а-в. Амфоры в подвалах боспорского периода и в музее Танаис [а-б фото автора; в - Л. Ильюков, К. Пашиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье...*, 40]

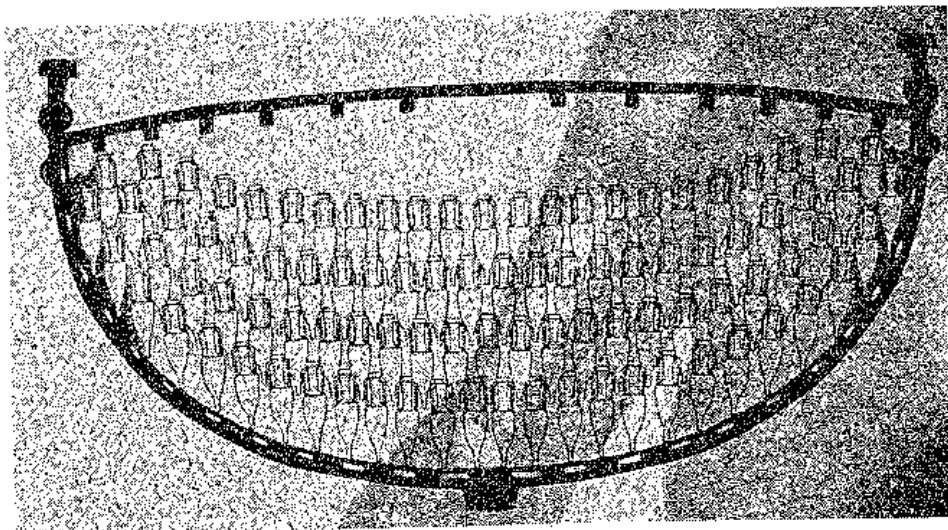
О грузоподъемности, длине, ширине и осадке судов „класса Меотида” мы можем только догадываться, так как в этом районе моря не удалось до сих пор открыть остатков древних кораблей, которые вероятно перекрыты многометровыми слоями осадочных отложений. Нам кажется, что приблизительную величину тоннажа грузовых кораблей, приходивших в Танаис, можно установить по рассчитанным выше теоретическим минимальным ежегодным поставкам эллинистического периода, для второй фазы:

78 гл в год = 325 амфор = 13 т общего веса

и третьей фазы:

61 гл в год = 305 амфор = 9,2 т общего веса.

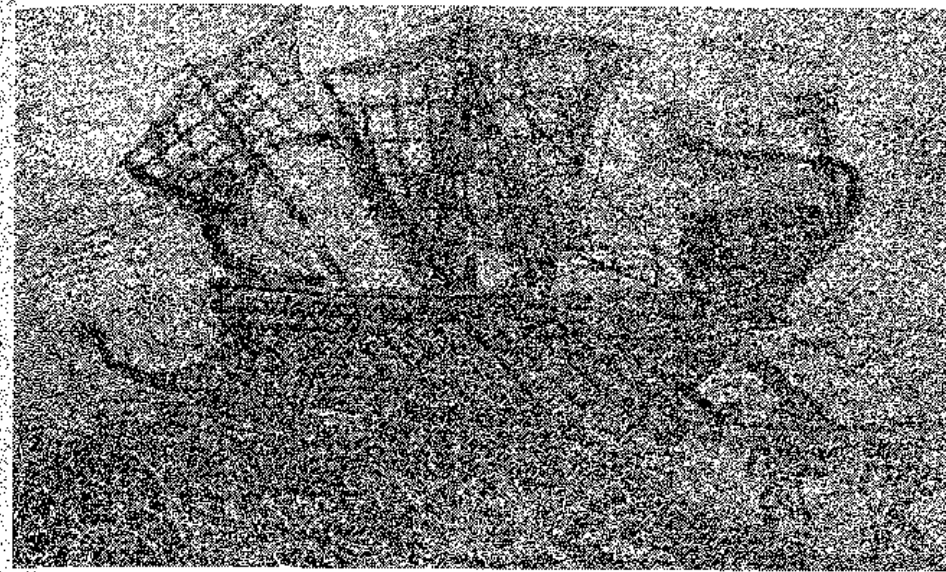
Если предположить, что в эллинистическое время партия амфор содержала такое же число экземпляров, как доказано при изучении дицинти для боспорско-

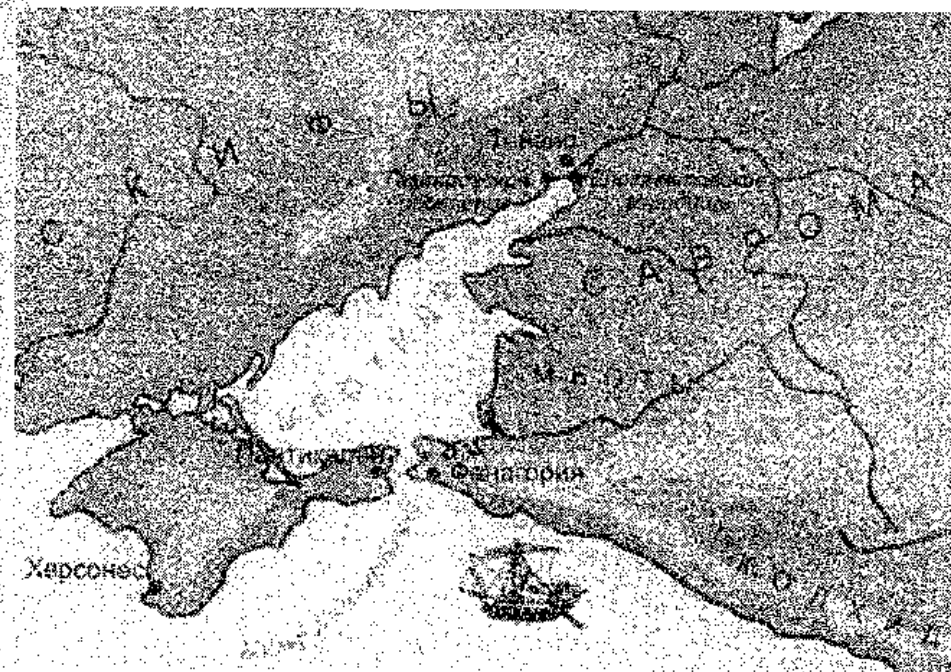
Ил. 11. Загрузки корабля, реконструкция [Л. Ильюков, К. Пашиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье...*, 43]

Ил. 12. Перегрузка с крупного на более мелкий корабль [Л. Ильюков, К. Пашиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье...*, 43]

Ил. 13. Корабль Эгейского класса и транспорт амфор [Л. Ильюков, К. Пашиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье...*, 12]

Ил. 14. Карта Меотиды [Л. Ильюков, К. Пашиньян, *На краю Меотиды. Греки и Варвары в северо-восточном Приазовье...*, 10]

го периода, то есть 30–33 амфоры, тогда можно разделить 325 эллинистических амфор на 10–11 партий по 30 амфор в каждой. При средней высоте 70 см и ширине 40 см эллинистическая амфора занимала пространство в 0,1 куб. м, что для 325 таких сосудов составило бы 32,5 куб. м объема трюма. Корабль, способный вместить такой объем, должен был бы иметь длину грузового трюма 6–7 м, ширину минимум 3 м и высоту под палубой не менее 1,8 м (3 ряда амфор, поставленных друг на друга).

Учитывая, что средний брутто-вес эллинистической амфоры составляет около 40–50 кг, можно вычислить – при гипотетическом ежегодном перевозимом минимальном числе в 325 амфор – величину среднего объема загрузки кораблей равную весу в 13 т. В то время как корабль класса „Эгейя-Понг“ грузоподъемностью 15 т перевозил до 375 амфор этого веса, то судно класса „Меотиды“ могло транспортировать только 5 т, а возможно и только 2,5 т в среднем. Этот тоннаж соответствовал бы приблизительно 125 или 65 амфорам.

По данным Страбона (VII 4, 5 и XI 2, 3), расстояние от Боспора до Танаиса по прямой дороге составляло 2200 стадий, вдоль восточного побережья Меотиды – чуть больше. Если исходить из того, что корабль грузоподъемностью предположительно 5 т следовал прямым путем из Боспора в Танаис, то он мог преодолеть путь в 2200 стадий (396 км равно примерно 215 морских миль) за 100 часов непрерывного движения при средней скорости 2 морские мили в час (по Средиземному морю скорость более крупных парусников 3–4 мили в час). Если исходить из двенадцати часового перехода в сутки с необходимыми остановками для отдыха гребцов и ночевки на суше, то на весь путь потребовалось бы около 8–9 дней. Разгрузка и новая загрузка корабля занимали еще какое-то время. Если суммировать время на обратную дорогу, простой и возможные задержки в пути, в порту или из-за непогоды, а также необходимые паузы для отдыха экипажа в Боспорском порту, то для перехода по курсу Боспор – Танаис – Боспор потребовалось бы 20–25 дней (что соответствует одному рейсу в месяц). Таким образом, для перевозки минимально 325 амфор нужно было бы сделать три таких рейса в сезон на корабле грузоподъемностью 5 т и соответственно шесть рейсов в сезон на корабле грузоподъемностью 2,5 т.

Теоретически можно было совершить только шесть таких рейсов в период навигации, который в неглубокой и чувствительной к ветрам Меотиде продолжался с апреля по сентябрь из-за сильных осенних и весенних штормов. Для эллинистического периода реально предположить, что в течение навигации корабль вместимостью 5 т даже при плохой погоде прибывал в танаисский порт по крайней мере 3 раза и привозил 13 т груза. Если предположить в качестве транспорта меньший корабль грузоподъемностью 2,5 т (до 65 амфор), то тогда число необходимых рейсов возросло бы до 6, т.е. каждый месяц навигации в Танаис должен был бы прибывать, разгружаться и загружаться снова один небольшой грузовой корабль только для транспортировки амфор, не говоря уже о других более тяжелых товарах, таких, например, как металлические изделия.

Такое движение кораблей, по нашим представлениям, соответствовало бы топографии, размерам и вместимости маленького танаисского порта эллинистического времени.

В третьей фазе эллинистического периода теоретически объем ежегодно перевозимого груза, в среднем в 305 амфорах, уменьшился на 9,2 т. Это соответствует примерно четырем рейсам корабля грузоподъемностью 2,5 т, вмещающего 75–80 амфор, имевших теперь более изящную конфигурацию и меньший размер, или двум рейсам пятитонного корабля со 150–160 амфорами на борту. Думается, что оба эти варианта перевозки можно было бы осуществить без проблем в течение шести месяцев сезона навигации. Следует еще раз подчеркнуть, что мы исходили из теоретического минимума, доказанного находками амфор для изученной на сегодняшний день территории городаща.

Несмотря на все неясности по многим вопросам и спорные моменты, все же можно очертить контуры развития торговых взаимоотношений, торгово-политическую зависимость и объемы торговли самостоятельного эллинистического полиса Танаис во II–I вв. до н.э. Такие же исследования и подсчеты сделаны нами и для боспорского, а также для позднеантичного периодов. Соответствующие данные подтверждают и дополняют картину развития торговли, а также показывают сложные изменения в городе под боспорским владычеством и во время поздней античности. Однако это уже совершенно другая глава в истории Танаиса.

Все приведенные в работе результаты, конечно, были возможны только благодаря успешному сотрудничеству большого интернационального коллектива археологов в Танаисе и, прежде всего, постоянной совместной работе с моей российской коллегой С.А. Науменко.

Interpretation of amphora finds from Hellenistic Tanais and the history of commerce

Summary

Finds of amphoras in stratigraphically guaranteed hellenistical layers of Tanais suggest an opportunity to investigate the status of city in 3 phases of the hellenistical period of the history of that city in connection with the aspect of trade.

Statistical researches of ceramics promote finding-out of accordingly achieved level of supply by the goods through Bosphorus for own need {requirement} and, first of all, wine for the exchange of products of tribes living in steppes of Don.

Attracting the concrete dated stamps of amphoras any certain apogees of trading activity appear from the end of third down to the middle of second centuries BC. Distinct changes in the list of important for Tanais suppliers very particularly can be

recognized from the end of second century BC as result of long-term military collisions between the Pontic state of Mithridates and Rome.

Finally are made any considerations of questions connected with the concrete ways of the supply of Tanais through the Bosphorus (routes of delivery, sizes of ships, intensity of freight traffic under the especial natural conditions of the Maiotis).

Елена В. Власова

РОГ ДЛЯ ПИТЬЯ ИЗ КУРГАНА У СТАНИЦЫ ЕЛИЗАВЕТОВСКОЙ

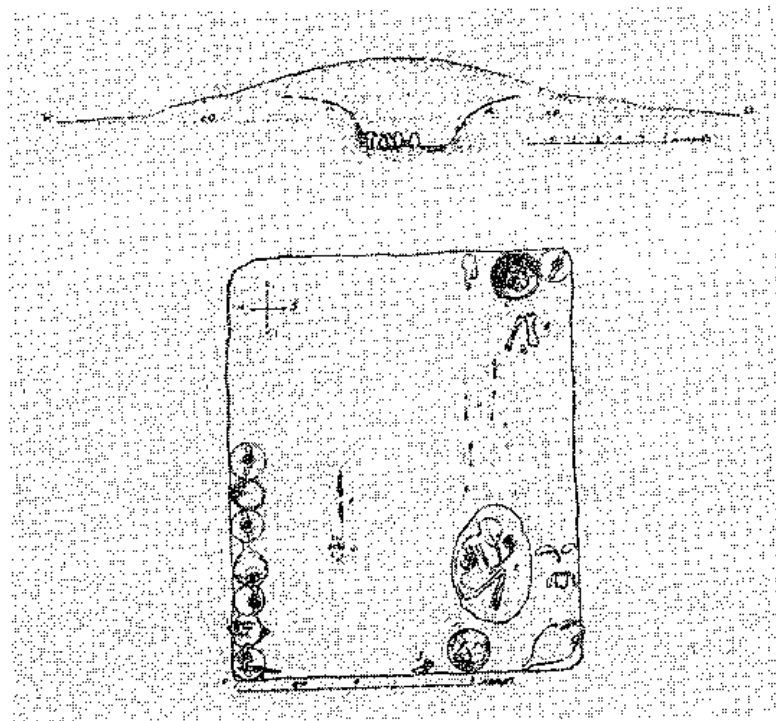
По поручению Императорской Археологической Комиссии А.А. Миллер в 1908–1909 гг. производил раскопки городища и курганов в окрестностях станицы Елизаветовской¹. В 1909 г. он исследовал небольшие курганы у восточного края могильника.

Курган № 9² (ил. 1) имел диаметр 24 м и высоту ок. 2,5 м. У самого верха насыпи были открыты „христианские погребения в деревянных гробах“; ниже находилось впускное погребение (скелет на спине головой на „З“ – ногами на „В“ с железным ножичком у головы). При выемке грунта были найдены черепки амфоры, бронзовые наколечники стрел и фрагменты железных изделий, кости барана; все это не сохранилось.

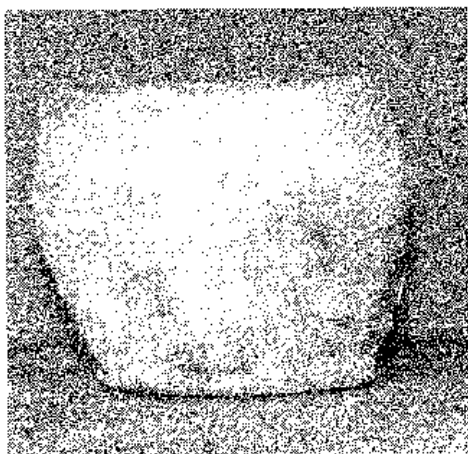
Могильная яма 3,75 x 3 м и была „на 1,25 м ниже уровня горизонта“. По мнению Миллера, место погребения находилось ближе к середине могилы, потому что там „встречались кости столь плохой сохранности, что определить их не было возможности“. Ближе к юго-западному углу было открыто небольшое углубление, в котором находился скелет, лежавший на левом боку в скорченном положении; в его правой руке, протянутой к лицу, был небольшой ланной горшок (ил. 2)³.

В могиле были бронзовый котел⁴ со скелетом овцы внутри и крупными костями лошади рядом, бронзовый сосуд⁵ и амфоры⁶. У котла полусферическое тулово с сужающимися кверху стенками и краем в виде валика, воронковидный поддон, две вертикальные петлевидные ручки с одним выступом и две горизонтальные петлевидные ручки (ил. 3). С.В. Демиденко разработал типологию литых котлов⁷, но данный котел не был включен в исследование. По форме тулова и поддону, он относится к типу VI⁸, и вертикальные петлевидные ручки с одним выступом у сосудов этого типа встречаются, но в сочетании с ручками-петельками под венчиком⁹, а не с горизонтальными петлевидными ручками, как в данном случае.

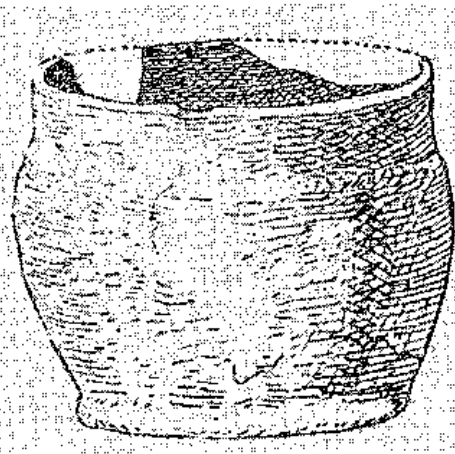
Среди амфор была одна мендеевская и девять – гераклейских, из которых пять – клейменные. По определению И.Б. Брашинского эти амфоры датируются

Илл. 1. Курган № 9 1909 г. [рис. А.А. Миллер, *Раскопки в районе древнего Танаиса*, ИАК 35, СПб 1910, 103, рис. 7-8]

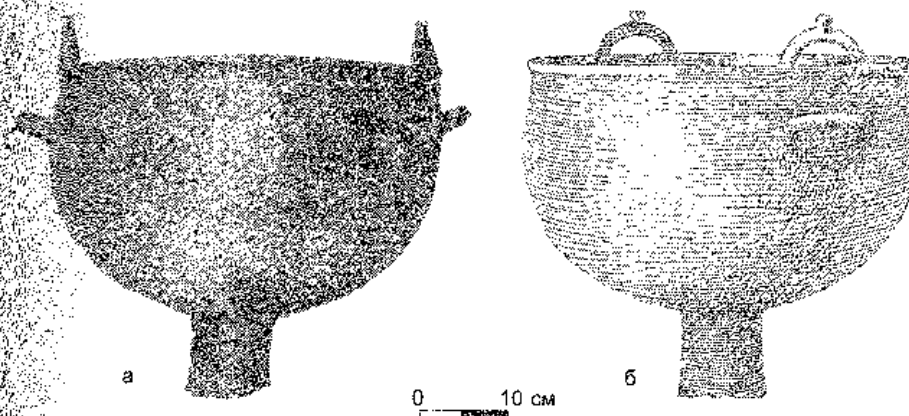

а

б

Илл. 2 а и б. Лепной горшок [а – фото Е. Власова; б – рис. ИАК 35, СПб 1910, 111, рис. 14, 3]

Илл. 3 а и б. Котел [а – фото Е. Власовой; б – рис. ИАК 35, СПб 1910, 112, рис. 17, 1]

началом-первой четвертью IV в. до н.э.¹⁰, по определению С.Ю. Монахова – первым десятилетием IV в. до н.э.¹¹

В могиле были найдены куски железа и несколько бронзовых наконечников стрел и бронзовая круглая пластина диаметром 43 см с маленькими закраинами; возможно, щит; все это не сохранилось. Рядом с этой пластиной лежал рог для питья¹².

Низ рога не сохранился. Его корпус был серебряный, украшенный сверху золотой пластиной, на которой отсиснуты четыре изображения птицы, клюющей рыбу. На краях пластины – накладной орнамент, напоминающий косичку, из чередующихся полос гладкой и витой проволоки: гладкая, витая, гладкая, две витые, гладкая. Накладная „косичка” сбоку закрывает и место соединения краев пластины. Такой же накладной орнамент украшал и серебряный корпус. Хорошо, что сосуд сразу был сфотографирован для ИАК (илл. 4)¹³. Позже серебряная часть корпуса распалась на части (илл. 5), и цела только золотая обкладка (илл. 6-7).

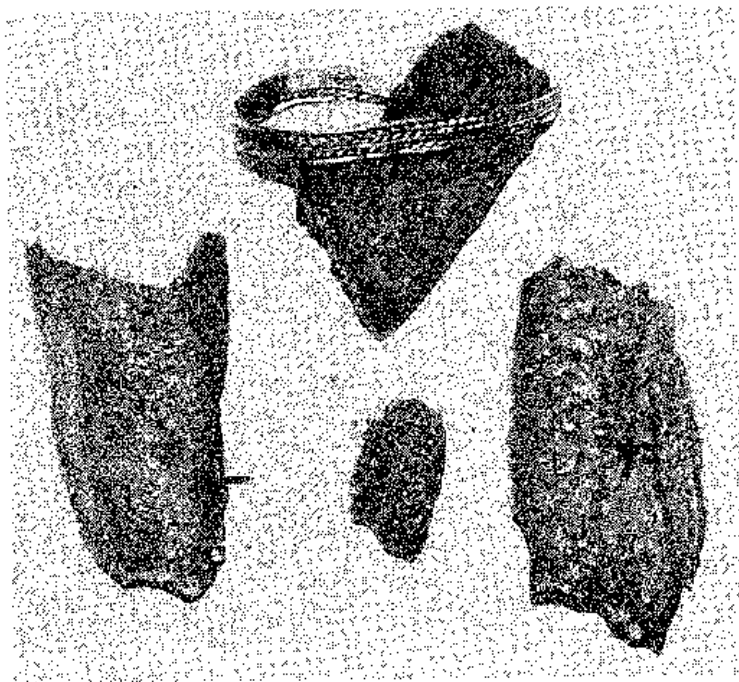
Сосуд датируют по-разному. М.И. Ростовцев датировал сосуд второй половиной IV в. до н.э.¹⁴ Л.В. Конейкина датировала его – ссылаясь на М.И. Артамонова – V в. до н.э.¹⁵, но последний дату сосуда не называл¹⁶, а лишь указал, что „нижнедонские курганы относятся, в общем, к V-IV вв. до н.э.”¹⁷. С. Михль датировала рог серединой V в. до н.э.¹⁸

По мнению А.А. Миллера, „изображение сделано в рельефе и довольно грубо, и очень напоминает золотую бляшку из коллекции Б.И. Ханенка как по сюжету, так и по технике”¹⁹. Эта бляшка происходит из кургана № 2 урочища Галуцино (табл. 1, 4)²⁰.

Изображения птицы, клюющей рыбу, есть на бляшках из кургана Куль-Оба²¹ (табл. 1, 5) и подобных бляшках, по-видимому, также происходящих из Куль-

Ил. 4. Рог для питья (инв. № ТЕ.1909.1) [первое фото ИАК 35, СПб 1910, табл. V, рис. 24]

Ил. 5. Фрагменты серебряной части рога для питья [фото Е. Власовой]

Ил. 6 7. Золотая обкладка рога [фото Е. Власовой]

Обы и хранящихся в Британском музее²², в Лувре²³, в Дамбартон Оукс²⁴. Бляшки выполнены в технике штампа и вырезаны по контуру фигур; детали не очень четкие, на краях – дырочки для нашивания. Эти бляшки датируют по-разному: первой половиной IV в. до н.э.²⁵ и второй половиной IV в. до н.э.²⁶

Изображение птицы, клюющей рыбу, есть также на золотых пластинах, которыми украшались сосуды. В кургане I Завадская Могила найдены золотые пластины с таким же сюжетом, которые некогда крепились на двух деревянных чашах: 5 – на одной, 4 – на другой (табл. 1, 7–8)²⁷. Б.Н. Мозолевским, А.И. Тереножкиным и В.А. Ильинской курган датирован V в. до н.э.²⁸ С. Михель даёт более широкую дату: V–IV вв. до н.э.²⁹; возможно, это связано с тем, что пластины для каждого сосуда отличаются по стилю.

Пластины одной чаши (табл. 1, 8) можно сравнить с золотыми пластинами, украшавшими рога для питья из так называемого „Майкопского клада” (табл. 1, 2)³⁰. И на тех и на других фигура птицы удлинённая, похоже трактованы хвост и крыло, но рыба изображена по-иному. Все детали менее проработаны, чем на пластинах из „Майкопского клада”. Изображение крыла и хвоста птицы близки к изображенным на бронзовой бляхе, найденной на хуторе Шунтук близ Майкопа³¹ (табл. 1, 3), но голова птицы и рыба изображены по-иному. Отметим также, что птица и рыба на бронзовой бляхе повернуты головами вправо, а не влево, как на всех золотых вещах; так же они повернуты и на другой бронзовой бляхе, найденной в Прикубанье³². Пластины из „Майкопского клада” датируются серединой V в. до н.э. Пластины из I Завадской Могила, вероятно, сделаны позже – в 430–420 гг. до н.э.

Изображения на пластинах, украшавших другую чашу из I Завадской Могила, другие по стилю (табл. 1, 7). Они – более сжатые, компактные; рыба не-

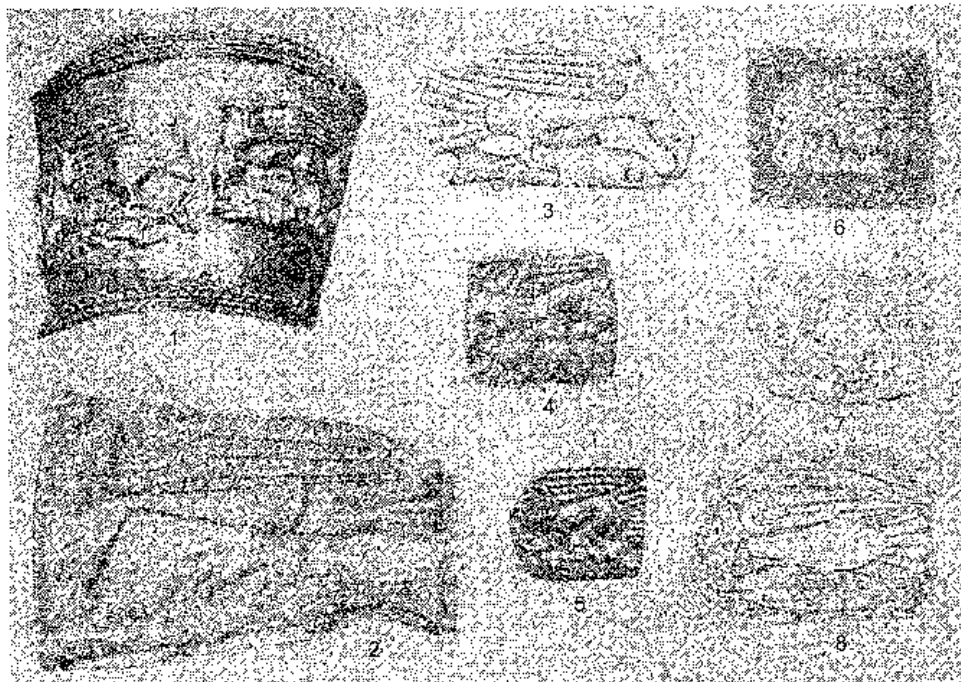

Таблица 1: 1 – золотая обкладка рога. Ст. Елизаветовская [фото S. Michel, *Der Fisch in der skythischen Kunst*, „Zur Deutung skythischer Bildinhalte“, Frankfurt am Main 1995, 244, Fig. 28 (Photo L. Schneider)]; 2 – золотая накладная пластина для рога для питья. „Майкопский клад“ [фото A. Greifenhagen, *Schmuckarbeiten in Edelmetall*, В. I, Berlin 1970, 57, 59–60, Farbtaf. VIII–I, Taf. 31, 4]; 3 – бронзовая бляха. Хутор Шунтук близ Майкопа [рис. В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, *Скифия VII–IV вв. до н.э. Скифия и Кавказ*, Киев 1983, 53, рис. 2]; 4 – золотая напивная бляха. Киевская обл. Урочище Галушино. Курган № 2 [фото В.Г. Петренко, *Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э.*, САИ Д 1–4, Москва 1967, 147, табл. 19, № 30]; 5 – золотая напивная бляха. Крым. Курган Куль-Оба [фото Е. Власовой]; 6 – Золотая бляха. Черкасская обл. Курган между селами Петраковкой и Ромейковым [ил. В.Г. Петренко, *Правобережье среднего Приднепровья...*, 147, табл. 19, № 24]; 7–8 – золотые накладные пластины для деревянных чаш. Диспропетровская обл. Курган Завадская Могила [ил. Б.Н. Мозолевский, *Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепрпетровщине*, [в:] *Скифия и Кавказ*, Киев 1980, 105–112, рис. 44, 7, 8]

большого размера; у птицы по-иному трактованы лапа с когтями, хвост, крыло. Край орнаментирован дугами („оборками“). Изображение на этой бляхе можно сравнить с изображением на украшавшей одежду золотой бляшке, найденной в 1845 г. при раскопках кургана между селами Петраковкой и Ромейковым в Черкасской области (табл. 1, 6)³³.

Эти пластины из I Завадской Могилы, по-видимому, сделаны позже, чем другие – в последней четверти V в. до н.э. Изображение птицы близко к изображениям на Елизаветовском роге (сп. глаз, лапа, крыло птицы), но по-другому изображен хвост; по-иному изображена рыба.

Формы рогов для питья в V и IV вв. до н.э. различные. Отметим, что на многих каменных изваяниях изображенный держит в руках меч и рог – атрибуты, очевидно, подтверждающие его высокий статус³⁴.

Сосуд из кургана у станцы Елизаветовской, возможно, был изготовлен в последней четверти V в. до н.э. По форме он более близок к сосудам IV в. до н.э. Курган, судя по амфорному материалу, был сооружен в начале IV в. до н.э.

О чем свидетельствует сюжет – мнения разные. Л.В. Копейкина указывала, что орел – одна из ипостасей иранского бога Вертрагны³⁵. С. Михель рассматривает это как символ „Hieros Gamos“, т.е. соединение космического с земным³⁶.

Сноски

- ¹ А.А. Миллер, *Раскопки в районе древнего Танаиса*, ИАК 35, СПб 1910, 86–130.
- ² ИАК 35, 102–104.
- ³ ИАК 35, 103, рис. 14, фиг. 3.
- ⁴ ИАК 35, 112, рис. 17, 1.
- ⁵ ИАК 35, 113, рис. 18.
- ⁶ ИАК 35, 105, рис. 10, фиг. 3.
- ⁷ С.В. Демиденко, *Типология литых котлов савромано-сарматского времени с территории Нижнего Поволжья, Подонья и Северного Кавказа. Древности Евразии*, Москва 1997, 120–159.
- ⁸ Там же, 124.
- ⁹ Там же, 127, вариант 4.
- ¹⁰ И.Б. Брашинский, *Греческий керамический импорт на Нижнем Дону*, Ленинград 1980, 111, № 40; 113–114, № 60а, 62, 64–65, 71–72.
- ¹¹ С.Ю. Мопатов, *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамической тары VII–II вв. до н.э.*, Саратов 1999, 163–165, табл. 57; он же, *Менделеевский импорт в Причерноморье в V–IV вв. до н.э. Босторский феномен*, ч. 2, СПб 2001, 61; он же, *Греческие амфоры в Причерноморье. Типология. Каталог – определитель*, Саратов 2003, 91.
- ¹² ИАК 35, 103, 112–113, табл. V, рис. 24; В. Pharnakowsky, *Archäologische Funde im Jahre 1909 Rußland*, AA 25, 1910, 203, Abb.5; М.И. Ростовцев, *Скифия и Боспор*, Ленинград 1925, 533–534; М.И. Артамонов, *Сокровища скифских курганов в собрании Государственного Эрмитажа*, Прага–Ленинград 1966, табл. 321; В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, *Скифия VII–IV вв. до н.э. Скифия и Кавказ*, Киев 1983, 225; S. Michel, *Der Fisch in der skythischen Kunst*, „Zur Deutung skythischer Bildinhalte“, Frankfurt am Main 1995, 189, K 28, 244, Fig. 28; Е.В. Власова, *Скифский рог. Античное Причерноморье*, СПб 2000, 61–62, № 28; E.V. Vlassova, *The Scythian Drinking-horn. Northern Pontic Antiquities in the State Hermitage Museum*, Leiden–Boston–Köln 2001, 104–105, № 28, fig. 21.
- ¹³ ИАК 35, 95, табл. V, рис. 24.
- ¹⁴ М.И. Ростовцев, указ. соч., 533.
- ¹⁵ Л.В. Копейкина, *Золотые бляшки из кургана Куль-Оба. Античная торевтика*, Ленинград 1986, 58.
- ¹⁶ М.И. Артамонов, указ. соч., 78, 119, табл. 321.
- ¹⁷ Там же, 78.
- ¹⁸ Michel, указ. соч., 189, K 28.
- ¹⁹ ИАК 35, 112–113.
- ²⁰ *Древности Приднепровья*, вып. II, Киев 1899, табл. XXVI, № 439; В.Г. Петренко, *Правобережье среднего Приднепровья в V–III вв. до н.э.*, САИ Д 1–4, Москва 1967, табл. 19, № 30.

²¹ Древности Босфора Киммерийского, СПб 1854, табл. XX, 12; М.И. Артамонов, указ. соч., табл. 231; Л.В. Копейкина, указ. соч., 58-59, 154, № 29.

²² F.H. Marshall, *Catalogue of the Jewellery Greek, Etruscan and Roman in the Department of Antiquities British Museum*, London 1911, tav. XL, 2104.

²³ J.-P. Gavignot, E. Ramos, V. Schiltz, *Paul Du Brux, Koul-Oha et les Scythes: présence de Paul Du Brux dans les archives françaises*, „Journal des Savants”, Paris, juillet-décembre 2000, 369; *L'Or des Amazones. Peuples nomades entre Asie et Europe. VI siècle av. J.-C. - IV siècle apr. J.-C.*, „Musée Cernuschi musée des Arts de l'Asie de la Ville de Paris. 16 mars - 15 juillet 2001”, Paris 2001, 130, № 110.

²⁴ *Handbook of Byzantine Collection, Dumbarton Oaks*, Washington 1967, № 150, 42; О. Фаркаш, *Искусство кочевников в музеях США*, ВДИ 1992, № 4, 199; № 5, 198, рис. 5.

²⁵ Л.В. Копейкина, указ. соч., 58-59.

²⁶ S. Michel, указ. соч., 190-191, К 30.

²⁷ Б.Н. Мозолевский, *Скифские курганы в окрестностях г. Орджоникидзе на Днепронепрощине. Скифия и Кавказ*, Киев 1980, 105-112, рис. 44, 4, 7, 8.

²⁸ Там же, 70-71; В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, *Скифия VII-IV вв. до н.э. Скифы и Кавказ*, Киев 1983, 101.

²⁹ S. Michel, указ. соч., 187-188, К 26, К 27.

³⁰ А. Greifenhagen, *Schmuckarbeiten in Edelmetall*, В. 1, Berlin 1970, 57, 59-60, Farbtaf. VIII - 1, Taf. 31, 35, 36 (1-5); S. Michel, указ. соч., 189-190, К 29.

³¹ В.А. Ильинская, А.И. Тереножкин, указ. соч., с. 53, № 2. Вещь только изображена, но нигде в тексте не упоминается.

³² *From the Lands of the Scythians. Ancient Treasures from the Museums of the USSR. 3000 B.C.-100 B.C. Catalogue*, New York-Los Angeles 1975, 158-159, № 10. Бляха плохой сохранности, крыло птицы утрачено.

³³ И.И. Фундуклей, *Обозрение валов, городищ и курганов Киевской губернии*, Киев 1848, 13; В.Г. Петренко, указ. соч., 64-65, 147, табл. 19, № 24.

³⁴ В.С. Ольховский, Г.Л. Евдокимов, *Скифские изваяния VII-III вв. до н.э.*, Москва 1994, Кат. № 4, 6, 9-11, 15, 19-21, 26, 34, 40, 41, 47, 49, 57, 62, 63, 65, 66, 72, 74-77, 80, 90(?), 91, 92, 94, 97, 101, 102, 107, 110, 114, 116, 117, 119, 121, 123-125, 152, 153; Е.В. Власова, *О рогах и ритонах из курганов скифской эпохи. Из истории античного общества*, вып. 6, Нижний Новгород 1999, 169-170, 172-173, рис. 1-2.

³⁵ Л.В. Копейкина, указ. соч., 59

³⁶ S. Michel, указ. соч., 119.

Список сокращений

ВДИ - Вестник Древней Истории
 ИАК - Известия Археологической Комиссии
 САИ - Свод Археологических Источников
 АА - Archäologische Anzeiger

A drinking horn from a barrow near the Elizawietowska fort

Summary

In 1909 A.A. Miller was carrying out fieldwork in one of the barrows on the outer limits of the Elizawietowska fort. The grave inventory included a silver drinking horn with golden ornaments, depicting birds and fishes.

Marija Buzov

PUBLIC INSCRIPTIONS ON TWO MARBLE TABLETS
FROM TANAIIS

(The perception in Croatia of the earliest mention of the Croatian name)

Among the great numbers of inscriptions from *Tanais* very interesting for the Croatian archaeologists are the public inscriptions on two marble tablets. *Tanais* was located at the mouth of the *Tanais* river (today the Don river), across from today's town of Azov on the northeast rim of the Sea of Azov.

Tanais, the Greek name for the river Don in antiquity, was also the name of the city on the river located in the Don river delta that reaches into the northeastern most part of the Sea of Azov, which the Greeks called Lake Maeotis (fig. 1). The site of ancient *Tanais* is about 40 km west of modern Rostov. *Tanais* was occupied long before the Mileteans founded an *emporion* there. A necropolis of burial mounds, over 300 of them, near the ancient city show that the site had already been occupied since the Bronze Age, and that mound burials were carried on through Greek and into even Roman times. *Tanais* was mentioned by Strabo in his *Geography* [11.2.2.]. L.A. Stempkovsky first made the connection between the visible remains, which were mostly Roman in date, with the Greek „Tanais” mentioned in literature; that was in 1823. Modern systematic excavations began in 1955.

Among the great numbers of inscriptions from *Tanais* very interesting for the Croatian archaeologists are the public inscriptions on two marble tablets. Pavel Mihajlovič Leontjev (1882-1874) discovered the fragments of these inscriptions in September 1853, along with a number of others inscriptions.

Stjepan Krizin Sakač (1890-1973)¹, Dominik Mandić (1889-1973)² and Radoslav Kaičić³ wrote about these inscriptions. We must pointed, that not a single other Croatian scholar penetrated the essence or content of these two sources, despite of the fact that they have been available to the public for the last century and a half. The majority of Croatian scholars wrote about them in a superficial and sometimes malicious manner.

Ferdo Šišić (1869-1940)⁴ in his synthesis of Croatian history offhandedly mentioned these two sources⁵. Josip Horvat (1896-1968) similarly presented the inscriptions found in *Tanais* in his synthesis of Croatian culture⁶. Sakač writes about the Tanaisian inscriptions in a careful analysis⁷.

Fig. 1. Azov Sea

Miroslav Križna (1893–1981)⁸ mocked Sakač's interpretation of the Tanaisian inscriptions and his theory of the Persian origin of the Croats as historical lunacy⁹.

Every debate regarding these sources or the Iranian theory of Croatian origin was dangerous during the Communism. The other historian such as Nada Klaić (1920–1988)¹⁰ did not show the slightest interest in the inscriptions from *Tanais*. She mentioned them only en route to criticizing the Iranian-Kavkazian theory of Croatian ethnogenesis¹¹. Historian and lexicographer Trpimir Macan showed more consideration toward the sources. In his overview of Croatian history says: „We Croats do not know the meaning or origin of the Croat name. The name appears for the first time in the second and third century in Azov, at the mouth of the Don River, on two Greek inscription, as the personal names Horoathos and Hloruathos, which are believed to be of Iranian origin”¹².

In the section dealing with the origin of the Croatian name, Bogo Grafenauer (1916–1995)¹³ writes: „Pogodin's advanced notification (1901) of Horóathos or Hloruathos, the name of the archon in *Tanais* from the second and third century, which he explained from the Slavic Хърватъ, opened the way for an Iranian etymology”¹⁴. He did not significantly change his judgement of the inscriptions in the second edition of the Yugoslav Encyclopaedia¹⁵. His definition of the inscriptions from *Tanais* and the person with the Croatian name mentioned on them were adopted in the Croatian Lexicon¹⁶. Obviously, Grafenauer did not even lay an eye on them.

Jaroslav Šidak¹⁷ (1903–1986) judges the Tanaisian inscriptions in his encyclopaedic synthesis of Croatian history to 1914 as Grafenauer did, but further restricting the Croats to Slavic characteristic¹⁸.

Ante Škegro wrote several excellent papers on these sources¹⁹. After the appearance of Škegro's papers, Gordan Ravančić, turned to them with the aim of disputing the Iranian theory of the origin of the Croats. He emphasizes how it is „rather difficult to draw any kind of direct connection between those people from late Antiquity (probably of Iranian origin) and today's Croats in the area where they now live”. He continues, „with a total reconstruction and translation of the text, that theory is brought into question”²⁰. Ravančić in another paper offers a slightly different judgement of these sources²¹. We must emphasize that no one until now has succeeded in reconstructing the older inscription from *Tanais* in its entirety. Without finding the missing fragments of the text it is hard to believe that anyone will succeed²². Ravančić also confuses the theory of the origin of the Croat name with the theory of Croatian ethnogenesis, even though Irano-Sarmatian elements in Croatian ethnogenesis cannot be entirely excluded. As we know, ethnogenesis is a complicated and long-term process, which, when the Croats are in question, neither begins nor unfolds, nor terminates, exclusively in the area where the Croats live today²³.

The inscriptions from *Tanais* drew the attention of certain participants at a symposium held in Zagreb in 1994 dedicated to Croatian ethnogenesis²⁴. The inscriptions also drew the attention of some authors at the international symposium of the old-Iranian origin of the Croats held in Zagreb in 1998. The most of the authors and the majority of judgments regarding the sources offered on this occasion very uncritical conclusion.

The Montenegrin Slavist Vojislav P. Nikčević, in the context of the debates on the origin and the meaning of the names Croat and Serb, commented on them, though clearly without ever seeing them²⁵.

Mijo N. Čurić, regarding the Tanaisian inscriptions, wrote in his book on the old-Iranian origin of the Croats²⁶.

Ivan Biondić²⁷ considered these sources very often²⁸. With the right to criticize the judgments and conclusions of individual authors on these sources, he falls into the trap of their incorrect representation.

The Slavist Stjepan Pantelić²⁹ calls the Tanaisian inscriptions the „Don tablets”, and instead of dating them between the end of the second century and the first quarter of the third century AD, he dates them at the fifth century³⁰. We must emphasize, that he does not know the time or the circumstances of their discovery, nor their content³¹. The most important for Pantelić is to „prove” that actually his „research shows that neither Horoathos nor the Alans, nor any other Alanian tribe have any relation with the Croats”³².

The inscriptions from *Tanais* are also presented in the works or papers of some Croatian authors in a totally incorrect light. Their qualification as gravestone monuments leads us to the conclusion that those who made such comments did not see these sources, despite the fact since 1890 they have been accessible in high-quality and widely distributed scholarly publications³³, or that two publications of a similar character were published anew after seventy-five years³⁴.

Russian scholars have evaluated, supplemented, and once again interpreted these inscriptions³⁵.

Mladen Lorković (1909–1945), in his synthesis of Croatian history in 1939, was one of the first to qualify them as gravestone monuments³⁶.

Dominik Mandić in an earlier work also qualified them as gravestone monuments. He attributed their discovery to B. Latyshev instead of to Pavel Mihajlović³⁷. Franjo Šanjek on two occasions, indicated that the Tanaisian inscriptions were gravestone monuments³⁸. The historian Ivo Perić also defined the Tanaisian inscriptions as gravestone tablets³⁹.

Ivo Goldstein⁴⁰ does not differentiate between gravestone and public inscriptions, and he does not notice the mentioning of three males with names that are very similar to the Croatian national name (Χορούαθ[ος], Χορούθος, Χορούθος)⁴¹. Goldstein in another publication completely ignores these sources⁴². In his monograph on the Republic of Croatia published in London, Goldstein reduces everything to an imagined tradition of contact between Slavic and non-Slavs, probably Iranians, in the region of the Kavkaz⁴³.

Vladimir Koščak in his paper on the Iranian theory of the origin of the Croats also does not differentiate between gravestone and public inscriptions. He also wrongly dates the discovery of these sources⁴⁴.

The Tanaisian inscriptions for the sociologist Emil Heršak are a foggy and enigmatic idea filled with assumptions⁴⁵.

The historian Josip Lučić (1924–1994) qualifies the inscriptions of *Tanais* as gravestone monuments⁴⁶. Even Husein Kadić, qualifies them as gravestone monuments⁴⁷, in spite the fact that he has in his paper the Greek texts of the Tanaisian inscriptions⁴⁸.

The larger and older inscription⁴⁹ originates from the time when king Tiberius Julius Sauromates (175–211 AD)⁵⁰ ruled the Bosporan Kingdom (*Regnum Bosporanum*), which covered the area around the Sea of Azov and the Crimean peninsula. The marble tablet (0,92 x 0,73 x 0,09 m), engraved in Greek monumental capitals, probably sustained heavy damage even before the archaeologist Leontjev excavated it. Thirty-two lines from thirty fragments were saved from the inscription. The inscription is of public and not of a gravestone contents. The inscriptions mentions, apart from the king, the synod, or devotional assembly, the leadership of the devotional assembly, and its regular members, which were slightly less than forty. An analysis of this inscription is formed from the reconstruction and supplement in the publication *Corpus inscriptionum Regni Bosporani, 736–737*, no 1245; 763–765, no 1277.

Transcription and translation:

Θεῷ ὑψίστῳ. Ἀγαθῇ τύχῃ.
Βασιλευόντος βασιλέως Τιβερίου Ἰουλιου Σαυρομάτου
φιλοκαίσαρος καὶ φιλο[ρ]ωμαίου, εὐσεβοῦς, ἡ σὺνδοδος

ἡ περὶ ἱερέα Ἰούλιον Ἑρακλῆδου καὶ πατέρα σὺνδοδου
5 Χορούαθ[ον] --- ο --- καὶ συναγωγῶν Ἀρδά[ρα]κον
[Σ]υνεγδήμ[ου] καὶ φιλό[αθ]ον Διά[ο]ν Κερδονάκου (?) καὶ
[π]αραφιλόγαθο[ν] --- ἰον Φοργαβάκ[ου] καὶ [νεα]νισ -
[κ]αρχὴν Δημήτριον Ἀπολλωνίου καὶ [νεα]νισ -
[σι]λειδὴν Θεονεῖκ[ου] καὶ „Α]τταν Ἑρακλείδου φίλο[ν] της
10 [σ]υνδοδου [καὶ] οἱ λο[ι]ποὶ [β]ιασται Ἀρδάρακος Ζια-
--- ου, Δημήτριος --- ου, Λεϊμανος Φίδα
[Μί]δαχος ? --- άνου, Ἀ[σκ]ληπιάδης Ουαλε[ρ]ίου,
... γ?όδαν[ος] [Δημητ ?]ρίου, [Μ]ενέστρατος Λυκίσ[κο]ν
----- ικάχο[ν], Διόφαν[ος] Δείου, Πόπλ[ο]ς
15 ----- δα, Ἑρακλείδης] Ἐπεγόνου, Ἰαρδο-
----- [Δημητρίου, Ἀ]ροδείσιος Χρυσέ-
[ρωτος, Φαλ]δά[ρα]νος Ἀπολλωνίου, Φίλιπ-
[πος] ----- νο[ν], Καλοῦς Ἀθηνίου, Κόφανος
----- Ἰρρύφον Ἀνδρομ[έν]ους,
20 ο ----- Χορούαθου, Θεότιμος Ψυχα-
ρίων[ος] ----- δίβαλος Φαρ[νάκου], Εὐλιος Ἐρό-
δόνας, Ἑρακλείδης „Ατ[τα] ----- Ἄρισ] -
τοδ[ή]μου, Σύμαχος Σα -----
κος -----
25 φίλο -----
ορανα --- [Ζωρθ ?]νος Βε[λλ]ικον ?] -----
Ἑράδαμ[ειστος] ?] ----- Φαδινά[μου] -----
Μύρ[ων] ?] ----- Μαστοῦ -----
πο ----- ος Ἀρδα[ράκου] ?] -----
30 Φιδ[α] ----- νος Χαρίτων ----- Ἀ] -
ράθι -----
Ἐν τ[ω]ι --- ἐτει καὶ μη[ν]ι Λέ[ω]ι ---

God the Supreme. May it be with fortune!

In the time of the reign of king Tiberius Julius Sauromates
a friend of the pious Emperor and a friend of the people of Rome, The devotional assembly
with the priest Julius, the son of Ralhad, at the head, and the father of the devotional
assembly

Horat[us], the son of ---[us], and the gathered devotional assembly, with Ardarak,
the son of [S]inegd, and the noble Dialon, the son of Kerdonak (?) and the very noble
[---]ion, the son of Forgabak, and the lead-
er of the youth Demetrius, the son of Apolonius, and the gymnasium instructor Ba-
zilid, the son of Teonik, and Ato, the son of Heraclius, a friend
of the devotional assembly. And the remaining members: Ardarak, the son of Zia-
[---]on, Demetrius, the son of [---]on, Liman the son of Fidin
[Mi]dah ?, the son of [---]an, Asklepijad, the son of Valerius,
[---]odan, the son of Demetrius, Menestrat, the son of Likisk,
[the son of---]ikah, Diofant, the son of Dei, Poplij
[the son of---]din, Heraclius, the son of Epigon, Iardof-
-----], the son of Demetris, Afrodizius, the son of Hrise-
rot, [Fal]da[ra]n, the son of Apolonius, Philip
[the son of-----]n, Kalus, the son of Atenius, Kofamo

[the son of-----] [r]rifon, the son of Andromen,
 o [-----], the son of Horoath, Teotim, the son of Psiha-
 rion, [----]dibal, the son of Far[nak], Eulios, the son of Ro-
 don, [Hera]clius, the son of At[i, -----the son of Aris]-
 tod [cin, S]imah, the son of Saf-----].
 kos [-----]
 filo [-----]
 orano[---Zorhi?]n, the son of Be[lik?].
 Radam[ist?], the son of [---], the son of [Fadinam]
 Mir[on?], the son of [---], the son of Mastu[s-----]
 po[-----]jos, the son of Ardarak, [----]
 Fid[a, the son of----]n, Hari[ton, the son of----], [A]-
 rathi[---, the son of-----]
 In [the year and month] Lo[u] [---]

The inscription begins with an invocation to the supreme god. The supreme god is probably the Greek god Zeus, who corresponds to the Roman god Jupiter. The Greek formula *Θεῷ βεβίωτω* was used when translated into Latin, uttered as *Optimo Maximo*, which is how Jupiter is most often addressed in Latin inscription (*Jupiter Optimus Maximus*). The exclamation, Let it be with fortune, makes apparent that what is in question is not a gravestone monument. The name of the Bosporan king, *Tiberius Julius Sauromates* is engraved in the second line. He ruled at the time when this monument from Tanais was erected⁵¹. The king's position in relation to the Roman Emperor and the people of Rome is engraved in the third line. The vassalage status of the Bosporan king and the kingdom itself toward the Roman Empire was the issue. Unfortunately the Roman Emperor who ruled at the time of the monument's erection was not written into the monument, this inscription cannot be precisely dated. Three Roman Emperors could have been referred to here: Marcus Aurelius (161-180), his son and heir Commodus (180-193), or Septimius Severus (193-211). The third line of the inscription ends with the mentioning of the devotional assembly of *Tanais*. The fourth line ends with the mentioning of the father of the devotional assembly, Horoúathos (Χορούαθος), who is referred to name in the fifth line.

More than thirty-five male names were preserved on the inscription. Considering the fragmentary quality of this monument, it is apparent that there were undoubtedly more. Amongst them an unknown male who is said to be the son of Horoúathos (Χορούαθου) is cited. The inscription ends with the date, from which is saved only the appellation of the Greek-Macedonian month, which corresponds to either July or August.

The smaller tablet with inscription (1,053 x 0,71 x 0,08 m)⁵² is dated the 517, according to the calculation of time used in the Bosporan kingdom, or the year 220 AD, according to our contemporary calculation of time. This inscription is younger than the previous one⁵³, which is apparent from the fact that Rheskuporis⁵⁴ the son of Sauromates is mentioned on it. Sauromates is indicated as a friend of the Romans and their Emperor. He was mentioned in the previous inscription under his full name

(Tiberius Julius Sauromates). He carries the title great king. The inscription is broken into four parts, and it is relatively readable. The inscription was written in poor Greek, and it is in some places difficult to understand. We presumed, that the stone-carver, who engraved the text on this marble tablet, was not skilled in Greek grammar or that the composer of the text was of a similar education. The Greeks of the Bosporan Kingdom, because of the fact that they resided amidst a barbarian multitude, with whom they were in contact for centuries and with whom they mingled, they were no longer in a position to correctly speak their mother tongue⁵⁵. The text of this inscription is of a public and not a gravestone quality. The twenty lines in Greek monumental capitals are engraved on it. The inscription begins with the exclamation May it be with fortune! In the second line we can see, that the monument was erected in the time of the reign of king Rheskuporis. In the third line it is clear that the individual in question is the son of king Sauromates, who carries the title great king. In the fourth and fifth lines the king Rheskuporis' emissary, Zenon, the son of Fanej is mentioned. From sixth to ninth lines, along with the names of their fathers, are the four leaders of the city of *Tanais* at the time when this monument was erected (Hofarno, Babos, Niblibor, and Horoathos). In the next lines (9-10) two more males with the names of their fathers (Hofrazmo and Bazilid) are mentioned, of which the latter was the hellenarch - the person who was concerned with participation in the Olympic games in *Tanais*. Next lines (11-13) of the inscription reveal the motivation behind the erection of this monument - the renovation of the central square in the city of *Tanais*⁵⁶. It is emphasized that the decision was made after the city council was called, which implies the conclusion that individuals in the Greco-Roman era were not able to conduct public projects arbitrary. The Hellenic Bazilid renovated the square for the common people of the city and for the foreign merchants, of which there were undoubtedly a sizable amount. In the fourteenth line it is stated that the renovation of the square was executed under the supervision of Zenon, the son of Fanej. Next lines (15 and 16) are mentioned two male names with those of their fathers (Famoksart and Faldaran). In the seventeenth line is mentioned the architect Dionfant, who probably lead the construction of the renovated city square. Next lines (18 and 19) along with the names of their fathers mentioned two more males (Aurelius and Nauk), whose role in this event is unclear. The final line gives the date, the year 517, or the year 220 AD.

Transcription and translation:

Λγαθηι τύχηι.
 Ἐπι βασιλείῃ Ῥησκουπόριδι, υἱῷ
 μεγάλου βασιλέως Σαυρομάτου, καὶ [ ]
 Ζήνων Φάννεως πρεσβυτηὶ βα-
 5 σιλέως Ῥησκουττίριδος, καὶ Χο-
 φάρνου Σανδαρζίου, Βάβος Βατο-
 ράσπου, Νιβλόβαρος Δοσυμοζάρ-
 θου, Χορούαθος Σανδαρζίου ἄρχον -

- τες Ταναιτῶν, Χόφρυξιμος Φοργα -
 10 βάκου, Βασιλείης Θεονείκου ἐλ-
 ληνάρχης ἐξαρτίσας τὴν ἀγορὰν
 ἐκ τῶν ἰδίων ἀναλωμάτων ἀπεκα-
 τέστησα τὴ πόλει καὶ τοῖς ἐπιτό-
 15 ροῖς δια ἐπιμελητῶν Ζήνωνα Φάσιν-
 νῆως, Φαρνύζαρθος Ταυρέου,
 Φαλόδρανος Ἀπολλώνιου καὶ
 [αρ]χιτεκτόνων Διοφάντου Νε -
 οπόλου καὶ [ι] Αὐρηλίου Ἀντωνε[ι] -
 νου, Ναύακος Μευάκου.
 Ἐν τῶν ζιφ .

May it be with fortune!

In the time of king Rheskuporis, the son of
 the great king Sauromates, and
 Zenon, the son of Fancj, emissary of ki-
 ng Rheskuporis, and [in the time of] Ho-
 farna, the son of Sandriz, Babos, the son of Baio-
 rasp, Niblobor, the son of Dosimoksar-
 thos, Horoathos, the son of Sandarz, the archons
 of the Tanaisians, Hofranzmo, the son of Forga-
 bak, Bazilid, the son of Teonik, the he-
 llenarch. Prepared by the council
 at their own expense once again renovate [the square]
 for the city and for the merchants, through the supervision of Zenon, the
 son of Fan-
 ej, Famoksart, the son of Taurej,
 Faldaran, the son of Apolonius, and
 the architect Diofant, the son of Ne-
 opol and Aurelius, the son of Antonin,
 Nauak, the son of Meuak.
 the year 517.

The names of two males from the previous older inscription, undoubtedly recall the Croatian national name, and are engraved among others in the inscription⁵⁷. The male on line 5, who was acknowledged on the inscription as the father of the devotional assembly, was called Horouathos (Χορούαθος). The man mentioned on line 20, whose name is unknown because of the damaged condition of the tablet, is cited as the son of Horoathos (Χορούαθου). The identical form of the name Horoathos (Χορούαθος) is also chiselled on the younger inscription⁵⁸. The last of the four men on this inscription were identified as the archons of the Tanaisians.

According to the judgement of Radoslav Katičić, these are personal names and not national ones⁵⁹, in which, nonetheless, we recognize an indirect trace of the Croatian national name, which is of Iranian origin: inscriptions from the 2nd and 3rd century AD, with the personal name Horoatos, Horuatos were found precisely in the area where the Iranian nomads moved, in the Greek settlement of *Tanais*. In that was recognized the name of the Croats. And it was believed that this appellation for

the people became a personal name in *Tanais*, which on its own is not unusual. The linguistic environment in which this non-Greek name appeared and its phonetic form suggests that one can think of it as Iranian. No one has yet challenged this view. To see in the personal name an indirect of the Croatian national name is a serious and, in principle, convincing hypothesis. Neither more nor less than that. There is not therefore total certainty in the matter⁶⁰.

In a different place Katičić concludes: „the personal name Khoróathos, Khoróathos is so similar to the Croatian national name that it is rather believable”. If that is so, then that is the national name which became personal, which is certainly no a rarity; and the people who carried the name found themselves in *Tanais*, in fact, as respectable citizens. Experts agree that the name is most likely Iranian. This means at least that there was a people of that name who existed somewhere in the hinterland of *Tanais*, where, in antiquity, there dwelled in the steppes nomads who spoke an Iranian language. Maybe – exactly that, maybe – Croats have their name from those people, if they did in fact exist. Nothing more and nothing less⁶¹.

In yet another place the same scholar states, „in *Tanais* inscription from a earlier time were found which found announced to the citizens of that city the personal name Horuathos or Horoathos. One can convincingly assume that that is the name of a Croat, that indeed those citizens were called by the name of the barbarian people who lived somewhere in the steppes of the hinterland of *Tanais*. That would be like our surname Hrvatin”⁶². On the origin of this name Katičić concludes:

Of all the proposed etymology for the Croatian name, the Iranian one is the least unbelievable. From the personal names on the Greek inscriptions from the city of *Tanais* at the mouth of the Don River one can recognize the name of the Croats and make the very convincing hypothesis that it is of Iranian, in fact, Sarmatian origin. As for the question of how the name derives from Iranian, there still is not a certain answer. None of the proposed explanations can be accepted without a doubt. In recent times, the Croatian name was derived from the name or title of the Avar chiefs and prelates⁶³. It is obviously, that three persons who lived at the end of the second and beginning of the third century in the area of the city of *Tanais*, carried the name that is more than close to the Croatian national name. The two men from the first tablet⁶⁴ were members of the monthly devotional assembly, Horuathos from the fifth line of this inscription is presented as the father of the devotional assembly, and the man whose identity remains unknown because of the damage to the monument, who was the son of Horoathos, was a regular member of that same devotional assembly. Only Horoathos from the second monument⁶⁵ was one of the four leaders (archons) of the city of *Tanais*. The other speculations are not possible.

The names of the three men from these two inscriptions are very important pieces of information on Croatian ethnogenesis and especially for the genesis of the Croatian national name, which, in more recent times, some native⁶⁶ and foreign authors have judged to be of Iranian descent⁶⁷. In any case these two inscriptions from *Tanais* are the oldest sources that bring to us three personal names that are very similar to the Croatian national name.

In the end it is necessary to emphasize the need for the judicial treatment of the two inscriptions from the Greek settlement of *Tanais* with other sources from Croatia's oldest history.

Notes

¹ Croatian Jesuit, professor of Eastern church history at the Papal Oriental Institute in Rome, and founder of the theory of the Iranian origin of the Croats.

² He was the leading Croatian historian in exile after the Second World War.

³ He is a prominent Croatian philologist and professor of Slavic studies at Vienna University.

⁴ A professor of Croatian medieval history at Zagreb's Faculty of Philosophy.

⁵ F. Šišić, *Povijest Hrvata u vrijeme narodnih vladara*, Zagreb 1925, 237–238: „In the end Pogodin called attention to the personal name, Χοροάθος, Χορούαθος, on two inscriptions that were found in Tanais from the second or third century AD”.

⁶ J. Horvat, *Kultura Hrvata kroz 1000 godina*, 2°, Zagreb 1939, 31: „On the shore of the Sea of Azov, in the city of Tanais, where there is now the town of Azov. Russian archaeologists found in the inscriptions from the second and third century AD, the personal name Horoathos and Horouathos”.

⁷ S.K. Sakač, *Hrvati do stoljeća VII. Izabrani radovi o hrvatskoj etnogenezi* (I: dio), Zagreb 2000, 47–48.

⁸ A prominent pro-communist writer and lexicographer.

⁹ M. Križna, *Pijana novembarska noć 1918 i drugi zapisi. Oslobođenje*, Sarajevo 1973, 217–218.

¹⁰ A professor of Croatian medieval history at Faculty of Philosophy in Zagreb.

¹¹ N. Klaić, *Povijest Hrvata u ranom srednjem vijeku*, 2°, Zagreb 1975, 61.

¹² T. Macan, *Povijest hrvatskog naroda*, 2°, Zagreb 1992, 15.

¹³ A famous Slovenian historian.

¹⁴ *Enciklopedija Jugoslavije*, vol. 4, Zagreb 1960, 37, s.v. Hrvati, I. Ime, by Bogo Grafenauer.

¹⁵ *Enciklopedija Jugoslavije*, vol. 5, Zagreb 1988, 1, s.v. Hrvati, južnoslavenski narod u SFRJ, I. Ime, by Bogo Grafenauer.

¹⁶ *Hrvatski leksikon*, vol. I, Zagreb 1996, 454, s.v. Hrvati, „M. P. Pogodin (1901) was the first to call attention to the name Horóathos or Horúathos, the name of the archon in Tanais (Azov) from the second and third century. He was also the first to open the way to an Iranian theory”.

¹⁷ A professor of Croatian modern history at Zagreb's Faculty of Philosophy.

¹⁸ *Enciklopedija Jugoslavije*, vol. 4, Zagreb 1960, 40, s.v. Hrvati. Etnogeneza hrvatskog naroda: „Their (the Croats) tribal name appeared, to be sure, at the turn of the second century at the mouth of the Don in two Greek inscriptions as a personal name of Iranian origin, but the Slavic characteristic of the Croats at the time of their immigration is beyond doubt”.

¹⁹ A. Škegro, *Javni natpisi s dviju mramornih ploča iz grčkog grada Tanaisa na ušću Dona u Azovsko more*, Povijesni prilozi 21, Zagreb 2001, 253–271; A. Škegro, *Najstariji spomen hrvatskog imena (Javni natpisi s dviju mramornih ploča iz Tanaisa na Azovskom moru)*, „Obavijesti HAD-a”, XXXIV/2, Zagreb 2002, 90–101; A. Škegro, *Najstariji „popis” Hrvata (Javni natpisi s dviju mramornih ploča iz Tanaisa na Azovskom moru)*, „Bosna franciscana”, XI/16, Sarajevo 2002, 134–144; A. Škegro, *Two public inscriptions from the Greek colony of Tanais at the mouth of the Don river on the Sea of Azov*. „Review of Croatian History”, vol. 1, no 1, Zagreb 2005, 9–28.

²⁰ G. Ravančić, *Tanajske ploče – najstariji „popis” Hrvata?* „Meridijani, časopis za zemljopis, povijest, ekologiju i putovanja”, 10, Zagreb 2003, 60–61.

²¹ H. Petrić, G. Ravančić, *Povijest 2. Udžbenik iz povijesti za 2. razred gimnazije*, Zagreb 2003, 46.

²² A. Škegro, *Two public inscriptions...*, 12.

²³ *Ibidem*.

²⁴ A.Ž. Lovrić, *Znanstvena dokumentiranost protudokaza o antičkom predslavenskom podrijetlu Hrvata. Tko su i odakle Hrvati. Revizija etnogeneze. Who are and whence came Croats. A Revision of Ethnogenesis*, 2°, Zagreb 1994, 13; M. Marčinko, *Od prahrvatskoga doba do VII. st. poslije Krista Tko su i odakle Hrvati. Revizija etnogeneze. Who are and whence came Croats. A Revision of Ethnogenesis*, Zagreb 1994, 41.

²⁵ V.P. Nikčević, *Porijeklo i značenje imena Hrvat i Srbin*, „Dubrovnik, časopis za kulturu”, 6, Dubrovnik 1987, 8; V.P. Nikčević, *Kroatističke studije*, Zagreb 2002, 29, 98.

²⁶ M.N. Čurić, *Staroiransko podrijetlo Hrvata*, Zagreb 1991, 131.

²⁷ A professor of the Zagreb Pedagogical Academy.

²⁸ I. Biondić, *Magna fraus. (Velika obmana). Slom ideologije Otvorenog društva*, Zagreb 2002, 102.

²⁹ S. Pantelić, *Zabluda o iranskom podrijetlu Hrvata*, „Zadarska smotra, časopis za kulturu, znanost i umjetnost”, XLIX/1–3, Zadar 2000, 127–145.

³⁰ *Ibidem*, 142.

³¹ *Ibidem*, 132.

³² *Ibidem*, 137.

³³ *Inscriptiones Regni Bosporani graecae et latinae. Inscriptiones antiquae Orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Volumen Secundum*. Petropoli: edidit Basilius Latyschev, 1890, 237, nr 430; 261–262, nr 445.

³⁴ *Inscriptiones Regni Bosporani graecae et latinae. Inscriptiones antiquae Orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae*. Edidit Basilius Latyschev. *Volumen Secundum*. Hildesheim 1965, 237–238, no 430; 261–263, no 445.

³⁵ *Corpus inscriptionum Regni Bosporam (CIRB)*, Moskva 1965, 736–737, no 1245; 763–765, no 1277.

³⁶ M. Lorković, *Narod i zemlja Hrvata*, Zagreb 1996, 6.

³⁷ D. Mandić, *Dolazak Hrvata na Jadran. Rasprave i prilozi iz stare hrvatske povijesti*, Rim 1963, 58–59.

³⁸ A professor of Church history at Zagreb's Catholic Theological Faculty; F. Šanjek, *Crkva i kršćanstvo u Hrvata. Srednji vijek*, Zagreb 1993, 423.

³⁹ I. Perić, *Povijest Hrvata*, Zagreb 1997, 3.

⁴⁰ A professor of the Middle Ages at Zagreb's Faculty of Philosophy.

⁴¹ I. Goldstein, *Hrvatski rani srednji vijek*, Zagreb 1995, 24.

⁴² I. Goldstein, *Hrvatska povijest*, Zagreb 2003, 35.

⁴³ I. Goldstein, *Croatia. A History*, London 1999, 13.

⁴⁴ V. Koščak, *Iranska teorija o podrijetlu Hrvata [Iranian Theory of the Croats' Origin]. Etnogeneza Hrvata [Ethnogeny of the Croats]*, Zagreb 1995, 110, 233.

⁴⁵ E. Heršak, *Etničnost u prošlosti [Ethnicity in the past]*, *Etničnost i povijest*, Zagreb 1999, 30.

⁴⁶ *Hrvatski povijesni zemljovid*, Zagreb 1994, 56.

⁴⁷ H. Kadić, *Chaman – Kuban – Tanais (odrednice hrvatskog identiteta)*, „Marulić, hrvatska književna revija”, 5, 2000, 949.

⁴⁸ *Ibidem*, 967–970, Phot. 1–4.

⁴⁹ Inventory number in the Hermitage: TH 325; *IRB* 1965, no 445.

⁵⁰ M. Milicević Bradač, *Stara Grčka. Grci na Crnome moru*, Zagreb 2004, 271.

⁵¹ M. Milicević Bradač, *Stara Grčka...*, 271.

⁵² Inventory number in the Hermitage: TH 297; *IRB*, no 430.

⁵³ *IRB*, no 445.

⁵⁴ M. Milicević Bradač, *Stara Grčka...*, 272.

⁵⁵ R. Katičić, *Boristemu u pohode*, „Forum. Mjesečnik Razreda za književnost Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti”. God. XXXVIII, knj. I, XXI, br. 10–12, Zagreb 1999, 1256.

⁵⁶ Ch. Danoff, s.v. *Bosporanum regnum*, Der Kleine Pauly, *Lexicon der Antike*, Erster Band, Stuttgart 1964, 931.

⁵⁷ *IRB*, no 445.

⁵⁸ *IRB*, no 430.

⁵⁹ R. Katičić, *Ploča bogoštovnog zbora a ne hrvatskoga parlamenta. Zar doista grčki tekstovi o crnomorskim Hrvatima u kasnoj antiki?*, „Hrvatsko slovo, tjednik za kulturu”, V/212. Zagreb 1999, 133.

⁶⁰ R. Katičić, *O podrijetlu Hrvata, Hrvatska i Europa. Kultura, znanost i umjetnost*. Sv. II: *Srednji vijek (VII–XII. stoljeće). rano doba hrvatske kulture*. Zagreb 1997, 160.

⁶¹ R. Katičić, *Zar doista grčki tekstovi o crnomorskim Hrvatima u kasnoj antiki?* „Obavijesti HAD-a”, XXXI/2, Zagreb 1999, 134.

⁶² R. Katičić, *Boristenu...*, 1253.

⁶³ R. Katičić, *Litterarum studia. Književnost i naobrazba ranoga hrvatskog srednjovjekovlja*, Zagreb 1998, 225–226.

⁶⁴ *IRB*, no 445.

⁶⁵ *IRB*, no 430.

⁶⁶ V. Koščak, *Iranska teorija opodrijetlu Hrvata...*, 113.

⁶⁷ L. Steindorff, *Kroatien Vom Mittelalter bis zur Gegenwart*, München 2001, 24–25.

Официальные надписи на двух мраморных плитах из Танаиса. (Находка в Хорватии хорватского имени самого раннего упоминания)

Резюме

П.М. Леонтьев нашел в Танаисе два фрагмента надписей, на которых видны имена Хоруатос из Хорватос. Как считают хорватские ученые, это первые надписанные хорватские имена.

Валерий Ф. Чеснок

ВЕТЬ СВЯЩЕННОЙ ОЛИВЫ ИЛИ БОГИ И ГЕРОИ АНТИЧНЫХ СТАДИОНОВ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ

*Я предпочел бы логику легенды логике научного опыта:
хотя в первой меньше здравого смысла, но зато больше надежды.*

В. Ваганов, *Семь легенд из золотого колчана*.

Спорт – метафора культуры. В его истории наиболее ярко прослеживается удивительное свойство человека отождествлять телесную красоту и силу с проявлением божественного в личности. По европейской традиции эту идею называют олимпийской, но на любом континенте планеты, у любого народа возникали такие же идеи и находили образное выражение и в истории физической культуры, и в народных играх, и в мифологии, и в праздниках. Так что история спорта, его символы, идеи и ценности принадлежат не одному народу или стране.

Много ли в сокровищнице цивилизации ценностей, в которых с такой полнотой воплотилась бы мечта о гармонии и совершенстве!? Причем в обстоятельствах, казалось бы, исключающих и мечту, и надежду, и самого человека: войны диктовали свои законы. К сожалению, немного. Но их роль и влияние на судьбы цивилизации значительней военных походов.

Древность – колыбель спорта. В своих основных пропорциях он остался неизменным со времен первых олимпиад: символы, терминология, виды соревнований. Прошло без малого три тысячелетия – феноменальная устойчивость мечты, надежд, оптимизма и веры в человека, отлившихся в форме состязаний.

Можно с уверенностью предположить, что спорт в будущем вернется к истокам, где равенство в состязании силы, ума и красоты создавали столь необходимую гармонию взаимоотношений человека с другими людьми, с природой, с самим собой. Что в итоге, может быть, и определяет смысл жизни и дает ощущение счастья.

Если следовать библейской хронологии, то самое первое состязание человека состоялось с Богом.

Напомню: первая книга Бытия. Иаков, сын Исаака, „человек кроткий, живущий в шатрах”, тот, который служил в батраках за возлюбленную свою семь лет и „они доказались ему за несколько дней”, потому что он любил ее.

И вот однажды он перевел через небольшую реку стада свои и семейство. И когда остался один, с ним стал бороться Бог. Несмотря на неравенство сил, человек продержался долго, „до появления зари”. И Бог, „увидев, что не одолевает его, коснулся состава бедра его и повредил состав бедра у Иакова”. И первым Бог сказал: „Отпусти Меня, ибо взошла заря. Иаков же сказал: не отпущу Тебя, пока не благословишь меня”.

Наградой человеку стало благословение Бога.

Спорт старше мировых религий. По существу он сам был религией, и культовый церемониал древности проглядывает сквозь самые современные спортивные шоу.

Да и сами боги в греческих мифах овладели миром в борьбе с титанами — темными силами. И это была борьба равных сил. Но непременным условием победы бессмертных богов было участие смертного человека. Им был Геракл — основатель олимпийских игр. Если и боги не могут изменить законов природы, и сущность большинства из них — борьба, то сделаем ее милосердной. Так родился спорт.

На примере любого вида спорта можно увидеть, как идея обкатывалась во времени и в пространстве: не зная границ, не считаясь с господствующими в то или иное время идеологиями, совершенствуюсь в античных агонах, в средневековых турнирах, в народной культуре, в спортивных состязаниях нового времени. И вот готовый шедевр собирает тысячи поклонников и ценителей, и уже невозможно представить, как мир мог существовать без этих зрелищ — взлетающего над стадионом мяча, совершенной пластики спортивных танцев на льду, завораживающей непредсказуемости борьбы, бега... в общем, любого состязания, этого бесконечного диалога силы, красоты, ума!

Точной даты рождения спорт не имеет. Как и все выдающиеся открытия и достижения цивилизации: овладение огнем, изобретение колеса, алфавита, возникновение ремесел, появление религии, искусства. Поэтому происхождение спорта отнесли к области чуда и явление его объяснили божественным вмешательством.

По традиции, принятой в XIX в., время летосчисления тому или иному событию начинают с первого упоминания в письменных источниках. Если началом спорта считать первое состязание, зафиксированное письменно, то его история на территории Восточной Европы стартовала с легенды о трех братьях, рассказанной первым историком планеты Геродотом. Уникальный сюжет подлинной скифской мифологии. Отец истории приводит ее на страницах „Скифского логоса” — одной из книг его знаменитой *Истории*, перечисляя версии о происхождении скифов.

Легенда красивая! В ней есть все признаки, определявшие особенности физической культуры у всех народов во все времена: состязательность, непредсказуемость результата, приз сильнейшему и т.д.

История такова.

В одном из своих знаменитых подвигов Геракл добывал стадо быков, принадлежавших великану Гериону. Герой одолел врага и возвращался домой на колеснице, погоня упрямых быков. Путь пролегал через неведомые холодные земли на окраине Ойкумены, где текли полноводные, невиданные им прежде реки: Гипанис, Борисфен, Танаис. Здесь Геракла настигла зима. Решив передохнуть, он выпряг коней из колесницы, отпустил быков пастись, закутался в львиную шкуру и крепко уснул. А пробудившись, он не обнаружил коней. Они были таинственным образом похищены „по божественному предопределению” — уточняет Геродот.

Геракл отправился на поиски. Обходя заснеженную страну, он встретился со змееногой богиней — владычицей этих земель. Изумившись ее облику, он спросил, не видала ли она коней.

— Кони у меня — отвечала богиня. — Но я их верну только после того, как ты разделишь со мной брачное ложе.

Геракл, согласившись, остался. Богиня долго откладывала возвращение коней, желая как можно дольше жить в супружестве с Гераклом. Наконец, вернув коней, она сказала:

— Я сохранила для тебя этих коней, забредших сюда, а ты дал мне награду: ведь у меня от тебя родится три сына. Скажи, что сделать, когда они станут взрослыми?

— Я оставляю тебе лук и пояс с золотой чашей — отвечал Геракл. — Когда сыновья вырастут, пусть каждый из них попробует подпоясаться этим поясом, натянуть тетиву и выстрелить из лука. Того, кто сумеет это сделать, оставь царствовать в стране.

Пояснив богине, как натягивать лук, накладывать стрелу и застегивать пояс, Геракл удалился.

Прошло время, родившиеся сыновья возмужали, мать дала им имена: Агафирс, Гелон и младшему — Скиф. А затем, положив перед ними лук со стрелами и пояс с золотой чашей, предложила состязаться. Старший и средний сыновья не смогли ни натянуть тетиву лука, ни подпоясаться. Выполнил задачу лишь младший. „И от Скифа, сына Геракла, произошли нынешние цари скифов” — добавляет Геродот. — А из-за этой чаши скифы и поныне носят чашу на поясе”. И как замечательную достопримечательность, скифы показывают в скале у реки Тираса (Днестр) сохранившийся на поверхности скальной плиты след Геракла длиной в два локтя.

По следам легенды пошли археологи и она нашла свое подтверждение в их открытиях. Расскажем о двух самых знаменитых, ставших хрестоматийными для истории древнего народа.

В XIX в. при раскопках кургана Куль-Оба близ Керчи было найдено множество драгоценных вещей, но самым выдающимся среди них был золотой ритуальный сосуд с изображением скифов. Безымянный художник с поразительным реализмом передал их облик, особенности одежды, вооружения. По ха-

рактору, пышности, богатству Куль-Обы ясно, что это погребение именитого скифского вождя. Так что изображение на золотой вазе не из разряда обыденных сюжетов. Оно явно связано с масштабными деяниями скифского эпоса, с представлением о мире, о происхождении народа. Известный специалист по скифской мифологии, Д.С. Раевский считает сюжет золотой вазы иллюстрацией легенды о состязании трех братьев. По изображениям ясно видно, что мастер представил четыре сюжета: три парных и одиночный.

Пролог композиции – скиф, натягивающий тетиву лука. Это начало повествования, в этом смысл состязания, затем две парные фигуры, иллюстрирующие неудачу старшего и среднего братьев. Их называют сценами врачевания: один из братьев повредил челюсть, другой ногу – характерные травмы при неумелой попытке натянуть тетиву тем способом, который изображен в первом сюжете. И наконец, финальная сцена, важнейшая: прародитель скифов Геракл с царской повязкой-диадемой на голове дает наставления победителю – младшему сыну Скифу.

Позднее, при раскопках другого скифского захоронения в урочище Частые курганы под Воронежем, был найден серебряный с позолотой сосуд, по форме и сюжетам на поверхности очень похожий на куль-обский. На скифах подпоясанные кафтаны, длинные облегающие штаны, мягкие сапоги, подвязанные ремешками у щиколоток, длинные волосы, усы, бороды. Среди них один юный воин: безус, безбород. Их вооружение – гориты, копья, шиты, секиры, нагайки.

Обе вазы датируются IV в. до н.э. то есть, столетием позже того времени, когда Геродот написал свой „Скифский логос“ – первое историческое повествование о народах и природе нашей страны.

В то время, когда Геродот записывал легенду, для самих скифов она уже была „ветхозаветным“ событием. Недаром, рассказывая историку о происхождении своего народа, скифы уточняли, что со времени правления их первого царя прошла как раз тысяча лет – задолго до первых олимпиад.

Состязания трех братьев и победа младшего брата – древнейший сюжет в культуре. Корни сюжета интернациональны, он воспроизводится в мифологии и религии многих народов, входит нормами права в первые юридические памятники. (Позже такую норму называли миноратом, от латинского слова *minor* – младший). Издавна закреплялась естественная традиция: старшие сыновья, возмужав, уходят из семьи со своей долей наследства, младший остается с родителями, „с отцовского корня не сходит“. Народные пословицы отражают обычай задолго до их юридического оформления: среди славянских можно встретить – „младшему сыну отцовский двор, старшему – новоселье“, „меньшой сын на корню сидит“.

Позднее в русской сказке побеждает тот, кто, казалось бы, не имеет ни малейших шансов – самый младший. Ему достается невеста, жар-птица и златогривый конь.

Но почему видом состязаний скифы выбрали стрельбу из лука? Попробуем разобраться.

Во-первых, лук и стрелы – древнейший вид оружия, предположительно изобретенный в эпоху каменного века. Сотни кремневых наконечников стрел археологи извлекли из стен Ливенцовской крепости, а это на тысячу лет древнее времени Геродота.

Позднее лук, стрелы и колчан-горит – почти обязательная принадлежность погребений скифов-воинов, часто их встречают и в женских захоронениях. В Пятибратный курган, что в донской дельте, при погребении скифского вождя соплеменники положили около двух десятков луков и сотни стрел.

Великолепны гориты – футляры для лука в богатых погребениях. Их деревянную основу обтягивали кожей и расписывали красками. Встречаются гориты с обкладками из золотой пластины с рельефными изображениями. Их четыре, с одинаковыми сценами, оттиснутыми с одной бронзовой или деревянной матрицы с последующей доработкой деталей изображений. Найденные в разных районах Северного Причерноморья, они воспроизводят мифологические сцены из жизни Ахилла. Это выдающиеся произведения искусства. В верхнем фризе горита сцена вручения лука мальчику Ахиллу. Гориты выполнены в городских мастерских Боспора по скифскому заказу. То есть, Ахилл, как и Геракл, уже именован скифами в круг своих степных божеств – и будущий герой *Илиады* держит лук, столь не свойственное гоммеровским персонажам оружие.

Серебряная чаша из раскопок кургана Солоха. Техникой чеканки, тонкой и тщательной, на поверхности исполнены сцены охоты: скифы-всадники с луками и дротиками сражаются со львами.

На золотых бляшках из кургана Куль-Оба изображены стреляющие из луков два скифа, они стоят спиной друг к другу – удивительные по динамике изобразительности сцены.

В многочисленных живописных изображениях на керамических сосудах – классике античного искусства – скифы всегда с луком и стрелами, в отличие от греков, вооруженных копьями и мечами. Но конечно же, лук как древнейшее охотничье и боевое оружие был хорошо известен не только народам степи, но и эллинам.

Греки знали тяжелый лук. Одиссея, вернувшегося из странствий, Пенелопа узнает не только по рубцу на теле – „поранил колено когда-то острым клыком разъяренный кабан“, и знание тайного устройства супружеского ложа – „описал все приметы нашей кровати, о ней же никто из живущих не знает, кроме тебя и меня...“. Решающий момент узнавания – Одиссей натягивает тетиву тяжелого лука. (Вспомните наставление Геракла скифской богине: „Как увидишь, что кто-то из сыновей натягивает лук...“).

Искусство натянуть тетиву на рожек лука – самая сложная и решающая процедура подготовки к стрельбе. Многочисленным соискателям руки Пенелопы не по силам согнуть туго сгибаемый лук – один из них стал у порога двери, схватил лук, „но его и погнуть он не мог; от напрасных усилий слабые руки его онемели“.

Одиссей же „без труда во мгновение лук непокорный, напруг. Крепкою правой рукой, тетиву натянувши, он ею щелкнул; она провизжала, как ласточка в небе“. Лук же в его руках непригоден для стрельбы верхом на коне.

Лук за ручку держа, тетиву со стрелой потянул он
И, не сходя с табуретки, вперед наклонясь и нацелясь,
Острую выпустил с лука стрелу. Мгновенно чрез дыры
Ручек всех топоров, не одной не задев, пролетела
Тяжкая медью стрела...

Но значения, какое имел лук у степных народов – быть основным оружием – у греков он не приобрел. Все-таки лук и стрелы эффективны на степных просторах, где ими вооружены всадники. Недаром для греков востельщины степей амазонки „стреляют из лука и ездят верхом”. А их определение „амазонка” означает: лишенная груди или безгрудая. Они якобы выкигали себе правую грудь, мешавшую натягивать тетиву лука. Конечно, это гипербола, какими грешат легенды и сказки: в скульптуре и живописи те же греки изображали амазонок без впечатляющих, образных, но антиэстетичных недостатков.

Так что лук приходит в Грецию из степей. Но с какой стороны окраин Ойкумены? С берегов ли Гипаниса (Буга), или Борисфена (Днепра), или Танаиса (Дона) – вопрос спорный. Но в данном случае не столь существенный – все Северное Причерноморье в гомеровскую эпоху составляло для греков единое этнографическое пространство. С VI в. до н.э. скифы становятся устойчивым ориентиром для определения огромного района степной и лесостепной полосы от Северного Причерноморья до Северного Китая. Общность культуры и этническое родство народов на этой территории бесспорно, и в наше время подтверждается археологическими раскопками и лингвистическими исследованиями. Даже очертания берегов Понта Эвксинского греки находили очень похожими на скифский лук с натянутой тетивой.

Страбон – отец географии: „тетиве уподобляются так называемые правые части Понта, то есть побережье от устья до впадины у Диоскуриады (современный город Сухуми); ведь, кроме мыса Карамбис, весь остальной берег имеет только незначительные углубления и выступы, так что он похож на прямую линию. Остальную часть сравнивают с рогом лука с двойным изгибом; верхний изгиб более закругленный, нижний более прямой; таким образом, левый берег образует два залива, из которых западный значительно более закруглен, чем восточный... к северу от него расположено озеро Меотиды (Азовское море), в дальнем углу которого лежит одноименный реке город Танаис...”.

Взгляните на карту Черного моря: вершина лука – Таврия, тетива – южный берег. Археологам скифский лук хорошо известен по находкам и изображениям. Средняя часть его, захватываемая рукой, прямая, а боковые части изгибаются сначала по направлению к тетиве, а потом от нее. Он многосоставной, с костяными накладками для увеличения упругости; концы из козлиных рогов, опраренных в металл.

Сравнение понравилось. В самом деле – яркое, точное, образное, лучше не скажешь о море, омывающем скифские берега; его берут на вооружение многие летописцы позднейших времен.

Классических героев эноса, предпочитавшие лук и стрелы, немало. Их роли в мифах далеко не второстепенны: Аполлон, Артемида, Геракл, Эврит... Вот как раз в выборе оружия проступает северо-восточное происхождение и глубочайшая древность формирования этих образов. Но только Аполлон с сестрой Артемидой успели трансформироваться в неуязвимых грозных олимпийцев, остальные обречены на бесконечные испытания, страдания, неустрашество и смерть.

Лучший лучник на Олимпе – Аполлон-стреловержец. Версия мифа выстраивается в цепочку: Аполлон обучил стрельбе из лука царя Ойхалии Эврита, который в этом искусстве стал учителем Геракла.

Но другой, более распространенной версии, владеть в совершенстве луком обучил Геракла скиф Тевтар. То есть, у старга традиции, где толпятся знаменитые олимпийцы – Аполлон, Геракл, Артемида, все же главный их гимнасиарх – тренер и судья – скиф. А гимнасий их обучения находится в Северном Причерноморье.

Кто же был первым учеником? Тут, как говорится, возможны варианты. Но скорее всего, начало цепочки правильнее вести от Геракла. Аполлон слыл „стреловержцем” гораздо позже: его родословная – на востоке, в ранний период он бог солнца, света. Как эхо древнего образа: ежегодно Аполлон на время зимы запрягает в колесницу белых лошадей и с Олимпа уносится в далекую холодную страну Гиперборею.

„Лук и стрелы изобрел Скиф, сын Юпитера” – подводит итоги версий о появлении лука в античной традиции Плиний Старший. Плутарх приписывает скифскому мудрецу Анахарсису поэтическое выражение „...лук сочувствует скифам, лиры же и флейты – эллинам”.

Так что есть все основания полагать, что стрельба из лука как вид состязаний пришла в античный мир из степей Причерноморья.

Откроем Гомера: *Илиада*. Песнь двадцать третья. „Погребение Патрокла. Игры”.

В состязаниях, устроенных Ахиллом в честь погибшего друга, „первые быстрым возницам богатые бега награды он предложил...”. Лучшие страницы, где описаны игры греков вокруг кургана Патрокла, в поэме посвящены состязаниям колесниц. Затем кулачный бой, борьба, бег, метание диска... Награды достойным: „медный ужатый с боков двадцатидвухмерный треножник”, „кобылица шестиголовая”, два таланта золота, „серебряный, пышный сосуд – шестимерная чаша, чудной своей красотой помрачавшая в целой вселенной славные чаши”, еще один треножник – „огромный, медный – в двенадцать волов оценили его...”.

Даже проигравшим в этих видах состязаний предназначались: „кубок двухдонный”, „в рукодельях искусная дева младая – в четыре вола ее оценили...”.

Стрельбы из лука в финале состязаний – скупые эпитеты, краткие характеристики, скромные награды.

Вот Ахилл выносит призы для лучников: десять двуострых секир и десять простых. Все – лишь название! В отличие от предыдущих наград, где о каждой – кубок, фиалы, треножник, бык – эпитеты в несколько строк.

Выставлена цель: на вершине корабельной мачты, вкопанной в песчаный берег, привязана за ногу голубка.

В шлем бросили жребий. Первый стрелок Тевкр не сделал обета Аполлону, и „воспрепятствовал Феб раздраженный“, стрела попала в шнур, которым привязана птица. Тогда Мерион – повелитель критян, сподвижник, „в сердце обет сотворил метателю Аполлону, первенцев агнцев ему в благодарность принести...“. В голубку стрела попадет. Мерион берет двуострые топоры, а проигравший Тевкр простые топоры „полес к кораблям мореходным...“.

То есть, для Гомера лук и стрелы – оружие не архаичное, а более варварское; как неразбавленное вино, оно более соответствует природным наклонностям степняков, а не героям его поэмы.

Уж на что Пиндар – восторженный певец агонистики, сплетавший бесконечные эпитеты борцам, бегунам, колесничим – и тот не находит даже простенького сравнения для стрельбы из лука.

Этот вид состязаний не входил в олимпийские игры, на долгое неприятное его в Греции влияло то, что лук все же – основное оружие степных варваров. Игры в Олимпии, освященные богами и традициями глубочайшей древности, с трудом поддавались нововведениям. В играх других районов Эллады, где упоминается лук, роль его также весьма второстепенна.

Тем не менее, первый документ о состязании лучников существует. И найден он не в Греции, на родине игр, а в степной зоне Северного Причерноморья, в Ольвии – городе в устье Буга. На фрагменте желтого мрамора высечена стихотворная надпись: „Я говорю, что на двести восемьдесят две оргии стрелял из скифского лука славный Анаксагор, сын Демагорей“. Надпись датируется концом V в. до н.э. Стиль текста, без сомнения, свидетельствует, что речь идет о победителе в состязаниях на дальность стрельбы. Оргия равняется 1,85 м. Значит, стрела, выпущенная Анаксагором, пролетела расстояние в 521,5 м. Результат исключительный. Кстати, это пока что единственное точное известие о дальности полета стрелы в древности. Стоит напомнить, что в современных состязаниях из спортивных луков максимальная дистанция по прицельной стрельбе равна 90 м.

Кем, когда и как были учреждены олимпийские игры? Существует несколько легенд. По одной из них возникновение праздников в Олимпии обязано Гераклу. История такова.

В Элиде царствовал Авгий, сын Гелиоса. У него было такое огромное количество стад быков и коз, что большая часть страны оставалась невозделанной из-за навоза. Вывести его было задачей сверхчеловеческой. Но не к богам же обращаться. И Авгий попросил Геракла за десятую часть своего стада совершить подвиг – очистить страну от навоза. Герой выполнил эту работу в один день: предварительно прорыл канал от реки Алфея и течением реки смыл навоз в море. Но царь обманул – награды Геракл не получил и через некоторое время вернулся в Элиду с войском и победил коварного Авгия.

В честь победы Геракл принес жертвы богам и посадил в долине Алфея рощу оливы. В глухом эхе мифа о появлении священной рощи в Олимпии по-

является тема гиперборейских земель. Эта тема связана с Гераклом, как и история о сыновьях героя в Скифии и их состязаниях. Геракл увидел в Олимпии каменистую пустынную землю и решил посадить здесь деревья. Он отправляется в земли, что „за спиной у ледяного Борея“, увидел там деревья и „сладкое желание обуяло его посадить их вокруг ристалищ“. Он умолил гипербореев „словами разума“, получил деревья и принес в Олимпию в святилище Зевса „бледную красу оливы“. Так появилась священная роща деревьев, ветви которых „осеняют мужей и венчают их подвиги“.

Важнейшие страницы в мифологической биографии Геракла – сюжеты, связывающие Северное Причерноморье с Элладой, Олимпией, с играми: скифские сыновья Геракла и их состязания, священная роща Алтиса, разросшаяся из оливковой ветви, принесенной Гераклом из Скифии и т.д. Эти сюжеты, по видимому, относятся еще к XII в. до н.э., когда складывалось языковое единство Греции, общий пантеон, общее экономическое и культурное пространство, в которое, конечно же, входили и северные окраины Ойкумены. Формируется и уникальное агонистическое – спортивное пространство, ставшее важнейшим фактором культурного единства. Поэтому не столь катастрофичными стали для Греции миграционные движения конца II тысячелетия до н.э., как это представляется по материалам археологических раскопок: движения народов заделали лишь аристократическую прослойку общества. Уже в XII в. до н.э. Олимпия – общеэллинская святыня, у нее особый статус, особая роль в греческом социуме.

Геракл оказывается одновременно на разных полюсах тогдашнего мира: в Олимпии и в Скифии, где состязание его сыновей решает судьбу народа. Геракл, как колосс Родосский, стоявший на двух берегах бухты, соединяет Северное Причерноморье с Олимпом и Олимпией. Изображения его столь многочисленны (в мраморе, в глине, в ювелирном искусстве) в античных городах окраин Ойкумены, что похоже, этот культ не привозили с домашними алтарями из метрополии, а на местах восстанавливали полузабытые образы.

Мифологическое пространство не знает времени. Важно другое: форма выбора – мирное состязание! Задается модель поведения и освящается участием матери всех скифов и величайшего героя всех греческих преданий. Модель поведения не в религиозных наставлениях, не в моральных кодексах, не в теориях философов, а на практике, в состязании силы, красоты, ума. Модель на тысячелетия вперед: она оказывается столь совершенной, что по нынешнее время, похоже, остается недостижимой для человечества.

Как сами современники олимпиад оценивали феномен игр? Приведем отрывок из сочинения Луккиана „Анахарсис, или Об упражнении тела“. Вначале несколько слов о самом писателе и о героях диалога Анахарсисе и Солоне. Луккиан жил во II в. н.э. Он был блестящим сатириком, сохранилось ок. 80 его сочинений, много путешествовал, критиковал свое время, нравы, суеверия, философов, обличал все религии, пародировал мифы о богах, сочинял фантастические романы о полетах на Луну. Герой его диалога Анахарсис – мудрый

скиф, выходец из причерноморских степей. Историки спорят, реальная или легендарная он личность. Геродот в своей *Истории* упоминает о нем неоднократно, и чувствуется по характеристике его историком, что это имя читателям хорошо известно и почитаемо: Анахарсис много путешествовал, многому научил греков и многому научился сам от них. О втором герое диалога Солоне знает по учебникам истории древнего мира любой школьник: поэт, политик, живший в VI в. до н.э., он решительными реформами в области земельных отношений, торговли, армии спас афинское государство и был причислен к семи мудрецам древности.

Лукнан воспользовался образами двух мудрецов, принадлежавших разным культурам, чтобы в излюбленной форме повествования – диалоге – соединить противоречивые оценки роли и значения игр.

Состязательные игры, конечно же, проходили во всех городах Причерноморья – Приазовья.

Игры в Горгиппии, десятки имен гимнасиархов в надписях Танаиса, Гермонасы, здание гимнасия в Фанагории, находки стригилей, храмы и святилища богов, культовые ритуалы которых были связаны не только с жертвоприношениями и торжественными процессиями, но и с состязаниями – атлетическими, музыкальными, конными скачками.

Горгиппийский агонистический каталог. Под таким названием вошел в историю мировой спортивной культуры выдающийся памятник, обнаруженный летом 1895 г. при постройке дома на территории города Анапы – древней Горгиппии.

Плиту у владельца дома приобрел профессор Н.И. Веселовский, член Императорской Археологической комиссии, для Керченского музея, где она и находится по настоящее время. На территории заповедника „Горгиппия“ установлена копия памятника.

Белая мраморная стела высотой более 2 м с высеченными на поверхности именами победителей на состязаниях – Горгиппийских играх. Памятник столь выразителен, что если бы вдруг он оказался бы единственным спортивным памятником того далекого времени, все равно можно было бы говорить о классических традициях состязательной культуры в городах античной эпохи на территории России.

225 имен в четырех столбцах высечены на поверхности стелы. Каждый столбец имел заглавие. Сохранилось два: „Следующие победили на длинной дистанции в честь Гермеса“ и „Крепостью тела победили“. Большинство имен греческие: Геродор, сын Анаксикрата; Аполлоний, сын Посидея. Но есть имена и не греческие: Аристодем, сын Скифа; Деметрий, сын Синдока. Хотя в среде людей, не одно поколение живших на Боспоре, вполне могло быть употребление этнических названий „скиф“, „синд“, „сармат“ в качестве имен собственных.

Надписи по характеру шрифта делятся на два раздела – в одном, отделенном вертикальной чертой, высечены более ранние имена победителей сорока

семи состязаний, во втором – имена победителей последних четырнадцати состязаний; они не отделены вертикальной чертой. Первые имена начертаны сразу, возможно, на стелы перенесли имена, прежде исполненные на менее долговечном материале: деревянные доски или оштукатуренная поверхность стены. И после установки почетной стелы на агоре города дополняли записи после каждого состязания. Таким образом, имена победителей составили второй раздел, состоящий из четырнадцати игр.

Палеография надписи датируется первой половиной III в. до н.э. Под столбцами незаполненные места – списки победителей дополнялись после очередных состязаний на протяжении ряда лет. Имена в списках повторяются, таких имен насчитывается 39, причем в разных столбцах. То есть, были атлеты, занимавшие призовые места в различных видах состязаний.

Аналогичные горгиппийскому найдены каталоги в Херсонесе и Ольвии. А на надгробии херсонесита-атлета Феофанта (конец IV в. до н.э.) изображен инвентарь, характерный для атлета.

Среди него четыре тенни – повязки с тесемками на концах – ими стягивали волосы. Нарядными широкими тесемками, украшенными золотыми стилизованными лаврами, награждали победителей состязаний и в Греции, и на окраинах ойкумены. Их находят при раскопках во всех античных городах Юга России. Ткань, конечно, истлела, но по лепесткам силуэт на повязке легко восстанавливается. Тенни – свидетельство четырех побед атлета, одержанных на херсонесских или на общегреческих играх.

Легко узнается стригил – металлический или деревянный скребок, которым атлеты после состязаний счищали с себя масло, пот и песок. География находок стригилей при раскопках античных памятников России обширна. Несколько стригилей из раскопок в Горгиппии выполнены как парадная торжественная награда: их бронзовая поверхность покрыта золотом, а рукояти украшены эмалевыми вставками. У них широкие лезвия с бортиками по краям. Бронзовый Силен из Танаиса держит в правой руке стригил. Стригил из Тамани отлит целиком из бронзы, в форме длинного изогнутого скребка с плоской ручкой. Его обратная сторона – рельефные линии: ребра жесткости и украшения, на внутренней стороне ручки – клейма.

Здесь же сосуды с маслом для натирания во время упражнений. Арибалл, алабастр, лекиф, амфориски – разновидности сосудов для растительного масла, обычно оливкового. Непременная принадлежность обихода атлета и интерьера палестры наряду со стригилем. Маслом натирали тело перед состязаниями, обсыпали мелким песком и счищали серповидным стригилем, обеспечивая эластичность и массаж тела. Общее у всех этих сосудов – цилиндрическая форма, очень узкое горло и массивный широкий круглый венчик; удобно было, приложив венчик к телу, растирать масло по поверхности. Отличия в пластике сосудов: у алабастра яйцевидное тулово, у арибалла – шаровидное, у лекифа – цилиндрические формы. Алабастр – он без ручки – носили на шнурке, обвязав за шейку, арибалл и лекиф подвешивали за вертикальную неширокую ручку. Сосуды всегда расти-

сывались. Сюжеты рисунков разнообразны: итицы, животные, боги и мифологические герои. Их можно встретить в экспозициях многих российских музеев, так как они — частые находки при раскопках античных памятников.

Известны агонистические празднества, посвященные покровителю гимнасиев Гермесу (Гермеи) во многих городах Северного Причерноморья. Их можно сопоставить с состязаниями, проводившимися по всей территории Ойкумены. Они известны в Афинах, на Саломинис, в Беотии, на Пеллопнесе, в Сиракузах, на Делосе, Самосе, в Теосе, Кергаме, Ольвии, Херсонесе. По всей античной ойкумене статуи Гермеса устанавливались в палестрах и гимнасиях. Бронзовая статуэтка Гермеса была найдена донскими археологами при раскопках древнего Танаиса.

Общая черта игр, посвященных вечно юному богу — они были праздником детей и юношей. Известно, что начинался праздник бегом мальчиков с факелами. Затем бег на различные дистанции, стрельба из лука, метание копья, иногда состязания колесниц. Победителей награждали: коллективной наградой мог быть бык, индивидуальными — венки, щиты.

На территории предполагаемых Кремн (г. Таганрог) был найден обломок чернолаковой чаши (VII в. до н.э.) с процарапанной стихотворной надписью: „Жажду веселья я, так как победил, получив призы, на состязаниях...”. Текст сохранился не полностью, но бесспорно агонистическое назначение надписи. Специалисты так характеризуют яркую находку: „Безупречный греческий язык, а главное — знакомство со стихосложением и поэтической лексикой говорят о высоком уровне духовной культуры... обитателя Таганрогского поселения”.

Важной выборной должностью в магистратуре древнего Танаиса был гимнасиарх. Так назывались управители гимнасиев — школ, где обучались дети по комплексной программе гармоничного развития личности: науки, физическая культура, различные искусства. После храмов гимнасии — вторые по значению центры общественной жизни: во многих античных городах уже взрослые граждане продолжали посещать их, пополнять свои знания, слушать лекции известных ученых, философов, речи ораторов, участвовать в дискуссиях, состязаниях спортивных и мусических (по разным видам искусств). При них были библиотеки, велись официальные списки лиц с гимнасийным образованием — для включения их кандидатами на высокие государственные должности.

Ограничивались ли обязанности гимнасиарха в Танаисе только обучением и воспитанием юношества и организацией спортивных состязаний — сказать пока трудно. Но заметно, что в государственной иерархии должностей гимнасиархи занимали почетнейшие места. В посвященных надписях, найденных в Танаисе, имена гимнасиархов упоминаются неоднократно. Среди них известны: Менофил, сын Христиона, Басилид, сын Феоника, Фиагар, сын Антисфена, Балодий, сын Деметрия, Макарий, сын Мастуса.

Крупнейшим общественным сооружением в городе Фанагории было здание гимнасия, существовавшее непрерывно на одном и том же месте в течение не-

скольких столетий, начиная с IV в. до н.э. Здание сложено из хорошо стесанных блоков белого известняка, оно было одним из самых монументальных в городе. Найдены фрагменты художественных архитектурных деталей: мраморные кессоны — потолочные плиты с рельефными изображениями в форме пальметт, капители колонн, черепица. Археологи открыли цементные полы гимнасия и остатки стен, украшенные росписями по штукатурке.

Перед зданием находился школьный двор, по периметру окруженный портиком с колоннадой — классическая планировка гимнасиев и палестр.

Рядом с гимнасием был расчищен археологами колодец, один из самых обстоятельных и глубоких из тех, что известны сегодня на античных городищах: его стены выложены прочно пригнанными блоками большого размера твердого известняка, над ним сооружена черепичная крыша с архитектурными украшениями.

В Фанагории найдены стригили и сосуды для оливкового масла — обычный набор палестрита.

Сохранилась трогательная стихотворная эпитафия на боспорской мраморной стеле. „Фарнак, сын Фарнака, прощай. Взгляни, стражник, на памятник Фарнака, которого сломил тяжкий Аид, уловив в свои сети несчастного юношу, по профессии учителя гимнастики, возрастом молодого... Урну его скрывает Боспорская земля, и на глазах у всех гимнасий оплакивает его немymi слезами...”.

На стелах часты изображения мужчин в сопровождении слуг. Мужчина стоит, одной рукой придерживая плащ, в другой — свиток. У слуг одни и те же предметы: стригиль в руке и полотенце через плечо.

Известны факты участия боспорских граждан в разнообразных праздниках Греции.

Феоры — священные греческие послы — посещали боспорские города с приглашением на праздники, в качестве и гостей, и участников.

В столице государства Пантикапее из олимпийских богов особо почитался Аполлон, ему был посвящен главный храм города, сооруженный в V в. до н.э. Изображение Аполлона чеканилось на серебряных монетах столицы. Терракотовые алтарики с его изображением находились в домах пантикапейцев, профессии которых были связаны с морем.

На острове Делос, где родился Аполлон, в течение многих столетий отмечались праздники Аполлонии, собиравшие людей со всей Ойкумены. Здесь боспоряне жертвовали в святилище солнечного бога ценные дары, получали право проэдрии — почетных мест в первых рядах во время праздника. Такие же права они имели в Дельфах, а также привилегии вне очереди запрашивать знаменитый дельфийский оракул.

Боспоряне участвовали в Панафинейях — праздниках в честь богини города Афин, проводившиеся раз в четыре года в середине лета. Одним из центральных событий праздника были музыкальные и атлетические состязания. В северном Причерноморье найдены панафинейские амфоры — награда победителям на праздниках в Афинах.

Среди находок из раскопок Елизаветовского городища в дельте Дона — великолепная панафинейская амфора. Время и место ее изготовления — 430 г. до н.э., Аттика. Амфора — главный приз за победу в состязаниях на Великих Панафинейях в Афинах. На амфоре изображение Афины Паллады с копьем и щитом. Богиня стоит между двумя колоннами. На них восседают петухи. На оборотной стороне — сцена музыкального состязания: в центре юноша-кифаред в лавровом венке, он входит на трехступенчатые подмости. Слева судья в длинной одежде с палкой в руке, справа юноша в венке и рядом каноническая надпись: „награда из Афин“. Классика V в. до н.э.

Из литературных источников известно, что боспорский учитель музыки принимал участие в Дельфийских соревнованиях.

На окраинах Ойкумены, своей „малой родины“, переселенцы тщательно повторяли образ жизни, культы и обычаи, сохраняли язык. Тем более, что эти города не были замкнутыми отчужденными территориями, они в равной степени были открыты морскими путями на юг, в историческую родину, и тесно связаны степными дорогами с народами севера и востока. Конечно, со временем уклад жизни менялся, сказывалось влияние степи. Но обаяние, открытость, гуманизм греческих традиций были столь велики, что и через сотни лет в основе своей они не менялись: театр оставался театром, игры — состязанием ума, силы и красоты. Культура и торговля с неизменной последовательностью перепахивали пепелища междоусобиц и сражений и ростки традиций прорастали вновь.

Античность возвращалась в Россию теми же путями, что и в Западную Европу: прямая территориальная преемственность через южные города — сохранившиеся, как например, Херсонес, исчезнувшие, но не забытые в летописных хрониках, как Танаис, Фанагория, Гермонасса, Горгиппия.

Преемственность была во всем: в алфавите, в архитектуре, в религии, в философии, в символах... Через широкую дверь Византии, а когда она захлопнулась завоеваниями турок, через окно в Европу, вначале узкое — скорее форточка; но с реформами Петра это уже просторная, как Невский проспект, магистраль.

Митрополит Климент Смолятич (середина XII в.) в полемическом послании смоленскому священнику Фоме, укоряя его в невежестве, призывает его помимо Священного писания изучать античную философию, знать Гомера, Аристотеля и Платона, „которые среди греческих столпов славнейшими были“.

Россия вступала в наследство как принцесса из сказки, бродившая по королевству, заснутому на шестьсот столетий. Все в нем было прекрасно и чудесно, но как оживить этот забытый мир? Здесь, пользуясь археологическими терминами, четко можно выделить два культурных слоя. Один народный, архаичный, глубинный: между Ахиллом и былинным Ильей Муромцем прямая связь, кентавры, амазонки и вообще герон и чудовища греческих мифов под другими именами переселяются в славянскую мифологию и фольклор, в архитектурный декор первых христианских храмов, в народную смеховую культуру,

даже по форме копирующую античные традиции. Но если в античности такие празднества были частью общей идеологии, где личность и государство выступали на одной сцене, то на Руси „мятежные бесовские действия“, лицедейство, обряды, поклонение природным стихиям были противодействием догматизированной официальной идеологии церкви и государства.

Второй слой менее широкий и более зыбкий, но столь же яркий. В нем больше амбициозности, конъюнктурных попыток обосновать исключительную роль страны в европейской политике и найти символы для сменяющихся общественных идеалов. И здесь без примерки римских тог и греческих хламид не обошлись. При великом князе Иване III была выработана формула „Москва — третий Рим“, а его внук Иван Грозный требовал от европейских монархов признания его происхождения от римского императора Августа. Русский титул „царь“ — производное от имени Цезарь, бывшего нарицательным наименованием римских императоров.

Петр I называет новую столицу страны Санкт-Петербург и строит на болотах Северную Пальмиру по античным лекалам, а титул „император“, принятый монархом в 1721 г., также уходит корнями в античный Рим.

Мамонтовые кости, находимые на палеолитических стоянках на Верхнем Дону, определялись как останки слонов армии Александра Македонского, завязнувшего на просторах Скифии.

Собираются, приобретаются античные памятники. Интерес к античной культуре растет стремительно. П.А. Толстой, ближайший сподвижник Петра I, в описании своего путешествия по Европе вскользь, равнодушно пишет о спорах — есть или нет в Венеции „моши все целы евангелиста Марка“, но перед „божницей поганского бога“, погребенной при „проклятом мучителе Нероне“, своего восхищения не сдерживает: „правдивой и удивления достойной работы было то дело, и какую живностью изображены те поганских богов образы, о том подлинно описать не могу“.

Иногда античность проявлялась в неожиданных, парадоксальных, но вполне научных для того времени объяснениях. Например, в россыпях мамонтовых костей на палеолитических стоянках Верхнего Дона видели доказательство танаисского маршрута войск Александра Македонского, боевые слоны которого увязли в скифских болотах.

Екатерина II на постаменте Медного Всадника высекает латинскую надпись: *Petro primo — Catharina secunda*.

На обширной территории причерноморского побережья и Крыма, завоеванных у турок, создаются новые города и крепости, которым с легкостью или присваиваются эллинистические наименования, или восстанавливаются по lapидарным античным источникам: Фанагория, Евпатория, Севастополь, Одесса, Тирасполь, Мариуполь, Григориополь.

Какие бы изменения не вносила та или иная эпоха в облик состязаний, сходство с олимпийским прототипом сохранялось всегда. Первый временный ипподром в России был обустроен на Дворцовой площади в Санкт-Петербурге

в 1766 г. „для охотников бегать на лошадях”. Здесь „кавалерственные мужи демонстрировали фигурную езду, бой в конном строю. Придворные дамы приняли участие в беге парадных экипажей. Преемственность с древней Олимпиадой уже тогда выразилась выпуском именных медалей с изображением богини реки Невы и с надписью „С Алфеевых на Невские берега”. Ими награждались победители соревнований.

С конца XVIII в. античность стала интеллектуальной повседневностью в образованном обществе России. Отдельными частями переводятся поэмы Гомера. С поэзией Г.Р. Державина, А.С. Пушкина боги Олимпа уже свободно заговорили на русском языке. И когда вышел полный перевод *Илиады*, выполненный Н.И. Гнедичем, А.С. Пушкин откликнулся стихами: „С Гомером долго ты соседствовал один, Тебя мы долго ожидали, И светел ты сошел с торжественных вершин И вынес нам свои скрижали...”.

Что же касается олимпийской идеи и игр в Олимпии, о них уже в древней Руси хорошо знали. Вот фрагмент из русских списков болгарского перевода сочинений греческого философа Дионисия Ареопагита, где рассказывается об Олимпии как месте состязаний. Рукой русского переписчика к Олимпии дается подробный комментарий: „Город Олимпия место состязаний. Олимпиады называют пять видов состязаний. Первое – бой кулаками! Второе – борьба! Третье – бегать и ездить на колесницах! Четвертое – прыгать! Пятое – метать камни! И это было как праздник каждого пятого года, когда из всех стран собиралось множество людей и устраивали игры. И кто побеждал, принимал венок победы. Один – венок из листьев масляных, что растут в роще неподалеку...”. Очень важно, что название „олимпиады” стоит в рукописи во множественном числе, чем еще раз подчеркивается их повторяемость. Безвестный русский комментатор подчеркнул, что олимпиады были праздником для людей многих стран.

То есть, античное наследие в России в сфере активного социального обращения. Но во второй половине XIX в. за него взялось государство, пытаясь из древа наследия выстрогать дубину национальной идеи. Выработывался устав гимназий 1871 г. Классическая древность становится тем, чем в советские времена стала история КПСС и социалистический реализм, то есть наказанием, начертничеством и догмой.

Конец XIX–начало XX в. Как всегда в истории, рубеж веков то ли случайно, то ли по какой-то закономерности был отмечен событиями, определившими судьбу новой эпохи. Незамечаемые, они приоткрывали двери века: изобретение радио, первый автомобиль, хрупкие этажерки-самолеты, открытие свойств радия. Их не узнавали, порой и не пускали перешагнуть порог. Атракцион, увлечения чудаков, любительские занятия, цирковые фокусы – маскарадные одеяния событий, определивших у истоков облик XX в.

Спорт тоже шел по разряду цирка, и границу двух веков переступил так же неузнаваемым. Первые олимпиады неуверенно и ненадежно едва обозначили перспективы мирового спорта. Но масштаб олимпийской идеи впечатлял: народы

состязаются на стадионах, а не на полях сражений! Росток надежды, привитый древу цивилизации в далекой Олимпии 3 тысячи лет назад – войны невозможны, когда состязаются народы – вдохновлял, хотя казался для многих шатким, нежизнеспособным. Поэтому, наверное, первые спортсмены были насквозь романтиками и идеалистами.

В России начало нового века отмечено поиском организационных форм для стремительно появляющихся по всей стране спортивных обществ, клубов, кружков. Восстанавливаются древнейшие виды состязаний – плавание, бег, гребля, парусные гонки, борьба, бокс... Появляются новые – хоккей, велосипедные гонки... Разрабатываются правила, уставы.

Это время истоков спортивного движения удивляет яркостью и убежденностью личностей, начинавших раскручивать тяжелый маховик общественного мнения и государственного признания. Их энтузиазм казался излишним, не ко времени на фоне столь значительных внешнеполитических событий, внутреннего переустройства страны. Чиновников они раздражали казавшейся мелочностью своих забот, предложений, для публики же их деяния больше ассоциировались с развлечением, ну, в лучшем случае – с цирком.

Народ жаждал масштабных перемен, интеллигенция бредила революцией, власть во всем подозревала поползновения на основы, и как всегда, выход усматривался в том, чтобы все оставить как было.

И вот среди калейдоскопа мрачных предчувствий, апокалиптических пророчеств, крестьянских движений, революционного террора прорастает и крепнет странная идея о возрождении спортивных состязаний, способных не только вернуть человечество к миру, но и дать возможность личности обрести первоначальную цельность, что определяла высший смысл бытия: гармонию с природой и с самим собой.

В это время в России создавалась научная теория физического воспитания трудами ученых И.М. Сеченова, П.Ф. Лесгафта. Простая мысль о том, что природа человеческого организма составляет единое целое с окружающей средой, что физические упражнения оказывают влияние не только на отдельные группы мышц, на функционирование внутренних органов человека, но и на его душевные процессы, прививалась медленно, но неотвратимо.

В спортивном движении XIX–начала XX в. Россия отставала от Европы только, как тогда писали, „отсутствием объединительных организаций”. Панораму российского спорта определяли разрозненные любительские кружки и общественные объединения. В том числе и донские.

„Мы верим и надеемся, что настанет время, когда у нас спорт гордо сможет поднять свой флаг, окруженный многими поклонниками Геркулеса, этого идеала человеческого телосложения, в котором соединились мужество, сила и гармония всех частей тела” – писал Я. Арнс, председатель Ростовского-на-Дону Кружка Любителей Спорта в 1910 г.

А в 1913 г. состоялась Первая Русская Олимпиада – в Киеве. В соревнованиях по академической гребле участвовал ростовчанин – поляк Зигмунд

Рыгельский. На олимпиаду он был командирован от Азово-Донского яхтклуба после ряда отборочных состязаний. Во время ему было 24 года. Работал в Ростове на железной дороге техником. Спортивный опыт уже имел: известно, что в 1908 г. он выступал на первенстве Ростова за Азово-Донской клуб. На двухместной гичке вместе с младшим братом Болеславом они завоевали первое место.

В старости он рассказывал автору этих строк о днях, проведенных в Киеве состязания гребцов проводились на Днепре, дистанцию в две тысячи метров нужно было пройти против течения. В распоряжении олимпийцев имелось пять академичек-одиночек, далеко не одинаковых по качеству, и поэтому, прежде чем выйти на старт, спортсмены должны были проводить жеребьевку на выбор лодок. В финальном заезде Рыгельскому попалась самая плохая лодка, щедро пропускавшая воду. Однако ростовчанин сумел обойти двоих, и на финише чуть было не „достал” известного гонщика Иванова. Только фотография позволила судьям определить, что Рыгельский закончил дистанцию третьим.

Золотая медаль по гребле досталась инженеру Четету, который оторвался от всех на 20 м. Четет выступал на собственной лодке, которую, понятно, никому не давал — немецком „скифе”, последней новинке тогдашнего времени.

Домой в Ростов З. Рыгельский привез „бронзу” — медаль за третье место и множество фотоснимков. Фотографировал он сам, аппаратом „Брегель”.

Вторая Русская Олимпиада проводилась в Риге в июле 1914 г. Последний мирный месяц перед семилетней пропастью первой мировой, революций, гражданской войны.

Олимпийские игры — редчайший случай в истории, когда социальная идея реализовалась в законченной форме, причем в столь совершенной, что, повидимому, перспективы развития современного спорта еще надолго будут связаны с возрождением забытых традиций олимпизма, обычаев народной физической культуры.

Более ста лет назад мир возродил олимпийские игры. То, что составляло вдохновение и жизнь многих поколений, казалось обесцвеченным гербарием, было затиснуто меж бесконечных страниц прошлого. XIX в. открыл эти страницы и увидел полные жизни цветущие ветви. И они прижились, как та ветвь священной оливы, принесенная Гераклом с земли гиперборейцев в Олимпию.

Исчерпана ли эта сокровищница? Уверен — нет. Сто лет — а идея олимпизма попрежнему на вырост миру, как будто мы за две с половиной тысячи лет от первых олимпиад так и не смогли соответствовать их идее и по содержанию, и по форме: греки умели останавливать войны на время состязаний, а простая оливковая ветвь из рощи Алфея воспринималась олимпийцами как божественная награда.

Греки смогли принципы красоты и гармонии обосновать не только теоретически, но и связать эти понятия с реальными качествами своих современников, и самое важное — найти ярчайшие формы проявления этих принципов: олимпийские, истмийские, панафинейские, немейские игры.

Ни древняя, ни новая история не знали такого масштаба общественных явлений — весь социальный спектр времени отразился в них: политика, историография, религия, философия, искусство, наука... Более того, многие черты повседневности часто определялись задачами игр. Принципы, пока недоступные для современных олимпиад, и никто не скажет, насколько они опередили свое время.

Мы три тысячелетия живем в мире, пронизанном греческой идеей. Наверное, и будущее будет обращаться к этому феномену, перенося из прошлого в настоящее идеи красоты, бескорыстия, благоговейного отношения к жизни.

Существует множество теорий и гипотез, объясняющих феномен олимпиад, обычно на уровне предположения. Может быть, все дело в особенности религиозного культа, в возвышенном, жизнеутверждающем оптимизме обрядов — качество, отличающее религию Греции от предшествовавших ей религий, да и последующих тоже. Возможно, все дело в озарении, в постижении, что сущность человеческих отношений с миром — это диалог. Как два зеркала, обращенные друг к другу, в пространстве диалога человек многократно отражается в другом человеке, который в свою очередь отражает его столь же многократно. И тогда возникает то почти религиозное ощущение бесконечности пространства, будь то пространство веры, науки или любви. Но диалог не может быть обращен к безмолвию неба, бездны, тьмы, тайны рождения и смерти. И тогда человек отделяет „свет от тьмы” и заселяет безмолвие богами, героями — это свет; зооморфными и антропоморфными чудовищами — это тьма; учит их языку и ведет с ними диалог по всему кругу повседневных и вечных вопросов.

В мифологизации окружающего мира, собственных противоречий и исканий — неувыдаемая новизна и обаяние, неиссякаемый источник искусства — не перебрать эпитетов для характеристики наивно-ребяческой радости жизни, удивления, размышления, восхищения миром, так характерных для античной эпохи.

Отсюда оптимизм и осознание жизни как праздника красоты и силы, агональный смысл жизни, который сегодня мы можем чаще видеть в игровых импровизациях детей. Мирная состязательность за столетия, предшествующие описанию их Гомером, сформировалась в систему священных обрядов, видов игр, ритуалов, отличавшихся в принципе в разных районах Ойкумены лишь именами богов, которым они посвящались.

Удивительное и в общем-то редкое для истории цивилизации чувство оптимизма. Наверное, ближе всего к объяснению те историки и философы, которые определяют греческий период европейской культуры как греческое чудо. Им пронизаны и светлая архитектура, и живопись, и литература, и философия с ее кредо: „Познай самого себя!”. Как будто загадку бытия далекая эпоха определила раз и навсегда: она в тайне человека, ибо человек — есть мера всех вещей.

И будем помнить, что Юг России — тот регион планеты, который одним из первых соприкоснулся с этим чудом.

The holy olive branch or Gods and heroes of antique stadiums in Russia

Summary

The first written source regarding athletic competition in eastern Europe in the legend on the genesis of the Scyths given by Herodotus. Depictions bound to this legend were found on a gold vase from the Kul-Oba barrow and a gilded vessel from the Chasty barrows. Given the depictions, the first discipline was archery. On the northern coast of the Black Sea many items from the antique period concerning sports were found: grave stelae, boards of gloryfication, construction plates.

Роксана Хованец

РЕПРЕЗЕНТАТИВНЫЙ МАТЕРИАЛ С ЗАПАДНОГО НЕКРОПОЛЯ ТАНАИСА, РАСКОП XVII.2¹

В 1996–1998 гг. в рамках совместной деятельности Института Археологии Варшавского Университета, Отдела исследований античности Юго-Восточной Европы (бывш. Отдел археологических исследований Варшавского Университета „Нове”) и музея-заповедника в Танаисе, были проведены раскопки на территории т.н. западного некрополя, расположенного с западной стороны Танаиса (ил. 1, 2). Работами руководил к.и.н. Томаш Шолль [Arseniewa, Scholl 1999; Paczyńska 2000; Arseniewa, Scholl 2000]. В итоге трёхлетних исследований было открыто и исследовано 18 захоронений, а также 35 ям разного назначения. Необходимо отметить, что до настоящего времени на территории древнего города Танаис открыто и исследовано более 800 захоронений, как грунтовых могил, так и с курганными насыпями, относящихся к разным хронологическим периодам [Шелов 1961; Арсеньева 1977; Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001]. Танаис, известный как греческая колония, находился на краю античной цивилизации, а вместе с тем, на пути перемещений многочисленных кочевнических племён. Последний факт объясняет, что большая часть объектов, обнаруженных во время раскопок, связана с племенами скифов, сарматов или меотов.

Погребальный обряд могил, исследованных польской экспедицией, является типичным для данного географического района первых трёх веков н.э. [Безуглов, Гугуев 1988; Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001]. К сожалению, плохая сохранность многих захоронений не позволяет их более точно датировать. Большинство погребений нарушена как современными, так и старыми раскопами. Однако, в общем можно назвать несколько признаков, типичных для упомянутых захоронений. Обычно, исследованные могильные ямы в плане близки к прямоугольнику со скругленными углами. Несколько захоронений имеют овальную могильную яму. В некоторых случаях встречаются разных типов углубления, т.н. „подки” или „выступы” (в большинстве случаев, скорее всего, образовавшиеся в результате формирования рельефа местности, где были выкопаны могильные ямы). В разрезе могильные ямы – прямоугольные, воронковидные или колоколовидные. Почти все могилы ориентированы по длинной оси с северо-

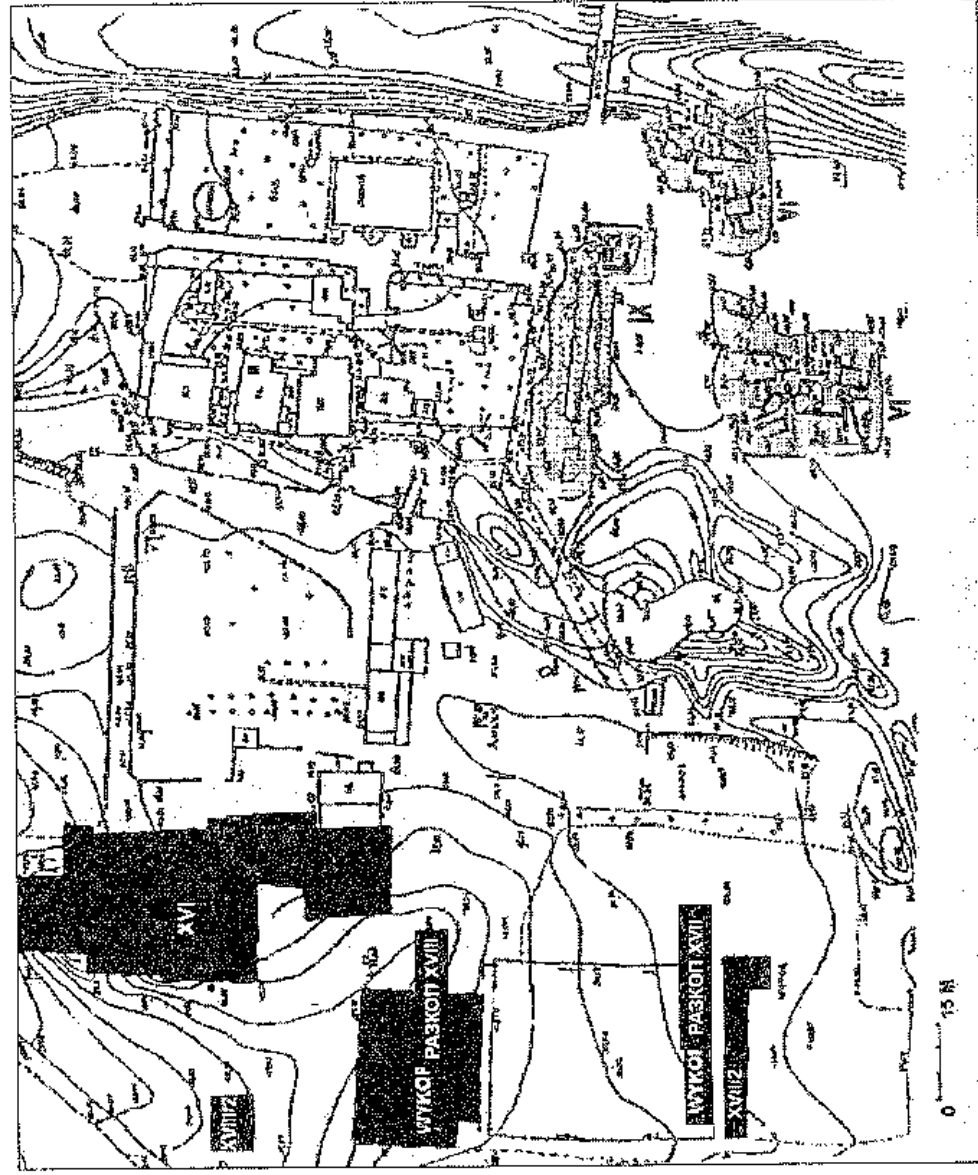
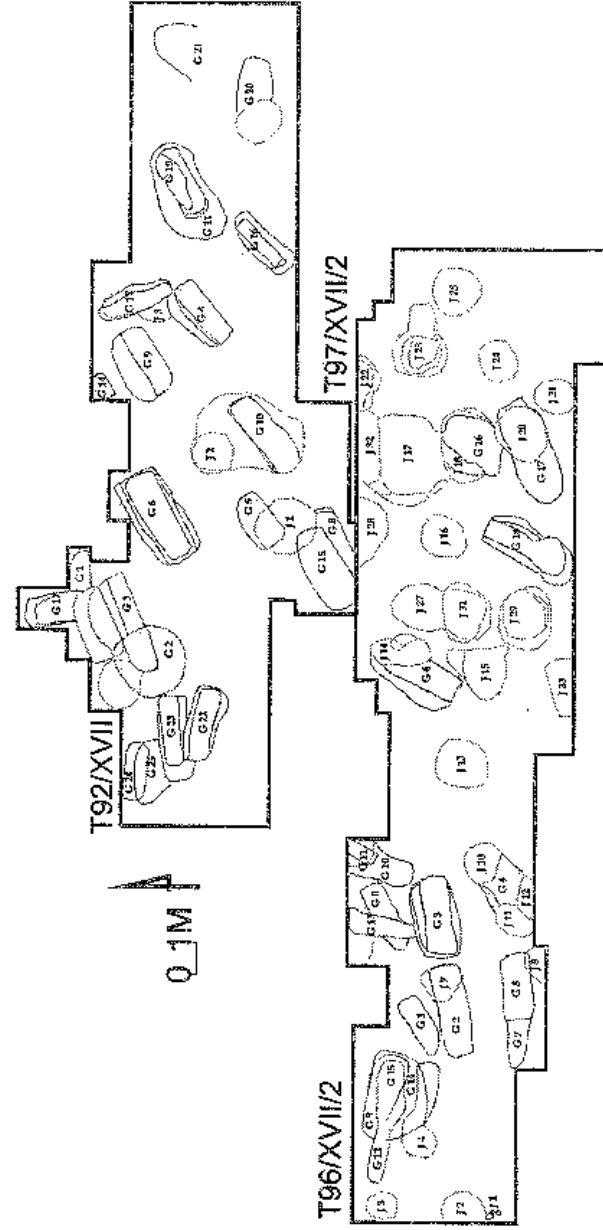

Рис. 1. Планировка раскопов T96, T97, T92 и T99.

Ил. 2. Раскопы XVII и XVIII вв.

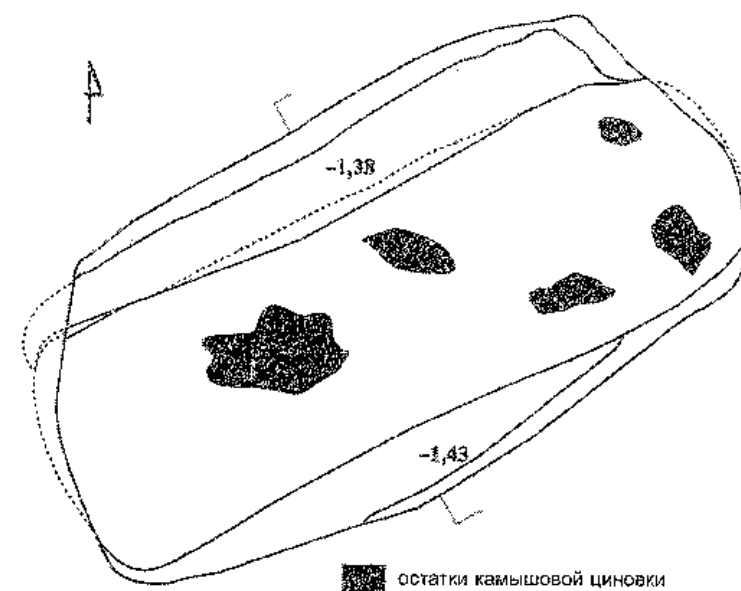
-востока на юго-запад, голова умершего более или менее точно размещена в северном направлении. Лишь некоторые могилы были сориентированы иначе – примером могут служить могилы под № 5, 9, 12, 14, 15, которые имели ориентацию восток-запад.

Погребальный инвентарь большей части могил был очень бедным, что в общем, не отличается от местных стандартов [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001]. Большинство погребений можно назвать сарматскими, о чём свидетельствуют не только формы самих могил, но также и предметы, обнаруженные в отдельных захоронениях. В период с I до III вв. н.э. в сарматской культуре наблюдается стандартизация захоронений, и самым простым типом могил становится узкая могильная яма, чаще всего с нишей, выступом или катакомбой, дно которой очень часто посыпано мелом; в заполнении могильной ямы встречаются известняковые камни. Свидетельством бытования упомянутых типов могил в Танаисе могут быть: погребение № 3, на дне которого найден фрагмент истлевшей камышовой циновки и следы мела (ил. 3), погребение № 7, где сохранившийся только ниже таза скелет, с вытянутыми ногами, стопами повернутыми внутрь, был перекрыт слоем плотно уложенных камней и погребение № 13, в котором скелет был уложен на камышовой циновке, дополнительно посыпанной мелом.

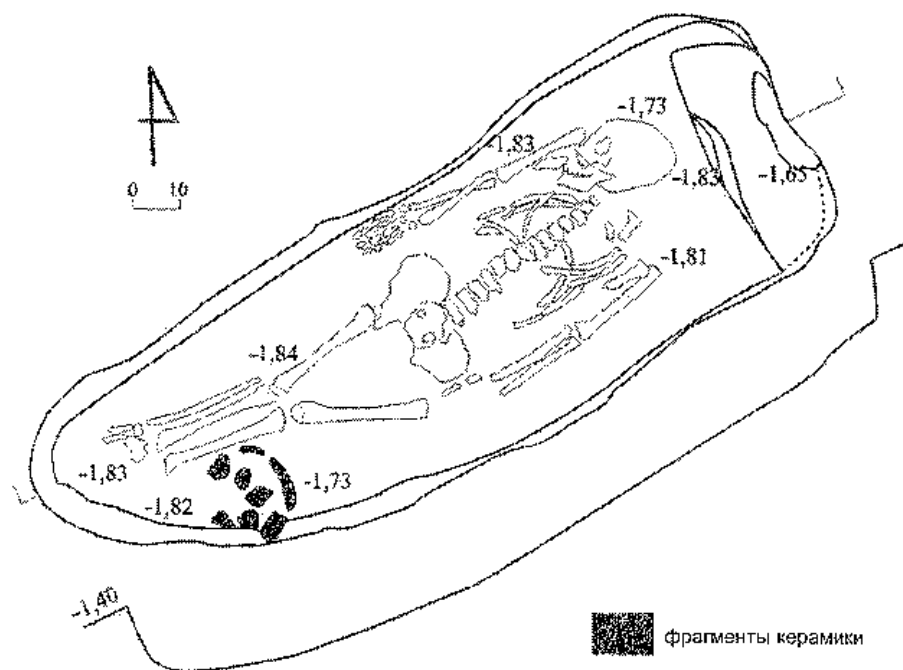
Головой погребенные были ориентированы на север, черепа целиком деформированы. Череп в могиле № 13 деформирован незначительно и покоится на „земляной подушке“, подобно как череп в могиле № 1. Обычно, могилы снабжены отдельными элементами вооружения (мечи, наконечники стрел) и конской упряжи, лепной керамикой – среди которой имеются типичные для сарматского мира „курильницы“, а также маленькие круглые зеркала. Все эти предметы указывают на кочевническое происхождение, которое наиболее наглядно выступает в орнаментации.

В погребении № 1 найдены сильно поврежденные остатки одной особи мужского пола *adultus/matures-maturus* ранний (ил. 3)². Правая нога была вытянута, а левая согнута. Головой погребенный ориентирован в северо-восточном направлении, череп слегка деформирован. С востока погребение было закрыто известняковым камнем. У левой ноги находился глиняный сосуд и небольшое изделие, называемое „курильница“ (№ инв. Т/96/42), внутри которого открыты остатки древесного угля (порода дерева была определена как дуб), а также пережженной травы. Курильница вылеплена вручную, украшена желобками, а также двумя волнистыми линиями. На уровне берцовой кости левой ноги лежал разбитый лепной кухонный сосуд (№ инв. Т/96/99). Кроме того в заполнении могильной ямы найден фрагмент венчика эллинистической родосской амфоры (№ инв. Т/96/23), а также фрагмент дна красноглиняного кувшина (№ инв. Т/96/8). Захоронение можно датировать II или III в. н.э.

Так называемые сарматские „курильницы“, а особенно их назначение и происхождение, давно возбуждали большой интерес исследователей [Мошкова 1963, 29–30; Смирнов 1973, 166–177; Скрипкин 1990, 99; Максименко 1998,

Ил. 3. Остатки камышовой циновки в погребальной яме № 3

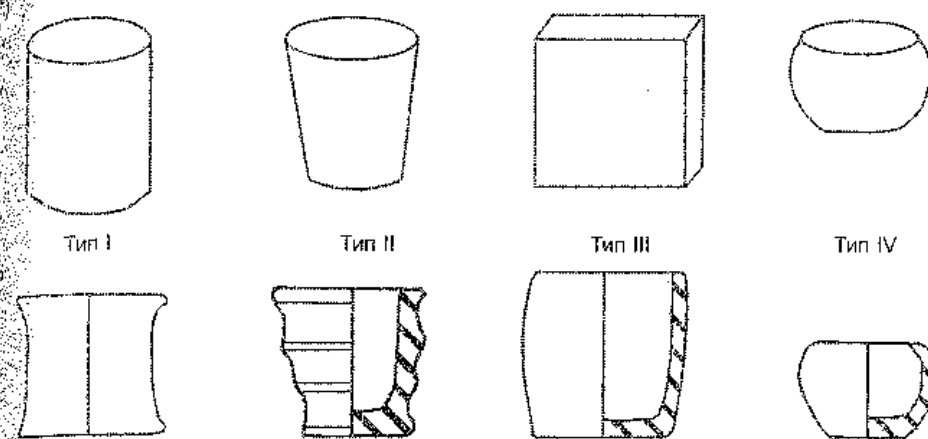

Ил. 4. План могильной ямы № 1 вместе с погребальным инвентарём

137–138]. В 2000 году в журнале „Донская археология” была опубликована статья А.А. Глухова, касающаяся сарматских „курильниц” [Глухов 2000]. В работе представлено более 65 изделий с территории между Волгой и Доном, определённых как „курильницы”. Изделия дашного типа разной величины и с разнообразной орнаментацией появляются во многих сарматских захоронениях [Смирнов 1973, 166; Глухов 2000, 29]. Имеются различные типологические группы, характерные для отдельных регионов. В раннесарматский период наиболее распространенной формой были курильницы-чашы с широкооткрытым краем, очень часто с орнаментированным венчиком – тип V по Смирнову, а также изделия на высокой ножке – тип VIII по Смирнову и бочонковидой формы – тип III по Смирнову [Смирнов 1973, 170]. В среднесарматском периоде, в I в. н.э. и до середины II в. н.э., появляются новые формы – набор курильниц: одна большая, в которой распяляли огонь и меньшая, которую помещали в большую [Смирнов 1973, 170; Скрипкин 1990, 99; Глухов 2000, 29]. Одновременно с наборами курильниц появляются также маленькие изделия, довольно редко выступающие в захоронениях. В своей типологии А.А. Глухов и большие, и малые формы курильниц с территории между Доном и Волгой, которые относятся к среднесарматскому периоду, поделил на четыре основных типа: I – цилиндрической формы; II – формы усеченной пирамиды; III – четырехгранной формы; IV – полусферической (ил. 5) [Глухов 2000, 30–31]³.

Курильницы не встречаются в погребениях разных типов. Как в случае изделия из погребения № 1 в Танаисе, почти в 70% захоронений курильницы обычно помещаются в ногах скелета, на уровне стоп или на высоте колен, как правого так и левого [Глухов 2000, 35]. Курильницы находят, прежде всего, в женских захоронениях, реже – в мужских. Это было интерпретировано как подтверждение приписываемой женщинам роли – хранительнице домашнего очага [Граков 1947, 110]. В то же время не встречаются в качестве предметов домашнего обихода, что свидетельствует об их особом, заупокойном, ритуальном назначении. Всегда были выполнены вручную, на местные нужды, без употребления гончарного круга, глина слабо обожженная, с большим содержанием грубых примесей [Глухов 2000, 31, 36]. Этот тип глиняных изделий, возможно, был не только частью погребального инвентаря, но также мог использоваться в процессе погребальных ритуалов. Подтверждением такой теории могут быть обнаруженные внутри курильниц пережженные органические остатки, древесный уголь, трава [Смирнов 1973, 167; Глухов 2000, 36]. Примером может служить курильница из Танаиса, внутри которой найдены остатки древесного угля. Обычно только курильницы больших размеров были орнаментированы прямыми, зигзагообразными или волнообразными линиями, желобками и т.д. (ил. 6). Погребения, в которых выступают курильницы, датируются I–серединой II вв. н.э. [Глухов 2000, 36]. Самые близкие аналогии находкам из погребения № 1 в Танаисе являются курильницы: из погребения № 3 кургана № 61 на могильнике в местности Новый⁴ [Алексеева 1978, 18]; на могильнике в местности Каршинский [Глухов 2000, 37], а также датированное кон-

Ил. 5. Типология курильниц [по А.А. Глухову]

цом I–началом II вв. н.э. изделие из погребения 16 в местности Тетьяки [Medvedev, Yefimov 1986, 83].

Особый интерес, как комплекс, представляет собой погребение № 2, сильно разрушенное, в восточной части ямой № 7 (ил. 7). Погребальная яма в плане прямоугольная со слегка закругленными углами размерами: длина 235 см, ширина до 80 см, по длинной оси ориентирована с северо-востока на юго-запад. В захоронении найдены фрагменты дерева, определенного как ясень и дуб. Умерший, по-видимому, был помещен в деревянный гроб, от которого сохранились в районе головы, а также у краев погребальной ямы фрагменты деревянных досок. В восточной части ямы найдены фрагменты колышков из ясеня. Скелет покоится на спине головой в северо-восточном направлении. *In situ* сохранились кости руки, фрагменты позвонков, фрагменты костей таза, кости плюсны, принадлежащие двум взрослым особям женского пола, фрагменты тазобедренной кости, кости плюсны, берцовая и бедренная кости левой ноги, а также кости плюсны, берцовая кость правой ноги. Имеются кости животных, в основном свиньи, а также рыб. Костные останки, а также дно погребальной ямы были посыпаны мелом.

На среднем пальце левой руки костяка обнаружен бронзовый перстень⁵ с сильно поврежденной вставкой из голубоватой стеклянной пасты (№ инв. Т/96/48), бронзовые бусины, помещенные на 10 см ниже левой (№ инв. Т/96/80) и правой лодыжки (№ инв. Т/96/79). В переклюженном слое обнаружены: бронзовый перстень с геммой из голубоватой стеклянной пасты (№ инв. Т/96/46), перстни (№ инв. Т/96/56 и 58), а также бусина из известняка (№ инв. Т/96/12). В юго-восточном углу погребения найден кувшинчик, выполненный из серой отмученной глины (№ инв. Т/96/43), датированный I–началом II вв. н.э.⁶, а в северо-восточном углу помещена мисочка с широким венчиком (№ инв.

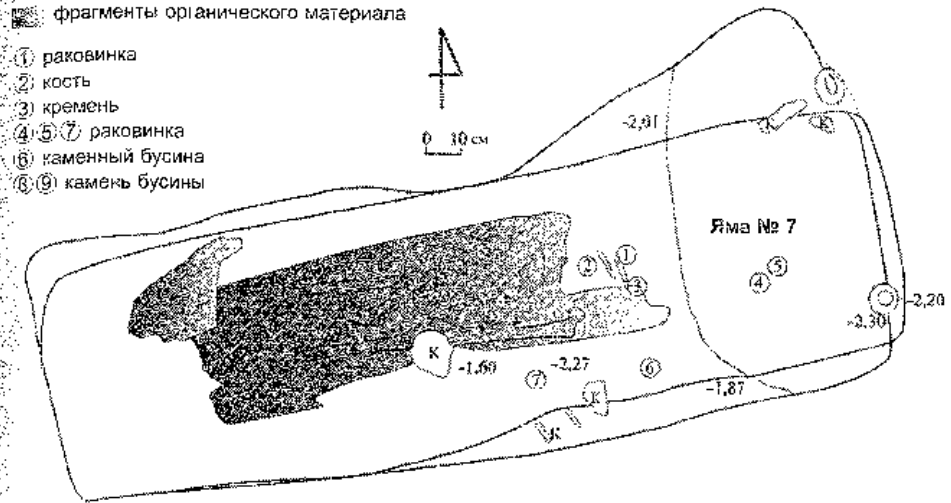

1 – Новый – 31–1; 2 – Новый – 88–1; 3 – Крепинский II – 26–1; 4 – Красногоровкова 1 – 6–1;
5 – Тузлуки – 10–1; 6 – Терновский II – 11–1; 7 – Новый – 127–3; 8 – Алитуб – 19–5;
9 – Тузлуки – 27–4; 10 – Новый – 61–3; 11 – Новый – 102–2

Ил. 6. Примеры орнамента на курильницах

■ фрагменты органического материала

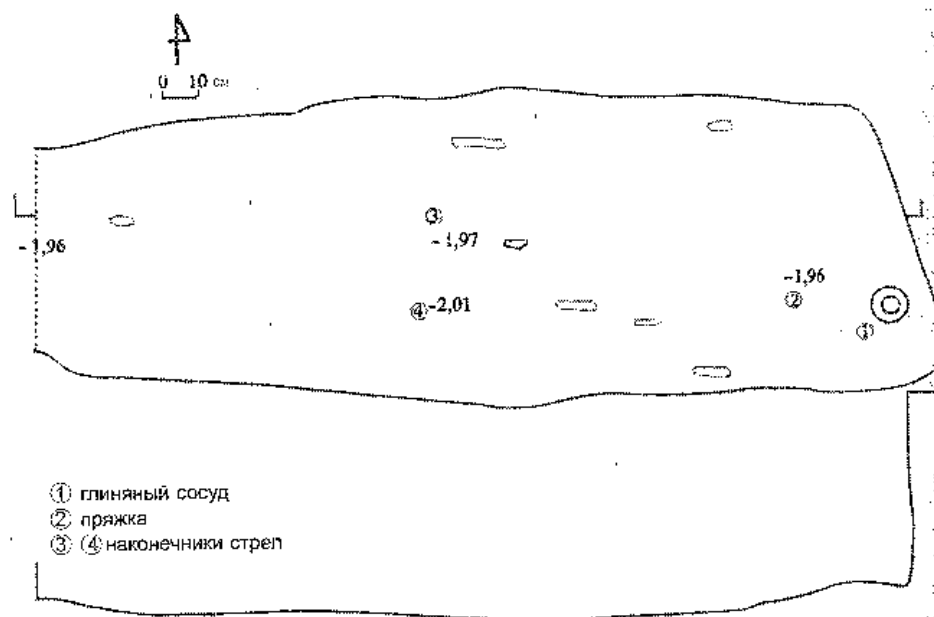
- ① раковинка
- ② кость
- ③ кремь
- ④, ⑤, ⑦ раковинка
- ⑥ каменный бусина
- ⑧, ⑨ камень бусины

Ил. 7. План и погребальный инвентарь погребения № 2

Т/96/45). Засыпь погребальной ямы в западной части очень плотная, а в восточной, погребальной части – рыхлая. Заполнение состоит из камней, рыбьей чешуи, перемешанных костных останков животных и человека, непла, фрагментов древесного угля.

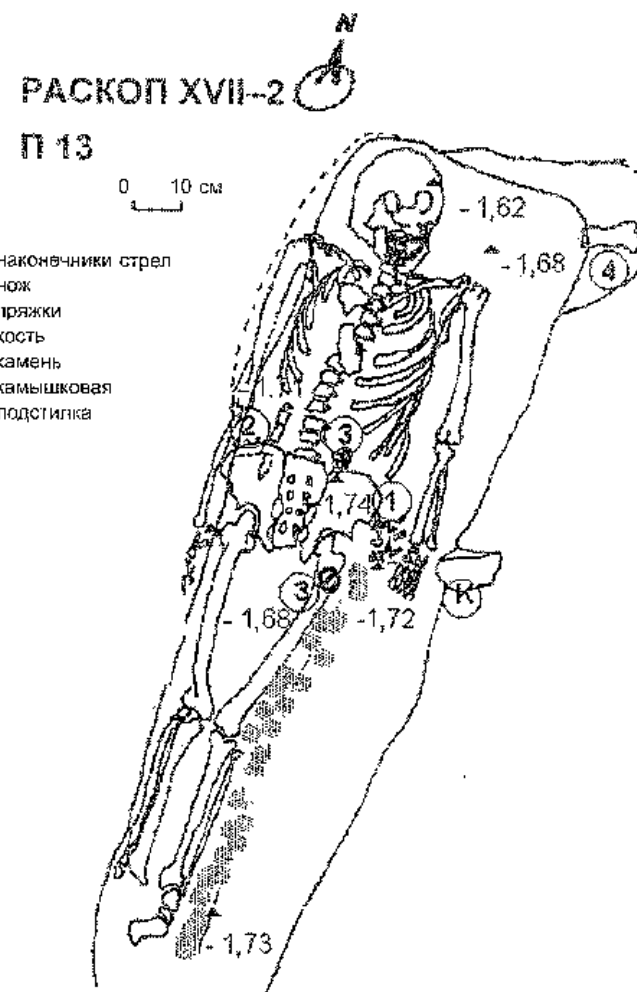
Следующим интересным захоронением является погребение № 5 (ил. 8), погребальная яма которого прямоугольная в плане, со скругленными углами, имеет размеры: длина 240 см, ширина до 80 см. По длинной оси могильная яма ориентирована восток-запад с лёгким отклонением на север, в западной части разрушена ямой погребения № 7, а в юго-восточной – ямой № 8. В заполнении обнаружены только немногочисленные фрагменты костей скелета. На дне могильной ямы выявлены фрагментарно сохранившиеся остатки камышевой циновки, на которой первоначально размещался усопший. Из находок, обнаруженных в погребении № 5, следует отметить три железных наконечника стрел (№ инв. Т/96/70, 75, 76). Рядом с двумя наконечниками стрел (расположенных ниже костей таза) зафиксированы фрагменты дерева – тополя и березы, которые бесспорно, являются остатками древков. Находки наконечников стрел типичны для погребального обряда кочевников в разных регионах их обитания [Абрамова 1994; Korolkova 2000]. Кроме того в погребении найдена бронзовая пряжка (№ инв. Т/96/63), а в юго-восточном углу – лепной горшочек (№ инв. Т/96/44), который был „перемещен” в могильную яму № 8 при ее рытье, но, без сомнения, первоначально находился в погребальной яме погребения № 5. Аналогичная ситуация наблюдается в случае бронзовой односоставной пряжки с круглой рамкой, которая была найдена на границе погребения № 5, а также ямы № 8. Указанная пряжка датируется I-начало II вв. н.э. [Абрамова 1998, 209;

Ил. 8. План и погребальный инвентарь погребения № 5

Chowanіec 2005, 41–42]. В заполнении могильной ямы обнаружены также немногочисленные фрагменты дерева (дуб, ива), и перемешанные кости, часть которых со следами горения. Керамика из заполнения датируется от эллинистического периода (фрагменты стенок родосских амфор) до II в. н.э. (фрагменты красноглиняных амфор, фрагмент края миски *terra sigillata* (№ инв. Т/96/25).

Погребение № 13 (ил. 9) в плане представляет собой прямоугольник с закругленными углами, размером: длина 200 см, ширина от 45 до 75 см. Погребальная яма по длинной оси могильная яма ориентирована север-юг. В западной стене могила имеет неглубокую уступку – „запечки“. Скелет лежал в вытянутом положении на спине, руки и ноги вытянуты вдоль тела. У костей кисти левой руки найдены четырнадцать железных наконечников стрел и их фрагментов (№ инв. Т/96/65), а также фрагменты бляшки. Скорее всего, погребение является одним из немногих неогрбленных, т.к. не было замечено никаких нарушений стратиграфии. Слегка деформированный череп почивал на „земляной подушке“. Тело первоначально было положено на камышовой циновке, посыпанной мелом. В заполнении погребения найдены фрагменты войлока. В состав погребального инвентаря входят: железный нож, находящийся у правого бока (№ инв. Т/96/59, 66, 81-В), сильно коррозировавшая железная пряжка с овальной рамкой и прямым кольцом – у левого бока на уровне таза (№ инв. Т/96/81А). Дополнительно зарегистрирован фрагмент панциря черспахи – скорее всего,

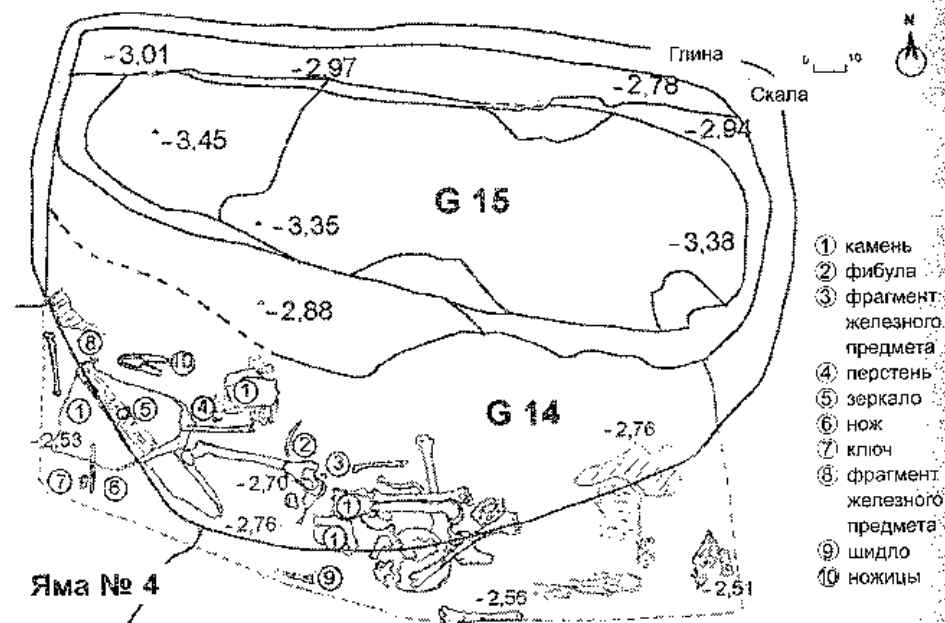
Ил. 9. План и погребальный инвентарь погребения № 13

браслета (№ инв. Т/96/61). В северо-восточном углу открыта своего рода полка, выкопанная в земле, на которой находился фрагмент кости крупного рогатого скота. Существование вышеупомянутых пряжек охватывает довольно широкий временной период, а именно, от второй половины I–до первой половины III вв. н.э. [Абрамова 1998, 213; Chowanіec 2005, 42]. Пряжки, бесспорно, являются типичным элементом одежды и сарматская одежда в нашем случае не является исключением. Причем в сарматских захоронениях их находят в четыре раза чаще в мужских захоронениях, чем в женских. Пряжки составляли 9% всего погребального инвентаря в раннесарматский период, но уже 18% – в средне-

сарматский период. В этих погребениях пряжки выступают как элемент закрепления пояса, но также встречаются пряжки, являющиеся элементом застёжки обуви. Последние встречаются значительно реже [Максименко 1998, 128].

Погребение № 14 катакомбного типа (ил. 10) имеет могильную яму прямоугольную в плане длиной 200 см⁷, по длинной оси ориентированную с юго-востока на северо-запад. В южной стене погребения локализована выразительно выделяющаяся ниша. В северной части граничит с погребальной ямой № 15, а в южной – сильно разрушено ямой № 4. Заполнения могильных ям погребений № 14 и № 15 были перемешаны до дна.

В заполнении погребения № 14 обнаружены следующие находки: бронзовое зеркало (№ инв. Т/96/82), бронзовая фибула (№ инв. Т/96/83), железные ножницы (№ инв. Т/96/85), железный нож с костяной ручкой и бронзовой заклёпкой (№ инв. Т/96/85), фрагмент оковки вместе с остатками дерева (№ инв. Т/96/89), фрагмент золотой бляшки (№ инв. Т/96/88), четыре гагатовые бусины (№ инв. Т/96/84), железный гвоздь (№ инв. Т/96/87). Фрагменты глиняных изделий, найденных в заполнении погребения, датируются от эллинистического периода до III в. н.э. В ниле найдены фрагменты дерева, определенные как дубовые, а в юго-восточном углу вышли на крупный фрагмент соснового дерева. Зарегистрирована также находка красителя розового цвета. Датировка отдельных находок указывает на широкий хронологический диапазон – от эллинистического

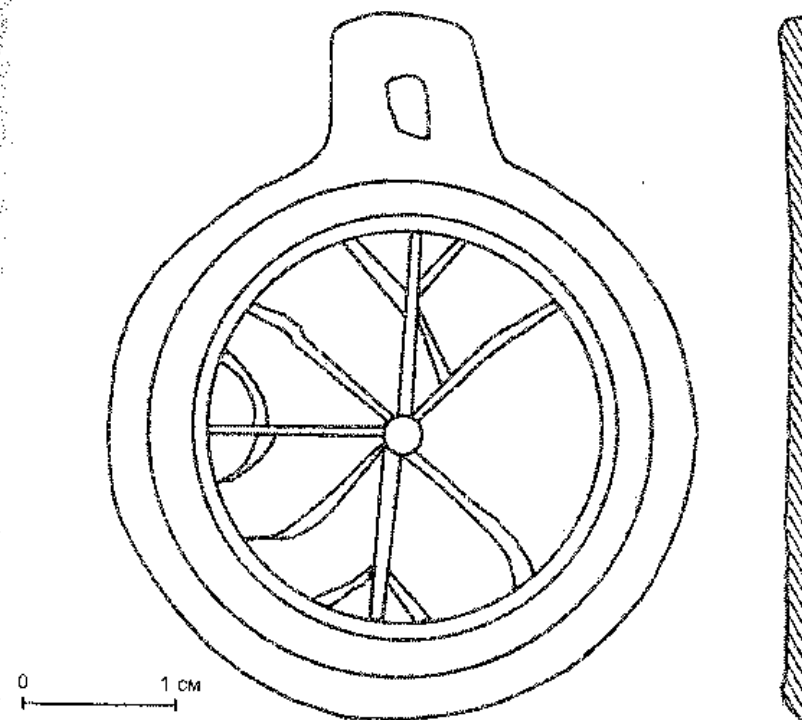

Ил. 10. План погребения № 14 и 15 и погребальный инвентарь погребения № 14

до III в. н.э. (в основном фрагменты ручек амфор). Материал сильно перемешанный и нарушенный позднейшими вкопами.

Одной из интересных находок в данном захоронении является бронзовое зеркало (№ инв. Т/96/82). Миниатюрные сарматские зеркала очень часто называют зеркалами-подвесками [Хазанов 1963; Косяненко 1994, 70]. Это название связано с присутствием прямоугольного бокового ушка, через которое продевался кожаный ремешок или плетёный шнурок, возможно, металлическая цепочка, что позволяло подвесить зеркало на шею или на пояс. Зеркало-подвеска из Танаиса, как и другие, имеет прямоугольное ушко. Диск зеркала с одной стороны плоский, с другой – орнаментирован тремя concentрическими кругами. Внутри самого малого круга имеется украшение в виде „куриных лапок” и лучами, отходящими по очереди от очень малого кружка, находящегося в центре (ил. 11)

Генезису и функциональному назначению зеркал посвящено много внимания в научной литературе [Хазанов 1963; Абрамова 1971; Косяненко 1994]. Зеркала-подвески поделены на множество вариантов⁸, с точки зрения орнаментации, конструкции, величины и являются наиболее повсеместно выступающим

Ил. 11. Бронзовое зеркало-подвеска из погребения № 14

типом зеркал в сарматских контекстах от I до III вв. н.э. [Абрамова 1971, 128; Косяненко 1994, 71]. Самые близкие аналогии зеркалу-подвеске из погребения № 14 из Танаиса находятся в археологических контекстах, датированных в основном II–первой половиной III вв. н.э. [Арсеньева 1977, 16–17; Косяненко 1994, 75; Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 211] (ил. 12). Зеркала интерпретированы как типичные женские атрибуты, но их находят также и в детских погребениях [Косяненко 1994, 79].

Бронзовая фибула (№ инв. Т/96/83) 204 типа (классификация Альмгрена) [Almgren 1923, pl. IX/204] или 2 типа 12 группы (классификация Амброза) [Амброз 1966, 43–44] характеризуется полукруглой, ленточнообразной сужающейся к ножке дужкой и верхней тетивой, ножка заканчивается шишкой. Дужка застёжки украшена т.наз. колосковым орнаментом – наклонными резными линиями, расположенными посередине дужки [Chowanec 2003, 22]. Фибулы этого типа были распространены на довольно большой территории, время их бытования также охватывают широкий хронологический период, однако, чаще всего появляются в контекстах, датированных I в. н.э. [Максименко 1998, 124–126].

В прямоугольной погребальной яме № 15 (ил. 10), размерами: длиной 180 см, шириной до 60 см, с ориентацией аналогичной гробу 14, обнаружено среди прочих находок: фрагмент всичика эллинистической амфоры (№ инв. Т/96/96), стеклянный бальзамарий из молочно-белого стекла (№ инв. Т/96/47)¹⁰ а также бронзовая фибула (№ инв. Т/96/50). Фибула нами определена как 3 вариант, 1 серии 15 группы – часто называется сарматской застёжкой [Амброз 1966, 49–50]. Застёжка имеет верхнюю тетиву, четырёхспиральную пружину, длинную проволочную дужку, вместе с тем расширяющуюся к концу ножку, которая закручена девять раз вокруг дужки [Chowanec 2003, 22]¹¹. Фибула датирует погребение I-началом III вв. н.э. [Амброз 1966, 49; Максименко 1998, 125–127]. Погребение № 15 сильно нарушено позднейшими ямами.

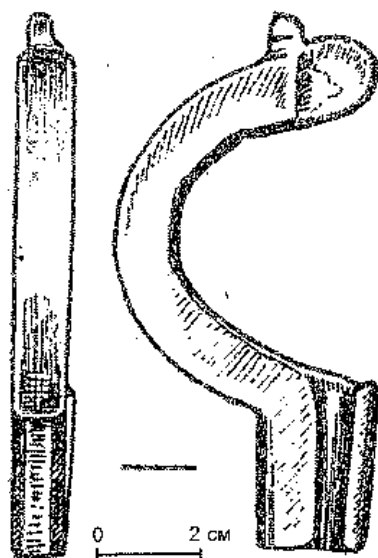
Погребение № 16 по длинной оси ориентировано восток-запад, было сильно разрушено, особенно в восточной части. Скелет сохранился частично. Головой усопший был ориентирован на запад. В погребении была обнаружена фибула (ил. 13) петлеобразной конструкции – провинциально-римского типа, близкого типу 187 (классификация Альмгрена) [Almgren 1923, 110, pl. VIII/187]¹². Этот тип определен названием позднеимских военных застёжек и датируется в зависимости от вариантов от середины II–первой половины III вв. н.э. до конца III в. н.э., был одинаково распространён как на территориях римских провинций, так и в регионах, находящихся под влиянием римской армии [Riha 1979, 166–168].

Ямы, обнаруженные на территории могильника, как уже говорилось, имеют разное назначение и широкие хронологические рамки существования. Самые ранние датируются последними веками до н.э., самые же поздние относятся ко времени господства в степях хазаров. Имеются также ямы современные. Часть ям могла быть результатом неудачных грабительских раскопок или остатками

1 – случайна находка, 2 – погр. 28/1959; 3 – погр. 26/1962; 4 – погр. 29/1956; 5 – погр. 6/1959; 6 – погр. 11/1961; 7 – погр. 23/1961; 8 – погр. 14/1962; 9 – погр. 21/1962; 10 – погр. 57/1957.

Ил. 12. Аналогии зеркалу-подвеске из погребения № 14 из Танаиса [В.М. Косяненко, К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобжова городища...]

Ил. 13. Фибула типа А187 из погребения № 16

после добычи глины. В ямах отсутствовал интересующий нас материал: некоторые, особенно самые мелкие, были заполнены пеплом с немногочисленными фрагментами костей (некоторые пережженные) и несколькими небольшими фрагментами керамики.

Сноски

¹ Автор сердечно благодарит Томаша Шолля за предоставление материалов и документации.

² Все антропологические определения были выполнены профессором Варшавского Университета Карошем Пясецким.

³ Каждый из типов кадельниц имеет многочисленные варианты и изменения.

⁴ Захоронение датировано I в. н.э.

⁵ Так как подробный анализ бронзовых перстней и гемм будет представлен в данном томе в статье Jaworski 2006, в настоящей статье не касаемся этой проблематики.

⁶ Все определения керамики выполнены С. Науменко. Устная информация.

⁷ Ширину погребальной камеры трудно определить по причине разрушения в северной части ямы погребения, обозначенного № 15.

⁸ Тип IX согласно основной типологии созданной Хазановым [Хазанов 1963, 67].

⁹ Аналогичные застёжки встречаются в некрополе Танаиса, в погребении № 9/1992, которое датируется серединой I-началом II вв. н.э. [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 45, табл. 55, 678].

¹⁰ Стеклянный бальзамный был найден в Танаисе в погребении: № 26/1992 - датированный от середины II до второй половины II вв. н.э. [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 53-54, табл. 65, 835].

¹¹ Аналогичные фибулы встречаются на территории некрополя в Танаисе в погребениях: № 6/1992 [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 45, табл. 34/649], 15/1986-1987 [Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001, 66, табл. 81/1027].

¹² Фибулу можно также определить как тип 1 20 группы согласно типологии Амброза [Амброз 1966, 75-76] или как б, 4 согласно Ричу [Riha 1979, 166-167].

Литература

- Абрамова 1971 - М.П. Абрамова, *Зеркала горных районов Северного Кавказа в первые века нашей эры*, Москва.
- Абрамова 1994 - М.П. Абрамова, *Некоторые особенности материальной культуры сарматов Центрального Предкавказья*, [в:] А.С. Скрипкина (ред.), *Проблемы истории и культуры сарматов. Тезисы докладов международной конференции 14-16 сентября 1994 года*, Волгоград, Волгоград.
- Абрамова 1998 - М.П. Абрамова, *Хронологические особенности северокавказских пряжек первых веков н.э.*, «Материалы по Археологии, Истории и Этнографии Таврии» 6, 209-229, Симферополь.
- Алексеева 1978 - Е.М. Алексеева, *Античные бусы Северного Причерноморья*, Москва.
- Almgren 1923 - O. Almgren, *Studien über Nordeuropäische Fibelformen der ersten nachchristlichen Jahrhunderte mit Berücksichtigung der provinziäl-römischen und südrußischen Formen*, Mannus Bibliothek 32, Leipzig.
- Амброз 1966 - А.К. Амброз, *Фибулы юга европейской части СССР*, «Археология СССР» 30, Москва.
- Арсеньева 1977 - Т.М. Арсеньева, *Некрополь Танаиса*, Москва.
- Арсеньева, Безуглов, Толочко 2001 - Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг.*, Москва.
- Арсеньева, Scholl 1999 - Т.М. Arseniewa, T. Scholl, *Tanais - trzy lata badań nekropoli zachodniej*, „Światowit” I (XLII), fasc. A, 15-16.
- Арсеньева, Scholl 2000 - Т.М. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopalskowej przeprowadzonej na terenie nekropoli Tanais w sezonie 1999*, „Światowit” II (XLIII), fasc. A, 13-16.
- Безуглов, Гугуев 1988 - С.И. Безуглов, В.К. Гугуев, *Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I-III вв. н.э. (структура и эволюция погребального обряда)*, Проблемы сарматской археологии и истории, Азов.
- Chowaniec 2003 - R. Chowaniec, *Trzy zapinki z nekropoli w Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” II, 21-24.
- Chowaniec 2005 - R. Chowaniec, *Sprzączki z nekropoli Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 12, 41-46.
- Глухов 1999 - А.А. Глухов, *Глиняные турлыницы из среднесарматских погребений междуречья Волги и Дона*, «Донская археология» 2, 29-39.
- Граков 1947 - Б.Н. Граков, *Пережитки матриархата у сарматов*, «Вестник древней истории» 3, 100-121.
- Хазанов 1963 - А.М. Хазанов, *Генезис сарматских бронзовых зеркал*, «Советская археология» 4, 58-71.
- Korolkova 2000 - E. Korolkova, *The Sarmatians. Masters of the Steppes after the Scythians*, [in:] J. Aruz, A. Farkas, A. Alekscev, E. Korolkova (eds.), *The Golden Deer of Eurasia: Scythian and Sarmatian Treasures from the Russian Steppes*, New York, 55-57.
- Косыненко 1994 - В.М. Косыненко, *К вопросу о хронологии и ритуально-магической роли бронзовых зеркал из некрополя Кобыкова городища (по материалам раскопок 1956-1962 гг.)*,

- „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1993 году” 13, 70–83.
- Максименко 1998 – В.Е. Максименко, *Сарматы на Дону. Археология и проблемы этнической истории*, „Донские древности” 6, Азов.
- Medvedev, Yefimov 1986 – A.P. Medvedev, K.Yu. Yefimov, *A sarmatian barrow with Roman and Chinese imports in the middle Don region*, [in:] B.A. Racz, *Roman Imports in the Lower Don Basin*, “British Archaeological Reports International Series” 278, Oxford.
- Мошкова 1963 – М.Г. Мошкова, *Намётники прохоровской культуры*, Москва.
- Raczyńska 2002 – K. Raczyńska, *Czarki megarajske z Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 10, 159–168.
- Riha 1979 – E. Riha, *Die römischen Fibeln aus Augst und Kaiseraugst*, Augst.
- Скрипкин 1990 – С. Скрипкин, *Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект*, Саратов.
- Смирнов 1973 – К.Ф. Смирнов, *Курьельницы и туалетные сосудики Азиатской Сарматии. Кавказ и Восточная Европа в древности*, Москва.
- Шелов 1961 – Д.Б. Шелов, *Некрополь Танаиса (раскопки 1955–1958 гг.)*, „Материалы и исследования по археологии СССР” 98, Москва.

Representative material from the western necropolis of Tanais, trench XVII.2

Summary

Within of partnership between Institute of Archaeology Warsaw University and Muzeum-Zapowiednik Tanais, excavations on the cemetery, named west cemetery, have been led in 1996–1998. The cemetery is situated on the western part of antique town *Tanais*. 18 skeleton graves and 35, different purposes, pits have been explored during three seasons of archaeological excavation. Almost all graves are disturbed by ancient or modern wholes. Approximately every one relics and stratum are mixed, it means we are not able to give a unmistakable chronology of some graves. The cemetery is dated on I–III century AD and many burials could be defined as Sarmatian graves. Very characteristic artifact as so called Sarmatian “thurible” brooches or belt buckles could be an evidence of that. The graves were orientated along north-east line. In some of them appeared several roman artifacts: a ring with cameo made of glass with Satyr in grave number 2 or the hinge brooch A187 in grave number 16.

Christian-Herbert Fischer

TANAIS. THE ANALYSIS FOR ORGANIC DYESTUFFS FROM THE GRAVE G-14 (TRENCH XVII.2)

The analysis for organic dyestuffs was carried out by HPLC (High Performance Liquid Chromatography) with diode array detection (on-line coupled UV/vis-spectroscopy). This method is very suitable for analyses of organic dyestuffs especially in archaeometry, because of its sensitivity and reliability [Wouters 1985; Fischer 1997; Fischer, Bischof, Rabe 1990].

The pigment sample was dissolved in one drop of concentrated sulfuric acid and diluted with a few drops of acetonitril and water. The solution was centrifuged in order to separate from insoluble material and injected in the HPLC. The experimental details are given in [Fischer, Bischof, Rabe]. The resulting chromatogram is shown in fig. 1. By comparison with the chromatograms of reference samples the peaks can be attributed to the anthraquinone dyestuffs pseudopurpurin, purpurin and a small amount of alizarin, the formula of which are given in fig. 2. The inspection of the UV/vis-absorption spectra (fig. 3) confirms these results¹.

This is the characteristic composition pattern of ancient pink pigments: pseudopurpurin, purpurin and nothing or only traces of alizarin. The ratio of the first two dyes can vary as the first loses easily carbon dioxide and is converted into the second. Similar analysis results were obtained from pink pigments found in a painter's workshop and in make-up powder in Colonia Ulpia Traiana (Xanten, Germany) [Fischer, Rabe 1995] and in paint pigments from Cologne [The sample...], all from the 1st century a.C. The missing of alizarin is responsible for the blue tinge of the pigments, otherwise the color would be more red.

From the technological point of view the composition is remarkable since all three are the main dyestuff constituents of madder roots (*Rubia tinctorum* L.) and related plants such as *Asperula odorata* L., *Relbunium hypocarpium* Hemsl. as well as numerous *Galium* spp. and typically alizarin has the highest concentration. The ancient artisans seem to have taken use of the different solubilities of the organic dyestuffs in order to concentrate pseudopurpurin and purpurin on the cost of alizarin [Wunderlich, Fischer, Eggert]. The use of madder for dyeing purposes in the ancient world has already been mentioned by the elder Plinius (23–79 a.C.) [König 1970; Schweppe 1992].

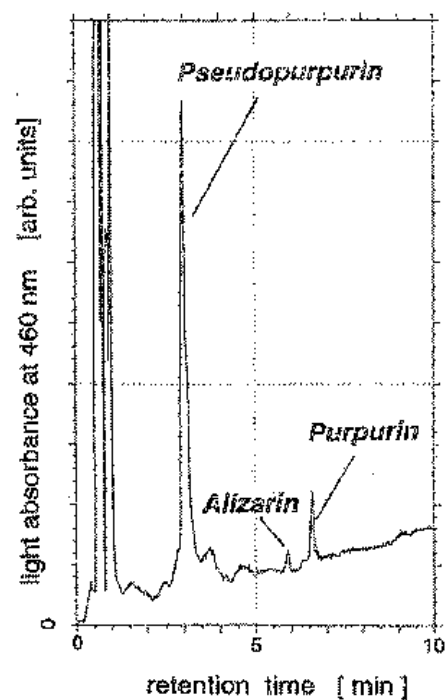

Fig. 1. Chromatogram of the Tanais sample (G-14). The peaks of three anthraquinone dyestuffs are marked. Those at the beginning belong to the solvent

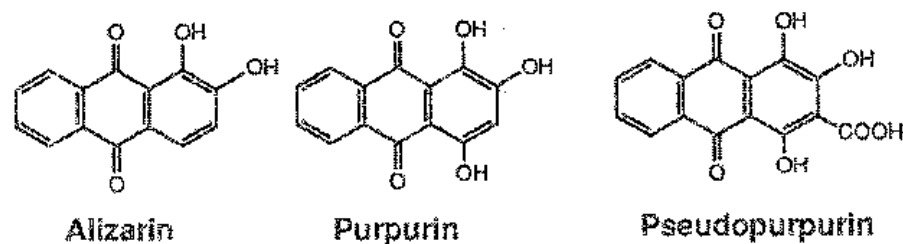

Fig. 2. Formula of the three identified anthraquinone dyestuffs: pseudopurpurin, purpurin and alizarin

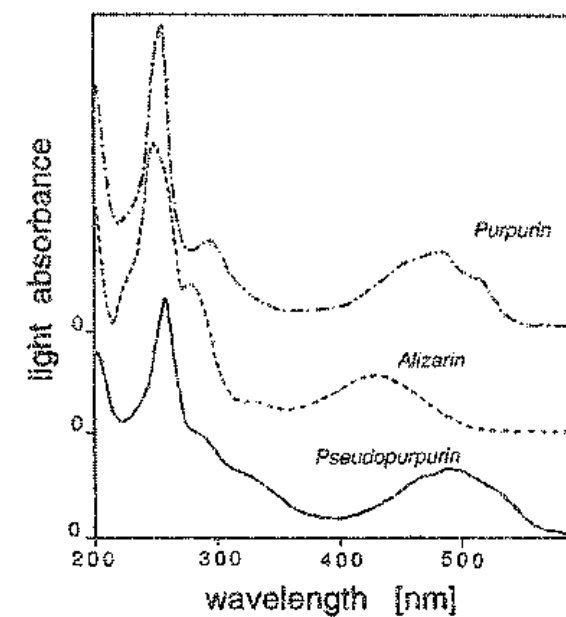

Fig. 3. UV/vis-absorption spectra of the three identified anthraquinone dyestuffs: pseudopurpurin, purpurin and alizarin

Notes

It should be mentioned that as pigments the aluminium, calcium or may be iron complex salts of these hydroxy-anthraquinones are utilized. Only they are insoluble in contrast to the basic compounds. The HPLC can analyze only dissolved species. The acidic solvent decomposes these metal complexes into the free organic compound and the respective sulfate of the metal.

Bibliography

- Fischer 1997 – Ch.-H. Fischer, *Historische organische Farbstoffe*, „Spektrum der Wissenschaft“ 10, 104.
 Fischer, Bischof, Rabe 1990 – Ch.-H. Fischer, M. Bischof, J.G. Rabe, *Identification of Natural and early Synthetic Textile Dyes with HPLC and UV/Vis – Spectroscopy by Diode-Array-Detection*, „J. Liquid Chromatography“ 13, 319–331.
 Fischer, Rabe 1995 – Ch.-H. Fischer, J.G. Rabe, *Untersuchung organischer Farbstoffe aus der CUT*, *Insula* 37, „Xantener Berichte“ 6, 319–321.
 König 1970 – R. König, *Zur Geschichte der Pigmente: Plinius und seine „Naturalis Historia“*, „Fette-, Seifen-, Anstrichmittel“ 62, 629.

Rabe, Bischof, Fischer 1990 - J.G. Rabe, M. Bischof und Ch.-H. Fischer, *Neuere Wege zur Identifizierung von natürlichen und synthetischen Farbstoffen in Teppichen und Fluchgeweben*, „*Restaurator*“ 3: 195.

Schweppe 1992 - H. Schweppe, *Handbuch der Naturfarbstoffe*, Landsberg.

The sample... - The sample was obtained from Dr. G. Eggert (Rheinisches Landesmuseum Bonn, Germany).

Wouters 1985 - J. Wouters, „*Studies in Conservation*“ 30, 119.

Wunderlich, Fischer, Eggert - C. Wunderlich, Ch.-H. Fischer, G. Eggert, paper in preparation.

Танаис. Изучение органических красителей из могилы G-14 (раскоп XVII.2)

Содержание

В Танаисе во время раскопок в одной из могил обнаружено небольшое количество красителя красного цвета. Образец исследован методом HPLC, полученные результаты были подвержены сравнительному анализу. Краситель оказался характерной для античного времени композицией пигментов: псевдопурпура, пурпура и небольшого количества ализарина, полученного из лекарственной марены и родственных растений.

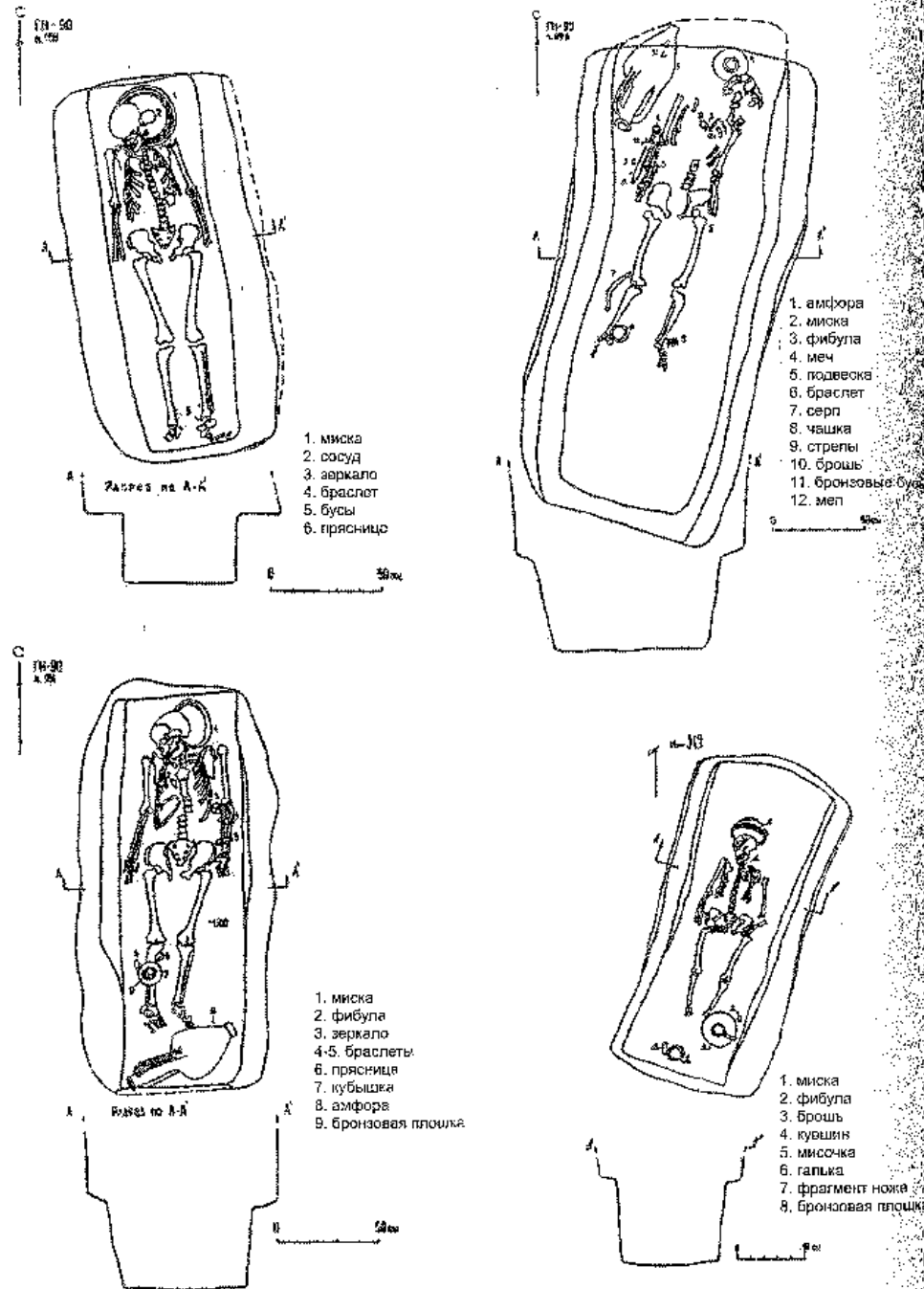
Владимир К. Гугуев

СТРУКТУРА ПОГРЕБАЛЬНОГО РИТУАЛА НИЖНЕ-ГНИЛОВСКОГО НЕКРОПОЛЯ (к вопросу о донском варианте меотской культуры)

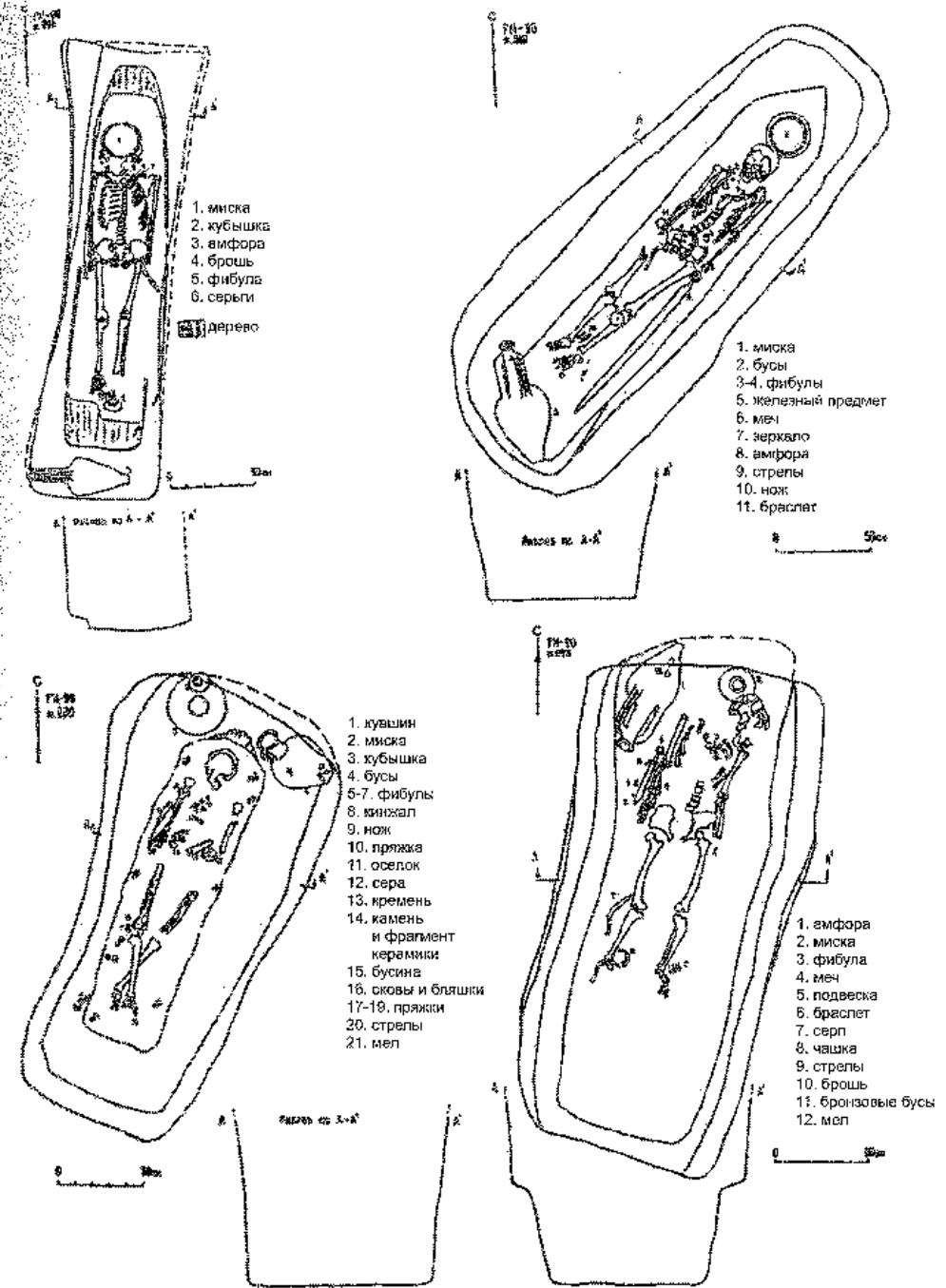
В I-III вв. н.э. на Нижнем Дону в округе Танаиса возникли десять укрепленных поселений. Основная, наиболее исследованная группа из восьми городищ располагается на правом берегу Дона. В их число входит Нижне-Гниловское поселение. Его некрополь исследовался автором в 1988-1991 гг. [Гугуев 1989; Гугуев 1989а]. Материалы этих раскопок дали выборку более чем из трёхсот погребений, позволивших выделить типы погребального ритуала, проследить их динамику во времени, а так же сравнить эти данные с результатами раскопок других близлежащих некрополей.

Все исследованные погребения были распределены согласно принятой для Нижнего Дона периодизации в две хронологические группы: I в. н.э. - первая половина II в. н.э. и вторая половина II в. н.э. - начало III в. н.э. В большинстве случаев отнесение комплексов к этим хронологическим группам не вызывало сомнений, так как могилы содержали большое количество изделий, датировки которых в Северном Причерноморье разработаны достаточно хорошо: светлоглиняные амфоры, краснолаковую керамику, фибулы причерноморских и провинциально римских типов, поясные наборы, стеклянные сосуды, и т.д.

Рассмотрим основные элементы обряда Нижне-Гниловского могильника в первой хронологической группе. Наиболее распространенным типом погребальных сооружений (48%) были вытянутые прямоугольные ямы, сужающиеся к дну, с более или менее выраженными уступами вдоль длинных стен - так называемые могилы с „запличиками“ (ил. 1). На уровне уступов, как правило, прослеживалось перекрытие из деревянных плашек и камыша. Около 90% погребённых в могилах с „запличиками“ были ориентированы головой в сектор С-СВ. В качестве варианта могил с „запличиками“ следует отметить обширные размерами до 3 м x 1 м ямы (ил. 2). Их инвентарь, как правило, разнообразен и относительно богат. В этих могилах встречены гробы-колоды с заостренным концом, наподобие носа лодки. В южной части ям на уровне перекрытия нередко помещалось чучело (череп и кости ног с метоподиями) крупного и мелкого рогатого скота. Данный обряд не практиковался в могилах с „запличиками“ стандартного размера.

Ил. 1. Могилы с захлевками из некрополя Нижне-Гниловского городища

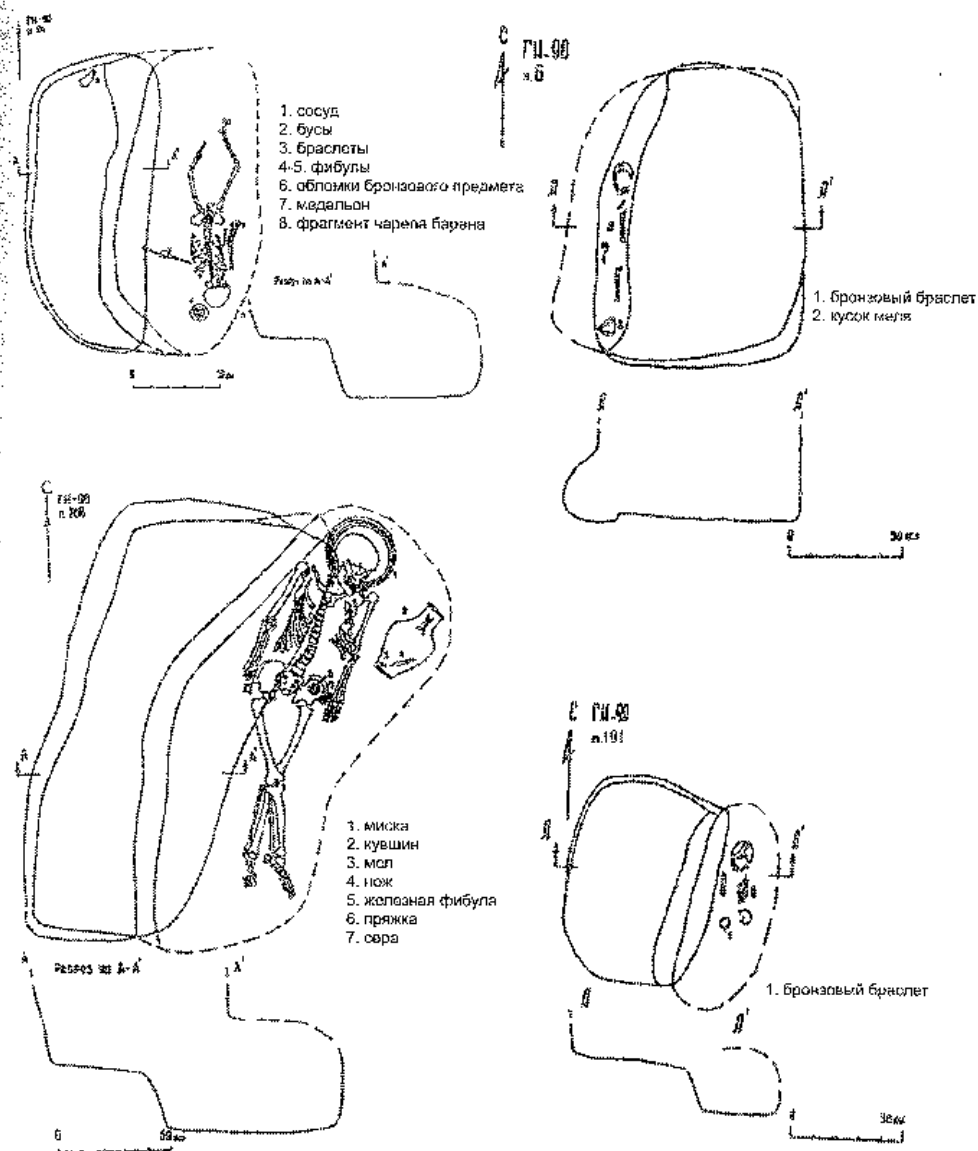
Ил. 2. Обширные могилы с уступами из некрополя Нижне-Гниловского городища

На втором месте по встречаемости в первой хронологической группе стоят могилы с камерой, устроенной в одной из длинных стенок входной ямы (35%) — так называемые подбой (ил. 3). Как правило, дно колодца было отделено от входной ямы уступом. Вход в камеру закрывался вертикальными плашками и камышом, реже обломками известняка. В I в. н.э.—первой половине II в. н.э. колодец нередко был относительно широким, а камера часто устраивалась в „восточной” стенке. В подбоях первой хронологической группы погребения, как правило, ориентированы головой в сектор С—СВ (85%). Захоронения чучел для этих могил не характерны.

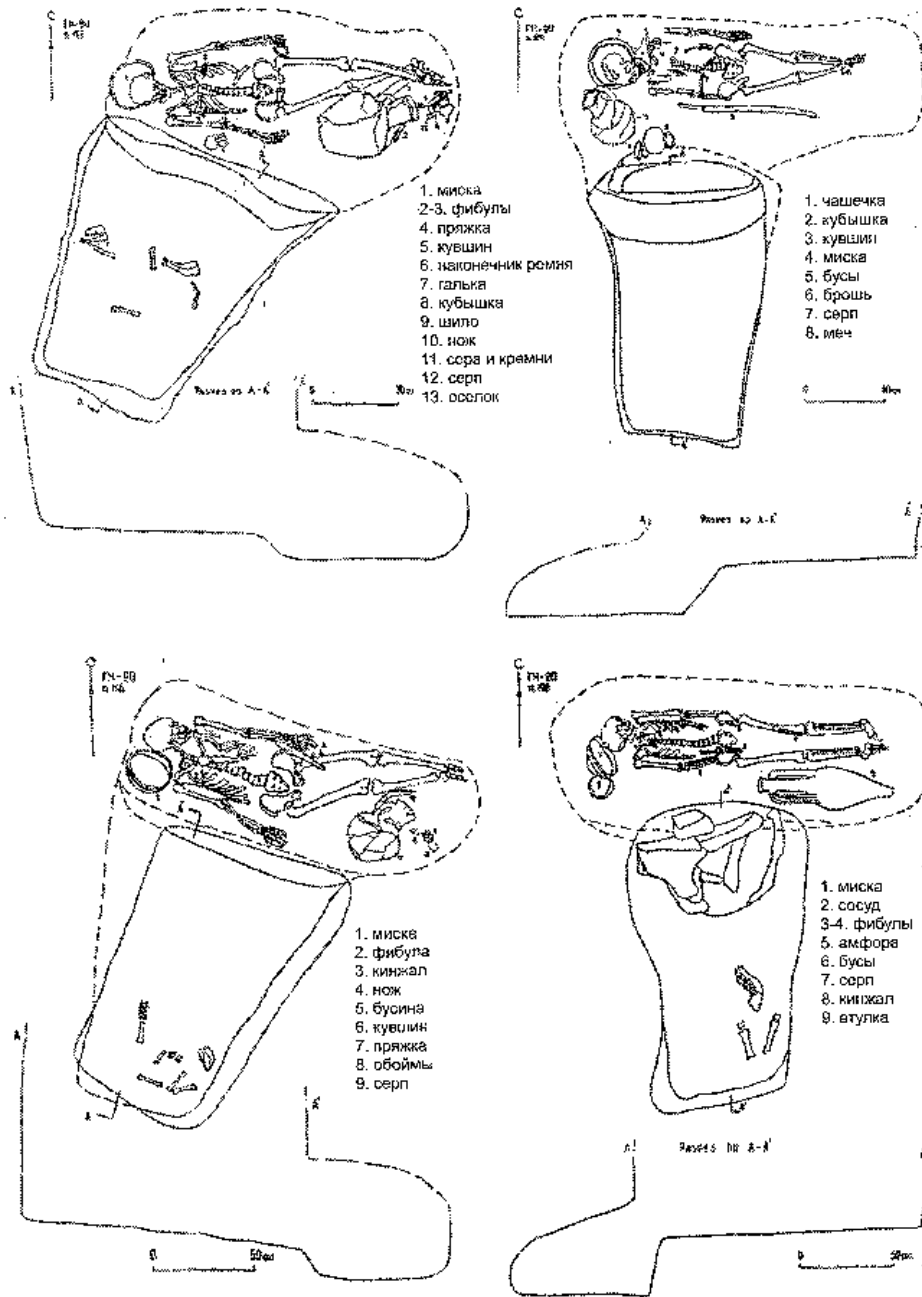
На третьем месте по встречаемости в некрополе I в. н.э.—первой половины II в. н.э. стоят катакомбы (17%). В могилах этого типа камера устроена в узкой стенке входной ямы (ил. 4). Колодец часто имеет в плане подтрапецевидную, реже прямоугольную форму. Длинные оси входной ямы и камеры располагаются, как правило, под прямым углом, однако встречаются и другие сочетания, вплоть до размещения камеры и колодца на одной линии. В большинстве случаев камеры подбиты сильнее вправо от входа, так что в плане катакомбы имеют Г-образную форму. Часть грунта, извлеченного при устройстве камеры, укладывалась на дно колодца. На поверхности этого выкида размещались чучела крупного и мелкого рогатого скота, реже туши лошадей, располагавшиеся на боку с подогнутыми ногами, головой к входу в камеру. Ориентировки погребенных в катакомбах существенно отличаются от рассмотренных выше подбоев и ям с „заплевками”. Чаще всего погребенные в этом типе могил лежат головой в секторе ЮЗ—СЗ (66%) с преобладанием западного направления (50%).

Во второй половине II—начале III вв. н.э. в ритуале Нижне-Гниловского могильника прослеживаются существенные изменения: резко (до 12%) сокращается количество могил с „заплевками”. Исчезают обширные ямы с уступами вдоль стен, содержавшие чучело животных. При этом ориентировки погребенных в могилах с „заплевками” существенно не меняются. По сравнению с предыдущим периодом почти вдвое увеличивается число захоронений в катакомбах. Соотношение ориентировок в катакомбах второй половины II в. н.э.—начале III в. н.э. остаётся прежним, в них преобладает западный сектор. Во входных ямах продолжается использование чучел крупного и мелкого рогатого скота.

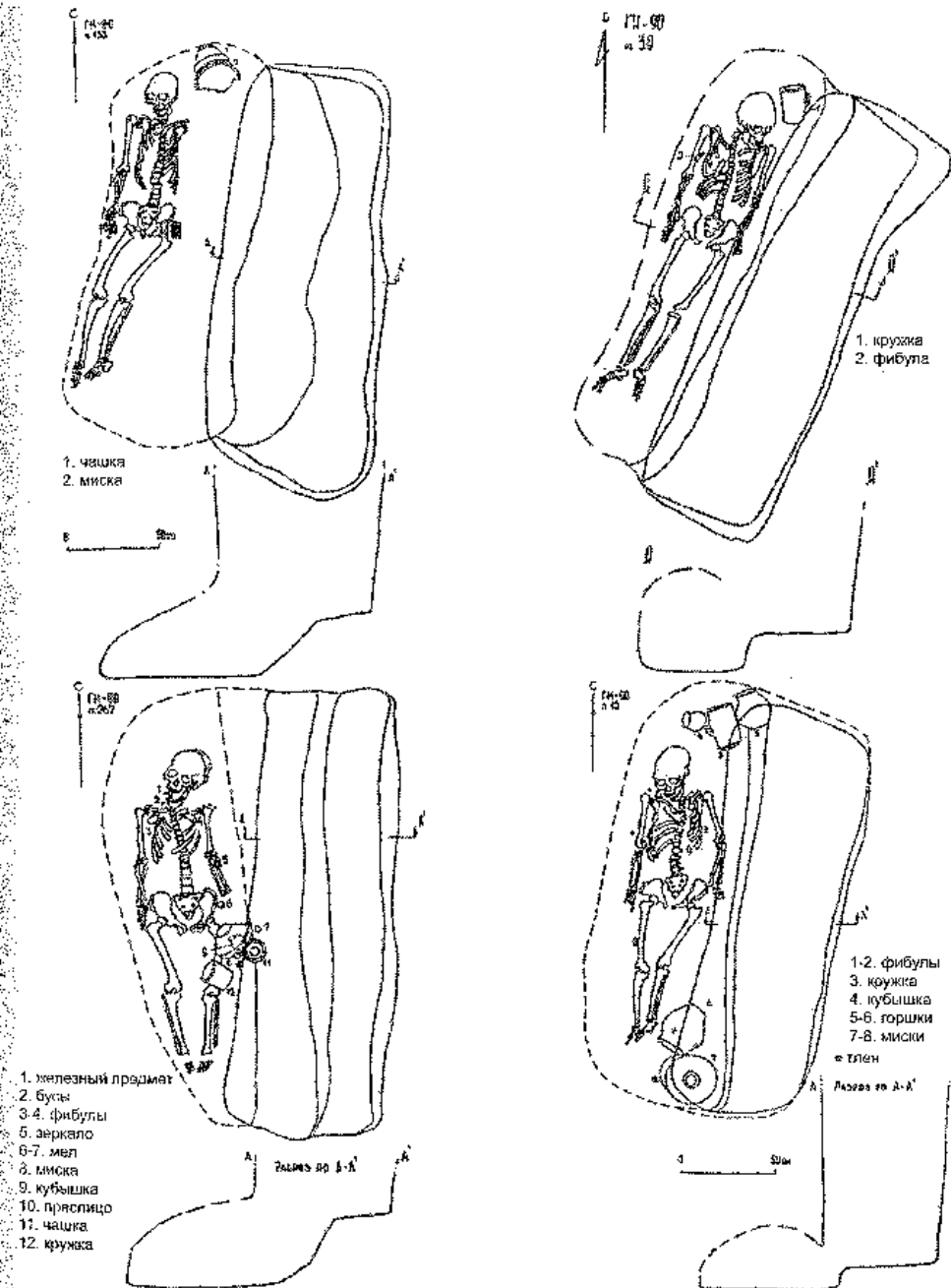
Заметной новацией второй половины II в. н.э.—начала III в. н.э. является резкое увеличение удельного веса захоронений в подбоях (56%). Как и в предшествующий период в них преобладают погребенные, ориентированные головой в северный сектор. Вместе с тем существенно меняется морфология части подбойных могил. Входные ямы становятся более узкими, камеры устраиваются, как правило, в „западной” стенке колодца (ил. 5). Фактически мы имеем дело с „новыми” подбойными могилами. Показательно, что именно в этих могилах сконцентрировано подавляющее большинство погребенных со следами искусственной деформации черепа (65%). В этой связи следует отметить, что

Ил. 3. Подбойные могилы первой хронологической группы из некрополя Нижне-Гниловского городища

Ил. 4. Катакомбы первой и второй хронологической группы из некрополя Нижне-Гниловского городища

Ил. 5. Подбойные могилы второй хронологической группы из некрополя Нижне-Гниловского городища

именно подбойные могилы с северной ориентировкой погребённых в сочетании с обычаем деформации черепа являются одной из типичных черт позднесарматской культуры.

Рассмотрение поз погребённых по типам могил и хронологическим группам даёт следующую картину. В обеих хронологических группах во всех типах могил преобладает „вытянутое на спине” положение погребённых. При этом значительно варьирует положение рук и ног. Нередко одна или обе руки погребённого были согнуты в локте, так что кисти находились на тазе (под ним), на животе, груди, или были подведены к лицу. На протяжении всего функционирования могильника встречается незначительное количество скорченных костяков. Как правило, они залегают на небольшой глубине, их инвентарь скуден. Зафиксировано подзахоронение скорченных костяков во входных ямах „чужих” могил. Не исключено, что скорченная поза отражала социальный статус погребённого.

Интересно, что погребённые со скрещенными (связанными?) в стопах ногами, обнаруженные в могилах всех типов, первого и второго периодов были в основном (70%) мужчинами. Заслуживает особого упоминания распространение в Нижне-Гниловском могильнике обычая ставить под голову погребённого миску. Распределение этой нормы по типам погребальных сооружений даёт следующую картину. Из 28 погребений с миской под черепом лишь 4 были совершены в подбоях, при чём все они датируются I в. н.э.—первой половиной II в. н.э. В катакомбах и ямах с „запличиками” миска под черепом встречается примерно с равной частотой; все они за исключением одной могилы так же относятся к первому хронологическому периоду.

Известно, что обычай ставить под голову погребённого миску является диагностическим признаком меотской культуры [Каменецкий 1965]. Возможно, резкое сокращение практики ставить под голову погребённого миску вызвано ослаблением меотских обрядовых норм в пользу сарматского ритуала.

Эталонным памятником культуры донских меотов на сегодняшний день служит Кобяковский некрополь I—III вв. н.э. В связи с этим возникает необходимость его сопоставления с Нижне-Гниловским могильником. При сравнении этих памятников очевидно практически полное совпадение структуры и динамики основных типов ритуала I в. н.э.—первой половины II в. н.э. [Безуглов, Гугуев 1988, 19–27; Ларенок 2003, 68–72]. Специфика Кобякова заключается в отсутствии обширных запличиковых могил, содержащих чучела животных.

Во второй половине II в. н.э.—начале III в. н.э. сходство сравниваемых памятников усиливается за счёт появления в некрополе Кобякова группы подбойев с северной ориентировкой и деформированными черепами [Гугуев 1985]. Эта выразительная группа, пожалуй, единственное, что объединяет некрополи нижнедонских городищ с одной стороны и Танаис и кочевую степь — с другой, что очевидно отражает процесс седентеризации сарматов [Безуглов, Гугуев 1988, 26–27].

Любопытно, что результаты анализа краниологических серий из некрополей Танаиса, Кобякова и Нижне-Гниловского городища для I в. н.э.—первой половины II в. н.э. существенно отличаются от данных археологии. Так согласно Е. Батиевой жители Танаиса и мужская часть населения Нижне-Гниловского городища были долихокранами [Батиева 2005, 15–19].

Женщины Нижне-Гниловского городища и население Кобякова обоих периодов, напротив, относились к мезобрахикранному типу, который автор прочно связывает с сарматской степью [Батиева 2005, 15–19].

В этой связи следует напомнить, что погребальный ритуал I в. н.э.—первой половины II в. н.э. донских городищ и Танаиса в своих основных чертах не совпадает [Безуглов, Гугуев 1988, 24]. С другой стороны, сравнение обряда мужских и женских погребений того же периода в Нижне-Гниловском некрополе не выявило между ними сколько-нибудь значительных отличий.

Для второй половины II в. н.э.—начала III в. н.э. данные археологии и антропологии свидетельствуют о значительной инфильтрации кочевых элементов в среду оседлого населения Нижнего Дона [Безуглов, Гугуев 1988, 26–27; Гугуев 1983, 78; Батиева 2005, 16–22].

В заключение следует упомянуть о двух других памятниках округа Танаиса: Темерницком и Крепостном городищах. Некрополи этих поселений исследованы слабо, однако они содержат типы ритуала практически идентичные тем, что мы имеем в Нижне-Гниловском и Кобяковском могильниках [Парусимов, Рогудес 2002, 256–271]. Этот факт позволяет рассматривать выделенные типы ритуала, как характерные в целом для донского варианта культуры меотов I—III вв. н.э. Поиск истоков этого феномена необходимо искать не в сарматской степи, а в среде меотских племён Прикубанья и Восточного Приазовья.

Литература

- Батиева 2005 — Е.Ф. Батиева, *Происхождение и эпохальная динамика населения Нижнего Подонья в IX в. до н.э.—IV в. н.э. (палеоантропологическое исследование)*. Автореферат кандидатской диссертации, Москва.
- Безуглов, Гугуев 1988 — С.И. Безуглов, В.К. Гугуев, *Меоты и сарматы на Нижнем Дону в I—III вв. н.э. (Структура и эволюция погребального обряда)*, [в:] *Проблемы сарматской археологии и истории*, Азов.
- Гугуев 1983 — В.К. Гугуев, *Новые подкурганные захоронения в Танаисе и их этническая принадлежность*, [в:] *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа*, Ростов-на-Дону.
- Гугуев 1985 — В.К. Гугуев, *Отчёт об исследованиях Кобяковского грунтового могильника отрядом археологической лаборатории РГУ в 1985 г.*, Архив ИА РАН, Р-1, № 1241, 1241 а, б.
- Гугуев 1989 — В.К. Гугуев, *Отчёт об исследовании участка некрополя Нижне-Гниловского городища 1988 г.*, Ростов н/Д, Архив Археологической лаборатории РГУ, ф. 18, д. 1.
- Гугуев 1989а — В.К. Гугуев, *Отчёт об исследовании участка некрополя Нижне-Гниловского городища 1988 г.*, Ростов н/Д, Архив Археологической лаборатории РГУ, ф. 18, д. 2.
- Каменецкий 1965 — И.С. Каменецкий, *Население Нижнего Дона I—III вв. н.э.* Автореферат кандидатской диссертации, Москва.

Ларенок 2003 В.А. Ларенок, *Новое исследование некрополя Кобяковского городища*, „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2002 г.“, вып. 19, Азов.
 Парусимов, Рогудев 2002 – И.Н. Парусимов, В.В. Рогудев, *Некрополь Темерницкого городища*, [в:] *Сарматы и их соседи на Нижнем Дону*, Ростов-на-Дону.

Burial ritual structure at the Nizne-Gnilowska necropolis (the issue of the Don variant of Meotan culture)

Summary

Chronological indicators (fibulas, a belt plaques, amphoras, red-coated ceramics, glass etc.) allow carrying the time of occurrence of circuit of ancient settlements in the district of Tanais on the right-bank of the river Don by boundary of our era. The left-bank monuments were found century earlier. However all of them concern to the same cultural layer.

Types of funeral rituals and their evolution testify about mainly meotan origins of inhabitants of ancient settlements from 1st century BC till the middle of the 2nd century AD. From the second half of 2nd century AD took place significant infiltration of Sarmatians in structure of inhabitants of ancient settlements. The same process took place also in Tanais.

Anthropological researches confirm complex interaction of local and alien (Sarmatian) elements in ancient settlements of the Lower Don of the Roman time.

Сергей В. Туркин

ПОЗДНИЕ КОЧЕВНИКИ ЮЖНОРУССКИХ СТЕПЕЙ IX–XIII вв.

(печенеги, торки, половцы)

Краткий обзор этнополитической истории кочевников степей Восточной Европы IX–XIII вв.

Возникший в середине VII в. в степях Поволжья и Северного Дагестана Хазарский каганат подчинил своей власти алан Центрального Предкавказья, болгар Приазовья и постепенно распространил свое влияние на территорию Северного Причерноморья, где обитали многочисленные кочевые и полукочевые, преимущественно тюркоязычные этносы и народы. В VIII в. на территории от Волги до бассейна Северского Донца и от верховий Донца и Среднего Дона до Кавказских Предгорий и Крыма, сложилась так называемая салтово-маяцкая археологическая культура – государственная культура Хазарии, состоявшая из нескольких локальных вариантов [Артамонов 1962, 128–130, 170–171; Магомедов 1983, 3, 175–195; Новосельцев 1990, 89; Плетнева 1976, 21–23; Плетнева 2003, 52–102].

Долгое время Хазарский каганат служил непреодолимой преградой на пути азиатских номадов в степи Восточной Европы. Однако в результате продолжительных арабо-хазарских войн второй половины VII–конца VIII вв. и гражданской войны конца VIII–начала IX вв., вызванной принятием правящей верхушкой Хазарии иудаизма, каганат ослабел и уже не мог сдерживать нарастающий натиск кочевников с востока [Плетнева 1976, 35–71; Новосельцев 1990, 144–196].

Первыми в этом движении на запад были мадьяры (угры, венгры), за ними в южнорусские степи хлынули печенеги, которых теснили огузы (торки), последние вынуждены были оставить свои кочевья под давлением половцев (кипчаков, куманов, кунов). Чтобы понять причины и последовательность появления перечисленных племен в степях Восточной Европы необходимо кратко остановиться на ранних этапах их азиатской истории.

Этногенез древних угров протекал в пределах лесостепной и северной части степной зоны Западной Сибири вблизи предгорий Юго-Восточного Урала. На рубеже II–I тыс. до н.э. из-за климатических изменений угорская этноязы-

ковая общность распалась. Под влиянием иссушения климата южные группы угров, предки венгров (мадьяр), как и другие соседние народы, стали переходить к пастбищному кочевому скотоводству. Ряд исследователей, ссылаясь на данные антропологии, считает, что древнеугорские кочевники в I тыс. до н.э. обитали между Нижней Волгой и Аральским морем. Здесь, столкнувшись с древнеиранскими номадами, южноугорские кочевники порвали связи со своими северными сородичами, и попали в изоляцию, которая привела их к этнической консолидации [Вереш 1985, 113–119].

Давление племен скифо-сако-сарматского круга, которых в свою очередь теснили тюркоязычные кочевники, вынудило протовенгров вновь откочевать к границам леса и степи Южного и Юго-Западного Приуралья. Великое переселение народов затронуло в своем движении и некоторые протовенгерские (угорские) группы, которые после распада державы Аттилы проявили себя, вступая в контакты с протоболгарами (огурами, оногурами, оногундурами, сарагурами и др.), что нашло отражение в названиях этих племенных образований. Основная же часть венгров (угров, мадьяров) на рубеже VI–VII вв. оказалась в Нижнем Прикамье и Западном Приуралье, где в 70-е гг. XX в. были обнаружены их могильники – Больше-Тиганский, Танкесвский и др. Здесь древние венгры обитали до 30-х гг. IX в. Видимо, эти территории следует отождествлять с легендарной областью – *Magna Hungaria* [История Венгрии 1971, т. I, 87–90; Перец 1974, 93–95; Халикова 1976, 36–42; Халикова 1981; Халиков 1985, 27–30; Иванов 1999].

Вторым интересующим нас народом являются печенеги, одним из сильнейших племен которых были канглы. Еще на рубеже II–I вв. до н.э. китайский историк Сыма Цянь в своих *Исторических записках* упоминает кочевое владение Кангюй, расположенное между Ферганой и кочевым владением Аланья, лежащем „при большом озере, которое не имеет высоких берегов (Аральское море – С.Г.)” [Бичурин 1950, т. II, 150–151, 260–261].

Из других китайских хроник можно узнать, что с конца IV по начало VI в. Кангюй находился в зависимости от эфталитов, а в 641 г. был завоеван войсками Западнотюркского каганата. По сведениям китайских источников, кангюйцы вели кочевой образ жизни [Бичурин 1950, т. I, 287; Бичурин 1950, т. II, 269]. Повидимому, в VI–VII вв. кроме степей Северного Приуралья „владения Кангюй” включали в себя и территории от Сырдарьи до оз. Балхаш. После распада Западнотюркского каганата на этих территориях активно шел процесс этногенеза печенегов и башкир, входивших в одно этнополитическое объединение, которое возглавили печенеги [Кузеев 1971, 23]. Русские летописи называли их печенегами (печенежи), византийцы пачинакитами, арабы – баджнук. Вероятно, печенеги получили свое племенное название от первого вождя их союза – Бече. И если башкиры кочевали в степях Северного Приуралья, то собственно печенеги, в состав которых входили канглы (кангар), в VI–середине VIII вв. обитали между Сырдарьей и оз. Балхаш [Minorisky 1937, 101; Гуркин 2000, 114–116–117; Гуркин 2001, 25; Гарустович, Иванов 2001, 9].

Предки огузов, по-видимому, выделились из тюркоязычного токуз-огузского союза телесских племен, обитавшего в степях Монголии в начале–середине I тыс. н.э. Первоначально они входили в состав Жуаньжуаньского, а затем I Тюркского каганатов. После распада последнего (630 г.) предки огузов короткое время (до 646 г.) находились, как и другие токуз-огузские племена, под властью сеяньто (сиров – будущих кипчаков) и уйгуров, возглавивших после сеяньто токуз-огузский союз. Во времена II Тюркского каганата (последняя четверть VII–середина VIII вв.) они оказались на территории Джунгарии и Семиречья, где началась их самостоятельная этнополитическая история, отличная от токуз-огузского союза племен, возглавляемого уйгурами. В 746–747 гг. в монгольских степях уйгуры разгромили своих бывших союзников басмылов и карлуков. Первых победители покорили, а вторых заставили уйти в Северо-Западную Монголию и на Алтай. В 766 г., теснимые восточными и северными соседями, карлуки оставляют свои новые кочевья и обосновываются в Джунгарии и Семиречье, вынуждая огузов занять земли между Сырдарьей и оз. Балхаш, вытеснив оттуда печенегов. Последние в конце VIII–начале IX в. откочевывают в степи Северного Приуралья и Северного Прикаспия, а башкиры отступают к южным предгорьям Урала [Агаджанов 1969, 128; Агаджанов 1970; Кумеков 1972, 113; Ахинжанов 1989, 61; Кляшторный 1992, 145; Гуркин 2001, 25; Гарустович, Иванов 2001, 10].

Половны (кипчаки, куманы, куны) – кочевые тюркоязычные племена, предки которых в IV–VII вв. кочевали в степях между отрогами Монгольского Алтая и Тянь-Шаня. В китайских хрониках они известны под именем сеяньто, тюрки их называли сирами. Входили в состав сначала Жуаньжуаньского, а затем I Тюркского каганатов. После разгрома в 630 г. I Тюркского каганата сеяньто (сиры) создали свой каганат, который в 646 г. был уничтожен Танским Китаем и уйгурами. Спасаясь от преследования победителей, они изменили племенное название сиров на кипчаки („злосчастные”) и большей частью откочевали в верховья Иртыша и в Восточноказахстанские степи, где обитали родственные им телесские племена [Рамstedt, 1914; Кляшторный 1986, 153–156, 158–163, прим. 20; Ахинжанов 1989, 45, 50; Бичурин 1950, т. I, 343; Малявкин 1980, 106–110, 113; Малявкин 1989, 327; Гуркин 2000а, 6–13].

В 679–687 гг. оставшиеся в Хангае сеяньто (сиры, кипчаки) поддержали восстание тюрков в Северном Китае, в результате чего был возрожден Восточнотюркский каганат [Кляшторный 1986, 158]. После его разгрома уйгурами в 744 г. вторая волна кипчаков (сиров, сеяньто) откочевала на запад, в верховья Иртыша и Восточноказахстанские степи к своим, ушедшим туда ранее (в 646 г.) родственникам, которые переместились в степи Центрального Казахстана [Кляшторный 1986, 162; Ахинжанов 1989, 57; Гуркин 2000, 76; Гуркин 2000а, 13].

Уже с конца VIII–начала IX в. кипчаки совместно с огузами ведут борьбу с печенегами и башкирами за контроль над степями Северного Приуралья. Последние, соответственно, постепенно отступают на запад и северо-запад (печенеги к восточным и северо-восточным границам Хазарского каганата, а башкиры к западным и северо-западным границам Хазарского каганата).

киры в Юго-Западное Приуралье, где начинают тревожить венгров). Венгры (угры, мадьяры), видимо, находящиеся в состоянии конфронтации с волжско-камскими булгарами, не выдержав усиливавшегося на них давления печенегов и башкир с востока, начинают свое движение на запад. Именно против них хазары при помощи византийцев между 834 и 837 гг. строят на Дону крепость Саркел. Но венграм через лесостепные окраины Хазарии удается прорваться в степи Северного Причерноморья, где они обосновываются в области Лебедия или Лебедея [Кузеев 1971, 23, 25; Халиков 1985, 30; Багрянородный 1989, 334, прим. 2 к гл. 11; Новосельцев 1990, 132, 143, 206–207, 211; Цукерман 1997, 644 и сл.; Гуркин 2000, 114–119; Гуркин 2001, 24–25; Плетнева 2003, 104–105].

В 840 г. Уйгурский каганат рухнул под ударами енисейских кыргызов [Маявкин 1983, 3, 19–28]. Входявшие в его состав тюркизированные монголоязычные племена кимаков (кумоси, си, хи, каи) вынуждены были бежать в верховья Иртыша и потеснить обитавших там кипчаков. В 868 г. оставшиеся на своих землях и попавшие под власть монголоязычных киданей кимаки взбунтовались и также ушли на запад к своим ранее бежавшим туда сородичам [Кумсков 1972, 114–115; Савинов 1984, 104–105; Ахинжанов 1989, 144–146; Гуркин 2000, 100, 105; Гуркин 2000а, 16–17, 19–20].

Во второй половине IX–начале X в. кимаки, самоназвание которых – каи („змеи“) – покорили кипчаков. Они возглавили новое государственное образование – Кимакский каганат. Теперь и они присоединились к борьбе огузов и кипчаков против печенегов и башкир за господство над степями Северного Приуралья и изгнали их оттуда примерно в конце 60-х–70-х гг. IX в. Печенеги ушли к Нижней Волге, а огузы заняли степи Северного Приуралья [Ахинжанов 1989, 19; Гуркин 2000, 114–118; Гуркин 2001, 24–27].

Оказавшись соседями хазар, печенеги стали тревожить восточные и северо-восточные границы каганата. В 80-х–90-х гг. IX в. хазары, заключив договор с огузами, разбили печенегов и те, вместе с частью башкир, прорвавшись опять же через лесостепную территорию Хазарии и основательно подорвав ее экономику, ушли в степи Причерноморья, вынудив венгров откочевать в область Ателькузу (междуречье Южного Буга и Прута), а затем и на территорию современной Венгрии [Плетнева 1958, 192; Перени 1974, 102; Плетнева 1976, 62–65; Багрянородный 1989, 159–167; Гуркин 2000, 114–118; Гуркин 2001, 24–26; Гарустович, Иванов 2001, 107, 111–112; Плетнева 2003, 104–105].

Уже в начале X в. печенеги появляются на южном пограничье Руси и I Болгарского царства, в первой половине X в. они выходят к границам Венгрии и активно участвуют в международной политике раннефеодальных государств Восточной Европы. Огузы (торки) появляются на границах Руси в середине XI в. Их появление на границах Византии и Венгрии фиксируется с середины XI в. Теснимые половцами (куманами, кунами), они вынуждены определяться на службу, на Русь, в Венгрию и Византию. Так, во второй половине XI в. на южных границах Руси возникает черноключицкий союз племен, состоящий из

печенегов, торков, берендеев и т.д. Часть печенегов и торков (огузов) попадает под власть половецких ханов [ИЛ 1998, 32; Плетнева 1990, 71].

К середине XI в. кимаки (каи) были уже оторочены кипчаками. Поэтому кимаков и кипчаков нередко называют одним народом. Уже к концу X–началу XI в. кипчаки начинают освобождаться из-под власти кимаков и распространяют свое влияние на юг (Чуйская долина), юго-запад (п-ов Мангышлак) и запад (Поволжье). К 30-м гг. XI в. кипчаки становятся хозяевами всей степи от Иртыша до Волги. Под их давлением огузы Прикаспия в конце X–начале XI в. перенаправляются через Волгу и, совместно с Древней Русью окончательно уничтожают хазарскую государственность, а затем начинают теснить печенегов далее на запад [Худуд ал-Алам 1930, л. 19а; Minor sky 1937, 101; Ахинжанов 1989, 174; Гуркин 2000, 130; Гуркин 2001, 33–36; Гуркин 2004, 40].

В X в. монголоязычные кидане, а конце 20-х–начале 30-х гг. XI в. тангуты дали толчок новой волне миграции кочевых племен. Кипчаки и подвластные им племена двинулись на запад. К середине XII в. половцы (кипчаки, куманы) доминируют на огромной территории от Иртыша до Днепра и Ингульца. Они играют значительную роль в политической жизни Древней Руси, Венгрии, Византии, Грузии, Хорезма. Однако единой государственности у половцев не сложилось. Монголо-татарское нашествие нарушило этот процесс. Но, даже утратив политическую самостоятельность, половцы не потеряли своей самобытной культуры и сыграли значительную роль в этногенезе многих народов Евразийского континента [Голубовский 1884; Голубовский 1889; Marquat 1914; Расовский 1935–1940; Кудряшов 1948; Плетнева 1958; Анчабадзе 1960; Плетнева 1978; Батчаев 1980; Плетнева 1985, 249–281; Плетнева 1990; Гуркин 1990, 82–92; Гуркин 1998; Гуркин 1999; Гуркин 2000, 133–197; Гуркин 2000б, 19–23; Кляшторный 2003, 9–15; Гуркин 2004, 40–46].

Памятники материальной культуры кочевников Восточной Европы IX–XIII вв.

Венгры. С начала 70-х гг. XX в. на территории Татарстана, Башкыртастана и в Нижнем Прикамье исследователями выявлен ряд могильников (Больше-Тарханский, Больше-Тиганский, Танкеевский и др.), часть погребений которых можно связать с ранними венграми. Они надёжно увязываются с погребальными памятниками Паннонии, хотя имеются и некоторые отличия в погребальном обряде [Халикова 1971; Балинт 1972; Фолор 1972; Халикова 1976, 36–42; Степи Евразии... 1981, 77–82; Халиков 1985, 28; Плетнева 2003, 105–106].

Так, обряд захоронения венгров на территории Паннонии (в так называемую эпоху обретения родины) весьма устойчив и характеризуется бескурганскими погребениями, совершенными в прямоугольных ямах (часто с заплечиками), в которых погребенные укладывались вытянуто на спине, с руками вытянутыми вдоль тела, головами преимущественно на запад с сезонными

отклонениями. Эти общие признаки характерны как для богатых, так и бедных инвентарем погребений [Плетнева 2003, 105–106].

Относительно богатые мужские воинские захоронения сопровождаются набором оружия и погребением в могиле частей коня (головы и отчлененных обычно по третий сустав ног) со сбруйным набором. В женских захоронениях часто встречаются только сбруйные наборы без останков коня. Конские остатки обычно помещались „кучкой” в ногах погребенного, куда также укладывали и сбрую [Балинт 1972; Плетнева 2003, 106].

Другим важным признаком венгерского погребального обряда являются маски, закрывавшие глаза и рот погребенного. Именно этот обычай дает возможность связать венгров с племенами финно-угорской этнокультурной общности в Среднем Поволжье, Прикамье и Зауралье. По мнению многих исследователей, ритуальное значение масок заключается в отделении мертвого от живых. Это своеобразный оберег от глаза и более крупных неприятностей. В Венгрии полных масок, прикрывающих лицевую часть покойного, не обнаружено, поскольку они были кожаными или матерчатыми. Только на глаза и рот помещались тонкие серебряные пластинки, небольшие бляшки, монетки, пуговицы, прикрывающие эти части лица [Фодор 1972; Плетнева 2003, 106].

Древневенгерские могильники Татарстана, Башкыртастана, Прикамья и Западного Приуралья, при всей их схожести с выше описанными, в основном, подкурганые. В них зафиксирована преимущественно лепная круглодонная и цилиндрическая посуда с тонконарезным изящным орнаментом. Нередко встречаются остатки лицевых покрытий в виде наглазников, наротников, а иногда и целые серебряные маски (в Такеевском могильнике их более двадцати, как правило, в мужских погребениях). В большом количестве в захоронениях представлено оружие, поясные наборы, украшения и т.д. [Халиков 1985, 28–30].

Судить о пребывании венгров в степях Причерноморья весьма затруднительно, так как на сегодняшний день на огромной степной территории обнаружено всего около пяти погребений, которые можно непосредственно связать с венграми. Это можно объяснить относительной кратковременностью пребывания здесь древних венгров и таборным характером их кочевания, когда не создавалось крупных родовых могильников [Fettich 1937; Бокий, Плетнева 1988; Плетнева 2003, 110–115].

Печенеги и огузы (гузы, торки). Исследователи, занимающиеся изучением позднекочевнических древностей степной зоны Восточной Европы, давно обратили внимание на наличие здесь курганов со сравнительно небольшими насыпями (не более 1 м высотой и 8–12 м в диаметре), под которыми находились погребения так называемых „поздних кочевников”, датируемых в основном концом XI–XIV вв., хотя и встречались среди них и более ранние: конец IX–середина XI в. Кроме того, значительное число аналогичных захоронений было обнаружено не под индивидуальными насыпями, а в насыпях курганов более ранних эпох (бронзового и раннежелезного времени) [Федоров-Давыдов 1966, 3–10].

Их исследование началось еще в конце XIX–начале XX в., когда Н.Е. Бранденбург раскопал более ста курганов в киевском Поросье, Д.И. Эварницкий – на Левобережье Днепра, В.А. Городцов – в бассейне Северского Донца, а Е.П. Трефилов в Купянском уезде [Городцов 1905; Городцов 1905а; Трефилов 1905; Трефилов 1905а; Эварницкий 1907; Бранденбург 1908]. Уже в то время археологи попытались дать им этническую атрибуцию, разделив их на печенежские, торчские и берендсевы [Самоковасов 1890; Бранденбург 1895; Спицын 1899; Городцов 1907; Самоковасов 1908; Спицын 1927]. Эта работа была продолжена в середине XX в. Исследователи исходили из посылки, что каждый народ имел определенный погребальный обряд. Однако, на накопленном к тому времени материале доказать эту идею полностью не удалось [Мед 1948, Зяблин 1955; Плетнева 1958]. Тогда в 1966 г. Г.А. Федоров-Давыдов, основываясь на характере погребального обряда (форма могильной ямы, ориентировка погребенного и частей или полного скелета коня, типах погребального инвентаря и его встречаемости в погребениях), отверг подобный подход к решению проблемы и предложил разделить весь материал (ок. 1000 комплексов) на четыре хронологические периоды: „I. Конец IX–XI вв. (господство печенегов и краткий период торчского нашествия). II. Последняя четверть XI–XII в. (начальный период господства половцев). III. Конец XII–начало XIII в. (предмонгольский период половцев). IV. Вторая половина XIII–XIV в. (золотоордынский период половцев)” [Федоров-Давыдов 1966, 9]. С.А. Плетнева не согласилась с его точкой зрения, полагая, что последний этап его схемы нуждается в иных критериях как при исследовании сильно мусульманизированного погребального обряда, так и при датировках огромного количества разнообразнейших изделий прикладного искусства, изготовленных в основном пленными мастерами разных стран или же просто захваченными сокровищами у побежденных народов. Первые три блока предложенной Г.А. Федоровым-Давыдовым схемы представляются ей хронологически „расширенными”. По мнению исследовательницы, в первый блок входят две группы захоронений. Первую группу, датируемую последней четвертью X–первыми десятилетиями XI в., она характеризует следующими признаками:

1. Небольшими курганными насыпями.
2. Вдольными захоронениями в крупных насыпях предыдущих эпох.
3. Неглубокими и сравнительно небольшими могильными ямами, в которых захоронения производились, как правило, без гробов.
4. Погребение человека вытянуто на спине с вытянутыми вдоль тела руками, только изредка одна рука немного согнута в локте – кисть на газовых костях. Ориентировка всегда головой на запад (с сезонными отклонениями).
5. Подавляющее большинство подобных захоронений совершено в сопровождении останков коня. Могильные ямы в этих случаях вдвое шире. Кости коня разложены слева от погребенного на дне могилы или на невысокой (0,2 м) приступке.
6. Останки коня представлены в могиле черепом, помещенным в западной части могилы (рядом с черепом человека), и отчлененными по первый или вто-

рой сустав передними и задними костями ног, разложенными вдоль покойника. Иногда на дне могилы можно заметить отпечатки кожи — шкуры коня и в ногах похороненного — позвонки конского хвоста. Очевидно, всё вместе представляло собой тщательно размещенное в могиле набитое сеном чучело убитого на поминках коня.

7. Одной из оригинальных черт погребального обряда этой группы являются кенотафы — поминальные захоронения под курганами в обычной неглубокой могиле взиуданного и оседланного чучела, от которого сохранились в могиле череп, разложенные в анатомическом порядке кости ног, иногда попадаются остатки шкуры или ее отпечатки на дне, а у задних ног — позвонки хвоста.

Вторая группа типологически очень близка к первой:

1. Погребения в ней тоже совершены под небольшими земляными насыпями, изредка не круглыми, а слегка овальными в плане.

2. Могилы небольшие, но значительно более глубокие, нередко на длинных сторонах (примерно на середине глубины) оставлены приступки, на которые, видимо, опирались доски перекрытия.

3. Погребение человека совершено на дне, иногда в гробу-колоде. Положение покойников и их ориентация аналогичны захоронениям первой группы.

4. Более половины погребений этой группы сопровождаются останками коней: головой, отчлененными по первый или второй сустав ногами, шкурой. Вполне возможно, что и здесь сооружалось чучело коня. Останки коня укладывались сверху — на доски перекрытия, поэтому ямы рылись обычно узкими и, естественно, более глубокими. Если деревянного перекрытия не было, то конь отделялся от захоронения человека слоем земли (до 0,6 м). Редко можно было проследить, что на человека просто укладывали шкуру коня, на которой раскладывали положенные, согласно ритуалу, кости.

Таким образом, главным отличием первой группы погребений от второй являлось размещение коня по отношению к погребенному (или рядом с ним или над ним). Все остальные признаки настолько близки, что установить принадлежность многих захоронений к определенной группе невозможно. Довольно часто при тесном общении этносов даже положение коня в какой-то степени менялось.

Обе группы практически сосуществовали, но все же в первой из них чаще попадаются ранние вещи, восходящие к IX в. Наблюдения за расположением курганов в могильнике Саркела — Белой Вежи также дают возможность С.А. Плетневой говорить об их неполной синхронности.

Антропологический материал показывает, что человеческие черепа в погребениях первой группы обладают большей европеоидностью, а во второй — монголоидностью. Следовательно, по мнению С.А. Плетневой, первую группу погребения можно связать с печенегами, а вторую с огузами.

Обращает на себя внимание факт, что среди подобных погребений Заволжья конская сбруя второй группы захоронений, а также женские украшения гораз-

до богаче. Во второй группе погребений присутствует еще один признак, характерный для позднекочевнических могил Обско-Иртышского междуречья — бронзовые литые наборы, вероятно, игравшие роль амулетов. Письменные источники свидетельствуют об огузо-кимакских контактах [Плетнева 2003, 123–137].

Черные клобуки. Не пожелавшие жить под властью половецких ханов печенеги, торки (огузы), тюркизированные монголоязычные берендеи, коуи, каспичи и т.д. стали служить киевским князьям, которые выделили им земли в Поросье, на Черяславщине и юго-восточных окраинах Черниговского и Северского княжеств, с условием охранять русское порубежье от набегов кочевников. Такую же политику относительно печенегов проводили венгерские короли и византийские императоры, а грузинские цари и правители Хорезма приглашали к себе на службу половцев (кипчаков) [Васильевский 1908, 9–15; Расовский 1933, 7–19; История Византии 1967, 274; Плетнева 1973, 24; Плетнева 1975, 265; Хусайни 1980, 43; Бибиков 1981, 98–112; Добролюбовский 1986, 52; Плетнева, 1990, 71–74; Мурулия, Шушарин 1998, 106; Гуркин 2000, 151, 156–159].

В свое время Н.Е. Бранденбург раскопал в Поросье 117 кочевнических погребений: 56 — основных и 61 — впускное. Судя по обряду, подавляющее их большинство (76) принадлежало печенегам. Торческие погребения исследовались всего лишь в трех случаях. В 15 могилах погребенные были ориентированы головой на восток и, по всей видимости, принадлежали к берендеям, коуям или каспичам. Обнаруженное у с. Таганча воинское погребение позволяет судить о наличии в среде Черных клобуков и русского населения [Бранденбург 1908; Плетнева 1973; Стени Евразии 1981, 214, 217–219; Плетнева 1990, 70–95; Плетнева 2003, 136–148].

Кипчаки, половцы (куманы), кунь. Пришедшие в 40-е–50-е гг. XI в. из-за Волги в степи Восточной Европы половцы (куманы) к середине XII в. распространили свое влияние до Днепра. Огромные территории между Днепром и Иртышом получили название Дешт-и-Кипчак (Половецкая степь) [Расовский 1935–1940, т. IX, 71 и сл.; Кляшторный 2003, 9; Плетнева 2003, 149–152]. В степях появляется множество типов захоронений с конем. В свое время Г.А. Федоров-Давдов, оперируя материалами более 1000 погребений, выделил 66 типов погребений [Федоров-Давыдов 1966, 123–128]. Это объясняется тем, что в среде новых пришельцев присутствовало множество тюркоязычных, тюркизированных и монголоязычных этносов и этнолингвистических групп, втянутых в данный миграционный процесс [Гуркин 2000, 199–200].

Разнообразие погребального обряда выразилось в том, что появилось много новых конструкций могильных ям. Ориентировка погребенного головой на запад остается, но в большом количестве встречается и ориентировка покойника головой на восток. В могилы вместе с умершим укладывали целые туши убитых коней, хотя сохраняется и обычай укладывания лошадиных чучел. Правда, у них ноги отчленены уже по бедренный сустав. Погребальный инвентарь становится более разнообразным. В могилах кроме наступательных видов во-

оружия (сложносоставных луков с концевыми и срединными костяными накладками, сабель, копий, колчанов со стрелами, имеющими наконечники самых разнообразных типов) находят и шлемы, кольчуги и иногда даже остатки панцирей. В женских погребениях обнаруживают более изысканные, чем в предыдущий период украшения, а также бытовые предметы [Федоров-Давыдов 1966, 142–165; Степи Евразии... 1981, 214–219; Плетнева 2003, 157–165].

В связи с переходом от таборного кочевания к сезонному и упорядочения маришрутов перекочевков появляются летники и зимники отдельных родов (ай-лов) номадов и родовые могильники. Если в предыдущий период преобладали погребения, впушенные в насыпи курганов более ранних эпох, то теперь преобладают погребения под индивидуальными насыпями. В это время насыпи сооружаются не только из земли, но и из земли вперемешку с камнями. Прослежены и разнообразные каменные конструкции в насыпях, выложенные из камня (концентрические круги, камешные вымостки и т.д.). Появляются курганные насыпи, состоящие сплошь из камней [Федоров-Давыдов 1966, 120–123; Степи Евразии... 1981, 217–218].

У кипчаков и половцев был широко распространен обряд установления в святилищах каменных и деревянных статуй, посвященных умершим предкам. Подобные святилища сооружались кочевниками лишь на их коренных землях [Плетнева 1974, 13–15; Плетнева 1985, 249–250].

С.А. Плетнева, ссылаясь на работу Г.Н. Гарустовича, А.И. Ракушина, А.Ф. Яминова, считает, что свособразие изваяний Заволжья и Приуралья заключалось в том, что среди них преобладали так называемые стеловидные статуи, которые не подразделялись на сидящие и стоящие. На них не изображались ни детали одежды, ни оружие, ни украшения, ни прически и пр. Это были, по существу, только грубо обтесанные каменные столбы, в верхней части которых слабо выделялись черты лица, контуры которого иногда вырезались в виде „сердечка” с закругленной или, наоборот, заостренной в виде башлычка вершиной. Распространение таких „статуй” совпадает с ареалом Дешт-и-Кипчак. Датируются они довольно широко: с освоения кипчаками этой своей территории – от конца IX–начала X в. и до прихода на нее монголов [Гарустович, Ракушин, Яминов 1998, 256].

Характерно, что за такой долгий срок совершенно не развивалось скульптурное мастерство авторов стеловидных истуканов, хотя великолепные образцы для подражания в древнетюркских и уйгурских степях у них были в большом количестве. Очевидно, в данном случае важно было соблюсти обрядовые действия в том исполнении, какое было принято у кипчаков с древности. Никакого стремления сделать памятник более „человекообразным” не требовалось [Плетнева 2003, 151].

В степях Восточной Европы развитие половецкой камешной и деревянной скульптуры шло иным путем. Здесь самые ранние типы статуй – стеловидные плоские со слабой детализацией фигуры или совсем без нее. Аналогии им находят в степях Заволжья, Казахстана и особенно Семиречья [Шер 1966, табл.

XVIII, XX–XXII, XXVI–XXIX; Арсланова, Чариков 1974, рис. 5, 10, 12–15, рис. 6, 17–21, рис. 7–9; Чариков 1976, 159–162, рис. 6–9; Чариков 1980, 220–224, рис. 6–9; Досымбаева 2002, 40–49, рис. 1–19; Ермоленко 2004, 97 и сл., рис. 11 и сл.]. По мнению, С.А. Плетневой, такие столбообразные фигуры появились впервые в донских степях примерно в первые десятилетия XI в. У всех их лица отделены от туловища только полукруглой или (чаще) заостренной чертой подбородка. Часто черты лица вообще не изображались, но затем появились лица-сердечки, Т-образные брови и нос, глаза и рот в виде овальных углублений. Наиболее существенное изменение, происшедшее с этими столбовидными фигурами – появление на их передней (фасадной) стороне согнутых в локтях рук, державших на уровне живота изображение сосуда. На некоторых из них помимо рук на уровне груди помещены круглые выпуклости, видимо, изображавшие грудь, причем такие кружочки были не только на „статуях”, которые можно считать женскими, но и на мужских изваяниях, изображенных с усами и иногда с длинным подбородком, возможно, бородкой. Подавляющее большинство статуй этого типа сосредоточено в степи правого берега Северского Донца в среднем его течении. Это позволяет говорить о том, что половцы принесли с собой сюда изобразительные каноны статуарного искусства кипчаков [Плетнева 2003, 153, 227, рис. 51].

Второй тип все еще стеловидных статуй, но уже с барельефно-плоско прореченными руками, держащими сосуд, распространился в этом регионе, видимо, немного позднее. Судя по изваяниям этого типа, частично оставшимся в ранее занятом регионе Среднего Донца, половцы продвинулись к югу – на Дон и в Приазовье [Плетнева 1974, 61, 63, рис. 32, 66, рис. 33; Степи Евразии... 1981, 220, 263–264, рис. 86–87; Плетнева 2003, 153, 227, рис. 51; ср. с мнением: Гераськова 1991, 66–78, рис. 12, 14].

В XII в. половецкая скульптура достигает своего расцвета и распространяется по всей половецкой степи. Меняется и техника ее изготовления. Появляется так называемая круглая скульптура, на которой в мельчайших подробностях изображаются детали лица, прически, головные уборы, покрой костюма, вещи, прикрепленные к поясу. Часто статуи раскрашивались красками, следы которых иногда сохраняются на изваяниях [Плетнева 1974, 58, рис. 28а; Гуркин 1991, 105; Плетнева 2003, 155, 228–229, рис. 52–53].

В конце XII–начале XIII в. начинается процесс упрощения изображений в сторону известной примитивизации. Сначала перестали декорировать спины и изображать детали причесок и нарядов, затем убрали детализацию костюмов и с лицевой части. Нередко даже лица статуй оставляли гладкими без необходимых, казалось бы, черт лица. Вполне вероятно, что теперь предпочтение полностью стали отдавать раскрашиванию. В процессе дальнейшего упрощения изображения „предка” исчезает каноническая поза с сосудом в руках. В отличие от ранних статуй без сосудов, поздние изображения отличаются объемностью и стройностью фигур. На них нередко мастерски изображаются даже детали украшений и костюма и в исключительных случаях – сосуд,

без держащих его рук [Плетнева 1974, 58, 66, рис. 33; Плетнева 2003, 155, 227, рис. 51].

Кроме каменной скульптуры половецкие мастера изготавливали и деревянные статуи, аналогичные выше описанным. На сегодняшний день их обнаружено всего лишь более тридцати экземпляров, так как дерево сохраняется гораздо хуже камня. Они также устанавливались в святилищах, как и каменные, лицом к востоку или северо-востоку и были равнозначны последним. Им также, как и каменным, приносили жертвы, их кормили, поили, одевали в ткани, раскрашивали [Гуркин 1987; Кореневский, Андреева, Ульянова 1988; Гуркин 1990; Гуркин 1998; Гугуев 1998; Ларенок 2001; Плетнева 2003, 165–166].

Сохранилось два типа святилищ:

– сооруженные на вершинах курганов;

– перекрытые курганными насыпями [Швецов 1979; Гуркин 1987; Гуркин 1989; Гуркин 1991].

На святилищах первого типа часто удается проследить каменные конструкции, организующие сакральное пространство. Это квадраты или прямоугольники, мощенные круглые в плане площадки, выложенные камнем окружности, круглые в плане ровики. Часто с восточной стороны насыпи к святилищу ведет дорожка. Внутри сакрального пространства устанавливались статуи. Обычно их число кратно двум, но встречаются и исключения (1, 3, 5 и т.д.) [Швецов 1979; Гуркин 1987; Гугуев, Гуркин 1992; Ларенок 2001].

Святилища воплотили в себе религиозные представления половцев. Так судя по древнетюркским надписям, тюрки (в том числе и половцы) представляли свою землю в виде четырехугольника, ориентированного по странам света. Вокруг их земли обитали враждебные им народы. Круг (как, впрочем, и сама насыпь кургана) символизировал мировую гору, расположенную в центре родовой территории (он также мог символизировать и юрту – традиционное жилище помалов). В центре круга располагалась статуя (статуи), которая, кроме того, что являлась вместилищем одной из ипостасей души умершего, являлась и символом мирового древа, по которому шаманы могли осуществлять путешествия в верхний и нижний миры и общаться с их духами и божествами [Гугуев, Гуркин 1992, 127–141].

Второй тип святилищ – оборудованные (чаще всего в насыпях курганов предыдущих эпох) ямы, в которых статуя (статуи) устанавливались вертикально, лицом к востоку или северо-востоку. В ямах часто встречаются кости животных (лошадь, корова, овца, собака и т.д.). В нескольких случаях были зафиксированы человеческие жертвоприношения [Сулин 1901, 8–10; Мирошина 1985, 126; Гуркин 1987; Гуркин 1998].

Причины такого значительного различия между святилищами первого и второго типов заключается в том, что статуи являлись временным вместилищем одной из ипостасей души умершего (душа-дыхание, душа-тень, душа-судьба и т.д.). По истечении определенного промежутка времени она должна навсегда покинуть мир своих сородичей. Поэтому статуи по истечении срока

могли свалить, разбить, закопать в землю. Второй тип святилищ-ям как раз и связан с последним актом поминального культа, когда душа умершего окончательно прощается с коллективом своих родственников. В таких ямах-поминальнях чаще встречаются деревянные статуи (однако, зафиксированы и каменные). Эти статуи изготавливали из тополя, дуба, сосны [Мирошина 1985, 126; Гуркин 1987; Кореневский, Андреева, Ульянова 1988; Гуркин 1998]. В свете генеалогических преданий уйгуров и кипчаков может объясняться и традиция изготовления деревянных изваяний (воплощение мифической связи дерево-предок – прародитель кипчаков, легендарный Кипчак хан родился в дуплистом дереве). Возможно, кипчаки и половцы считали, что мифологическое древо-гора впоследствии даст новую жизнь потомкам умершего. Вероятно, здесь воплотились представления об умирающем и воскресающем предке-божестве – хранителе всех тюрков [Ермоленко 1994, 157–163; Ермоленко 2004, 65–67].

Ориентировка всех статуй лицом на восток свидетельствует о наличии у кипчаков и половцев культа восходящего солнца, где обитали все добрые божества и духи покровители рода. У них понятие восток неразрывно связывалось с понятием двигаться вперед, запад – назад, юг – направо, север – налево. Даже свои юрты кипчаки и половцы располагали входом на восток [Гугуев, Гуркин 1992, 136–138].

Традиция сооружать святилища с каменными и деревянными изваяниями сохранялась у половцев и кипчаков до момента официального принятия ислама как государственной религии правителями Золотой Орды [Гуркин 1998, 33–35].

Подводя итог, можно сказать, что средневековые тюркоязычные, тюркизированные и монголоязычные кочевники внесли огромный вклад в материальную и духовную культуру народов Старого Света, сыграли значительную роль в этнополитической истории Евразии и дали жизнь многим современным народам евразийского континента.

Литература

- Агалжапов 1969 – С.Г. Агалжапов, *Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв.*, Ашхабад.
- Агалжапов 1970 – С.Г. Агалжапов, *Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии*, ТС. Москва.
- Анчабадзе 1960 – З.В. Анчабадзе, *Кипчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI–XIV вв.*, [в:] *О происхождении балкарцев и карачаевцев. Материалы сессии по проблеме происхождения балкарского и карачаевского народов (22–26 июня 1959 г.)*, Налчик.
- Арслянова, Чариков 1974 – Ф.Х. Арсланова, А.А. Чариков, *Каменные изваяния Верхнего Прииртышья*, СА, № 3.
- Артамонов 1962 – М.И. Артамонов, *История хазар*, Ленинград.
- Ахтинжанов 1989 – С.М. Ахтинжанов, *Кипчаки в истории средневекового Казахстана*, Алма-Ата.

- Багрянородный 1989 – Багрянородный Константин. *Об управлении империей*, Москва.
- Балинт 1972 – Ч. Балинт, *Погребения с конями у венгров в IX–X вв.*, [в:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, Москва.
- Батчаев 1980 – В.М. Батчаев, *Предкавказские половецкие и вопросы тюркизации средневековой Балкарии*, „Археология и вопросы древней истории Кабардино-Балкарии”, вып. Налчик.
- Бибиков 1981 – М.В. Бибиков, *Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XI–XIII вв.)*, [в:] *Древнейшие государства на территории СССР*, Москва.
- Бичурин 1950 – Н.Я. Бичурин, *Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена*, т. I–III, Москва.
- Бокий, Плетнева 1988 – Н.М. Бокий, С.А. Плетнева, *Захоронение воина-кочевника X в. в бассейне Ингула*, СА, № 2.
- Бранденбург 1895 – Н.Е. Бранденбург, *К какому племени могут быть причислены те из языческих могил Киевской губернии, в которых вместе с покойным погребены остовы убитых лошадей*, Тр. X АС., т. I, Москва.
- Бранденбург 1908 – Н.Е. Бранденбург, *Журнал раскопок 1888–1902 гг.*, СПб.
- Васильевский 1908 – В.Г. Васильевский, *Византия и печенеги*, [в:] В.Г. Васильевский, *Труды*, СПб., т. I.
- Вереш 1985 – П. Вереш, *Некоторые вопросы этногенеза венгерского народа*, [в:] *Урало-алтаистика: Археология, Этнография, Язык*, Новосибирск.
- Гарустович, Ракушин, Яминов 1998 – Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин, А.Ф. Яминов, *Средневековые кочевники Поволжья (конца IX–XV века)*, Уфа.
- Гарустович, Иванов 2001 – Г.Н. Гарустович, В.А. Иванов, *Огузы и печенеги в Евразийских степях*, Уфа.
- Гераськова 1991 – Л.С. Гераськова, *Скульптура средневековых кочевников степей Східної Європи*, Київ.
- Голубовский 1884 – П.В. Голубовский, *Печенеги, торки и половецкие до нашествия татар. История южнорусских степей IX–XIII вв.*, Київ.
- Голубовский 1889 – П.В. Голубовский, *Половцы в Венгрии*, „Университетские известия”, год 29, Київ, № 12.
- Городцов 1905 – В.А. Городцов, *Краткие сведения об археологических исследованиях в Бахмутском уезде Екатеринославской губернии в 1903 г.*, „Тр. Харьковской комиссии по устройству” XII АС, Харьков.
- Городцов 1905а – В.А. Городцов, *Результаты исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии*, Тр. XII АС, т. I, Москва.
- Городцов 1907 – В.А. Городцов, *Типы погребений печенегов, торков, половецких и татар до XIV в.*, Тр. XIII АС, т. II, Москва.
- Гугуев 1998 – В.К. Гугуев, *Половецкий поминальник с деревянной статуей на левобережье р. Маныч*, ДА, № 1.
- Гугуев, Гуркин 1992 – Ю.К. Гугуев, С.В. Гуркин, *Половецкое святилище середины XI–начала XIII вв. на Правобережье Дона (опыт исследования семантики культового комплекса)*, „Донские древности”, вып. I, Азов.
- Гуркин 1987 – С.В. Гуркин, *Половецкие святилища с деревянными изваяниями на Нижнем Дону*, СА, № 4.
- Гуркин 1989 – С.В. Гуркин, *К вопросу о семантике половецких святилищ*, [в:] *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1988 г. (тезисы докладов к семинару)*, Азов.
- Гуркин 1990 – С.В. Гуркин, *К вопросу об исторической географии Половецких земель*, [в:] *Дон и Северный Кавказ в древности и средние века*, Ростов-на-Дону.

- Гуркин 1991 – С.В. Гуркин, *Святилище половецкого времени с каменным изваянием на Нижнем Дону*, [в:] *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1990 году*, вып. 10, Азов.
- Гуркин 1998 – С.В. Гуркин, *Святилища половецкого времени с деревянными изваяниями из раскопок Волго-Донской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР*, ДА, № 1.
- Гуркин 1999 – С.В. Гуркин, *К вопросу о русско-половецких матримониальных связях*, ДА, № 2, 3–4.
- Гуркин 2000 – С.В. Гуркин, *Половцы Евразийских степей (проблемы этнополитической истории VII–первая треть XII вв.)*. Дис. канд. ист. наук, Ростов-на-Дону.
- Гуркин 2000а – С.В. Гуркин, *О предках кыпчаков и кимаков*, ДА, № 3–4.
- Гуркин 2000б – С.В. Гуркин, *О времени появления половецких в Подунавье*, [в:] *Древний мир и средние века*, Ростов-на-Дону.
- Гуркин 2001 – С.В. Гуркин, *Кыпчаки и кимаки в IX–первой трети XI вв.*, ДА, № 3–4.
- Гуркин 2004 – С.В. Гуркин, *К вопросу о политических причинах миграции кочевников из Азии в степи Восточной Европы в 20–40-е гг. XI в.*, [в:] „Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки”, № 2.
- Добролюбовский 1986 – А.О. Добролюбовский, *Кочевники Северо-Западного Причерноморья в эпоху средневековья*, Киев.
- Досымбаева 2002 – А.М. Досымбаева, *Мерке – Сакральная земля торков Жетысу*, Тараз.
- Ермоленко 1994 – Л.Н. Ермоленко, *О семантике кочевнических святилищ со скрытыми в насыпях изваяниями*, [в:] *Этнокультурные процессы в Южной Сибири и Центральной Азии в I–II тыс. н.э.*, Кемерово.
- Ермоленко 2004 – Л.Н. Ермоленко, *Средневековые каменные изваяния Казахских степей*, Новосибирск.
- Зяблин 1955 – Л.П. Зяблин, *О „татарских курганах”*, СА, т. XXII, Москва.
- Иванов 1999 – В.А. Иванов, *Древние угры-мадьяры в Восточной Европе*, Уфа.
- История Венгрии 1971 – *История Венгрии. В 3-х томах*, т. I, Москва.
- История Византии 1967 – *История Византии. В 3-х томах*, т. II, Москва.
- ИЛ 1998 – *Ипатьевская летопись*, ПСРЛ, т. II, Москва.
- Кляшторный 1986 – С.Г. Кляшторный, *Кыпчаки в рунических памятниках*, „Tutologica”, Ленинград.
- Кляшторный 1992 – С.Г. Кляшторный, *Хунны и торки*, [в:] *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье*, Москва.
- Кляшторный 2003 – С.Г. Кляшторный, *Кыпчаки, киманы, половецкие*, [в:] *Дешт-и Кыпчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. Материалы международной научно-практической конференции 10–11 апреля 2003 г.*, Москва.
- Корневский, Андреева, Ульянова 1988 – С.Н. Корневский, М.В. Андреева, О.А. Ульянова, *Раскопки Ставропольской экспедиции*, АО-1986, Москва.
- Кудряшов 1948 – К.В. Кудряшов, *Половецкая степь. Очерки исторической географии*, „Записки Всесоюзного географического общества”, новая серия, т. II, Москва.
- Кузев 1971 – Р.Г. Кузев, *Урало-Аральские этнические связи в конце I тыс. н.э. и история формирования башкирской народности*, ЛЭБ, т. 4.
- Кумек 1972 – Б.Е. Кумек, *Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам*, Алма-Ата.
- Ларенок 2001 – В.А. Ларенок, *Половецкие изваяния из фондов Таганрогского музея-заповедника*, ДА, № 1–2.
- Магомедов 1983 – М.Г. Магомедов, *Образование Хазарского каганата*, Москва.
- Малаякин 1980 – А.Г. Малаякин, *Тюркика Танского государства в борьбе за гегемонию в восточной части Центральной Азии*, [в:] *Дальний Восток и соседние территории в средние века: История и культура Востока Азии*, Новосибирск.
- Малаякин 1983 – А.Г. Малаякин, *Уйгурские государства в IX–XII вв.*, Новосибирск.

- Малаякин 1989 – А.Г. Малаякин, *Танские хроники о государствах Центральной Азии*, Новосибирск.
- Мед 1948 – Н.Д. Мед, *К вопросу о торках*, КСИИМК, вып. XXII, Москва.
- Мирошникова 1985 – Т.В. Мирошникова, *Раскопки курганов у села Бейшапир*, АО–1983, Москва.
- Мургулия, Шушарин 1998 – М.П. Мургулия, В.П. Шушарин, *Половцы, Грузия, Русь и Венгрия в XII–XIII веках*, Москва.
- Новосельцев 1990 – А.П. Новосельцев, *Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа*, Москва.
- Перени 1974 – Й. Перени, *Угры „Повести временных лет“*, „Летописи и хроники“, Москва.
- Плетнева 1958 – С.А. Плетнева, *Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях*, МНА, № 62.
- Плетнева 1973 – С.А. Плетнева, *Древности Черных клобуков*, САИ, вып. В 1–19, Москва.
- Плетнева 1974 – С.А. Плетнева, *Половецкие каменные изваяния*, САИ, вып. Е 4–2, Москва.
- Плетнева 1975 – С.А. Плетнева, *Половецкая земля*, [в:] *Древнерусские княжества X–XIII вв.*, Москва.
- Плетнева 1976 – С.А. Плетнева, *Хазары*, Москва.
- Плетнева 1978 – С.А. Плетнева, *Хан Боник и его время*, [в:] *Проблемы археологии: Сборник статей в память профессора М.И. Артамонова*, вып. II, Ленинград.
- Плетнева 1985 – С.А. Плетнева, *Донские половцы*, [в:] *„Слово о полку Игореве“ и его время*, Москва.
- Плетнева 1990 – С.А. Плетнева, *Половцы*, Москва.
- Плетнева 2003 – С.А. Плетнева, *Кочевники южнорусских степей в эпоху средневековья*, Воронеж.
- Рамstedt 1914 – Г.И. Рамstedt, *Как был найден Селегинский камень*, [в:] *Труды Троицкого-Кяхтинского отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества*, СПб., т. IV, вып. 1.
- Расовский 1933 – Д.А. Расовский, *Печенеги, торки и берендеи на Руси и в Угрии*, SK, т. VI, Praha.
- Расовский 1935–1940 – Д.А. Расовский, *Половцы I–IV*, SK, т. VII–X, Praha.
- Савинов 1984 – Д.Г. Савинов, *Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху*, Ленинград.
- Самоковасов 1890 – Д.Я. Самоковасов, *Основания хронологической классификации*, Варшава.
- Самоковасов 1908 – Д.Я. Самоковасов, *Могилы Русской земли*, Москва.
- Спицын 1899 – А.А. Спицын, *Курганы киевских торков и берендеев*, ЗРАО, т. XI, вып. 1–2.
- Спицын 1927 – А.А. Спицын, *Татарские курганы*, Изв. ТОИАЭ, т. I (58), Симферополь.
- Степи Евразии... 1981 – *Археология СССР. Степи Евразии в эпоху средневековья*, Москва.
- Сулия 1901 – И.М. Сулия, *Отчет о командировке в Черкасский и Сальский округ Новочеркасск*, Издательство предварительного комитета по устройству, Шпр. XII AC.
- Трефилов 1905 – Е.П. Трефилов, *Археологическая экскурсия в Кулянский уезд*, Тр. XII AC, т. I, Москва.
- Трефилов 1905а – Е.П. Трефилов, *Курганы с каменными бабами Кулянского уезда*, Тр. XII AC, т. I, Москва.
- Федоров-Давыдов 1966 – Г.А. Федоров-Давыдов, *Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов*, Москва.
- Фодор 1972 – И. Фодор, *К вопросу о погребальном обряде древних венгров*, [в:] *Проблемы археологии и древней истории угров*, Москва.
- Халиков 1985 – А.Х. Халиков, *Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье*, [в:] *Урало-алтаистика: Археология, Этнография, Язык*, Новосибирск.
- Халикова 1971 – Е.А. Халикова, *Погребальный обряд Тангеевского могильника*, [в:] *Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья*, Казань.
- Халикова 1976 – Е.А. Халикова, *Ранневенгерские памятники Нижнего Прикамья*, СА, № 3.
- Халикова 1981 – Е.А. Халикова, *К вопросу о контактах древних венгров с болгаро-тюркскими племенами в Восточной Европе*, [в:] *Илисса-Преслав*, 2, София.

- Худуд ал-Алам 1930 – Худуд ал-Алам, *Рукопись А. Туманского*, Ленинград.
- Хусайни 1980 – Садр ад-Дин Али ал-Хусайни, *Сообщения о сельджуцком государстве. Списки летописей, сообщающих о сельджуцких эмирах и государях*, Москва.
- Цукерман 1997 – К. Цукерман, *Венгры в стране Леведии: Новая держава на границах Византии и Хазарии ок. 836–889 г.*, [в:] *Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии*, вып. VI, Симферополь.
- Чариков 1976 – А.А. Чариков, *Раннесредневековые скульптуры из Восточного Казахстана*, СА, 1 № 4.
- Чариков 1980 – А.А. Чариков, *Новая серия каменных статуй из Семиречья*, [в:] *Средневековые древности евразийских степей*, Москва.
- Швецов 1979 – М.Л. Швецов, *Половецкие святилища*, СА, № 1.
- Шер 1966 – Я.А. Шер, *Каменные изваяния Семиречья*, Москва–Ленинград.
- Эварницкий 1907 – Д.И. Эварницкий, *Раскопки курганов в пределах Екатеринославской губернии*, Тр. XIII AC, т. I, Москва.
- Fettich 1937 – N. Fettich, *Die Metallkunst der Landnehmen – den Ungarn (text band, tafelband)*, AN, v. XXI.
- Marquart 1914 – J. Marquart, *Über das Volkstum der Komänen*, AKGWG, Bd. 13, № 1, Berlin.
- Minorsky 1937 – V. Minorsky, *Hudud al-‘Alam. The Regions of World. A Persian Geography 372 A.H.–982 A.D.*, London.

Список сокращений

АО	– Археологические открытия, Москва
АС	– Археологический съезд
АЭБ	– Археология и этнография Башкирии, Уфа
ДА	– Донская археология, Ростов-на-Дону
ЗРАО	– Записки Российского археологического общества
Изв. ТОИАЭ	– Известия Таврического отделения истории, археологии и этнографии, Симферополь
КСИИМК	– Краткие сообщения института истории материальной культуры, Москва Ленинград
МИА	– Материалы и исследования по археологии СССР, Москва
СА	– Советская археология, Москва
САИ	– Свод археологических источников, Москва–Ленинград
Тр. ... AC	– Труды ... Археологического съезда
ТС	– Тюркологический сборник, Москва
АН	– Archaeologia Hungarica, Budapest
AKGWG	– Abhandlungen der Königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Göttingen
SK	– Semiarium Kondakovianum, Praha

Late nomads of the southern steppe in Russia
in the 9th through 13th centuries (Pechenegs, Turks, Kipchaks)

Summary

The article includes a short ethnopolitical history of the east European steppe nomads in the 9th through 13th centuries. Furthermore the author discusses the most important items in the material culture of nomad tribes.

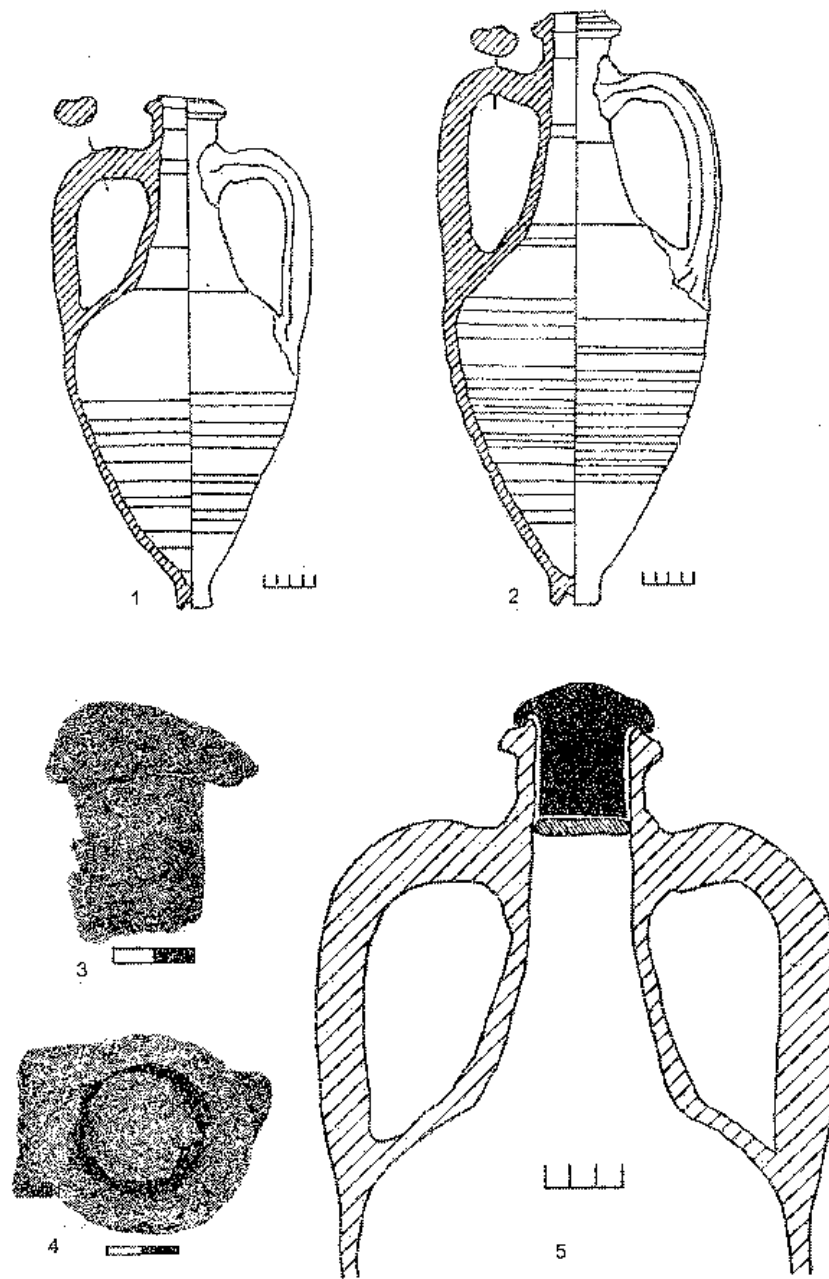
Сергей М. Ильяшенко

ЦИФРОВЫЕ *DIPINTI* НА УЗКОГОРЛЫХ СВЕТЛОГЛИНЯНЫХ
АМФОРАХ III В. Н.Э. ИЗ ТАНАИСА

Узкогорлые светлоглиняные амфоры, рассматриваемые в данной работе, являются одним из наиболее распространенных вариантов этого типа сосудов на территории Северного Причерноморья (ил. 1, 1–2). Т.Н. Книпович, опубликовав несколько экземпляров таких амфор из Танаиса, сделала предположение об их местном производстве. Здесь же, по её мнению, на них наносили и надписи краской [Книпович 1949, 72 и сл., рис. 28 А, 1–4]. И.Б. Зеест датировала подобные амфоры II–III вв. н.э. и выделила их в тип 91–93 [Зеест 1960, 117 и сл., табл. XXVII, 91–93]. Д.Б. Шелов отмечал, что эти сосуды появляются в Танаисе в первой половине III вв. н.э. и отнес их к типу D [Шелов 1978а, 18 и сл., рис. 7]. По классификации С.Ю. Внучова амфоры являются разновидностью типа С IV (т.е. – С IVD) и производились в Гераклее Понтийской [Внучов 2003, 214, 282]. Особенно большое количество подобных сосудов обнаруживают в комплексах построек Танаиса, погибших при пожаре в середине III в. н.э.

Пометки краской на горлах и плечиках имеют почти все амфоры этого варианта. Многие из них были рассмотрены в публикациях Д.Б. Шелова [Шелов, 1978б, 47–55; Шелов 1989, 97–125]. В большей части им же посвящена монография Д.Б. Шелова и Б. Бётгера [Бётгер, Шелов 1998, кат. № 1, 21–15]. Публикуя *dipinti*, они, так же как и Т.Н. Книпович, исходили из предположения о танаисском происхождении основной массы надписей (и особенно это касалось именных пометок). Тезис о местном изготовлении самих амфор был уже, к тому времени, полностью отвергнут [Бётгер, Шелов 1998, 30].

Надписи на светлоглиняных узкогорлых амфорах типа D достаточно стандартны. Однако из-за своей краткости, они поддаются расшифровке с большим трудом. Согласно предположению Б. Бётгера и Д.Б. Шелова, *dipinti* на амфорах древние авторы наносили в одной из трех позиций, располагая их в зависимости от той информации, которую они несли. Надписи позиции I находились в верхней части горла сосуда, от венчика до верхнего прилепа ручек. Чаще всего здесь содержатся одна или две буквы, которые время от времени даны в виде лигатур. Этим пометкам, по мнению исследователей, „нельзя придать цифро-

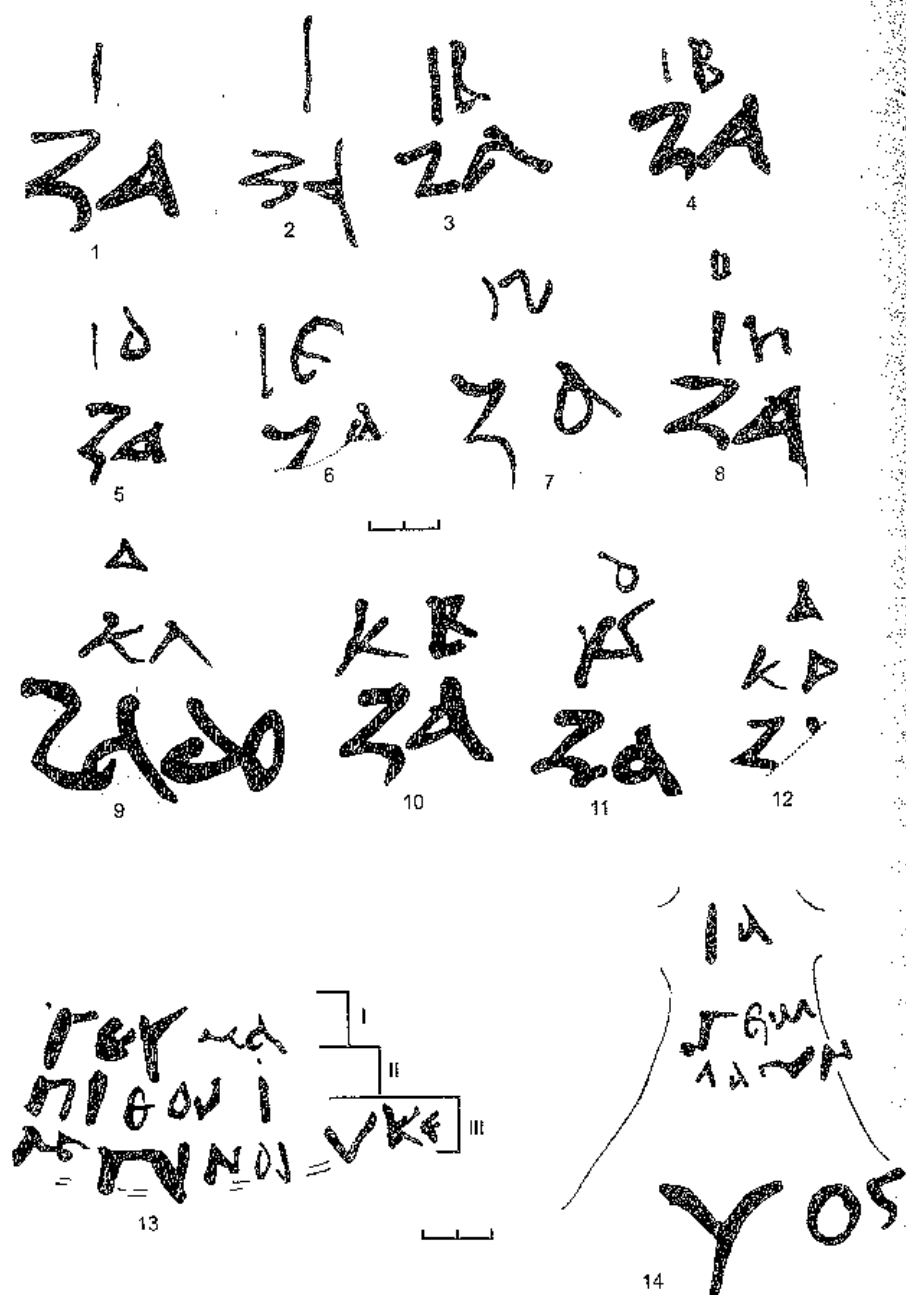
Ил. 2: 1-2 – амфоры типа D; 3 – глиняная пробка; 4 – горло амфоры со стопором; 5 – горло амфоры с пробкой и стопором; реконструкция [рис. О.М. Кузьмичева]

ного значения”, но они „пригодны для того, чтобы маркировать одной аббревиатурой партию для транспортировки”. Надписи II позиции наносились на горло, от верхнего прилепа ручек до места стыка горла и плечиков. Они составляют самую распространенную категорию *dipinti*. Здесь чаще всего также находятся одна или две буквы греческого алфавита, но имеющие числовые значения. И, наконец, пометки III позиции, также довольно многочисленные, располагались на плечиках сосудов. В них чаще всего видят имена владельцев или название товара в амфоре [Бёттгер, Шелов 1998, 49 и сл., 88 и сл.].

Используя вышеуказанное деление надписей, мы остановимся на пометках позиции II. Часто они единственны на сосуде. Нередко их сопровождают имена (надпись позиции III), иногда над ними стоят сочетания букв или отдельные буквы в позиции I (ил. 2, 1-2). Толкования этих пометок достаточно разнообразны, но наиболее развернутый анализ их был проведен Д.Б. Шеловым и Б. Бёттгером, которыми и сделали вывод о том, что здесь буквы „выполняли числовые функции” [Шелов 1989, 100 и сл.; Бёттгер, Шелов 1998, 40, 92-100]. Рассмотрев более 1600 дипинти этой категории, они отметили, что числа от α (1) до μ (40) в качестве скользящей шкалы представлены в танаисских пометках практически без перерывов. Основная же часть цифровых меток охватывает ряд от α (1) до $\kappa\alpha$ (25) [Бёттгер, Шелов 1998, 96]. Примечательно, что открытие новых комплексов с большим количеством амфор, имеющих цифровую маркировку, существенно не изменило картину. В качестве расшифровки этих обозначений было принято две версии. Первая из них предлагала рассматривать цифры как нумерацию сосудов внутри одной партии. Но наиболее вероятным признавалось второе предположение, согласно которому надписи указывают на объем залитой в амфоры жидкости. Поскольку объем подавляющего большинства светлоглиняных амфор типа D, по мнению исследователей, насчитывал примерно 3-3,5 л, промер содержавшейся в ней жидкости производился торговцами в мелких единицах [Шелов 1989, 115-116; Шелов, Бёттгер 1998, 98-100]. В случае если ряд цифр укладывался в промежуток от 8 до 14 – емкость сосуда указывалась в „привычной для греков системе измерения котилами ($\kappa\omicron\tau\iota\lambda\acute{\iota}\varsigma\epsilon\tau\upsilon$)”, равными 0,273 л. Если число превышало данные параметры, то в этом случае объем выражался полукотилами или тетартами (= 0,137 л). На это, как будто бы, указывали и значки, иногда поставленные над цифрами, где лунная сигма рассматривалась как символ котилы, а знак в виде Δ , как обозначение слова $\delta\acute{\iota}\omicron\sigma\tau\omicron\iota$ – половина (подразумевалось – котилы) (ил. 2, 11).

Однако, на наш взгляд, такое прочтение значков кажется не очень убедительным. Дело в том, что лунная сигма или дельта над цифрами, стоят не намного чаще, чем прочие символы (например Ф, П, N, A и т.д.). И вряд ли смена знаков в I позиции свидетельствует об изменении мерных единиц. Проверить это вполне возможно, так как к настоящему времени в коллекции ГУК РО „Археологический музей-заповедник «Танаис»» имеется достаточное количество целых амфор из комплексов Танаиса, исследованных Нижне-Донской археологической экспедицией ИА РАН, начиная с 1955 г. Для нашей работы были ото-

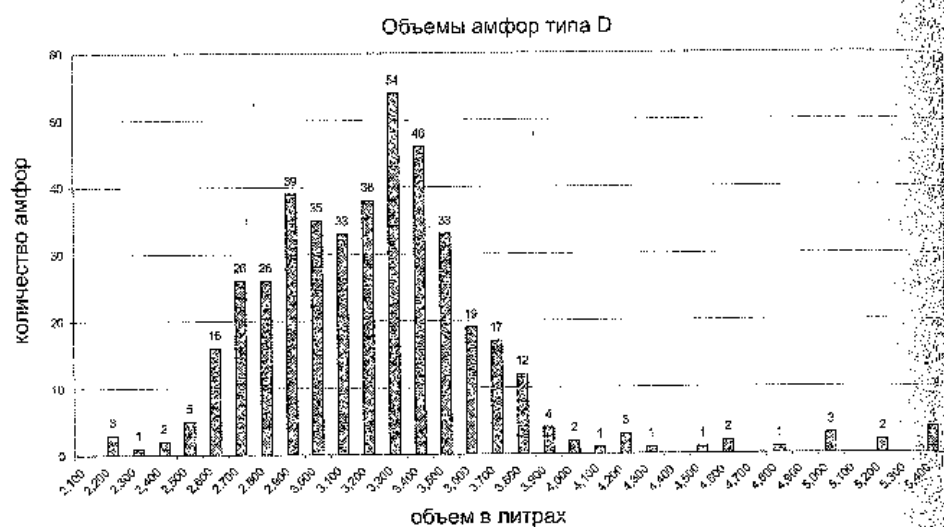

Ил. 2. Надписи на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D из Танаиса: 1–12 – надписи на амфорах из помещения Т (раскоп IV); 13–14 – надписи группы „уецагтра“ [рис. О.М. Кузьмичева]

браны 443 целых узкогорлых светлоглиняных амфоры типа D из 34 комплексов городища Танаиса; 1 амфора из некрополя Танаиса (Т-1961 – раскоп III, погребение 171) и 6 амфор из раскопок 1997 года Хапоровского городища (раскопки Г.Е. Беспалого), куда амфоры, скорее всего, поступали через Танаис. Все комплексы погибли в первой половине–сердине III в. н.э. Почти все отобранные для замеров амфоры несли на себе пометки красной краской. Замеры производились с целью проверки как версии о существовании при производстве этих сосудов стандарта емкости равного 3–3,5 л, так и соответствия цифровых пометок емкости или весу сосудов¹. Для измерений использовалась вода, выливаемая из заполненной амфоры в мерные сосуды. При такой методике замеров водопоглощаемость стенок амфор практически не отражается на конечном результате. Кроме того, объем части из общего количества амфор был повторно измерен при помощи пшеницы. Во всех случаях разница в результатах при использовании воды и пшеницы либо отсутствовала, либо достигала 0,025–0,05 л. Вода (пшеница) заливалась в амфоры до уровня верхнего прилепа ручек к горлу амфоры. Это связано с тем, что именно в этом месте находился изготовленный из стенки амфоры дисковидный стопор у одного найденного на городище горла светлоглиняной амфоры (ил. 1, 4). Такие стопоры, составляющие значительное количество среди находок в слоях римского времени Танаиса, служили, вероятно, для опоры сырцовых пробок, которыми запечатывали устья амфорных горл (ил. 1, 3). Необходимость такой опоры могла быть связана с тем, что пробка из необожженной глины, воска и т.п. при прямом контакте с содержавшейся в сосудах жидкостью до момента своего затвердевания без ограничителя могла, размякчившись, провалиться, либо частично осыпаться внутрь амфоры (ил. 1, 5). Возможно, что между стопором и жидкостью также существовал какой-то зазор. Но он, скорее всего, был не очень велик, поскольку считается, что, для уменьшения риска уксусного скисания или образования плесени при хранении, контактная площадь поверхности вина с воздухом должна быть минимальной [Винокуров 1999, 143]. Таким образом, не учтенный при замерах зазор не может значительно исказить наши данные. В связи с вышесказанным, мы не включали в таблицу измерений количество жидкости, помещавшееся в горле амфоры от верхнего прилепа до устья горла (почти у всех сосудов оно составляло 0,025 л).

В результате замеров было установлено, прежде всего, что жесткого стандарта емкости у имеющихся в комплексах амфор не существовало (ил. 3; 1, 1–2). При сохранении сходной морфологии амфор, их объемы достаточно разнообразны: от 2,270 л (амфора из помещения Т), 2,300 л (помещение ЕЖ) до 4,200 л (амфора из помещения Е), 4,350 (помещение КА) и 5,450 л (цистерна усадьбы 13).

При этом у амфор находившихся в рамках одной партии (т.е. помеченных сходными маркировками или одними и теми же именами) такие отклонения в объемах менее заметны. При подобном разнообразии объемов, вполне возможно, у торговцев возникала необходимость в метках, обозначающих емкость

Ил. 3. Количественное распределение амфор типа D с разными объемами

или вес сосудов. Как мы знаем, такая практика существовала при торговле продукцией в италийских амфорах. Поэтому перед измерением объема амфора взвешивалась для того, чтобы можно было выявить *dipinti*, связанные с указанием веса сосуда.

Наиболее информативными оказались два танаисских комплекса, в которых достаточно большое количество амфор сохранилось не разбитыми. Все эти амфоры имели интересующие нас цифровые пометки и имена, нанесенные на плечики амфор, благодаря которым их можно объединить в условные партии (III позиция).

Амфоры из подвала 7

Подвал 7 был открыт на раскопе XIX в 1999 г. Он относился к строительному комплексу 4, куда входили помимо него наземное и подвальное помещение 5, а также – двор 1. Постройки погибли при пожаре в середине III в. н.э. о чем свидетельствуют найденные здесь монеты Ининфимсы эмиссии 234–238 гг. [Арсеньева, Бёттгер 1999, 35–37].

В подвале 7 находилось ок. 200 амфор типа D (ил. 1, 1), лежавших друг на друге в 4 слоя единым массивом вдоль западной стены. Большинство из них помимо цифровых обозначений, имели четкие надписи на плечиках „Ποα”. На четырех амфорах стояли пометки, выполненные в той же манере, но с измененной первой буквой – „Χοα”. Кроме того, в подвале обнаружено еще не менее пяти амфор, на которых вместо пометки „Ποα” или „Χοα” рядом с циф-

Табл. 1. Обмеры амфор из подвала 7, раскоп XIX, 1999 г.

№ п.п.	№ амфоры по полевой описи	Сохранимость амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	<i>Dipinti</i> I и II позиции	<i>Dipinti</i> III позиции (имена)
1.	№ 246, № 2537	целая	2,600	2,000	сторона а α	сторона б Ποα
2.	№ 238, № 2529	склеена	2,775	1,900	ст. а ε←	ст. б Ποα↑
3.	№ 214, № 2505	целая, дно склеено	2,900	2,000	ст. а ε	ст. б Ποα α
4.	№ 278, № 2569	1 ручка	2,600	1,800	ι	Ποα α↑
5.	№ 196, № 2487	целая	2,550	2,000	ст. а ια	ст. б α Ποα
6.	№ 260, № 2551	целая	2,600	1,600	ст. а ια↓	ст. б Ποα↑
7.	№ 183, № 2474	½ венчика	2,600	2,000	ια→	Χοα
8.	№ 193, № 2484	целая	2,625	2,200	ια→	Ποα?
9.	№ 215, № 2506	целая	2,675	1,900	ια→	Ποα↑
10.	№ 237, № 2528	целая	2,700	2,000	ια→	Ποα↑
11.	№ 210, № 2501	целая	2,700	1,850	ια	α Ποα
12.	№ 286, № 2577	1 ручка	2,700	1,900	ст. а ια←	ст. б Ποα α↑
13.	№ 277, № 2568	горло склеено, 1 ручка	2,700	1,800	ст. а ια	ст. б Ποα
14.	№ 209, № 250	целая	2,730	2,000	ст. а ια	ст. б Ποα α↑
15.	№ 266, № 2517	целая	2,800	1,900	ια↓	Ποα α↑
16.	№ 211, № 2502	целая	2,800	2,100	ст. а ια→	ст. б Ποα↑
17.	№ 198, № 2489	½ венчика	2,800	2,100	ια	Ποα
18.	№ 191, № 2482	целая	2,820	2,000	ια	Ποα
19.	№ 225, № 2516	целая	2,900	1,900	ст. а ια←	ст. б Ποα

№ п.п.	№ амфоры по полевой описи	Сохранность амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	Dipinti I и II позиции	Dipinti III позиции (имена)
20.	№ 250, № 2541	1 ручка	2,900	2,100	ia	Ποια
21.	№ 197, № 2488	целая	2,950	2,000	ст. а ia	ст. б Ποια
22.	№ 270, № 2561	нет венчика	3,000	1,900	ia	Ποια
23.	№ 188, № 2479	целая	3,075	2,000	ia под именем	Ποια
24.	№ 189, № 2480	целая	3,200	2,100	ст. а ia	ст. б Ποια
25.	№ 205, № 2496	целая	2,600	1,850	ст. а iϕ	ст. б Ποια
26.	№ 217, № 2508	целая	2,625	1,950	ϕ раньше	Ποια
27.	№ 257, № 2549	целая	2,700	2,200	ст. а iϕ↓	ст. б Ποια↑
28.	№ 234, № 2525	целая	2,950	2,200	ст. а ϕ↓	ст. б Ποια↑
29.	№ 230, № 2521	целая	2,400	1,800	γ→	Ποια
30.	№ 289, № 2580	½ венчика горло склесно, нет ручек	2,500	1,800	γ	Ποια
31.	№ 204, № 2495	целая	2,600	2,150	γ↓	Ποια↑
32.	№ 276, № 2563	целая	2,680	1,800	γ↓	Ποια
33.	№ 251, № 2542	½ венчика	2,700	1,900	γ←	Ποια
34.	№ 192, № 2483	целая	2,750	2,200	γ↓	Ποια↑
35.	№ 219, № 2510	целая	2,750	2,000	γ↓ под именем	Ποια↑
36.	№ 184, № 2475	½ венчика	2,800	2,000	γ	λ
37.	№ 202, № 2493	целая	2,800	1,950	γ↓	Ποια↑
38.	№ 207, № 2498	целая	2,800	2,200	ст. а γ	ст. б Ποια
39.	№ 187, № 2478	целая	2,925	2,100	ст. а γ→	ст. б Ποια↑

№ п.п.	№ амфоры по полевой описи	Сохранность амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	Dipinti I и II позиции	Dipinti III позиции (имена)
40.	№ 256, № 2547	1 ручка	2,950	2,000	γ	Ποια
41.	№ 288, № 2579	нет ручки	2,980	1,900	γ↓	Ποια↑
42.	№ 194, № 2485	целая	2,650	2,000	ст. а ia	ст. б Ποια
43.	№ 231, № 2522	целая	2,750	1,900	ia→	Ποια
44.	№ 233, № 2524	целая	2,750	1,900	ст. а ia↓	ст. б Ποια↑
45.	№ 221, № 2512	целая	2,820	2,000	ст. а ia↓	ст. б Ποια
46.	№ 235, № 2526	склеена	2,850	1,800	ia↓	Ποια↑
47.	№ 216, № 2507	целая	2,950	2,200	ст. а ia↓	ст. б Ποια↑
48.	№ 218, № 2509	½ венчика	3,000	2,000	ia	Ποια
49.	№ 280, № 2571	нет дна, склеена	3,000	1,800	ia→	Ποια↑
50.	№ 296, № 2587	нет ½ горла, нет дна	3,000	1,700	ст. а ia	ст. б Ποια
51.	№ 227, № 2518	целая	2,700	1,800	ia	Ποια
52.	№ 244, № 2535	склесна, нет ½ плечиков	—	1,800	ia↓	Ποια↑
53.	№ 195, № 2486	целая	2,750	2,100	ia←	Ποια↑
54.	№ 203, № 2494	целая	2,900	2,200	ст. а ia→	ст. б α↑ Ποια
55.	№ 255, № 2546	склесна	2,950	2,000	ст. а ia→	ст. б Ποια↑
56.	№ 190, № 2481	целая	3,000	2,000	ст. а ia	ст. б Ποια
57.	№ 220, № 2511	целая	3,150	2,000	ст. а ia↓	ст. б Ποια↑
58.	№ 285, № 2576	горло склесно, 1 ручка	2,850	1,800	ia(?)	Ποια

Примечание к таблицам. Стрелка указывает расположение надписи на сосуде: ↑ — горизонтально, ← — вертикально, ↓ — перевернуто.

рами II позиции были нанесены иные обозначения. В соседнем подвале 5 найдены 4 ряда из 31 крупной красноглиняной амфоры. По мнению исследователей, строгое разделение амфор в подвалах 5 и 7 указывает на специализацию складирования [Арсеньева, Бёттгер 1999, 35–37]. Для решения нашего вопроса мы отобрали лишь те амфоры (целые) с цифровыми пометками, на которых имелись одинаковые надписи в III позиции (Поца и Хоца). Имена явно были нанесены одновременно, а амфоры, скорее всего, принадлежали одной партии. Результаты можно выразить в таблице, где амфоры размещены в порядке возрастания цифрового значения пометки (*dipinti* позиции I и II) (табл. 1). Как видно из таблицы, одна целая амфора, объемом в 2,600 л и весом в 2 кг, имела пометку в первой позиции α (1); на другой целой амфоре, объемом в 2,6 л и весом в 1,8 кг, видна цифра ι (10). Следующие два сосуда: 1) объемом 2,775 л и весом 1,9 кг; 2) объемом 2,900 л и весом 2 кг, стоит пометка ε (5). На девятнадцати из промеренных амфор имелись пометки в виде цифры – ια (11). Объем амфор с такой меткой колебался от 2,550 л до 3,200 л, а вес – от 1,6 кг до 2,1 кг. Цифра ιβ (12) обнаружена на 4 амфорах, имевших объем от 2,600 л до 2,950 л, при весе от 1,8 кг до 2,2 кг. Цифра ιγ (13) сопровождала 13 амфор с объемом от 2,400 л до 2,980 л и весом от 1,8 кг до 2,2 кг. Цифра ιδ (15) обнаружена на 9 амфорах, имевших объем от 2,650 л до 3 л, при весе от 1,7 кг до 2 кг. Цифра ιε (16) обнаружена на 7 амфорах, имевших объем от 2,700 л до 3,150 л, при весе от 1,8 кг до 2,2 кг.

Амфоры из помещения Т

Помещение Т открыто Нижне-Донской экспедицией в 1968–1969 гг. на раскопе IV. Данное помещение являлось частью усадьбы, расположенной в юго-западном углу городища. Кроме помещения Т, сюда входили еще две постройки – помещение С и помещение У. Раскопки этих комплексов дали огромное число надписей на амфорах. Помещение Т, находясь в юго-западном углу усадьбы, примыкало одновременно к южной и западной оборонительной стенам. Площадь его составляла 26 кв. м. Вероятно, из этого помещения был проход в несохранившуюся юго-западную башню Танаиса. В самом помещении хранилось множество (по подсчетам пожок не менее 300) светлоглиняных амфор и несколько больших красноглиняных. Почти на всех сосудах имелись надписи, сделанные красной краской. Такие же надписи встречались на амфорах и амфорных осколках, найденных в соседних помещениях, расположенных севернее – У и С. Совпадение надписей на амфорах из всех трех помещений свидетельствует о единстве всего комплекса. Все три помещения погибли при разгроме городища в середине III в. н.э. Самое большое число амфорных фрагментов из помещения Т было помечено буквами Ζα. Таких фрагментов более 150 [Шелов 1989, 110–120]. Для измерений было отобрано 55 целых амфор, из которых 45 – с именными маркировкой Ζα или Ζαδο (ил. 2, 1–12). Получившиеся данные мы также выразили в виде таблицы (табл. 2). Было измерено 17 амфор, на которых имелись

Табл. 2. Обмеры амфор из помещения Т, на раскопе IV, 1968–1969 гг.

№	№ амфоры по полевой описи	Сокращенность амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	<i>Dipinti</i> I и II позиции	<i>Dipinti</i> III позиции (имена)
1	Т-67-IV, пом. Т, № 261 КП 7201/27	нет венчика, нет ручки, целая	3,190	2,400	сторона α η	сторона β Ζα
2	№ 227 КП 7210/	целая	3,300	2,400	στ. α ι	στ. β Ζα
3	№ 244 КП 7201/98	целая	3,375	2,500	ι	Ζα
4	№ 251 КП 7201/99	нет ручки	3,390	2,100	ι	Ζα
5	№ 348 КП 7201/53	склеена	3,400	2,450	ι	Ζα
6	№ 335 КП 7201/10	нет 2/3 горла	2,900	1,750	στ. α ια	στ. β Ζα
7	№ 231 КП 7201/37	целая	2,275	2,200	ιβ поверх имени	Ζα
8	№ 245 КП 7201/5	целая	2,900	2,200	στ. α ιβ	στ. β Ζα
9	№ 235 КП 7201/70	целая	3,000	2,200	στ. α ιβ	στ. β Ζα
10	№ 228 КП 7201/87	нет ручки	3,100	1,900	στ. α ιβ темная	στ. β Ζα светлая
11	№ 259 КП 7201/52	целая	2,900	2,100	ει поверх	Ζα← Ζα↑
12	№ 229 КП 7201/92	отверстие в тулове	3,575	2,450	στ. α ει	στ. β Ζα← Ζα↑
13	№ 242 КП 7201/18	целая	2,825	2,200	ις	Ζα
14	пом. Т, проем № 248 КП 7201/88	нет ручки, целая	3,000	2,100	ις темная	Ζα← светлая, под ручкой
15	пом. Т, проем № 214 КП 7201/90	целая	3,180	2,200	στ. α ις	στ. β Ζα
16	пом. Т, № 237 КП 7201/3	целая	3,100	2,000	στ. α ις	στ. β Ζαδο

№ п.п.	№ амфоры по полевой описи	Сохранность амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	Dipinti I и II позиции	Dipinti III позиции (имена)
17.	№ 223 КП 7201/24	целая	3,200	2,450	ιζ	Za
18.	№ 212 КП 7201/8	склеена	3,350	2,000	ιζ	Za
19.	№ 226 КП 7201/20	целая	3,500	2,200	κβ	Za
20.	№ 220 КП 7201/75	целая	2,810	2,000	Δ π	Za одновремен- но
21.	№ 232 КП 7201/84	склеена	3,325	2,300	Λ κ	Za яркая
22.	№ 347 КП 7201/32	нет венчика	2,900	2,000	ст. а Δ κα	ст. б Za
23.	№ 236 КП 7201/42	целая	3,050	2,250	ст. а Δ κα	ст. б Za
24.	№ 250 КП 7201/63	целая	3,280	2,000	Δ κα	Za поверх
25.	№ 352 КП 7201/36	целая	3,450	2,000	Λ κα	Za одновремен- но
26.	№ 210 КП 7201/86	склеена, целая	3,450	2,200	Δ κα	Za
27.	№ 233 КП 7201/7	целая	3,450	2,100	ст. а Δ κα	ст. б ZaΔο
28.	№ 221 КП 7201/78	целая	3,480	2,300	Δ κα	Za
29.	№ 337 КП 7201/58	склеена	3,150	2,000	Λ κβ	Za одновремен- но
30.	№ КП 7201/65	склеена, отверстие в зунове	3,340	2,250	Δ κβ	Za
31.	№ 258 КП 7201/51	целая	3,470	2,100	ст. а Δ κγ	ст. б Za
32.	№ 239 КП 7210/95	целая	3,280	2,200	ст. а Δ ιζ	ст. б Za

№ п.п.	№ амфоры по полевой описи	Сохранность амфоры	Объем амфоры (л)	Вес пустой (кг)	Dipinti I и II позиции	Dipinti III позиции (имена)
33.	№ 418 КП 7201/13	1 ручка	3,170	2,000	ст. а Δ ιθ	ст. б Za
34.	№ 238 КП 7201/50	нет венчика, целая	3,260	2,100	Δ ιθ темные	Za с ветляя
35.	№ 256 КП 7201/60	целая	3,450	2,200	Δ ιθ	Za
36.	№ 225 КП 7201/61	Нет ручки, отверстие	3,100	2,000	ст. а Λ	ст. б Za
37.	№ 216 КП 7201/31	целая	2,925	2,400	с αι	Za
38.	№ 230 КП 7201/14	склеена	3,375	2,150	ст. а ι ε α ...	ст. б Za
39.	№ 331 КП 7201/12	склеена	3,500	2,300	ст. а ИИ темная ΝΘ светлая	ст. б Za
40.	№ 260 КП 7201/41	нет ручки	3,100	2,150	ι α→ ΝΔ светлая	Za
41.	№ 246 КП 7201/94	целая	3,275	2,300	С ΔΡ→ α↑	Za→
42.	№ 257 КП 7201/89	целая	3,475	2,400		Za
43.	№ 339 КП 7201/21	логипсована	2,900	2,300		Za
44.	№ 234 КП 7201/59	нет венца, отверстие в дне	2,900	1,800		Za
45.	№ 262 КП 7201/62	½ горла	3,100	1,850		Za

пометка в виде знака Δ, предваряющего стандартный цифровой символ. Из них семь амфор с цифрой κα (21) имели объемы от 2,9 л до 3,480 л и вес от 2 кг до 2,3 кг. Если считать добавочный знак обозначением половины котилы (0,137 л), то в этих амфорах должно было находиться 2,877 л. Две другие амфоры с пометкой κβ (22) помещали 3,150 л и 3,340 л (должно находиться 3,014 л), их вес

составлял – 2 кг и 2,250 кг. Интересно отметить то, что еще одна амфора с пометкой κβ (22), но без добавочной дельты вверху имела объем 3,5 л и вес 2,2 кг, что сопоставимо с параметрами тех сосудов, на которых Δ в I позиции присутствовала. Три амфоры с цифрой ιθ (19) имели объем от 3,170 л до 3,450 л (должно быть – 2,603 л) и вес от 2 кг до 2,2 кг. Кроме того, одна целая амфора с цифрой ια (11) имела добавочный знак в первой позиции в виде лунарной сигмы (C), то есть объем, выраженный, по мнению Д.Б. Шелова, в котилах (0,273 л). Объем этой амфоры составлял – 2,925 л (должно быть – 3,003 л), а вес – 2,4 кг. Такие же добавочные знаки были обнаружены на горлах еще, по крайней мере 14 светлоглиняных амфор, сохранившихся во фрагментах [Шелов 1989, 116].

Следующий блок из этого же помещения составляли амфоры без добавочной маркировки. Четыре амфоры, помеченные цифрой ι (10) имели объем от 3,3 л до 3,4 л (если это выражено в котилах, то в них должно быть – 2,730 л; в полукотилах – 1,370 л), при весе от 2,1 кг до 2,5 кг. Еще четыре сосуда имели пометку в виде цифры ιβ (12). Их объем составлял ряд от 2,275 л до 3,1 л (должно быть в котилах – 3,276 л; в полукотилах – 1,644 л), при одинаковом весе – 2,2 кг. Две амфоры с пометкой ιε (15) помещали в себя 2,9 л и 3,575 л (должно быть в котилах – 4,095 л; в полукотилах – 2,055 л), при весе 2,1 кг и 2,450 кг, соответственно. Объем следующих четырех амфор с пометкой ιζ (16) находился в промежутке от 2,825 л до 3,1 л (должно быть в котилах – 4,368 л; в полукотилах – 2,192 л), при весе от 2 кг до 2,2 кг. Пометку ις (17) имели две амфоры с объемом 3,2 л и 3,350 л (должно быть в котилах – 4,641 л; в полукотилах – 2,329 л), при весе 2,450 кг и 2 кг.

Итак, сопоставляя данные из двух комплексов, приведенных выше, мы можем отметить, что при пересчете значений цифровых отметок, нанесенных на сосуды, в котилы и полукотилы, полученные результаты в большей своей части не соответствуют возможностям амфор. Если считать, что объем выражался в котилах, то емкость части амфор была значительно ниже указанной на них цифры. Такую же картину мы можем наблюдать и анализируя материалы из других комплексов Танаиса. Например, пометку в виде цифры I (α) имеют амфоры с объемом от 2,6 л (подвал 7, раскоп XIX) до 3,5 л (подвал МБ, раскоп XIV); пометку 23 (κγ) мы находим и на амфоре с объемом в 2,750 л (постройка 11, раскоп XIX) и с объемом в 3,470 л (помещение Т, раскоп IV). В том же случае, когда цифры, по мнению исследователей, указывали на объем в полукотилах – следует предполагать заполнение амфор едва ли до половины. Это сомнительно, даже с учетом того, что количество вина при перевозке и хранении уменьшалось из-за испарения через стенки сосудов. Если бы таких пометок было сравнительно мало, то можно предположить какую то особую ценность продукта, хранящегося в амфорах. Но даже из приводимой Д.Б. Шеловым и Б. Бёттгером количественной таблицы встречаемости тех или иных пометок в разных комплексах Танаиса [Бёттгер, Шелов 1998, 92–95] видно, что амфоры с достаточно малыми для обозначения в котилах цифрами (от 1 до 7, то есть объемом от 0,273 л до 1,9 л) составляют приблизительно ¼ часть всех цифровых пометок Танаиса. Более того, если обратиться к пометкам на амфорах из раскопок Хапровского городища [Беспалый

1998, 28–31, рис. 3], минимальный объем которых составляет 4,525 л, то мы обнаружим следующее: амфора с объемом 4,6 л и весом 2,4 кг содержит пометку α (1) (Хапр-97, Р-II, пом.1, амф.1, № 175, АМЗТ КП 241/175) [рис. 1, 2]; цифра ε (6) – имеется на амфоре с объемом 5,525 л и весом 3,150 кг (Хапр-97, Р-II, пом.1, амф.1, № 179, АМЗТ КП 241/179); амфора объемом в 5 л и весом 3,1 кг несет на себе цифровой знак ι (10) (Хапр-97, Р-II, пом.1, амф.1, № 171, АМЗТ КП 241/171); цифра ιβ (12) нанесена на амфору объемом 4,525 л и весом 3,3 л (Хапр-97, Р-III, пом.1, амф.1, № 178, АМЗТ КП 241/178). Из приведенных примеров видно, что амфоры с одинаковыми параметрами несли на себе различные цифры и, наоборот. Возможность того, что в каждом случае применялись различные способы измерения содержимого нам кажется также маловероятной. Такой способ маркировки значительно усложнил бы учет товаров их владельцам. А, судя по количеству амфор в комплексах Танаиса, здесь были налажены поставки достаточно крупных партий товара. Проще всего торговлю могла обслуживать унифицированная, понятная для всех система обозначений.

Тогда это может значить то, что, или предположительная система измерений выведена не верно или цифры обозначали нечто иное. Кроме того, изменения весовых показателей пустых амфор также не соответствуют цифровым отметкам на них. Из предложенных выше версий остается только возможность нанесения владельцами подвалов порядковых номеров на сосуды в партиях товаров. Однако при этом трудно объяснить причины разнообразия повторяющихся цифр, в пределах одного комплекса. Например, на амфорах из помещения Т, объединенных пометкой Ζα в III позиции, как отмечал Д.Б. Шелов, встречаются следующие цифровые обозначения: Δ (4) – 3 раза; Ε (5) – 1; Ι (10) – 11; ΙΑ (11) – 4; ΙΒ (12) – 5; ΙΕ (15) – 3; ΙΖ (16) – 5; ΙΖ (17) – 4; ΙΗ (18) – 2; Κ (20) – 1; ΚΑ (21) – 11; ΚΒ (22) – 13; ΚΓ (23) – 1 [Шелов 1989, 115]. Такие же повторы в изобилии имеются и во всех остальных комплексах Танаиса. Зависимость значения цифр от расположения амфор в рядах укладки мы попытались проследить в момент расчистки, указанного выше подвала 7, постройки 4. В результате было выяснено, что в одном и том же ряду находились как повторяющиеся, так и различные номера без видимой логики в их расположении. Такой же результат дало и обследование пометок на амфорах из других комплексов Танаиса (например, в постройке 11, открытой в юго-восточной части раскопа XIX в 2003 г.). Из этого, на наш взгляд, можно сделать вывод о том, что цифровые метки, скорее всего, не были связаны с системой складирования и учета амфор в подвале. По всей видимости, не стоит принимать и версию о возможной порядковой нумерации сосудов внутри партии при транспортировке и поставках товаров в Танаис [Бёттгер, Шелов 1998, 96]. Иначе получится, что большинство поступавших партий состояло из 25 и меньше амфор. И это, опять же, не позволяет объяснить многочисленные повторы цифр, нанесенных явно одной рукой. Вряд ли такие пометки обозначали таможенный сбор или цену, как на испанских амфорах периода Римской Империи [Frank 1936, 87 ff.] – слишком большой разброс значений для однотипного, в сущности, товара (исключая, пожалуй, амфоры

содержавшие нефть). Отсутствуют надписи, в которых без сомнения можно было узнать те или иные меры (кесты, котилы и т.д.).

Велик соблазн увидеть в повторяющихся цифрах указание на дату изготовления вина или заполнения им амфор. Это было бы вполне логичным, учитывая то, что для вина эти показатели имели бы смысл. Подобное прочтение объяснило бы ряды повторяющихся цифр. Указания на год или месяц неоднократно встречаются в надписях на сосудах первых веков нашей эры, найденных на афинской агоре [Lang 1976, 69–72]. В ряде случаев можно предполагать датировку в двух параллельно существующих системах календарного исчисления. На амфорах могли давать датировку в двойной системе, ориентируясь на потребителя. Но с этой точки зрения пока трудно объяснить большие двузначные числа (больше тридцати одного), встречающиеся на некоторых светлоглиняных амфорах.

В этой связи, кажется нелесообразным обратиться к известным нам по находкам в Танаисе узкогорлым светлоглиняным амфорам типа D с пометками т.н. группы „ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$ “, обозначающими пробы содержимого амфор перед последующей закупкой партий товара [Ильяшенко 1996, 54–67]. Если выразить содержание надписей этой группы в виде условной схемы блоков информации, то получится, что первый блок в них содержит общее для всех слово „ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$ “ (сосуды с пробирным напитком), т.е. – назначение и вид товара; второй блок – слово „ $\lambda\iota\theta\omicron\upsilon$ “ (из пифоса) + одно или двухзначный номер – происхождение (= качество) товара; третий блок – слово „ $\lambda\alpha\upsilon\upsilon\upsilon\omicron\iota$ “ (сосудов) + трехзначное число, т.е. – количество товара к продаже (ил. 2, 13). Примечательно, что во втором и третьем блоках подобных надписей имеются числовые знаки. И если в третьем блоке находятся, как правило, большие, трехзначные цифры, то пометки второго блока содержат цифровой ряд от 1 до 25, что вполне сопоставимо с теми числами, которые мы рассматривали выше. Вернувшись к схеме деления надписей по трем позициям, которую применяли Б. Бётгер и Д.Б. Шелов (о ней шла речь в самом начале раздела), мы можем увидеть, что при наличии всех трех позиций интересующие нас цифры также расположены во втором блоке информации (II позиция). А из этого может следовать, что число обозначает нечто иное, как номер пифоса, из которого происходило содержимое амфоры и, соответственно, единое для всех сосудов данной партии качество содержимого. В качестве подтверждения такого предположения может служить надпись группы „ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$ “, обнаруженная в 2003 г. на расколе XIX на одной из амфор подвала постройки 11 (Т-03–XIX, квадрат 01/4, –8,01, –6,40–7,70, постройка 11, № 30, № 2405). Надпись состояла из четырех строк (ил. 2, 14):

$\iota\alpha$
 $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$
 $\lambda\alpha\upsilon\upsilon\upsilon\omicron\iota$
 $\upsilon\omicron\varsigma$

Перевод: 11/ сосуд с пробирным напитком/ лагинов/ 476.

Здесь, как мы видим, в стандартной маркировке, между словами „ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$ “ и „ $\lambda\alpha\upsilon\upsilon\upsilon\omicron\iota$ “ отсутствует указание на пифос. Это кажется странным, так как, если у производителя было больше одного пифоса, надпись теряла свой тестерный смысл. Однако над словом „ $\gamma\epsilon\upsilon\mu\alpha\tau\eta\rho\alpha$ “, между ручек, имеется явно цифровая пометка $\iota\alpha$ (11), нанесенная той же рукой, что и вся надпись. Возможно, автор надписи забыл сразу поставить номер, а затем добавил его, или цифра была внесена в уже заготовленное клише после заполнения амфоры. В этом случае все становится на свои места. Мы имеем дело с пробой из 11 пифоса. И в том и в другом случае очевидно, что номер пифоса был важен для владельца. Номер пифоса, указывающего на определенное качество содержимого амфоры должен был сохраниться и при дальнейших, даже оптовых, поставках. Тем более, что закупать вино могли еще до его перелива в амфоры. О практике покупки торговцами вина, когда оно было еще в пифосах, говорится в законах последней трети V в. до н.э., регламентировавших взаимоотношения виноделов и оптовых торговцев вином на острове Фасос [Daux 1926, 214–226; Mantzoufas 1967, 3]: „Сладкое вино (сусло) и вина на корню не покупать до первого числа Плиутариона (май-июнь). Если кто, преступивши, купит, пусть заплатит стагер за стагер, половину городу, половину возбудившему процесс. Наказание да будет как за разбой. Если же кто купит вино в пифосах, то быть покупке в силе, буде наложит на пифос [свою] печать...“ (перевод Б.Н. Гракова). Если в производящем вино центре существовали законы подобные этому, то указание на пифос могло быть одновременно и гарантией законности продажи.

Применяя такое прочтение достаточно легко объяснить как повторяющиеся ряды одинаковых цифр, нанесенных одной рукой, так и различные по величине ряды чисел, находящиеся в рамках одного комплекса и объединенные общим именем в III позиции. Зная то, что в некоторых винодельнях могло находиться 80 и более пифосов [Pasqui 1897; Сергиенко, Помпей 1949, 285, 301] легко привлечь к подобной схеме и остальные двузначные, но достаточно большие цифры, такие как $\lambda\theta$ (89). Группы различных и повторяющихся цифр в рамках одного комплекса могут быть отражением того, что один и тот же покупатель (торговец или посредник) приобретал вино известного ему качества из разных пифосов и, возможно, у разных хозяев.

Интересно отметить, что на узкогорлых светлоглиняных амфорах типа D (впрочем, как и на многих больших красноглиняных) имеются следы многочисленных исправлений, дополнений, загирация или возобновления надписей (в основном цифровых). Не все цифры нанесены до именных пометок. Часть из них нанесена поверх имен, одновременно с ними или с отступом, учитывающим имя. Часто встречаются и просто цифры без имен. Это в какой-то степени отличает пометки на амфорах середины III в. н.э. от надписей на, более ранних, узкогорлых светлоглиняных амфорах типа C (или C IV C, по С.Ю. Вилкову), а также от амфор типа E и F, бытовавших в середине-второй половине IV в. н.э. На них, как правило, мы находим лишь одну одновременную пометку без следов исправления или загирация. Многочисленность надписей на одном

сосуде Д.Б. Шелов и Б. Бёттгер связывали [Бёттгер, Шелов 1998, 130] с этапами передвижения заполненных сосудов от производителя к перекупщикам и от перекупщиков к окончательным владельцам. Мы не отрицаем окончательно такой возможности. Это, действительно, могло бы быть подтверждением того, что на стадии складирования (уже в самом Танаисе) на амфору наносили последнюю, самую яркую надпись. Но если принимать во внимание возможность обозначения цифрами номеров пифосов, из которого заполнялась амфора, то вполне допустимо предполагать неоднократное использование одних и тех же сосудов для сходного содержимого. Примером такого вторичного использования могут служить амфоры, заполненные нефтью Чонгелеса, расположенного в 30 км к югу от древнего Пантикапея. Доставка в амфорах нефти отсюда к устью Дона – в Танаис была простым и обыденным делом [Кострин 1971, 264–265; Шелов 1971, 70–74]. Может быть, надпись „ωαφι“ появилась именно там, перед отправкой сосудов. Однако после нефти или масла амфора вряд ли могла вновь использоваться для других продуктов. Но вторичный залив вина одного и того же качества на наш взгляд, вполне допустим. Большой объем поставок, который мы наблюдаем на примере Танаиса, вряд ли может быть свидетельством дороговизны и высокого качества напитка. Не в пользу высокого качества вина говорят и размеры пифосов, указания на которые имеются в надписях группы „γεωμάρτα“ (1000–1500 л) [Ильяшенко 1996, 65]. Авторы византийской сельскохозяйственной энциклопедии „Геопоники“, в основе которой лежала компиляция древних авторов, при описании процессов и способов изготовления вина и масла немалое место уделяют подготовке для этого пифосов. В частности, здесь отмечается, что для приготовления хорошего вина „очень больших пифосов не надо. В большинстве случаев вино в таких пифосах не бродит погому, что места для него достаточно и оно начинает от собственного обилия выливаться и теряет не только запах, но и цвет. Маленькие же сосуды много способствуют сохранению и хорошему качеству вина. Поэтому следует готовить маленькие пифосы. Если же у нас имеются старые большие пифосы, то будем вливать в них слабое и худшее вино...“ (Геор. VI.9–11 перевод Е.Э. Лишица). Но вместе с тем большие пифосы указывают на товарное производство вина, которое, несомненно, имелось в Геракле Понтийской и в первые века нашей эры. Подтверждает это и широкой распространенностью ее узкогорлых светлоглиняных амфор на территории Северного Причерноморья. При этом, известно, что во многих городах Азиатского и Европейского Боспора было немало собственных виноделен, также рассчитанных, по мнению исследователей, на товарное производство [Винокуров 1999, 90; Алексеева 1997, 159, 167]. Но до сих пор ни в одном производящем вино центре Боспора не выявлено такого производства амфор для вина, которое было бы сопоставимо по количеству с узкогорлыми светлоглиняными амфорами. Вино Гераклеи, более дешевое, даже, несмотря на дальность перевозки, могло теснить в первые века нашей эры местное производство. Похожую ситуацию исследователи отмечали в первых веках нашей эры в Риме, когда привозное испанское оливковое масло

оказывалось дешевле собственного и ввозить его в Италию было гораздо выгоднее, чем покупать местное [Frank 1936, 87]. Количество произведенного вина могло значительно опережать темпы изготовления тары для него, которую в таком случае можно было и из соображений экономии использовать повторно. Возможно, что большой объем поставок гераклейского вина вполне насыщал и рынок пустой тары, которая могла уже вторично использоваться при изготовлении местных (северопричерноморских) вин. Например, в горгиппийской винодельне найдены амфоры, которые не были изготовлены в Горгиппии, но они предназначались, по мнению Е.М. Алексеевой, для заполнения местным вином, часть из которого продавалась в тот же сезон, а часть выдерживалась [Алексеева 1997, 158, табл. 166, 167]. С этой точки зрения можно объяснить и вторичные пометки, встречающиеся в изобилии на амфорах Танаиса. В них могли поставлять свою продукцию и близлежащие центры, повторно используя амфоры Гераклеи. Здесь же могли наноситься новые пометки, соответствующие общепринятым стандартам. Но это не отменяет возможности неоднократного использования амфор еще и на производившей их территории. Маловероятно, что розлив вина по мелким амфорам осуществлялся непосредственно в Танаисе. На территорию Нижнего Дона, таким образом, в узкогорлых светлоглиняных амфорах могла поступать продукция как северопричерноморских, так и гераклейских винодельческих хозяйств.

Такая торговля была вполне возможна в период до середины III в. н.э., который характеризуется наибольшей стабильностью политического и экономического развития региона, расцветом его экономики и торговли [Внуков 2003, 274–276]. В дальнейшем (в IV в. н.э.) ситуация в Северном Причерноморье изменяется. Подвергаются разрушению многие боспорские поселения. Объемы винарной торговли значительно сокращаются. Поставки извне уменьшаются. Амфоры в большей своей части уже имеют только одну, как правило, именную пометку без позднейших редакций.

Списки

¹ Выражаю глубокую признательность сотрудникам ГУК РО „АМЗ «Танаис»“ О.М. Кузьминой и Н.А. Хаймахиной за помощь в производстве обмеров амфор.

Литература

- Алексеева 1997 – Е.М. Алексеева, *Античный город Горгиппия*, Москва.
 Арсеньева, Бёттгер 1999 – Т.М. Арсеньева, Б. Бёттгер, *Отчет о работах российско-германского отряда Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН в 1999 г.*, Архив ГУК РО „АМЗ «Танаис»“, т. 1, 35–37.
 Беспалый 1998 – Г.Е. Беспалый, *Исследования Хазарского городища в 1997 г.*, „Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг.“, вып. 15, Азов, 124–32.

- Бёттгер, Шелов 1998 – Б. Бёттгер, Д.Б. Шелов, *Дипинти на амфорах из Танаиса*, „*Робити Septentrionalis*” 1. Москва.
- Винокуров 1999 – Н.И. Винокуров, *Виноделие античного Боспора*, Москва.
- Внуков 2003 – С.Ю. Внуков, *Проблемы амфорного производства и торговли в Причерноморье (I в. до н.э. – II в. н.э.)*. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Москва.
- Зеест 1961 – И.Б. Зеест, *Керамическая тара Боспора*, МИА, т. 83.
- Ильяшенко 1996 – С.М. Ильяшенко, *Об одной категории дипинти на светлоглиняных амфорах из Танаиса*, ВДИ, № 4, 54–67.
- Кострин 1971 – К.В. Кострин, *Исследование смолстого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса*, СА, № 3, 264–265.
- Сергиенко 1949 – М.Е. Сергиенко, *Полтеи*, Москва–Ленинград.
- Шелов 1971 – Д.Б. Шелов, *Нефть в античных амфорах*, „*Природа*” 8, 70–74.
- Шелов 1978а – *Узгорьяе светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология*, КСИА, вып. № 156.
- Шелов 1978б – Д.Б. Шелов, *Личные имена на амфорах из Танаиса*, [в:] *Нумизматика и эпиграфика*, вып. XII, 47–55.
- Шелов 1989 – Д.Б. Шелов, *Дипинти на амфорах из танаисских казюлексов*, [в:] *Нумизматика и эпиграфика*, вып. XV, 97–125, Москва.
- Daux 1926 – G. Daux, *Nouvelles Inscriptions de Thasos*, „*Bulletin de correspondance hellénique*” 50, 214–226.
- Frank 1936 – T. Frank, *On the export tax of Spanish harbors*, „*American Journal of Philology*” 87–90.
- Lang 1976 – M. Lang, *Graffiti and dipinti*, „*The Athenian Agora*” XXI, Princeton.
- Mantzoufas 1967 – G. Mantzoufas, *La Loi Thasienne Γλυκοῦ μὲν οἶνου sur de commerce du vin*, Athens.
- Pasqui 1897 – A. Pasqui, *La villa pompeiana della Pisanella presso Boscoreale*, „*Monumenti antichi*” VII, Roma.

***Dipinti* with digits on amphorae made of bright clay with narrow necks
(Tanais, 3rd century BC)**

Summary

The amphorae made of bright clay with narrow necks from the 3rd century are among the most widespread groups of amphorae on the northern coast of the Black Sea. The *Dipinti* were made with red paint and can be found on almost all amphorae of this type in Tanais. The writing appears on three spots on the amphorae: the upper or lower neck and the belly. The author is concerned with *dipinti* painted on the necks. Based on an analysis of the signs the author draws conclusions regarding the production centers and distribution of this category of amphorae.

Йоланта Яблоновска-Тараха

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ТАНАИСА

(По результатам исследований польско-русской экспедиции в 1996–2005 гг.)

Изделия из кости являются одной из групп археологических находок, обнаруженных во время раскопок польско-русской экспедиции в Танаисе (Россия). Всего насчитывается 52 предмета разной сохранности, представляющие собой довольно полный комплекс, хорошо характеризующий эту отрасль ремесла.

Обработка кости и рога достаточно хорошо известна и зафиксирована как в Танаис, так и в регионе Нижнего Дона, и в Причерноморье¹. Многочисленные находки изяшных украшений, прекрасно выполненных из ценных пород кости, предметов повседневного обихода, а также инструментов, полуфабрикатов или производственных отходов свидетельствуют о широком использовании костей животных. Важно заметить, что среди наших предметов нет ни одного изделия, выполненного из слоновой кости. Как показали археозоологические исследования, проведенные Беатой Балюкенич, все предметы были сделаны из местного костного материала: костей домашних животных (лошадей, коров, коз, овец, свиней), рогов диких зверей, панцыря черепахи, а также костей больших рыб². Чаще всего обработке подвергались длинные и короткие кости конечностей, а также широкие кости, например, черепа. Среди коллекционных находок данной категории находятся рукояти ножей, окладки лука, шилья и разного рода проколки, гладилки, пуговицы, фрагменты украшений, а также обработанные кости неопределенного предназначения. Вся группа находок является типичной для данного региона: простая в исполнении, практичная и полезная в повседневной жизни людей первых веков нашей эры.

Накладки лука

В неограбленном захоронении всадника, датированным VIII–X вв. н.э., вместе с лошадью обнаружены 4 костяные плитки (ил. 1). Контекст находки позволяет допустить, что это остатки сложносоставного лука (кат. № 1)³. С левой

стороны погребенного, вдоль южной стены могилы, находились остатки лука с наконечниками стрел, испорченного деятельностью грызунов (здесь проходила нора байбака). Продолговатые, слегка выгнутые в разрезе фрагменты окладок лука хорошо обработаны. Сохранились следы отверстий для шпунтов, соединяющих деревянную основу лука с накладкой.

Этого типа находки не являются случайными. Известен пример подобного погребения в самом Танаисе. Во время раскопок в 1986 г. в погребении 1 „Кургана 1” обнаружены остатки человека и коня. Среди оснащения воина находились между прочими: седло, украшенное костяными накладками, остатки колчана, нож и 6 фрагментов костяных накладок лука⁴. Это погребение датировано XI–XII вв. Д.Б. Шелов представил широкий анализ накладок лука, найденного в Танаисе в 1961 г.⁵ Согласно этой реконструкции основа этого лука могла иметь длину до 1,60 м. Однако, его датировка (IV–V вв. н.э.) значительно более ранняя чем наша находка. Также лук всадника, без сомнения, имел более короткую основу.

Костяные трубки

Следующей группой находок являются довольно старательно обработанные фрагменты бедренных костей (скорее всего, свиньи). Это трубки двух видов с просверленным отверстием вблизи одного из краев или без отверстия (кат. № 1–5, ил. 2–5). Этот вид предметов известен из более ранних раскопок в Танаисе⁶. Их назначение не ясно и по разному интерпретировано. Согласно некоторым исследователям, вышеупомянутые изделия могли служить ткацкими челноками, дудками или другими видами музыкальных инструментов. Однако, более убедительной выглядит теория, утверждающая, что это так называемые „сунаки”, или трубки, используемые при уходе за младенцами, служащие для спуска мочи наружу пеленок. В пользу подобного назначения свидетельствуют позднейшие этнографические аналогии⁷. Похожие трубки, только выполненные из дерева, до наших дней используются на Ближнем Востоке. Такие полезные, простые изобретения, которые облегчали спускание мочи младенцам, были особенно пригодны в регионах с жарким климатом. Другая теория, касающаяся этих предметов, предполагает, что костяные трубки без просверленных отверстий могли использоваться при доении коз.

Кости, обрезанные с двух сторон, с одним или несколькими боковыми отверстиями, могли служить в качестве свирели или флейты⁸. К сожалению, неудовлетворительное состояние сохранности находок из Танаиса, не позволяет их однозначно интерпретировать.

Шилья и иглы

Довольно многочисленную группу находок из кости представляют предметы, заостренные с одного или с двух концов. Речь идет о шильях и разного рода проколках.

Предметы, найденные в Танаисе, хорошо обработаны и старательно отполированы, очень тонкие и узкие в разрезе. Особого внимания заслуживает находка из кости (кат. № 6, ил. 6), к сожалению, сломанная, которую можно отнести к группе шильев в форме сигары. Похожие предметы обнаруживают на многих археологических памятниках⁹. Они также называются просто палочками или зачислены (ошибочно) к стилям.

Шилья, заостренные с одной стороны (кат. № 8, 9) имеют более широкую рукоятку, удобную в использовании (ил. 7–10). Изделия выполнены из костей домашних животных, хотя, известны примеры использования для этой цели также костей больших рыб¹⁰.

Иглы принадлежат к группе довольно частых находок в этом регионе. Игла, найденная в Танаисе (кат. № 11), хорошо отполирована, с одним округлым отверстием в головке (ил. 11). Многочисленные примеры из литературы говорят о разных типах игл: с округлым, овальным или квадратным отверстием, а также с двумя отверстиями¹¹. Два отверстия на две нитки давали возможность усилить швы. Иглы служили для изготовления одежды, чаще всего, кожаной, трудной для шитья. Иглы больших размеров и толщины употреблялись для вязания сетей.

Гладилки и другие орудия

Следующую, достаточно многочисленную группу, представляют предметы, выполненные из разных видов костей, отрезанных с одной стороны, а с другой — отполированных, с выразительными следами заглаживания (кат. № 12, 14, 16, 17). Служили они для разнообразной домашней работы, в основном для растирания. Два длинные метаподия лошади (кат. № 18, 19), с отполированной поверхностью и стертим нижним концом, имеют много аналогий¹². Подобные предметы использовали даже в средневековье, чаще всего для выглаживания при обработке звериных шкур, а также для полировки поверхности дерева и кости (ил. 18, 19).

Предмет из конского ребра (кат. № 20) является примером использования этого вида костей для изготовления простых инструментов (ил. 20). В данном случае это мог быть нож, возможно, служащий при потрошении зверей с целью отделения мяса от шкуры¹³.

Рукоять и ножны(?) ножа

В 1997 г. был найден нож с костяной рукоятью, которая закреплена на клинке с помощью бронзовых шипов (кат. № 23). Рукоять овальная в разрезе, была выполнена из одного куска кости (ил. 23). Этого типа ножи очень характерны для изделий восточно-сарматского круга в районе Нижнего Дона. В поздних сарматских могилах (II- первая половина III вв. н.э.) найдено много целых или фрагментарно сохранившихся ножей. В более ранних могилах ножи этого типа, скорее всего, не встречаются, в отличие от ножей с рукоятями, выполненными из двух частей костяной накладки¹⁴.

Следующая находка — баранья кость, в которую был помещен железный нож, и которую можно интерпретировать как примитивные ножны (кат. № 24). Кость рассечена и достаточно небрежно обработана. Рукоять ножа не сохранилась (ил. 24).

Позвонок рыб

Относительно многочисленную группу представляют позвонки больших рыб с просверленными в середине отверстиями (кат. № 26–35). Они могли использоваться как украшения или служить пряслицами. Интересной находкой этого типа является небольшой позвонок (кат. № 34), обнаруженный в детском погребении (ил. 33)¹⁵.

Шашка

Круглая костяная плитка (кат. № 25) напоминает игральную кость. На ее верхней, слегка выпуклой поверхности выверчены в регулярных отступах семь углублений, создающих мотив креста. Плоский низ имеет в середине одно углубление, а также многочисленные черточки (ил. 25). На многих памятниках, игральные кости относятся к массовым находкам. Античные игральные кости этого типа (плоские с низу, округленные и легко выпуклые наверху) могли быть также украшены концентрическими линиями или иметь граффити¹⁶.

Астрагалы

Отдельную категорию находок представляют астрагалы, то есть кости плоские домашних животных (кат. № 36–48). Они разных размеров, в зависимости от породы животного, из костей которого сделаны. Наиболее часто используются кости овец и коз, реже — крупного рогатого скота. Астрагалы являются наиболее частыми находками¹⁷. Их назначение было разнообразным. Могли

служить для растирания. В этом случае их поверхность выразительно стерта, со следами использования (ил. 37). Астрагалы с проверченными дырками могли быть пуговицами (ил. 38–40). Также астрагалы повсюду использовали как кости для игры. Отверстие в широкой плоскости в таком случае может свидетельствовать о надевании их на шнурок или нить (таким способом сохраняли кости). Астрагалы носили также на шее как украшения или амулеты.

Фрагменты панцыря черепахи

Интерпретация двух небольших фрагментов панцыря черепах (кат. № 51, 52) вызывает трудности. Чаще всего подобные находки принимают как остатки украшений (браслеты?) или накладок. Форма наших предметов не убеждает в возможности первого варианта (ил. 45, 46).

Списки

¹ Ср. Д.В. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в первые века н.э.*, Москва 1972, 90 и сл.; см. также Б.Г. Петерс, *Костерезное дело в античных государствах Северного Причерноморья*, Москва 1986.

² Ср. Т. Арсенива, Т. Шолл, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w sezonie 2002*, „Światowit” IV (XLV), fasc. A, 2002, 13–20, вместе с приложением Бсаты Балюкевич, касающегося остеологического материала, 18–20.

³ Т. Арсенива, Т. Шолл, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej przeprowadzonej na terenie zachodniej nekropolii Tanais w sezonie 1999*, „Światowit” II (XLIII), fasc. A, 2000, 14–15.

⁴ Ср. Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981–1995*, Москва 2001, 75. Таблица 88 показывает попытку реконструкции лука.

⁵ Д.В. Шелов, указ. соч., 323–324.

⁶ Ср. костяной сунак из Танаиса: Т-71-XIV-249 (конец IV в. н.э.); кость обработана, без отверстия, интерпретирована как трубка для доения, опубликованная Т.М. Арсеньевой и Д.В. Шеловым, *Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964–1972 гг.)*; *Археологические памятники Нижнего Подонья*, т. I, Москва 1974, табл. XXXV, рис. 21.

⁷ В.И. Перевозчиков, *Раскопки во дворе Азовского краеведческого музея в 1994 г.*, [в:] *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 году*, вып. 14, 53 и сл., рис. 8.

⁸ Ср. Б.Г. Петерс, указ. соч., 76–77, табл. XV, № 22–28.

⁹ М.А. Наливкина, *Костяные изделия из раскопок Ольвии в 1935–36 гг.*, Киев 1940, т. 1, табл. XLI; Т.М. Арсеньева, *Исследование вала на западном участке городища Танаис*, МИА, 1969, 1026 № 154; А.В. Бураков, *Козырьское городище рубежа и первых столетий нашей эры*, Киев 1976, 126, табл. XIV, 1–5.

¹⁰ См. А.В. Бураков, указ. соч., табл. XIV, 6–9. Ср. также Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, указ. соч., табл. 4, 17, 21, 24.

¹¹ Б.Г. Петерс, указ. соч., 166, табл. VI, 13–24.

¹² Т.М. Арсеньева, Д.В. Шелов, указ. соч., 152, табл. XXV, 10; С.А. Семенов, *Шифровальные костяные орудия из Ольвии*, [в:] *Археологические памятники СССР*, Киев 1958, т. 7, 96, рис. 7; Б.Г. Петерс, указ. соч., 43.

¹³ Herodot (*Dzieje* IV, 64). Вспоминает об использовании (скифами) бычьего ребра для ошаривания шкуры от мяса; см. также Б.Т. Петерс, указ. соч., 43-46.

¹⁴ С.И. Безуглов, *Воинское позднесарматское погребение близ Азова*, 135, рис. 2, 22, [в:] *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 1994 г.*, Азов 1997.

¹⁵ Ср. игральные кости из Танаиса (Т-67-VI, № 2237), Херсонеса (№ 2838/09) и Панттикапей (366 EP/8 № 968). См. также Б.Т. Петерс, указ. соч., 84-85.

¹⁶ Тематику рыболовства затрагивает В.Д. Лебедев, Ю.Е. Латин, *К вопросу о рыболовстве в Боспорском Царстве*, МИА, 33, 1954, 197-214.

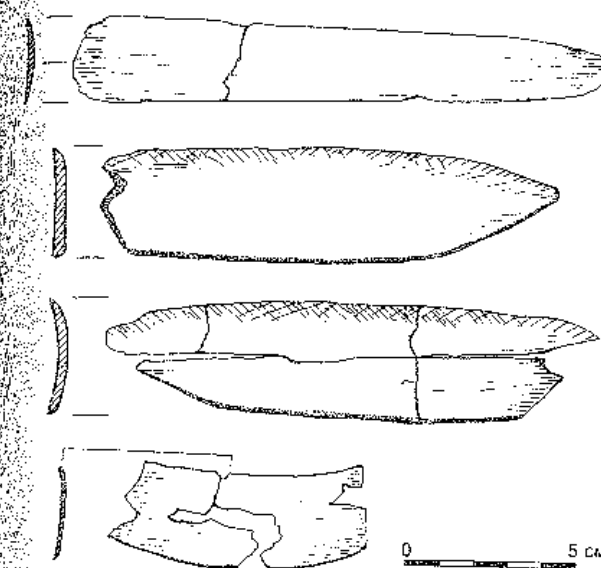
¹⁷ Д.Б. Шелов, указ. соч., 90; Б.Т. Петерс, указ. соч., 77-85, табл. XVI, XVII; Г.М. Арсеньев, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, указ. соч., 110, 141, табл. 56.

Bone items from Tanais.

(Results of the Polish-Russian expedition between 1996-2005)

During fieldwork in Tanais a considerable amount of bone items with traces of usage, sawing and polishing, was found. Among these finds tools (needles, spindles, piercing tools), fragments of musical instruments and two knife handles. Astragals and half-ready products were frequently found, bones with traces of an unfinished production process.

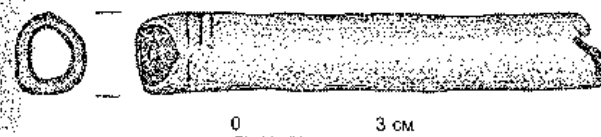
Каталог

1. 4 фрагмента накладок лука [Т-99-45рА- D] (ил. 1).

А: дл. 7,6 см, шир. 2,8 см; В: дл. 15,7 см, шир. 2,6 см; С: дл. 13,5 см, шир. 3,4 см; D: дл. 14,5 см, шир. 3,4 см.

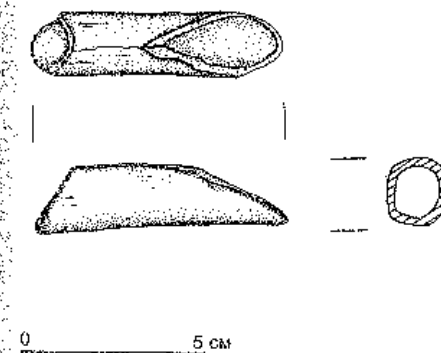
Продолговатые фрагменты костей довольно хорошо отполированные, в разрезе слегка выгнутые.

2. Фрагмент трубки [Т-05-XXV-20р] (ил. 2).

Дл. 9,5 см, диам. 2,8 см.

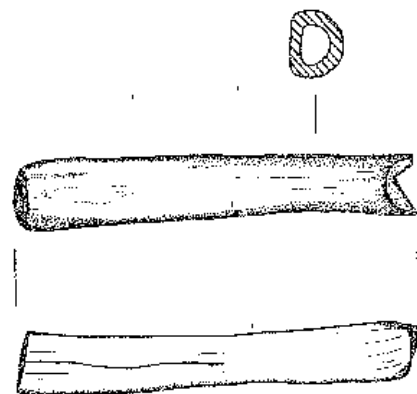
Трубка разрезана и заглажена, отломана с одной стороны.

3. Фрагмент трубки [Т-00-XXV-30р] (ил. 3).

Дл. 6,8 см, диам. 1,8 см.

Слегка заглаженная, рассеченная бедренная кость свиньи.

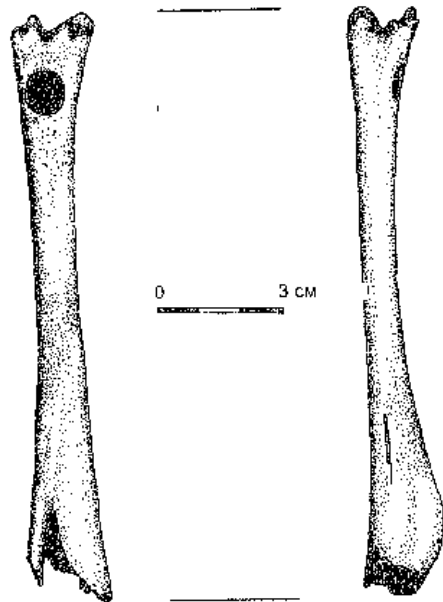

4. Фрагмент трубки [Т-00-XXV-7р] (ил. 4).

Дл. 9,1 см, диам. 1,6 см.

Фрагмент обработанной бедренной кости свиньи, сохранился один край, другой обломан в половине просверленного бокового отверстия.

0 5 см

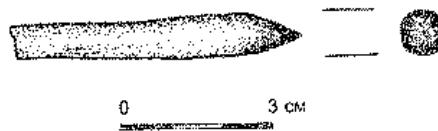

5. Предмет из кости [Т-03-XXV-19р] (ил. 5).

Дл. 13,5 см, диам. min. 1,0 см, макс. 1,8 см.

Бедровая кость молодого жвачного животного, у основания одного из концов просверлено боковое отверстие.

0 3 см

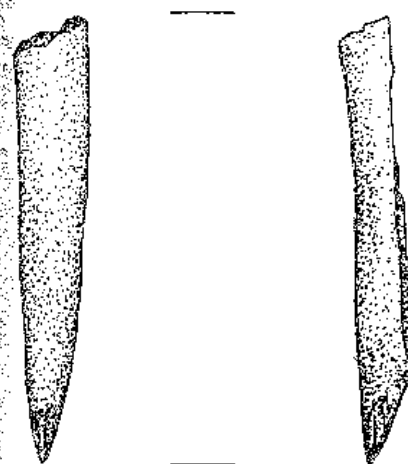

6. Фрагмент шила(?) [Т-05-XXV-77р] (ил. 6).

Дл. 5,5 см, диам. 0,9 см.

Гладко обработанная кость, круглая в разрезе, заострена на конце, другой конец обломан.

0 3 см

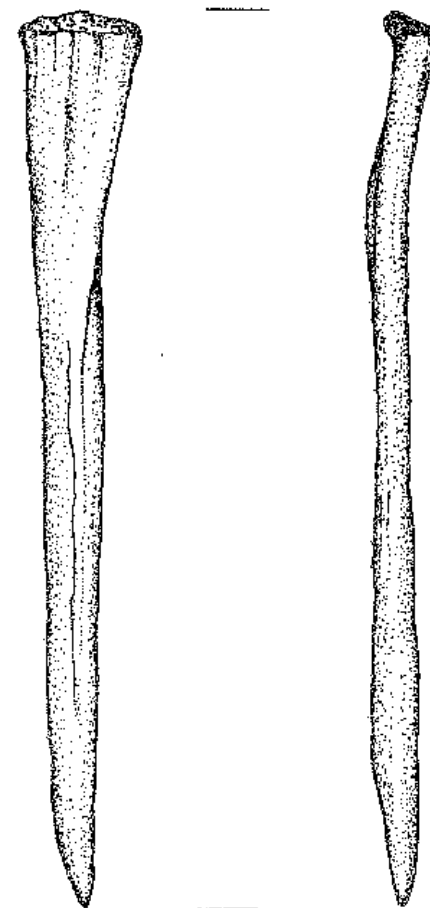

7. Фрагмент шила(?) [Т-05-XXV-21р] (ил. 7).

Дл. 6,9 см.

Обработанная кость лошади, один конец заострен, другой — обломан.

0 3 см

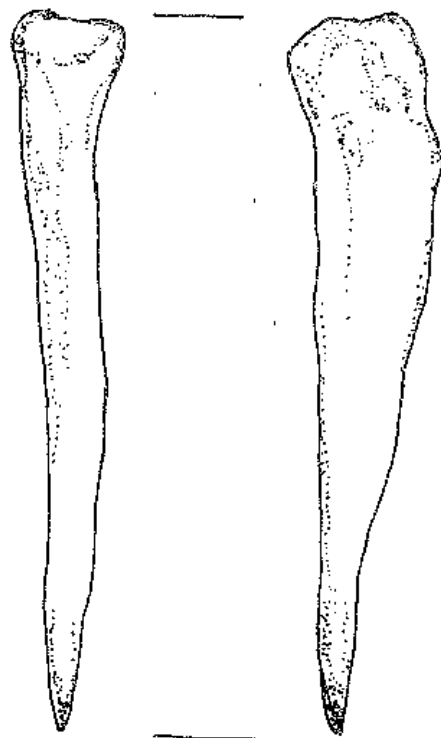

8. Шило [Т-05-XXV-18р] (ил. 8).

Дл. 14,0 см, диам. макс. 2,0 см.

Обработанная кость лошади с заостренным концом.

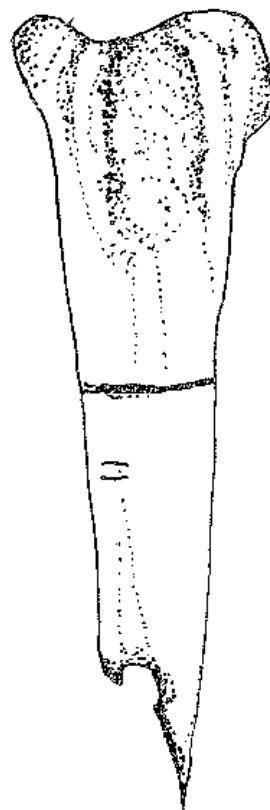
0 3 см

9. Шило [Т-00-XXV-58р] (ил. 9).

Дл. 10,6 см, диам. макс. 1,2 см.

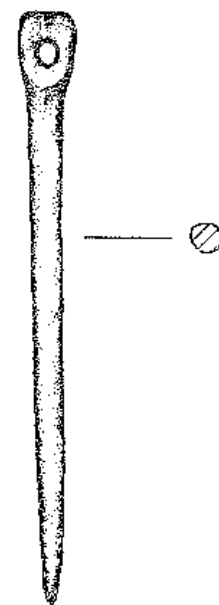
Обработанная кость лошади со следами использования (отполирована на острие и на участке рукояти).

10. Фрагмент предмета из кости [Т-00-XXV-12р] (ил. 10).

Дл. 11,5 см.

Фрагмент обработанной бедренной кости свиньи; на линии перелома просверлено отверстие, виден желобок приблизительно в середине сохранявшейся длины.

11. Игла [Т-01-XXV-8р] (ил. 11).

Дл. 7,6 см, диам. стержня 0,3–0,4 см.

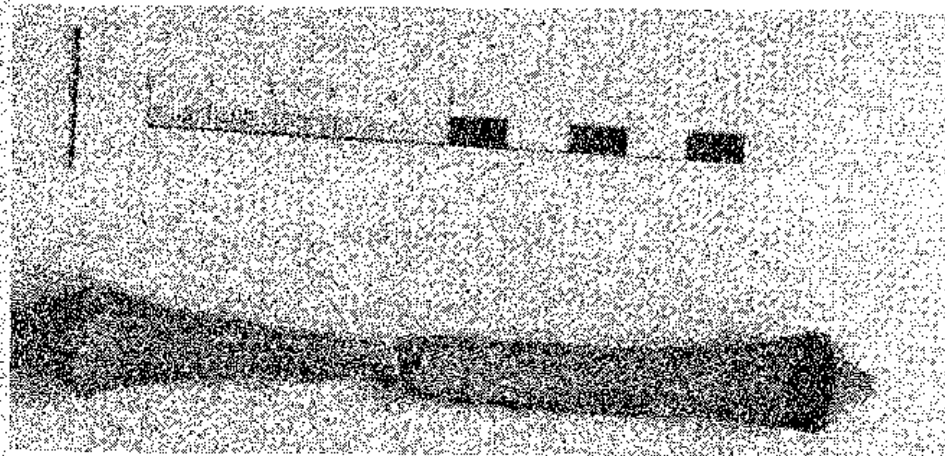
Сделана из птичьей кости, хорошо отполированная; сформированная головка с просверленным отверстием.

0 3 см

12. 2 фрагмента глазилки(?) [Т-02-XXV-66р] (ил. 12).

А: дл. 7,7 см; В: дл. 5,8 см.

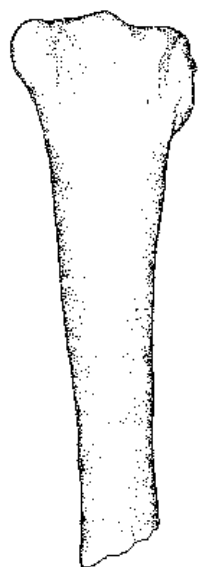
Отполированная берцовая кость свиньи, сломана; основание конической формы со следами использования.

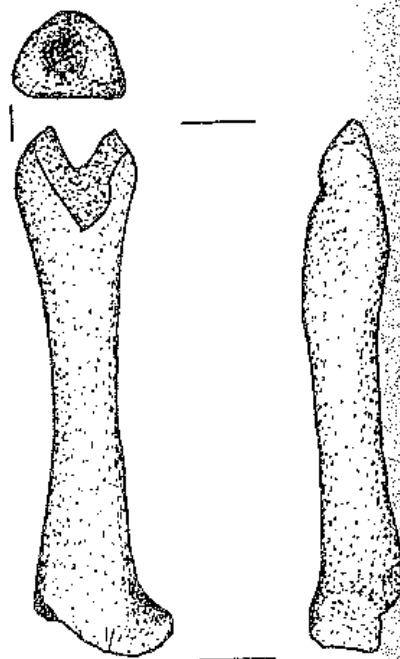
13. Фрагмент предмета из кости [Т-01-XXV-45р] (ил. 13).

Дл. 10,2 см.

Обработанная длинная кость птицы (цапли?); поверхность отшлифована и отполирована.

0 3 см

0 3 см

14. Предмет из кости [Т-04-XXV-52р] (ил. 14).

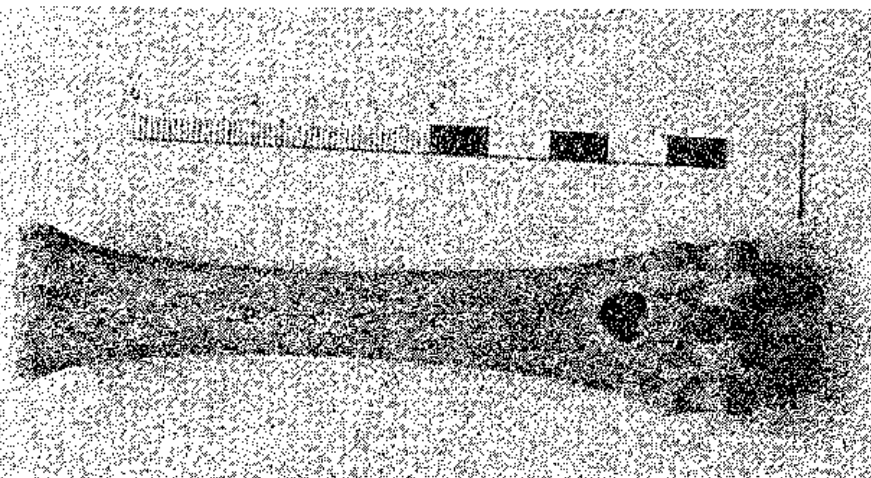
Дл. 7,1 см.

Обработанная бедренная кость молодой собаки.

15. Предмет из кости [Т-02-XXV-5р] (ил. 15).

Дл. 14,8 см.

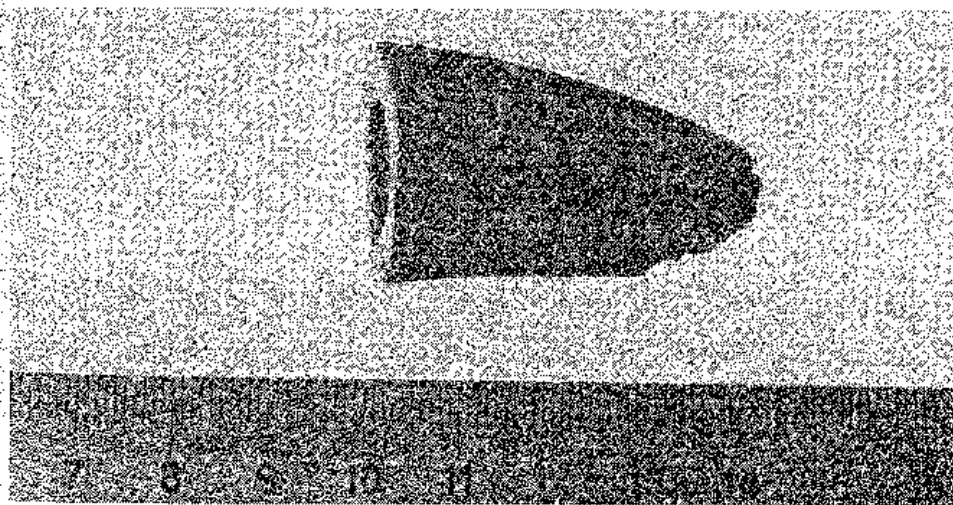
Кость пясти молодого жвачного животного со следами обработанной поверхностью, с двумя отверстиями, просверленными вдоль и поперёк.

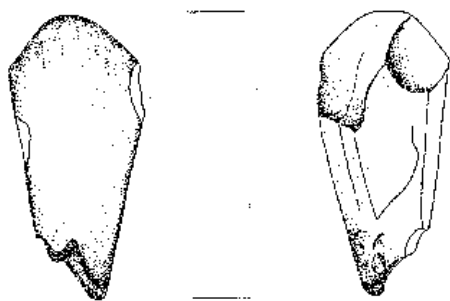

16. Фрагмент гладилки [Т-00-XXV-14р] (ил. 16).

Дл. 5,0 см, шир. 2,1-2,6 см.

Выполнена с правого рога молодого барана, со следами использования.

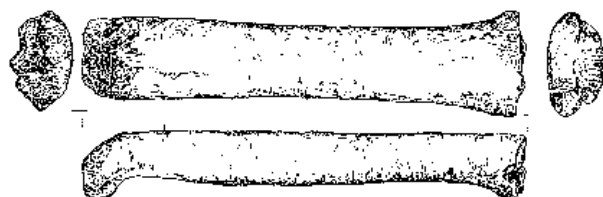

0 3 см

17. Фрагмент гляделки(?) [Т-01-XXV-37р] (ил. 17).

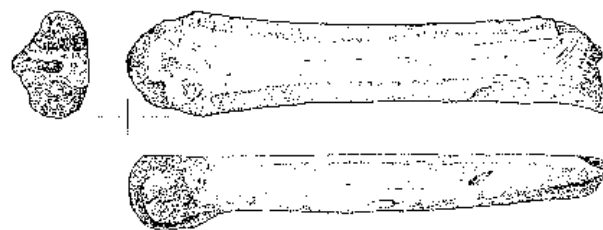
Дл. 4,8 см, шир. рабочего края 2,3 см.
Обработанная плечевая кость дикого животного со следами использования.

0 3 см

18. Орудие из кости [Т-03-XXV-7р] (ил. 18).

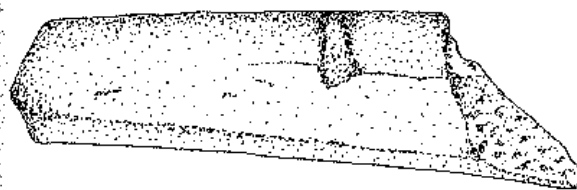
Дл. 21,0 см.
Инструмент выполнен из кости лошади; стертое основание.

0 3 см

19. Орудие из кости [Т-03-XXV-12р] (ил. 19).

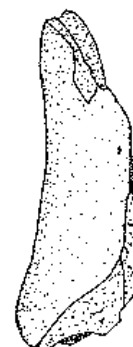
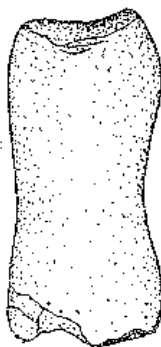
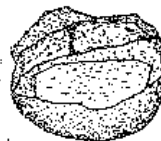
Дл. 20,0 см.
Инструмент выполнен из кости лошади; верхняя поверхность выровнена и отполирована.

0 3 см

20. Фрагмент кости [Т-04-XXV-38р] (ил. 20).

Дл. 10,5 см.
Обработанное ребро лошади с преднамеренными поперечными пасечками.

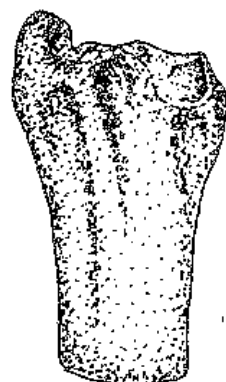

0 3 см

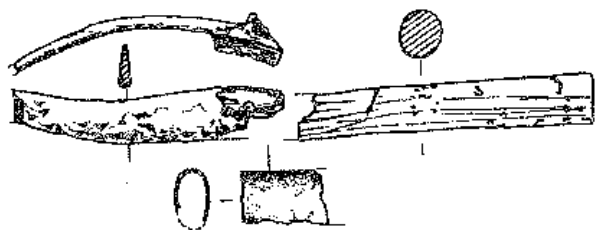
21. Фрагмент орудия [Т-04-XXV-69р] (ил. 21).

Дл. 7,4 см.
Первая пальцевая фаланга лошади со следами обработки и использования.

22. Обработанная кость [Т-04-XXV-42р] (ил. 22).
Дл. 4,8 см.
Фрагмент берцовой кости свиньи с отрезанной основой.

23. Фрагмент рукоятки ножа [Т-96-VII/2-96р] (ил. 23).
Дл. 7,9 см.
Найден вместе с клинком ножа, поверхность отполирована, потрескавшаяся, слегка испорчена, с двумя углублениями.

24. Ножны ножа(?) [Т-99-XXV-40р] (ил. 24).
Дл. 16,5 см.
Фрагмент разрезанной кости, переломанной вдоль, с помещенным внутри неё клинком ножа.

25. Шашка(?) [Т-05-XXV-15р] (ил. 25).

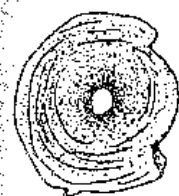
Диам. 1,3–1,5 см.

Овальный кружок со слегка выпуклой верхней поверхностью с семью углублениями в форме креста; на нижней поверхности – многочисленные черточки, а также одно углубление по середине.

26. Позвонок рыбы [Т-05-XXV-28р].

Диам. 2,5 см; диам. отверстия 1,5 см.

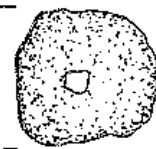
Позвонок рыбы с преднамеренно вырезанным отверстием.

27. Позвонок рыбы [Т-05-XXV-29р] (ил. 26).

Диам. 2,0 см; диам. отверстия 0,4 см.

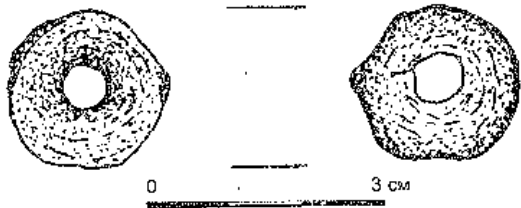
Аналогичный № 26.

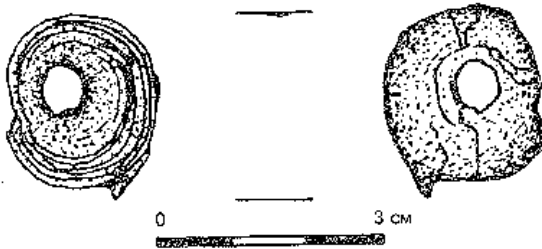
28. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-49р] (ил. 27).

Диам. 1,9 см; диам. отверстия 0,5 см.

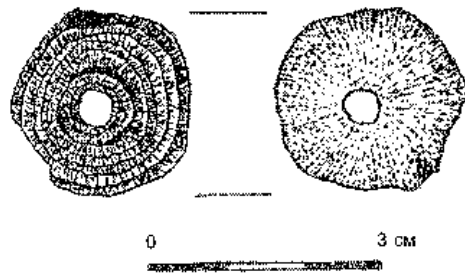
Аналогичный № 26.

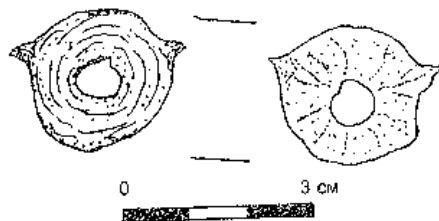
29. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-53р]
(ил. 28).
Диам. 2,1 см; диам. отверстия 0,7 см.
Аналогичный № 26.

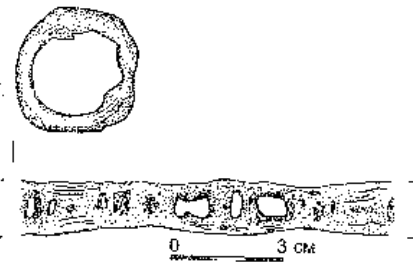
30. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-56р]
(ил. 29).
Диам. 2,4 см; диам. отверстия 0,6 см.
Аналогичный № 26.

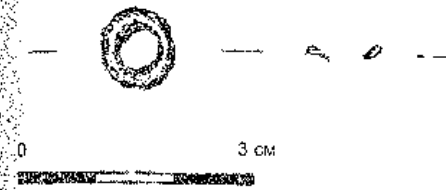
31. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-57р]
(ил. 30).
Диам. 2,4 см; диам. отверстия 0,5 см.
Аналогичный № 26.

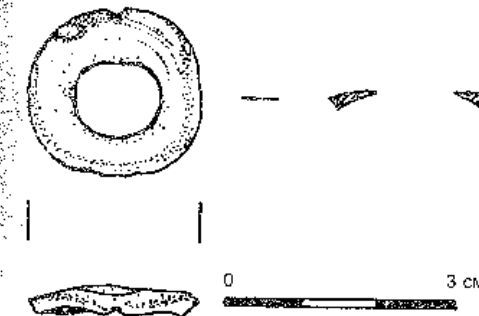
32. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-90р]
(ил. 31).
Диам. 2,2 см; диам. отверстия 0,7 см.
Аналогичный № 26.

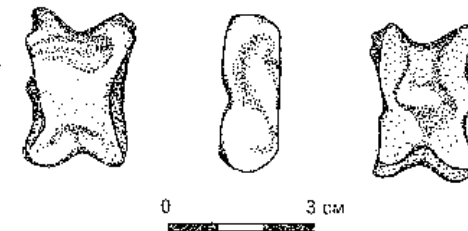
33. Позвонок рыбы [Т-04-XXV-59р]
(ил. 32).
Диам. 3,4 см; диам. отверстия 2,2 см.
Обработанный позвонок рыбы из осетровых;
поверхность заглажена, посередине
вырезано большое отверстие.

34. Позвонок рыбы [Т-02-XXV-22р]
(ил. 33).
Диам. 1,0 см; диам. отверстия 0,5 см.
Найден около скелета ребенка (скорее всего,
украшение).

35. Позвонок рыбы [Т-00-XXV-24р]
(ил. 34).
Диам. 2,3 см; диам. отверстия 1,1 см.
Округлая плитка с отверстием посередине.

36. Астрагал [Т-00-XXV-27р] (ил. 35).
Дл. 3,3 см, шир. 2,3 см.
Отполированная таранная кость мелкого
животного (коза/овца).

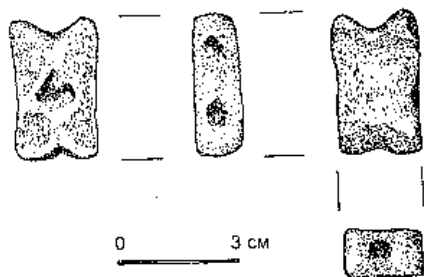
37. Астрагал [Т-00-XXV-77р].
Дл. 3,4 см, шир. 2,4 см.

38. Астрагал [Т-00-XXV-65р].
Дл. 3,5 см, шир. 2,3 см.

39. Астрагал [Т-00-XXV-36р].
Дл. 3,2 см, шир. 2,1 см.

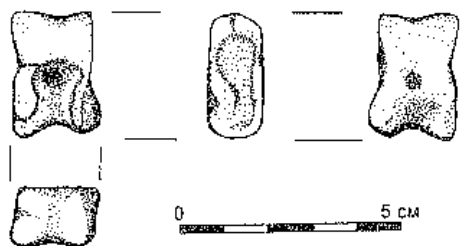
40. Астрагал [Т-01-XXV-54р] (ил. 36).
Дл. 3,0 см, шир. 1,9 см.

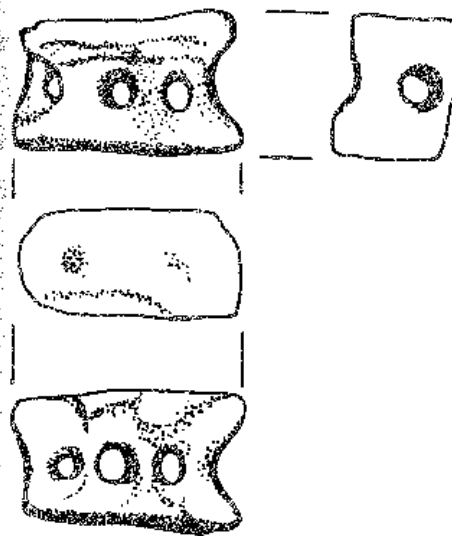
41. Астрагал [Т-04-XXV-72р] (ил. 37).
Дл. 3,3 см, шир. 2,0 см.

42. Астрагал [Т-99-XXV-8р].
Дл. 3,0 см, шир. 2,1 см.

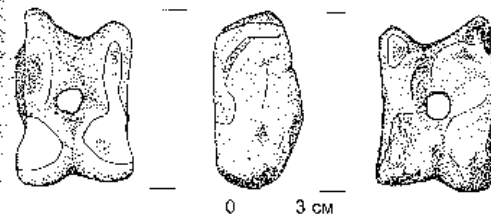
43. Астрагал [Т-00-XXV-44р].
Дл. 3,6 см, шир. 2,1 см.
В боковой поверхности просверлено отверстие.

44. Астрагал [Т-99-XXV-17р] (ил. 38).
Дл. 2,8 см, шир. 1,9 см.
С просверленным отверстием в центре широкой стороны.

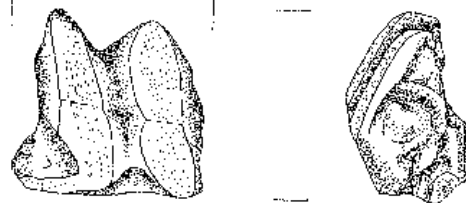
45. Астрагал [Т-99-XXV-30р] (ил. 39).
Дл. 3,1 см, шир. 1,8 см.
С тремя отверстиями в широкой плоскости и одним — на коротком боку.

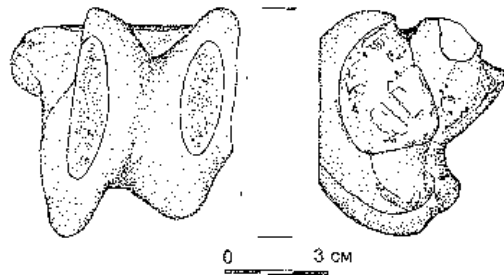

46. Астрагал [Т-03-XXV-50р] (ил. 40).
Дл. 6,6 см, шир. 4,6 см.
Таранная кость крупного рогатого скота с просверленным отверстием в широкой плоскости.

47. Обработанная кость [Т-04-XXV-86р] (ил. 41).
Дл. 6,0 см, шир. 4,0 см.
Таранная кость лошади с прорезанной и отполированной улиткой.

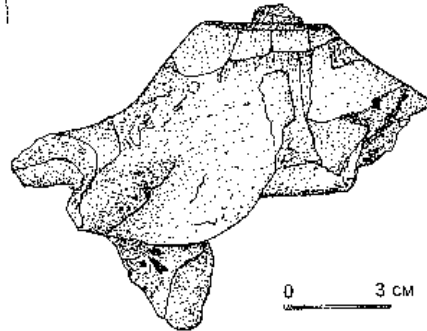
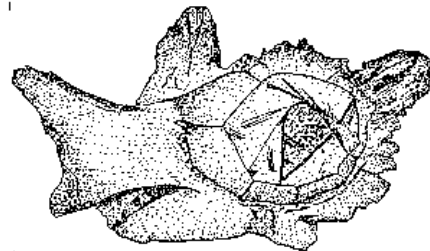
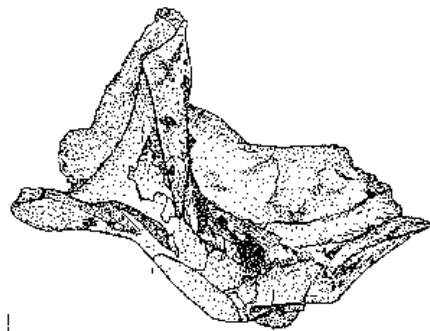

48. Обработанная кость [Т-03-XXV-51р] (ил. 42).

Дл. 6,1 см, шир. 6,2 см.

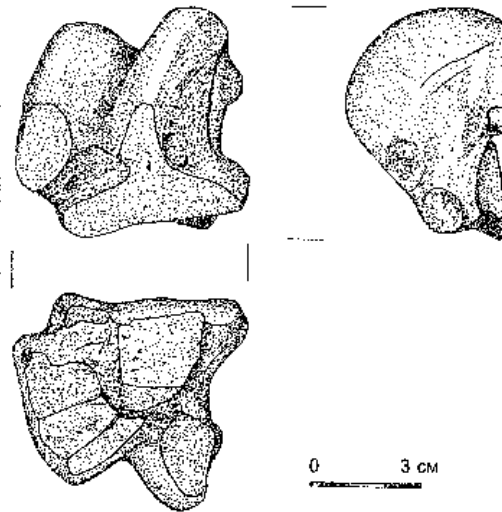
Таранная кость лошади со следами потертости на дистальной стороне.

49. Обработанная кость [Т-05-XXV-41р] (ил. 43).

Дл. 6,4 см, шир. 6,1 см.

Таранная кость крупного рогатого скота.

50. Фрагмент рога оленя [Т-05-XXV-55р] (ил. 44).

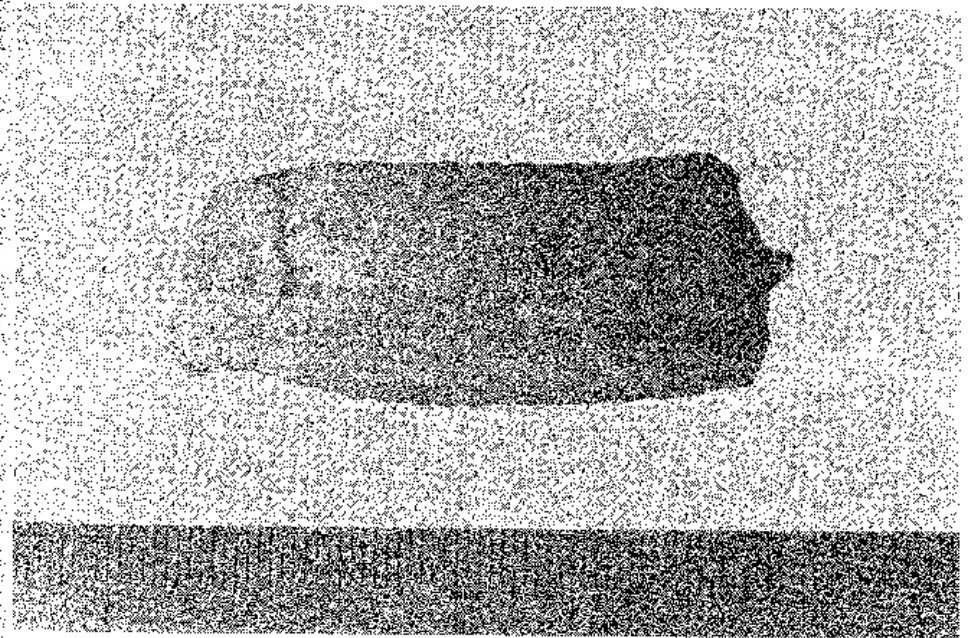
Дл. 12,0 см, шир. 6,8 см.

Следы резки и обработки.

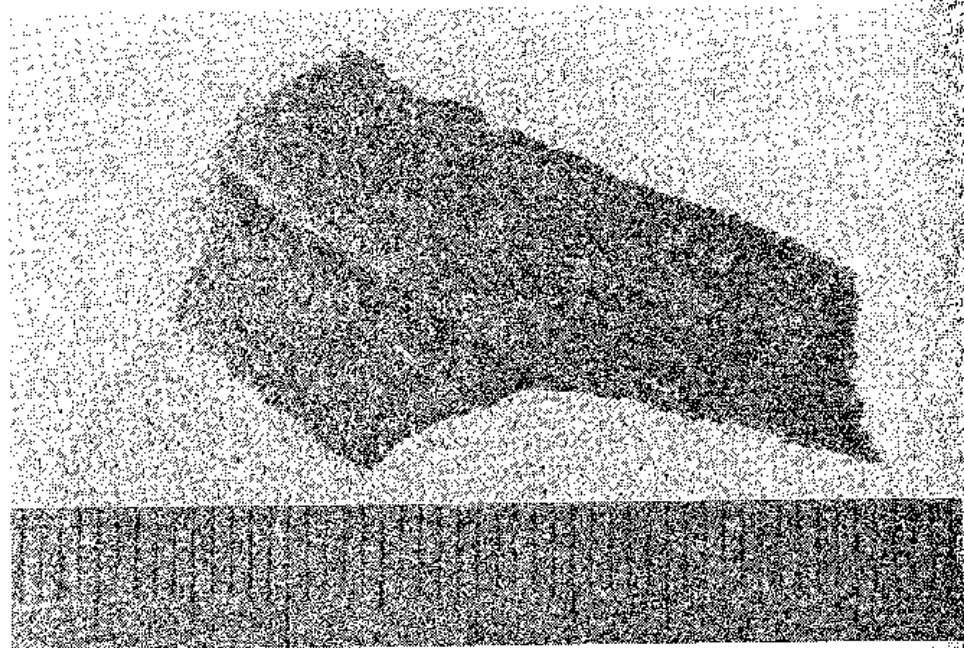
51. Фрагмент панциря черепахи [Т-96-61р] (ил. 45).

Дл. 5,7 см, шир. 2,2 см.

Серо-бежевая выгнутая плитка.

52. Фрагмент панцыря черепахи [Г-97-ХVII/2-48р] (ил. 46).
Дл. 4,3 см, шир. 2,0 см.
Серо-бежевая слегка выгнутая плитка.

Петр Яворски

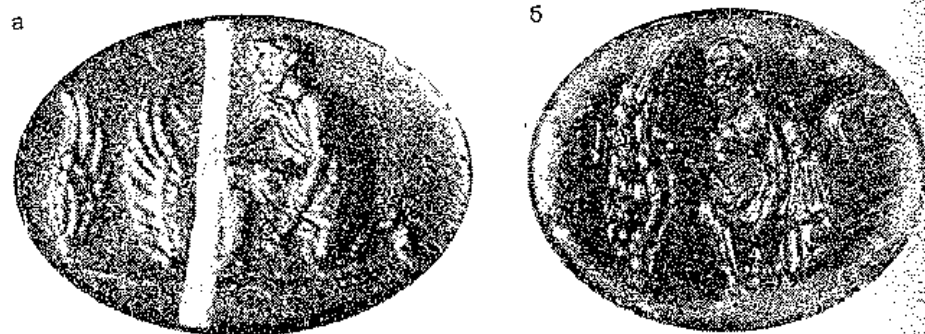
ДВЕ АНТИЧНЫЕ ГЕММЫ ИЗ ТАНАИСА

Произведения античной глиптики принадлежат к наиболее ценным археологическим находкам, обнаруженным во время раскопок. Это наблюдение относится и к исследованиям, проводимым на важнейших памятниках античного мира. В случае большинства античных городов находки гемм гораздо реже встречаются, чем на могильниках. В настоящей статье представлены две античные геммы, выбранные среди других предметов глиптики, обнаруженных в Танаисе¹, которые представляют контекст как городской, так и погребальный. Первая из них, хотя не имеет точно определенного места обнаружения в границах города, однако отличается очень интересным и редким мифологическим представлением. Другая, плохой сохранности, обнаружена на некрополе, имеет хорошо зафиксированный контекст, представляет превосходное изображение Сатира.

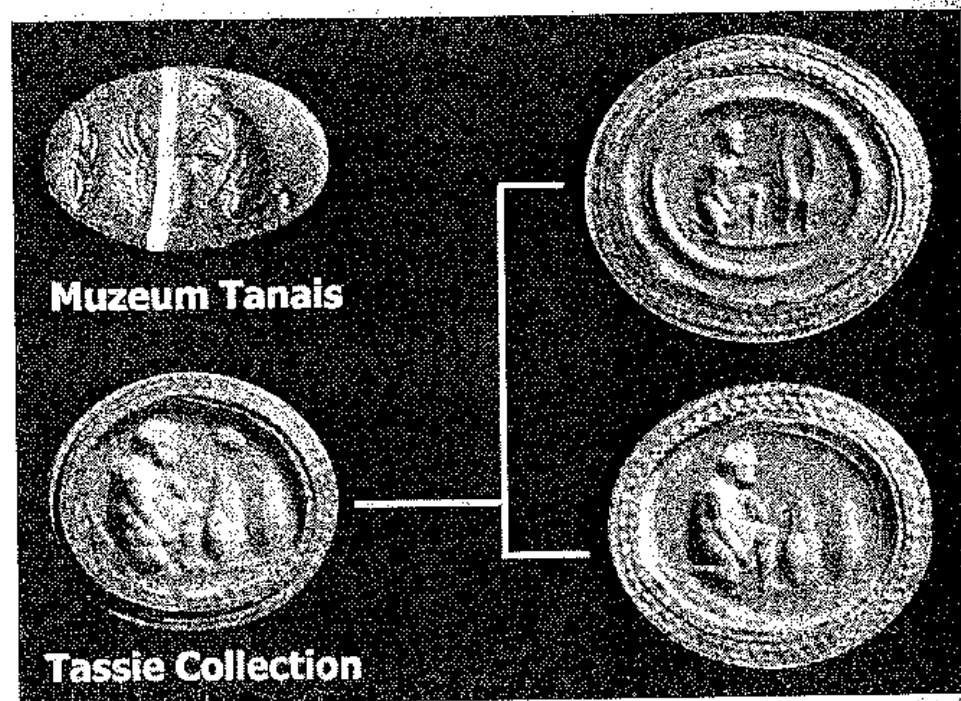
Гемма с изображением Дедала² (ил. 1–2)

Инталио выполнено из сердолика черного цвета, с проходящей вертикально белой полосой. Размеры 12 x 9 мм. находка обнаружена случайно на территории городища Танаис в 1986 г. Хранится в Музее-заповеднике „Танаис“.

Инталио является вставкой несохранившегося перстня. На гемме представлена сцена изготовления Дедалом пары крыльев. Бородатый мужчина, одетый в *exomis*, повернут в левую сторону, стоит на левом колене: в опущенной левой руке держит молоток, правой рукой поддерживает одно из двух стоящих крыльев. Дедал – отец Икара, первый ремесленник, резчик и также строитель лабиринта – изготовил себе и сыну крылья, которые позволили им убежать с Крита. Изображение на гемме из Танаиса принадлежит к группе представлений Дедала как ремесленника³. В этой группе можно отметить два варианта композиции: Дедал изготавливает крылья или стоя на коленях, или сидя. Упомянутая композиция встречается на этрусских, греко-римских и римских геммах V–I вв. до н.э. На основании аналогий⁴ гемму можно датировать I в. до н.э.–I в. н.э.

Ил. 1. Геммы с изображением Дедала: а – Танаис, б – Бруншвик [Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae, vol. III.2, 237]

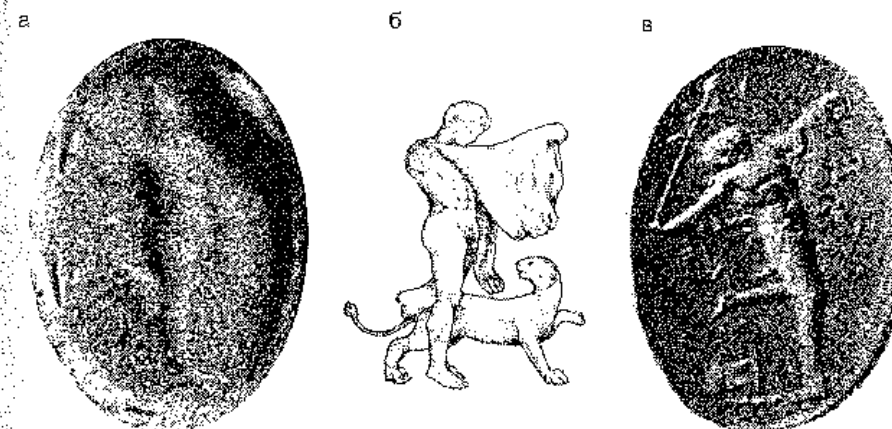

Ил. 2. Оттиски геммы с изображением Дедала как ремесленника из коллекции Й. Тасси [J. Tassie, Ancient and Modern Engraved Gems (...), London 1716, vol. I, nos 8715-8737]

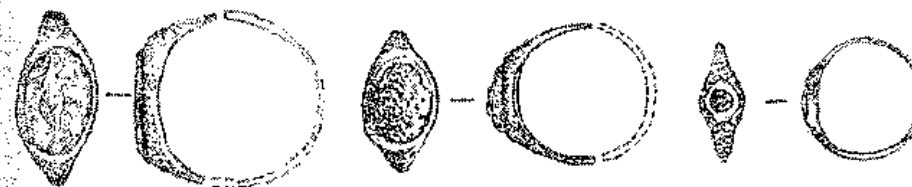
Гемма с изображением Сатира⁵ (ил. 3–6)

Инталио выполнено из стеклянной пасты белого цвета. Размеры 9 x 11 мм. Обнаружена в результате раскопок польской экспедицией западной части некрополя Танаиса в 1996 г. Хранится в Музее-заповеднике „Танаис”.

Гемма находится в оправе бронзового перстня и представляет танцующего Сатира. Обнаженный мужчина повернут влево, туловище фигуры показано фронтально с сильным изгибом торса назад. Центр тяжести тела Сатира – на левой ноге, правая нога согнута в колене и отставлена назад. Левая рука поднята вверх и, не смотря на плохую сохранность геммы, в ней можно заметить тире – типичный атрибут свиты Диониса; правая рука, на которой видна перекинутая ткань, легко согнута в локте и отставлена от тела. Голова Сатира в сильном движении повернута назад. Вследствии повреждения поверхности инталио, а также наличия изъянов в стеклянной пасте трудно с уверенностью утверждать, что образ, видимый позади фигуры, в нижней части поля, можно интер-

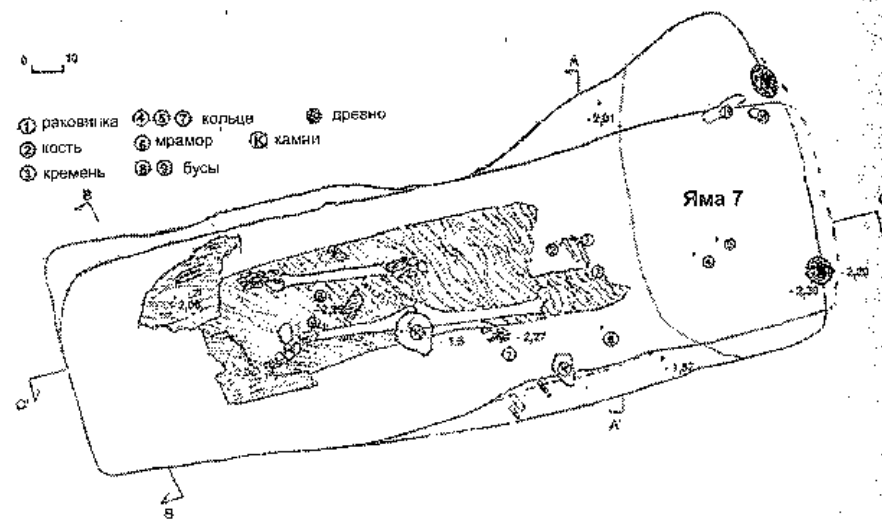

Ил. 3. Примеры иконографических схем танцующего Сатира: а – оттиск геммы из Танаиса; б – рельеф на саркофаге из Кирены [рис. А. Дауска]; в – гемма времени Августа [A. Furtwängler, Die antiken Gemmen, vol. I, Leipzig 1900, pl. XXXVI, 33]

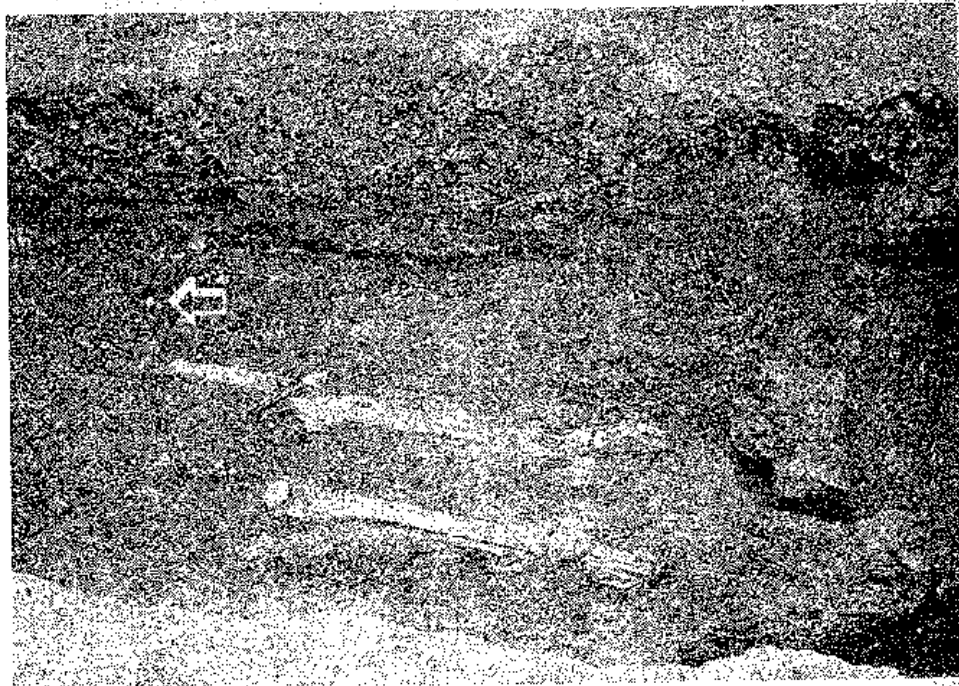

Ил. 4. Танаис, гемма в оправе бронзового перстня представляет танцующего Сатира с двумя другими, одновременными ему бронзовыми перстнями [рис. И. Беспалава]

TANAIS '96
Раскоп XVIII/2

Илл. 5. Западная часть некрополя Танаиса, раскоп XVII, 2, погребение № 2 [рис. К. Мисевич]

Илл. 6. Танаис, раскоп XVII, 2, погребение № 2, фрагмент [фот. П. Яворски]

претировать как нантеру (животное часто сопровождающее Сатиров во время подобных представлений). Изображения танцующего Сатира являются типичными для представления участников *thiasos* Диониса, в состав которого входил обычно сам Дионис, менады и сатиры — всегда танцующие, находящиеся в состоянии экстаза, в экзотических позах. Такого типа изображения в позднеэллинистический и римский период являются излюбленным иконографическим мотивом неоаттического искусства. Фигуры свиты, обычно, подчиняются иконографическим схемам, разделенным Ф. Хаузером⁶ на несколько основных типов.

Перстень, в который оправлена гемма, обнаружен на территории западного некрополя Танаиса⁷, в грунтовом погребении № 2 (раскоп XVII, 2). Данный предмет был найден на левой руке умершего вместе с двумя другими, одно-временными ему бронзовыми перстнями, имеющими вставки из стеклянной пасты без декорации⁸. Наибольший интерес представляет самый маленький перстень, в котором круглый глазок закреплен в ромбовидном поле. В частично ограбленном погребении № 2 (грабительский раскоп, яма № 7 — уничтожил восточный участок захоронения, в том числе верхнюю часть скелета) сохранился относительно богатый погребальный инвентарь. Помимо остатков деревянного гроба⁹ и упомянутых трех перстней, в нем обнаружено среди прочих находок два небольших глиняных сосуда (кувшинчик и мисочка), а также несколько десятков бусин, в основном из бронзы и стекла¹⁰. В соседнем грунтовом погребении № 1 скелет сопровождали богато украшенная сарматская курительница и лепной горшок¹¹. Оба погребения были соориентированы в направлении СЗ-ЮВ. Подобно как большинство погребений, расположенных в указанной части некрополя, датируются периодом I—III вв. н.э.¹² Затертые иконографические черты и очень плохая сохранность геммы с изображением Сатира не позволяет определить её точную хронологическую принадлежность, поэтому следует остановиться на датировке, принятой для этой части некрополя.

Две геммы, охарактеризованные в настоящей статье, отличаются как художественной ценностью, так и познавательным содержанием. В случае геммы с представлением Дедала имеем дело с предметом высокого художественного уровня и, согласно аналогиям, происходящего с одного из западных центров античного мира. Информация об импорте в Танаис такого класса предмета, на наш взгляд, компенсирует отсутствие сопровождающего археологического контекста у данной находки. В то же время гемма с Сатиром имеет хорошо изученный археологический контекст, однако, плохая сохранность не позволяет оценить её художественный уровень и точно определить хронологию.

Сноски

¹ Автору удалось найти информацию только о нескольких памятниках глиптики, обнаруженных в Танаис, а именно: 1) перстень с инталио, представляющим фантастическое морское чудовище (находится в собрании Государственного Эрмитажа в Санкт-Петербурге); 2) инталио из желтого стекла, представляющее бюст повернутого влево бога молчания Гарпократа с рогом изобилия в правом поле и урбусом над головой (хранится в собрании Музея-заповедника „Танаис“); 3) камеш с представлением Эрота, покрытого шкурой льва (хранится в собрании Музея в Ростове-на-Дону); 4) бронзовый перстень с вырезанной фигурой Аполлона, ударяющего в струны инструмента с помощью *plectrum*, который формально не является геммой, однако выполнен в технике, в которой обычно резались каменные или стеклянные вставки перстней (хранится в собрании Музея-заповедника „Танаис“). Информацией об остальных геммах из Танаиса обладают сотрудники местного музея.

² Сердечно благодарю господина В.Ф. Чеснока, многолетнего директора Музея-заповедника „Танаис“, за возможность публикации этой темы и за необыкновенную доброжелательность.

³ J.E. Nyenhuis, *Daedalos et Ikaros*, [in:] *Lexicon Iconographicum Mythologiae Classicae*, vol. III.1, Zürich-München 1986, 314-315.

⁴ Там же, 315: № 6 – глазок перстня из сердолика из Бруннвику, I в. до н.э. (фото: там же, vol. III.2, 237), № 9 – глазок перстня из фиолетового стекла из Мюнхена, без датировки. Большинство гемм группы с изображением Дедала как ремесленника находится в немецких музеях.

⁵ Выражаю благодарность господину Т. Шоллю, руководителю польской экспедиции в Танаисе, за ценную информацию, которую он мне представлял в течении нескольких моих посещений Танаиса и за настойчивое поощрение в работе над данной темой.

⁶ F. Hauser, *Die neu-attischen Reliefs*, Stuttgart 1889, *passim*.

⁷ T. Arseniewa, T. Scholl, *Tanaïs – trzy lata badań nekropoli zachodniej*, „Światowit” 1 (49), fasc. A, 1999, 15-16.

⁸ Коллекционная опись находок из раскопок западного участка грунтового некрополя Танаиса в 1996 г., машинопись в Музее-заповеднике „Танаис”, № 5-7.

⁹ T. Arseniewa, T. Scholl, указ. соч., 15.

¹⁰ Указ. кол. опись, № 3-4, 8-12.

¹¹ Там же, № 1-2.

¹² T. Arseniewa, T. Scholl, указ. соч., 15; ср. R. Chowaniec, статья в настоящем томе. О раскопках некрополя в Танаисе последние: Т.М. Арсеньева, С.И. Безуглов, И.В. Толочко, *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981-1995 гг.*, Москва 2001.

Two antique gems from Tanaïs

Summary

This article describes two items from the glyptothecae from antique Tanaïs. One of these, a random find from the fort bears a depiction of Daedalus, a rare theme. The second was found during fieldwork by Polish archaeologists in trench XVII.2. This gem depicts Satyr – a typical motive for the roman glyptothecae.

Людмила М. Казакова

К ВОПРОСУ ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЕ
ЗАПАДНОГО РАЙОНА РАННЕГО ТАНАИСА

2005 г. для Нижне-Донской экспедиции юбилейный. Вот уже полвека со времени своего создания в 1955 г. она ведет исследования Танаиса. С первых лет раскопок Недвиговского городища были открыты остатки мощной системы оборонительных укреплений (стены, башни) на западной линии основного четырехугольника и в его северо-восточном углу, а также городские кварталы с определенной планировочной структурой внутри него. Большое внимание уделялось исследованию участка к западу от основного четырехугольника (западный городской район, „Западное крыло”, как его называли П.М. Леонтьев, а вслед за ним Т.Н. Книпович [Книпович 1949, 24]).

Здесь также были открыты остатки северной оборонительной стены (раскоп IX) [Болтунова 1969, 104-109], основание западной стены (раскоп XIII) [Шелов 1970, 129-130], несколько иная по характеру и планировке застройка этого района [Болтунова, Деоник, Каменецкий, 1969].

Полученные результаты и данные, обобщенные и проанализированные Д.Б. Шеловым в его двух монографиях о Танаисе [Шелов 1970; Шелов 1972] и нашедшие отражение в ряде статей об исследованиях конкретных объектов, позволили определить многие стороны жизни города, схему его развития, его хронологические этапы, особенности городского строительства, место города в системе античных городов Северного Причерноморья. Сложившиеся в связи с этим представления о территории города за пределами основного четырехугольника сохранялись сравнительно долго: с севера и запада оборонительные стены Западного городского района, с юга с учетом приречной (припортовой части) города – по берегу реки Мертвый Донец.

Однако исследования последнего десятилетия, вызванные необходимостью проведения охранно-спасательных работ в зонах хуторской застройки, в основном к западу и югу от выделенной прежде территории, во многом уточнили представление о границах города и их хронологическом изменении.

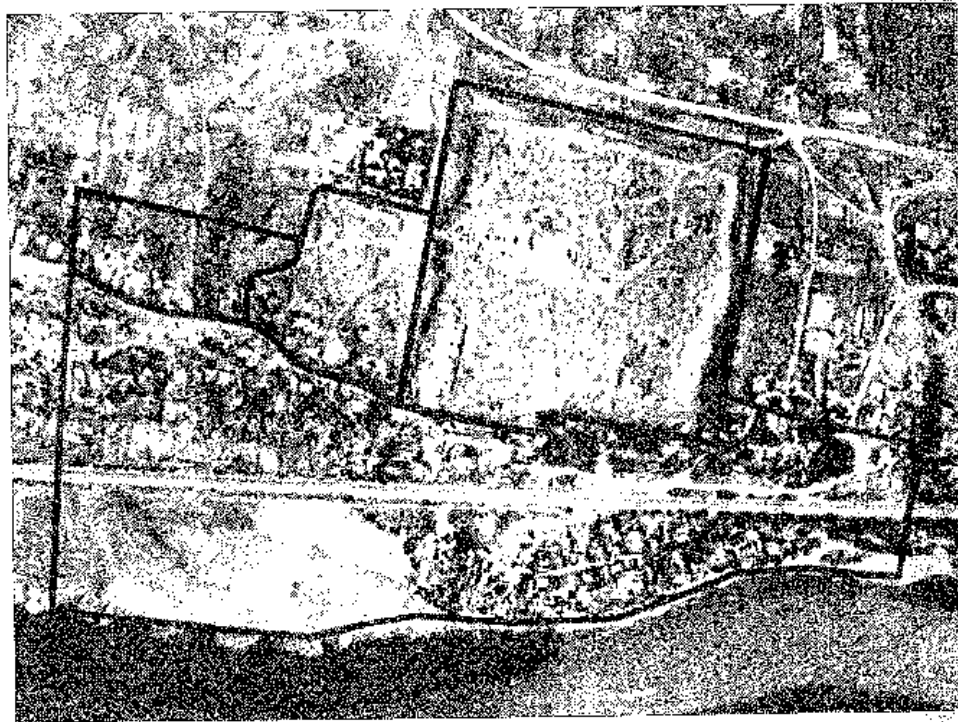
В последние годы значительное внимание уделялось и ландшафтному анализу, как визуальному (С.М. Ильяшенко, Л.М. Казакова), так и с использовани-

ем данных аэрокосмосъемки (Г.П. Гарбузов). Все это позволило несколько по-иному подойти к вопросу о границах города в западном направлении в первый хронологический период (III в. до н.э. – рубеж I в. до н.э. – I в. н.э.).

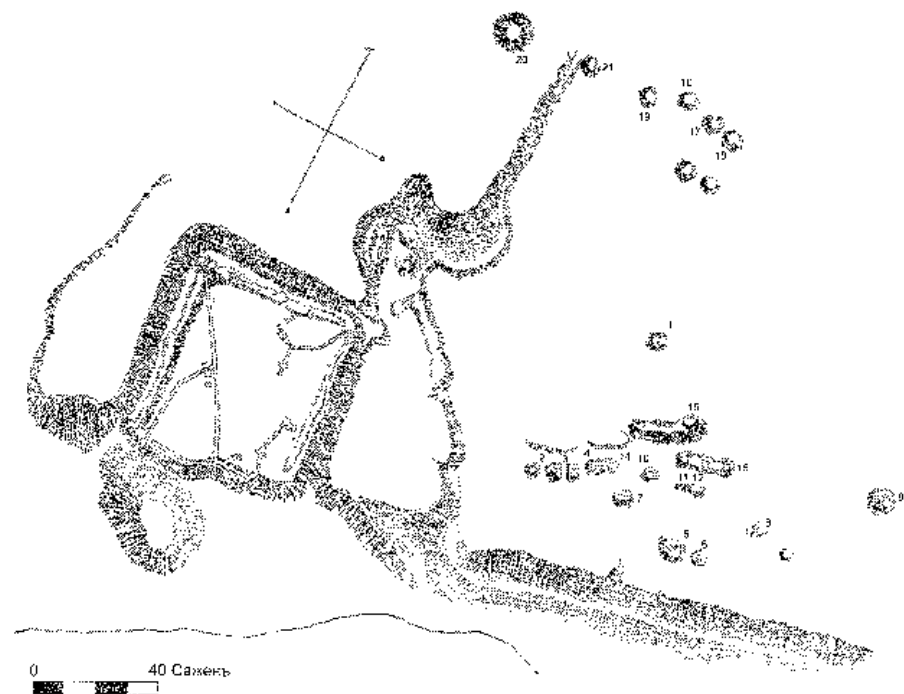
В эти же годы на указанной территории были заложены несколько раскопов (XXIII, XXIV, XXVIII – С.М. Ильяшенко, XXV – отряд Варшавского Университета – Т. Шолль). На раскопах XXIII и XXV были открыты остатки оборонительных стен и рвов вдоль них. [Арсеньева, Ильяшенко 1994, 154–160; Арсеньева, Ильяшенко 2001, 103–110; Arseniewa, Scholl 2002, 13–17; Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, Толочко, Фурназир, Шолль 2003, 62–65]. Все это позволяет говорить о достаточно сложной системе фортификации раннего Танаиса за пределами основного четырехугольника.

В древности, выбирая место для нового поселения, всегда учитывали ряд факторов, необходимых для его нормального функционирования. Одним из основных была естественная защищенность конкретного места и возможность использовать его ландшафтные особенности для создания линии обороны. При выборе места для Танаиса фактор естественной защищенности также сыграл главенствующую роль (ил. 1). Мыс, образованный поворотом высокого

0 200 м

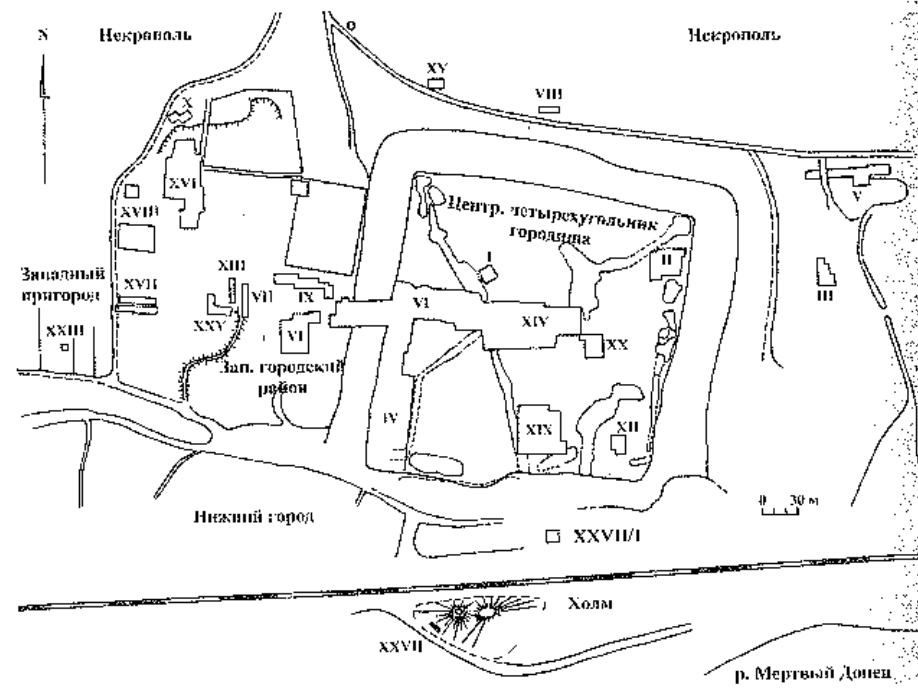
Ил. 1. Ситуационный план городской территории Танаиса [по Г.П. Гарбузову]

Ил. 2. План Недвиговского городища 1853 г. [по Д.Б. Шелову 1970, 98]

коренного берега террасы реки Мертвый Донец, изрезан поперечными балками. Именно они были выбраны впоследствии для создания восточной и западной линий рвов основного четырехугольника. Аналогичная балка хорошо просматривается к западу от основного четырехугольника на планах Недвиговского городища 1853 г. (ил. 2) и 1855 г. Такие же балки фиксируются и в современном рельефе западнее.

Уже в первые годы раскопок Нижне-Донская экспедиция, кроме работ на основном четырехугольнике, в 1958–1965 гг. изучала так называемое „Западное крыло“ городища. Здесь работали Т.М. Арсеньева, А.И. Болтунова, Д.В. Деоник, И.С. Каменецкий, Е.Г. Кастанаян. Были заложены несколько раскопов – VI/1, VI/2, VII, IX, XIII (ил. 3), которые, кроме засыпанных VII и IX, составляют часть экспозиции заповедника под открытым небом. В самом северном из них раскопе IX на протяжении 40 м открыта двухъярусная оборонительная стена с плотной забутовкой по центру и разной степенью сохранности на разных участках (ил. 4). Ширина стены от 2,7 до 3,2 м, максимальная высота 1,3 м. А.И. Болтунова [Болтунова 1969, 107] и Д.Б. Шелов [Шелов 1970, 129–130] отмечают разницу уровней погребенной почвы при начале строительства стены, потребовавшее дополнительных подсыпок с северной стороны и срезки грунта с южной.

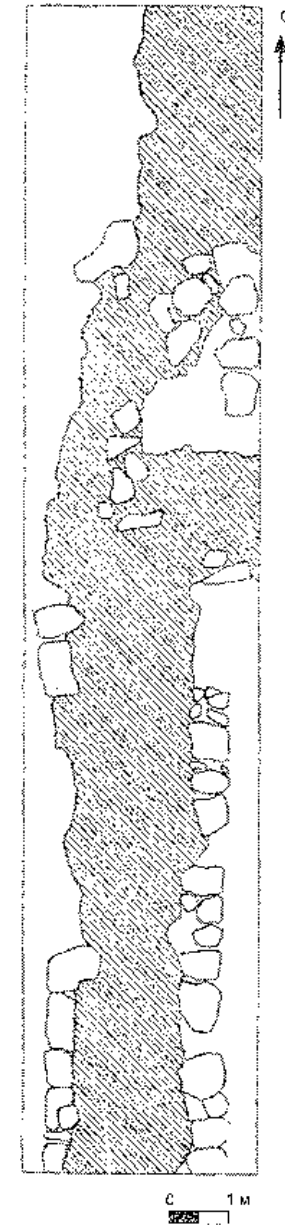
Ил. 3. План-схема основного четырехугольника городища и Западного городского района с указанием раскопов [рис. С.А. Науменко]

Этот факт связывается с „понижением материка к северу” и наличием „ложбины” с северной стороны стены. При создании линии оборонительных укреплений Западного городского района в конце III в. до н.э., видимо, также учитывались особенности рельефа. Это подтверждается исследованиями 1962 г. на раскопе XIII (ил. 5) и работами польского отряда 2001–2005 гг. (раскоп XXV) (ил. 6), выявившими западную линию оборонительных укреплений Западного городского района.

В 1962 г. основание Западной оборонительной стены в виде забутовки с отдельными сохранившимися с обеих сторон плитами панцирной облицовки прослежено в длину на 20 м. Ширина стены 2,75 м, сохранившаяся высота до 0,33 м [Шелов, 1970, 130] (ил. 5). Южное продолжение этой стены по западному фасаду было выявлено в 2001 г. на раскопе XXV, расчистка ее проводилась и в последующие годы. Указанная стена так же, как и стена раскопа XIII, сохранилась в виде забутовки основания, а также сползших по скату рва бута и отдельных панцирных камней. Но самым интересным и неожиданным было открытие в 2000–2001 гг. рва вдоль вышеописанной западной оборонительной стены. Его расчистка выявила ряд его конструктивных деталей: неширокий канал для стока воды по дну с вертикальными стенками; разницу в крутизне скатов рва (западный более пологий). Здесь же были выявлены две части каменного основа-

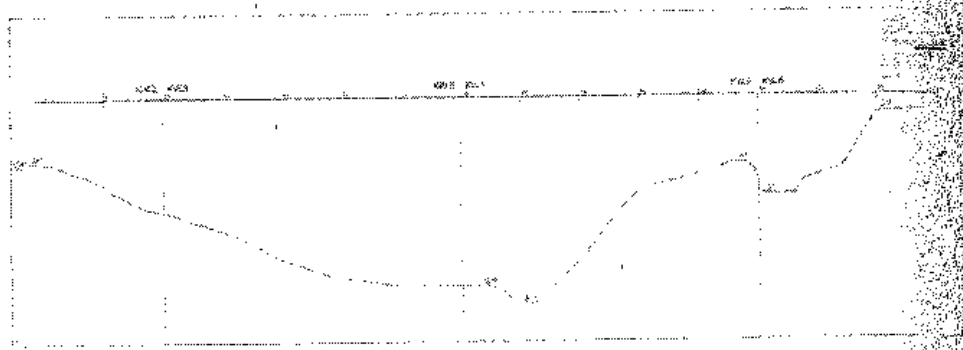

Ил. 4. Северная оборонительная стена Западного городского района (раскоп IX)

Ил. 5. Западная оборонительная стена Западного городского района (раскоп XIII)

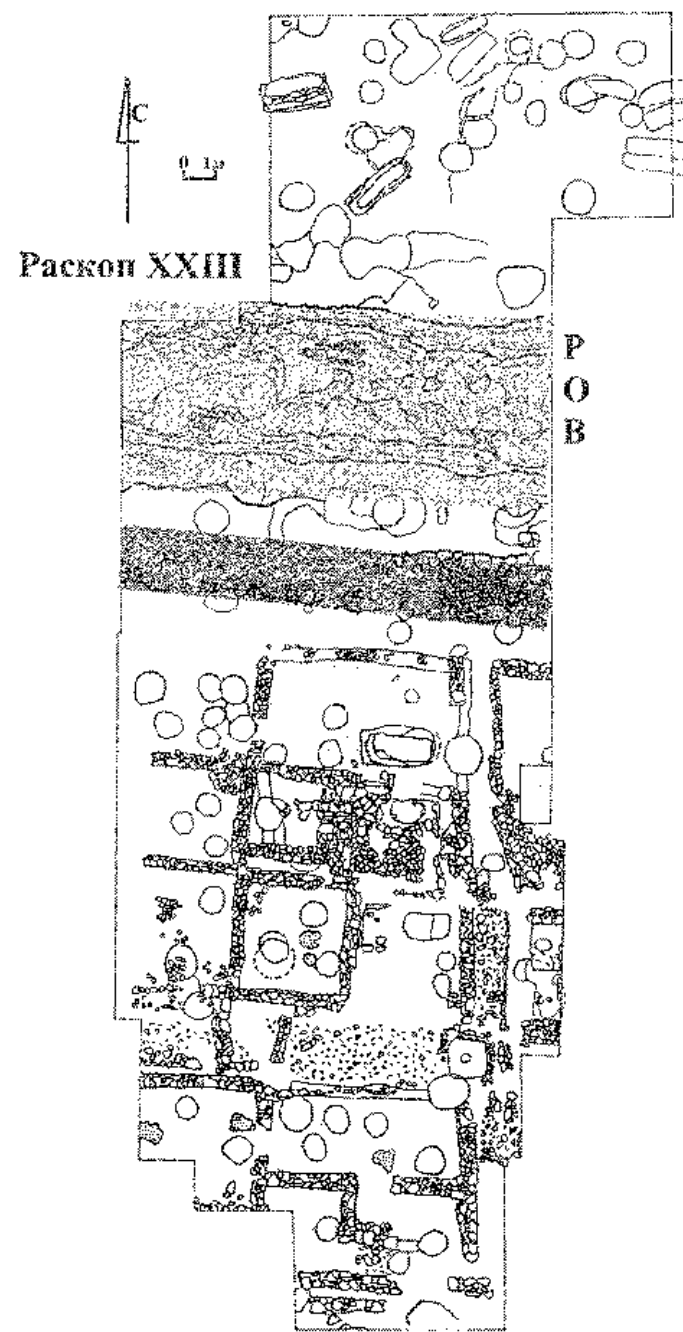
ния моста через ров, заглубленные в его дно. В восточном основании на нижнем уровне было пробито квадратное отверстие для прохода воды. Ширина рва в верхней части 10 м, глубина 2,3–2,5 м (ил. 6). Его датировка, судя по материалам, найденным в ходе расчистки – конец III–конец I вв. до н.э. [Arseniewa-Scholl 2002].

Ил. 6. Раскоп XXV. Разрез рва [рис. М. Вольски]

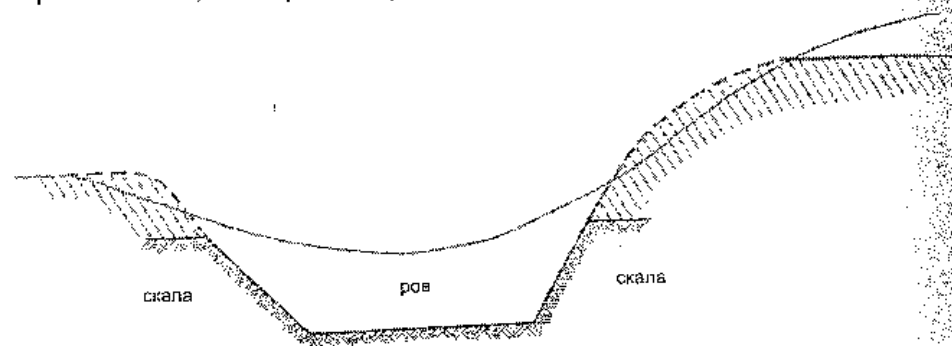
Таким же неожиданным было открытие нового района городской застройки Танаиса. В 300 м от Западного рва основного четырехугольника на частном огороде в ходе охранно-спасательных работ были выявлены каменные конструкции, а затем заложен раскоп XXIII (1999–2002 гг., руководитель С.М. Ильяшенко). В северной его части были расчищены оборонительная стена, а затем и ров вдоль нее. Стена и ров с севера окружали участок города с четкой системой улиц и планировкой усадеб конца III–I вв. до н.э. (ил. 7). Новый район получил название Западного пригорода (ил. 1). Оборонительная стена 37 прослежена в длину на 15 м. Ее ширина 2,40–2,60 м. В высоту она сохранилась на один – два ряда кладки (0,30–0,45 м). Она традиционно сложена из фасовых крупных камней с плотной забутовкой по центру. С.М. Ильяшенко датирует ее II–I вв. до н.э. Прослеженный участок рва имел длину 15 м, ширину по верху 10 м, по дну 2,4–2,6 м, глубину до 2,6 м. С.М. Ильяшенко датирует его концом III в. до н.э. и выдвигает предположение, что к концу II в. до н.э. он постепенно засыпается, перестав выполнять свою первоначальную функцию [Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, Толочко, Фурназир, Шолль 2003, 62–64].

Занывшие остатки рва прослеживаются и на других участках, на огородах в промежутке между западным рвом Западного района города и вновь открытым участком Западного пригорода на раскопе XXIII. По мнению С.М. Ильяшенко, ров мог здесь иметь следующее направление: на запад его линия продолжалась еще на 50 м до стыка с поперечной балкой, которая возможно образовалась на месте существовавшего здесь прежде рва. На восток ров продолжался, видимо, до линии рва раскопа XXV с небольшим поворотом перед ним на север [Ильяшенко, в печати].

Ил. 7. План раскопа XXIII [рис. С.М. Ильяшенко, Н.Н. Титова]

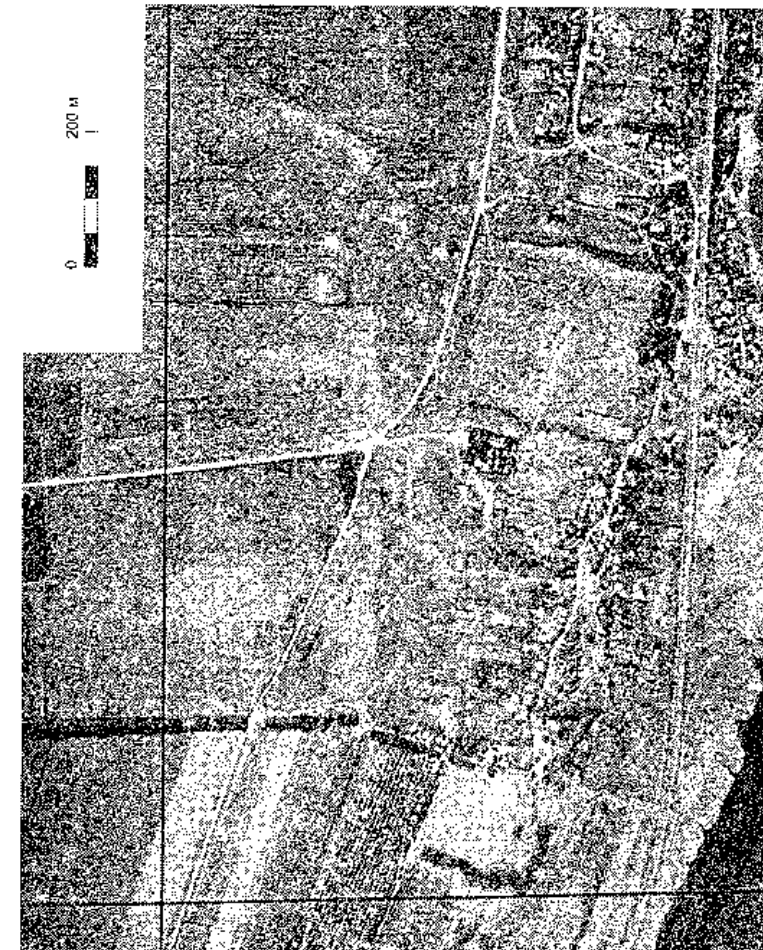
При сравнении известных к настоящему времени участков рвов Западных районов со рвами основного четырехугольника II-сер. III вв. н.э. следует отметить, что более ранние рвы не столь глубоки, имеют меньшую ширину, менее крутые борта (ил. 8). Эти наблюдения и наблюдения, сделанные в ходе охранно-спасательных работ на территории пригорода, позволили С.М. Ильяшенко определить границу Западного пригорода с западной стороны по небольшой поперечной балке, о которой говорилось выше.

Ил. 8. Разрез западного рва основного четырехугольника II-сер. III вв. н.э. [по Д.Б. Шелову 1972, 33]

В связи с выявлением рва на раскопе XXV появляется возможность несколько иначе трактовать „ложбину” с северной стороны стены раскопа IX (северной стены Западного городского района), а именно как ров вдоль нее, который на западе соединялся со рвом раскопа XXV, на востоке доходил до западной оборонительной стены основного четырехугольника, тогда еще ров не имеющего, а затем поворачивал на север. Дальше его можно продолжить предположительно до поворота к более позднему северному рву основного четырехугольника. Мы с С.М. Ильяшенко, не раз обсуждая данный вопрос, были солидарны в этом. До недавнего времени и мне казалось верным его предположение о том, что северный ров II-сер. III вв. н.э. основного четырехугольника — модернизированный и восстановленный ров раннего Танаиса. Но появился новый фактор, который может дать иное толкование северного продолжения раннего рва вдоль западной линии оборонительной стены основного четырехугольника и далее.

Г.П. Гарбузов при анализе аэро и космосъемки района Танаиса выявил две дугообразные параллельные линии, с севера охватывающие основной четырехугольник городища (ил. 9). Южная, более близкая к нему, начинается на востоке от края высокой террасы, сливаясь с поперечной балкой, которую П.М. Леонтьев и вслед за ним Т.М. Книпович считали границей „восточного крыла” и которая хорошо видна на местности. Затем она поворачивает на северо-западный угол Западного пригорода. Южное ее окончание с этой стороны из-за хуторской застройки не просматривается. Скорее всего, оно может совпадать с предполагаемой западной границей Западного пригорода.

Ил. 9. Предполагаемые линии рвов внешнего пояса ранних укреплений Танаиса по данным космосъемки

Вторая линия, хорошо читаемая с востока и северо-востока, также совпадает со следующей к востоку поперечной балкой на краю террасы. Северо-западная и западная ее части просматриваются слабее, но все же заметны. Ее юго-западное завершение может приходиться на центр первого поля, считая от границы учебно-опытного хозяйства РГУ и принадлежащее этому хозяйству. Заплывшая ложбина на нем очень хорошо видна визуально. Проверка этих линий на местности с учетом деталей микрорельефа подтверждает наличие описанных выше по космо-снимку линий. Их в качестве гипотезы можно было бы трактовать как двойную линию рвов, сооруженных вокруг первоначальной площади Танаиса, избранной для поселения и существовавшую до начала возведения фундаментальных оборонительных сооружений конца III–нач. II вв. до н.э.

Примером аналогичной оборонительной системы может служить двойной пояс рвов Елизаветовского городища IV в. до н.э., изученного достаточно хорошо в ходе работ Южно-Донской экспедиции [Житников, Копылов, Марченко 2000, таб. 1, рис. 3]. Не исключено, что опыт строительства этих сооружений мог быть перенесен в нач. III в. до н.э. в Танаис.

Безусловно, все, о чем сказано выше, на уровне гипотезы, требующей тщательного дополнительного анализа сохранившегося микрорельефа, многие детали которого становятся понятными с учетом высказанных предположений. Ну и конечно необходима археологическая проверка.

Литература

- Арсеньева, Ильяшенко 1999 – Т.Н. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, *Раскопки Нижне-Донской экспедиции в западной части х. Недвиговка*, [в:] *Проблемы истории, филологии, культуры*, вып. VIII, Магнитогорск, 154–160.
- Арсеньева, Ильяшенко 2001 – Т.Н. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, *Исследования на территории х. Недвиговка в 2000 г.*, [в:] *Проблемы истории, филологии, культуры*, вып. X, Магнитогорск, 103–110.
- Arseniewa, Scholl 2002 – T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w sezonie 2002*, „Światowit”, tom IV (XIV), Warszawa, 13–17.
- Арсеньева, Ильяшенко, Науменко, Толочко, Фурназир, Шольц 2002 – Т.Н. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, С.А. Науменко, И.В. Толочко, Е. Фурназир, Т. Шольц, *Исследования в Танаисе в 2002 г.*, [в:] *Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону*, вып. XIX, 62–65.
- Болтунова 1969 – А.И. Болтунова, *Раскопки оборонительной стены западного района Танаиса (1958–1963 гг.)*, [в:] *Античные древности Подонья-Приазовья*, Москва.
- Болтунова, Деопик, Камсвенский 1969 – А.И. Болтунова, Д.В. Деопик, И.С. Камсвенский, *Раскопки западного района Танаиса*, [в:] *Античные древности Подонья-Приазовья*, Москва.
- Житников, Копылов, Марченко 2000 – В.Г. Житников, В.П. Копылов, К.К. Марченко, *Елизаветовское городище*, Москва–Берлин, таб. 1, рис. 3.
- Ильяшенко 2007 – С.М. Ильяшенко, *Верхний и Нижний город Танаиса (предварительные наблюдения)*, [в:] *Вестник Танаиса*, № 2, Музей-заповедник „Танаис”, 22–38.

Книпович 1949 – Т.Н. Книпович, *Танаис. Историко-археологическое исследование*, Москва–Ленинград.

Шелов 1970 – Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.*, Москва.

Шелов 1970 – Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры*, Москва.

The defense system in the western region of early Tanaïs

Summary

In 2005 it has been 50 years since the Lower Don Archaeological Expedition started to work. In the first years parts of the defensive line and the inner city constructions were excavated, both in main and western Tanaïs. In recent years interest in the fortifications of Tanaïs rose due to new information the last excavations.

⁷ CAH (2) VII.1, 143; ср. A.E. Samuel, *The Shifting Sands of History: Interpretations of Ptolemaic Egypt*, Lanham 1989, 55.

⁸ G. Hölbl, *A History of the Ptolemaic Empire*, London-New York 2001, 63: „With measures such as these, the Fayum became an agricultural wonder of the first order. In September 254, the king even sent embassies that had arrived from the Bosphoran kingdom and from Argos on an inspection tour of the oasis”.

**P. Lond. VII 1973 = SB III 7363 reconsidered.
Bosphoran envoys in Egypt**

From a London Papyrus (P. Lond. VII 1973 = SB III 7263) being an item of the Zenon archive, we learn that in September of 254 BC, Ptolemy II Philadelphus, king of Egypt, sent the envoys that had arrived from the Bosphoran kingdom and from Argos, on a tour of the Arsinoite nome (known today as the Fayum). What was the purpose of that visit? Was it a pleasure-trip or rather an inspection tour? Why was the Arsinoite nome chosen as the goal of the visit? The discussion of the papyrus is still open. The present contribution, too concise to contain a detailed study, is not an attempt to answer all difficult questions. The author intends, however, to enhance the essential points of that important text.

Владимир Е. Максименко, Александр А. Харченко

АНТИЧНЫЙ ГОРОД ТАНАИС И ВАРВАРЫ

Проблема возникновения Танаиса по-прежнему остается предметом острых дискуссий. Она требует рассмотрения целого ряда вопросов – таких, как время возникновения Танаиса, этнический состав населения в ранний период его существования (III–I вв. до н.э.), особенности политической истории Северо-Восточного Приазовья в конце IV–начале III вв. до н.э., локализация Алопекии и др. Важным фактором, влиявшим на события, связанные с возникновением и начальным периодом истории Танаиса, было взаимодействие различных групп населения Нижнего Подонья и соседних регионов. На наш взгляд, изучение именно этого аспекта может способствовать решению указанных выше вопросов его ранней истории.

В 1824 г. И.А. Стемниковский отождествил Танаис с Недвиговским городищем, однако в 50-х гг. XIX в. П.М. Леонтьев сформулировал гипотезу, согласно которой Недвиговское городище существовало лишь со II в. н.э., представляя собой „возобновленный Танаис”, построенный спустя много лет после разгрома Танаиса Полемопом. Первоначально же, по мнению П.М. Леонтьева, Танаис находился в дельте Дона; с этим – „дополомоновским” – Танаисом ученый отождествлял Елизаветовское городище. В 60-х–начале 70-х гг. XX в. в работах Д.Б. Шелова была изложена и обоснована точка зрения, согласно которой Танаис – Недвиговское городище – на протяжении всей своей истории находился на одном месте. В настоящее время это мнение единодушно разделяется исследователями, занимающимися историей Северо-Восточного Приазовья.

Д.Б. Шелов полагал, что Елизаветовское городище и Танаис сосуществовали на протяжении довольно длительного времени – до середины II в. до н.э. При этом он предлагал отождествить Елизаветовское городище с Алопекией, упомянутой Страбоном при описании Нижнего Подонья¹. Однако археологические раскопки показали, что варварское поселение прекратило существование не позже конца IV в. до н.э.; вскоре на его территории была основана боспорская колония. Время существования последней определяется по-разному – от 20 до 40 лет². С другой стороны, некоторыми исследователями, на основании

пересмотра хронологии керамических клеев, была предложена датировка возникновения Танаиса концом IV—началом III в. до н.э.³ То, возникает соблазн увидеть причинно-следственную связь ухода жителей Елизаветовского городища и основания Танаиса. Причины возникновения последнего объяснялись в отечественной историографии по-разному — начиная от обмеления рукава Дона, на котором стояло Елизаветовское городище⁴, и заканчивая ростом потребностей экономики Боспора в ресурсах Нижнего Дона в начале III в. до н.э. Немалое значение придавалось и политическим факторам. Здесь можно выделить основные подходы к этой проблеме. Первый подход, наиболее полно представленный в работах С.А. Жебелева и В.Ф. Гайдукевича, состоял в том, что Танаис был основан боспорскими колонистами по инициативе Спартокидов. Согласно другому подходу, Танаис основали боспорские купцы, действовавшие по собственной инициативе; при этом в составе его населения уже в III—I вв. до н.э. присутствовали варварские элементы. Эту точку зрения отстаивали в своих трудах Д.Б. Шелов и А.И. Болтунова⁷. Особняком стоит мнение И.С. Каменецкого, предположившего, что основание Танаиса могло быть результатом действий группы боспорских граждан, оппозиционно настроенных по отношению к правителям Боспора. Эти боспорцы, ввиду своей немногочисленности, включили в состав жителей Танаиса представителей местного населения, сделав их полноправными гражданами⁸. Данная гипотеза не получила признания со стороны исследователей.

Основная дискуссия об основателях Танаиса сводилась к выяснению вопроса о причастности боспорских правителей к возникновению Танаиса. В отечественной историографии долгое время господствовало мнение об основании Танаиса Спартокидами. Это мнение основывалось, прежде всего, на анализе сообщений Страбона о Танаисе. Наибольшее внимание привлекал следующий фрагмент *Географии*: „При впадении реки в озеро лежит соименный реке город Танаид, основанный эллинами, владеющими Боспором” [XI, 2, 3; пер. П.И. Прозорова]. Данный отрывок понимался буквально: если „эллины” характеризуются как люди „владевшие Боспором”, то в них следует видеть представителей правившей в IV—II вв. до н.э. династии боспорских правителей. Для подтверждения этого вывода привлекалось еще одно свидетельство Страбона: „Все азиатские меоты были подвластны частью владетелям торгового центра на Танаисе, частью же — боспоранам. Однако то те, то другие поднимали восстание против своих властителей. Нередко правители боспоранов захватывали области вплоть до Танаиса, в особенности же последние их владыки: Фарнак, Асандр и Полемон” [XI, 2, 11; пер. Г.А. Стратановского]. Считалось, что раз боспорские правители владели территорией до Танаиса, то, следовательно, владели и самим городом. В данном фрагменте Танаис противопоставляется Боспору, что может быть истолковано как указание на независимость Танаиса от Боспора. Однако эту независимость считали временной, существовавшей в период ослабления власти Спартокидов, особенно во второй пол. II в. до н.э.⁹ Е.А. Молев высказал мнение о том, что выведение Танаиса было осуществлено, скорее

всего, по инициативе Спартокидов, а частными лицами был основан эмпорий на территории Елизаветовского поселения, функционировавший в первой четверти III в. до н.э. Он полагает, что инициатором выведения Танаиса был Спарток III (304—284), что не исключает даже возможности заключения договора между Боспором и сарматами, предусматривавшего статус Танаиса в районе конечий последних¹⁰. Противоположный взгляд на проблему предложил Н.Ф. Федосеев. Он посчитал, что Елизаветовский эмпорий был основан благодаря активности Евмела, переселившего 1000 каллатийцев на территорию Нижнего Подонья. После гибели этого эмпория его жители переселились в Танаис. Они и были теми боспорскими купцами, которые основали Танаис¹¹.

Пожалуй, наиболее обстоятельно изложил свою гипотезу Д.Б. Шелов. Он обратил внимание на то, что фрагмент из труда Страбона, где говорится об основателях Танаиса, допускает иную трактовку, нежели та, которую предложили С.А. Жебелев и В.Ф. Гайдукевич. Он отметил, что Страбон назвал основателей Танаиса эллинами, а это слабо согласуется с распространенным в античной традиции представлением о династии Спартокидов как варварской по происхождению. Д.Б. Шелов полагал, что Танаис мог быть основан „и группой частных боспорских граждан, например, купцов, не имевших никаких официальных полномочий и действовавших на свой страх и риск”¹². Отрывок из *Географии* Страбона, в котором говорится о подчинении „азиатских меотов” танаидам и боспорцам, также не свидетельствует о принадлежности Танаиса Боспору. В тексте Страбона Танаис и Боспор фигурируют как две независимые друг от друга политические силы¹³. Поэтому нет никаких оснований делать вывод о подчинении Танаиса Боспору во время предшествовавшей деятельности Полемона. Подтверждением этому служит указание Страбона на то, что Фарнак, Асандр и Полемон распространяли свою власть до реки Танаиса. Вряд ли это свидетельствует о том, что город Танаис подчинился этим правителям, а тем более — их предшественникам. И только сообщение Страбона о карательной экспедиции Полемона, подтвержденное археологическими материалами, заслуживает полного доверия. Но это означает, что Полемон и был тем боспорским правителем, при котором Танаис оказался подчиненным Боспору¹⁴. Кроме того, недавно были открыты эпиграфические памятники Танаиса III—I вв. до н.э. Один из них представляет собой декрет, изданный от имени „народа” (το δῆμον), упоминающие которого свидетельствует, по мнению исследователей, в пользу того, что ранний Танаис не был подчинен Боспору, т.к. имел полисную организацию. Следовательно, он не мог быть основан Спартокидами, а был выведен группой боспорских купцов, как и предполагал Д.Б. Шелов¹⁵.

Таковы, в общих чертах, две основные точки зрения на проблему основания Танаиса. Общим местом приведенных выше гипотез о возникновении Танаиса является рассмотрение этого процесса как единовременного акта: боспорские греки, сами или совместно с местным населением, основали поселение с уже сложившимися элементами городской инфраструктуры. Впрочем, в последнее время в работах исследователей складывание Танаиса рассматривается как

достаточно длительный процесс¹⁶. Пожалуй, данный подход лучше учитывает специфику источниковой базы исследования истории раннего Танаиса, существенно расширенной за счет археологического материала, накопленного за последние десятилетия. Тем не менее, и этот подход требует дополнительной проверки с учетом всей совокупности письменных и вещественных источников.

Как мы убедились, письменные свидетельства древних авторов не допускают однозначной их трактовки, позволяют по-разному их интерпретировать. Прежде всего, нужно определить, кого именно Страбон понимал под „эллинами, владевшими Боспором”. Вряд ли в них следует видеть именно Спартокидов. Вопрос об их происхождении и этнической принадлежности остается дискуссионным¹⁷. Трудно согласиться с мнением Д.Б. Шелова о господстве в античной литературе традиции представления о варварском происхождении Спартокидов. Другое дело, что сам Страбон мог считать их варварами. В этом случае он, конечно, не назвал бы боспорских правителей „эллинами”. Отметим также, что в тексте *Географии* Спартокиды именуются „правителями” (δυναστων [VII, 4, 4]), „повелителями”, (πρυτάνες [XI, 2, II]), тогда как в отношении основателей Танаиса употреблен оборот τὸν Βόσπορον εὐχόντων Ἑλλήνων, переведенный как „эллины, владевшие Боспором”. Здесь уместно обратиться к сообщению Страбона о подчинении одних „азиатских меотов” Танаису, а других – Боспору. Мы поддерживаем точку зрения Д.Б. Шелова о противопоставлении Танаиса Боспору в данном отрывке. Это обстоятельство, во-первых, свидетельствует о независимости Танаиса от Боспорского государства при Спартокидах, а во-вторых, может быть истолковано как аргумент в пользу гипотезы о непричастности боспорских правителей к основанию Танаиса.

Еще одно важное свидетельство о раннем Танаисе оставил Плиний Старший: „Есть город и при устье Танаиса. Окрестностями его владели сначала карийцы, затем клазоменцы и меоны, потом пантикапейцы” [VI, 20; пер. И.И. Цветкова]. Здесь мы вновь обращаемся к выводам Д.Б. Шелова. Он считал, что эти сведения Плиния относятся ко времени более раннему, нежели основание Танаиса. Данный отрывок содержит информацию о регионе в целом, но никак не о городе. Ввиду указанных соображений вряд ли правомерно из данного фрагмента делать вывод об основании Танаиса пантикапейцами¹⁸. Мы считаем, что сообщение Плиния может быть связано с боспорской колонией, существовавшей на территории покинутого варварами Елизаветовского поселения в конце IV–первой трети III в. до н.э.

Каков же был этнический состав основателей Танаиса и его населения в III–I вв. до н.э.? Для ответа на этот вопрос необходим тщательный анализ археологических материалов. Существуют серьезные сомнения относительно того, что в составе населения Танаиса присутствовали исключительно греки. Эти сомнения вызваны особенностями комплекса лепной керамики Танаиса, элементами погребального обряда его жителей и результатами краниологического анализа материалов танаисского некрополя.

Лепная керамика в общем объеме керамического материала из Танаиса занимает 2-е место после остродонных амфор¹⁹. Такая же ситуация характерна и для керамического комплекса варварского Елизаветовского поселения. Не лишне отметить и тот факт, что в керамике боспорских городов доля лепных сосудов возрастает лишь с рубежа н.э., тогда как в Танаисе удельный вес лепной керамики высок и в раннее время (III–I вв. до н.э.). Возможно, объяснение этому явлению следует искать в наличии варварских элементов в составе населения раннего Танаиса.

В ряде погребений танаисского некрополя III–I вв. до н.э. прослежены черты, не характерные для греческого погребального обряда. По крайней мере, около десятка погребений (15; 207; 237; XVIII/42; XVIII/8; XVIII/48; XVII/15; 1986 – 87/13 и ряд других) содержат признаки погребального обряда, встречающиеся и у племен – носителей прохоровской культуры (подбой; гробовища; реальгар; красная или розовая краска). Близость некрополя Танаиса некрополям Фанагории и Кеп подтверждает вывод о том, что основатели Танаиса „пришли на Нижний Дон с уже сложившимися в результате многовековых контактов греков и варваров погребальными традициями, которые в некрополе Танаиса долгое время сохранялись почти неизменными”²⁰. На наш взгляд, это никоим образом не противоречит выводам Д.Б. Шелова и Т.М. Арсеньевой о значительной доле жителей варварского происхождения среди населения раннего Танаиса²¹.

Наконец, краниологический анализ останков жителей Танаиса позволил исследователям прийти к выводу о наличии в составе населения Танаиса (в том числе и в III–I вв. до н.э.) представителей разных этнических групп, различающихся по своим антропологическим данным. Исследователи выделили два краниологических варианта черепов жителей Танаиса: 1) „длинноголовый и узколицый европеоидный”; 2) „короткоголовый и широколицый европеоидный”²². Первый вариант, по-видимому, можно связать с меотами Нижнего Подонья, второй же – с ранними сарматами астраханской группы. При этом отмечено сходство черепов танаисской выборки с черепами Прикубанья и Тамани, в т.ч. Фанагории²³. Как видим, данные антропологии свидетельствуют о наличии различных, с точки зрения антропологического облика, групп населения в Танаисе допалеолитического времени. Пожалуй, можно трактовать наличие представителей „короткоголового и широколицего европеоидного” антропологического типа как свидетельство обитания в раннем Танаисе кочевников, имеющих нижневолжские корни. Не исключена связь этого явления с наличием отмеченных выше варварских элементов в погребальном обряде танаитов.

Указанные особенности археологического материала Танаиса III–I вв. до н.э. позволяют говорить о смешанном составе основателей Танаиса. Сопоставление данных античной традиции с данными других видов источников побуждает не согласиться с мнением об основании Танаиса по инициативе Спартокидов. Версия об основании Танаиса группой боспорских куштов представляется более убедительной, однако и она не лишена некоторых слабых сторон. Здесь необходимо отметить одну весьма существенную особенность торговли

Боспора. Торговая деятельность этого государства во многом определялась спецификой его политического устройства. Вся боспорская торговля находилась под контролем боспорских правителей. В нашем распоряжении не имеется ни одного документального свидетельства самостоятельности (хотя бы частичной) боспорских купцов. Напротив, декреты в честь властителей Боспора из династии Спартокидов, прославляющие их торговые начинания, известны достаточно хорошо²⁴. Упомянутый выше декрет из Танаиса, изданный от имени „народа“, может служить свидетельством существования в Танаисе полисных институтов. Однако это обстоятельство само по себе не означает, что город был основан купцами. Вместе с тем, мы вполне допускаем, что среди основателей Танаиса могли быть купцы из боспорских городов.

Здесь, пожалуй, следует вновь обратиться к гипотезе И.С. Каменецкого об основании Танаиса группой боспорских греков, оппозиционно настроенных по отношению к боспорским властям. Античная традиция сохранила свидетельства о неоднократных столкновениях различных групп населения Боспора в борьбе за власть. Самым известным эпизодом, безусловно, является рассказ Диодора о войне детей Перисала I в конце IV в. до н.э. [XX, 22–24]. Неменьший интерес для нас представляет переданный Полиэном [VI, 9, 2] рассказ о заговоре, составленном против Левкона I (389–349). Данный фрагмент повествует о достаточно серьезной угрозе власти и жизни боспорского правителя. Заговорщики были многочисленны и, видимо, достаточно могущественны. Для расправы с ними Левкону потребовалось применить не только силу, но и хитрость. Обстановка напряженной борьбы за власть была характерна для всего времени правления Спартокидов, и ситуации, подобные описанной Полиэном, возникали не раз. Возможно, что именно вследствие такой ситуации какая-то часть боспорских граждан могла найти убежище у жителей варварского Елизаветовского городища, с которым у Боспора были налажены торговые связи со другой пол. V в. до н.э.²⁵ Появление греков на территории дельты Дона относится не ко времени основания Танаиса, но к середине IV в. до н.э. Именно тогда на территории Елизаветовского поселения возник небольшой населенный греками район, который просуществовал примерно до рубежа IV–III вв. до н.э. и был оставлен своими жителями одновременно с уходом варварского населения Елизаветовки²⁶. Если верна предложенная В.И. Кацем и Н.Ф. Федосеевым датировка возникновения Танаиса (первоначально — незначительного неукрепленного поселка) коим IV-началом III в. до н.э., то вполне логично видеть в основателях Танаиса жителей упомянутого греческого „квартала“. Можно также предположить присутствие в составе основателей Танаиса представителей варварского населения Елизаветовки. После же гибели боспорского Елизаветовского эмпория часть его жителей вошла в состав населения Танаиса, что обусловило исключительную роль торговли в экономической жизни этого города.

Нельзя обойти вниманием вопрос о локализации упомянутой Страбоном и Клавдием Птолемеем Алопекии. Что касается Птолемея, то указанные им

координаты Алопекии позволяют отождествить ее с островом Черепахой. Однако Д.Б. Шелов обратил внимание на то, что „карты, составленные согласно градусной сетке Птолемея, дают очень искаженное представление о конфигурации береговой линии всего Северного Причерноморья“²⁷. Действительно, северо-восточное побережье Азовского моря оказалось у Птолемея развернутым к западу. Однако участок побережья от Перекопского перешейка до устья Дона, если и подвергся искажениям, то минимальным²⁸. А ведь Птолемей локализует Алопекию в устье реки Танаиса, и при этом располагает ее к юго-западу от города Танаиса. Можно предположить, что Птолемей скомпилировал данные разных источников. В одном из этих источников могли содержаться сведения об Алопекии; в другом — описание острова, который ныне называется Черепаха. Предположение о компилятивном характере сведений Птолемея о районе донской дельты не кажется невероятным; достаточно обратиться к локализации города Танаиса²⁹. В двух разных местах своего труда [III, 5, 12; V, 8, 16] Птолемей дает разные координаты Танаиса. Расчеты, произведенные по предложенной В.Г. Зубаревым методике, показали расхождение в этих координатах примерно в 5,4 км. Нельзя также не отметить, что город Танаис Птолемей расположил „между устьями“ реки Танаис [III, 5, 12], т.е. и сам Танаис, и Алопекия, имевшие совершенно разные координаты ($67^{\circ}-54^{\circ}30'$ и $66^{\circ}30'-53^{\circ}30'$ соответственно), помещены географом в дельте Танаиса. Согласно расчетам по вышеупомянутой методике, Птолемея Алопекия находилась примерно в 30–36 км от Танаиса. Интересно, что остров Черепаха располагается примерно в 32 км к юго-западу от Недвиговского городища, то есть, расстояние от Черепахи до Недвиговки как раз укладывается в этот промежуток. С другой стороны, Птолемей помещает Алопекию „в устье Танаиса“. Маловероятно, чтобы донская дельта занимала в древности такую обширную территорию. Поэтому мы вправе полагать, что Клавдий Птолемей в своем труде соединил сведения об одном из островов донской дельты, называвшемся Алопекией, со сведениями об острове, ныне носящем название Черепаха.

Таким образом, сведения Клавдия Птолемея не позволяют отождествить Алопекию с каким бы то ни было островом Азовского моря или донской дельты. Теперь обратимся к данным Страбона об Алопекии. Ее географ упоминает в своем рассказе о Танаисе: „В 100 стадиях перед этим торговым центром лежит остров Алопекия — место жительства смешанных поселенцев. Поблизости на озере есть и другие островки“ [XI, 2, 3; пер. Г.А. Страгановского]. Страбон сообщает ряд весьма ценных для нас подробностей. В частности, он определяет расстояние между Танаисом и Алопекией в 100 стадий. Также он указывает, что Алопекия не просто остров, но „место жительства смешанных поселенцев“. Данные подробности, отсутствующие в трудах других авторов, позволяют несколько сузить круг поисков. Во-первых, расстояние между Танаисом и Алопекией можно считать равным примерно 15–19 км. Во-вторых, искать следует не просто остров, но поселение на острове. Наконец, Алопекия существовала одновременно с Танаисом, причем на протяжении времени, до-

статочного для того, чтобы быть зафиксированной письменными источниками. Как видим, данные Страбона об Алопекии являются более точными и достоверными, нежели сведения Птолемея. Итак, с Алопекией следует связывать один из островов донской дельты, который, к тому же, являлся „местом жительства смешанных поселенцев“.

В отношении Черепахи необходимо отметить, что этот остров, во-первых, время от времени полностью заливается водой, и поэтому совершенно непригоден для заселения, во-вторых, никаких следов пребывания на нем населения не зафиксировано. Наконец, расстояние от острова до Танаиса почти вдвое больше указанного Страбоном³⁰. Все это позволяет отказаться от попыток отождествить Алопекию с Черепахой. Следовательно, Алопекией следует считать один из островов дельты Дона. Наиболее подходящей кандидатурой оказывается остров, на котором располагалось Елизаветовское поселение. Однако это варварское городище, не может быть отождествлено с Алопекией, поскольку прекратило свое существование до возникновения Танаиса. В этой связи следует вновь обратить свое внимание на Елизаветовский эмпорий боспорцев. Синопские клейма свидетельствуют о выведении эмпория в конце IV в. до н.э.³¹ Анализ родосских клейм так называемой „ранней фабрикантской группы“ позволяет датировать прекращение функционирования Елизаветовского эмпория концом 60-х гг. III в. до н.э.³² Значит, боспорская колония существовала ок. 40 лет, причем все эти годы она функционировала одновременно с Танаисом. Подобный отрезок времени представляется достаточным для того, чтобы сведения об этой колонии попали в труд автора, бывшего источником Страбона. Археологические материалы Елизаветовского эмпория позволяют предположить, что его население было неоднородным по своему составу. Это население, возможно, состояло из жителей разных боспорских городов; не исключено присутствие в их среде выходцев из негреческого населения Боспора³³. Как видим, Елизаветовская колония представляла собой „место жительства смешанных поселенцев“. Значит, мы можем отождествить Елизаветовский эмпорий с Алопекией. Дальнейшее исследование археологических материалов боспорской колонии позволит получить более точное представление о составе ее обитателей. Тем не менее, гипотеза об отождествлении боспорского эмпория на территории Елизаветовского поселения с Алопекией представляется наиболее предпочтительной.

Нельзя обойти вниманием еще один аспект проблемы возникновения Танаиса – ситуацию в районе Нижнего Подонья в IV–III вв. до н.э. Она свидетельствует о значительном давлении кочевников-сарматов на поселения и торговлю региона. После развала державы Атея восточные соседи скифов савроматы и сарматы проявили невероятную активность по вытеснению скифов из степей Северного Причерноморья. Возможно, именно об этом говорит известный пассаж Диодора об опустошении Скифии савроматами [II, 43, 7]. Эта активность не могла не отразиться на положении нижнедонских городищ и самого Танаиса. На рубеже IV–III вв. до н.э. политическая ситуация на донском

Правобережье была более стабильной, чем на Левобережье. Не исключено, что Танаис пользовался защитой правобережных кочевников (савроматов-сирматов). Археологические комплексы кочевников этого района (западный вариант савроматской археологической культуры, по К.Ф. Смирнову) не носят резких изменений. Несколько иная обстановка складывалась на донском Левобережье, которое не позднее III в. до н.э. стало постепенно осваиваться носителями совершенно другой археологической культуры – т.н. „прохоровской“. Вероятно, под натиском этих „сарматов“ вынуждено было уйти варварское население дельты Дона, а несколько позднее – и население Елизаветовского эмпория боспорцев (предположительно – Алопекии Страбона).

В заключение отметим следующее. Важнейшим фактором возникновения Танаиса следует считать особенности этнополитической ситуации в Нижнем Подонье и на Боспоре в конце IV – начале III в. до н.э. В состав основателей Танаиса вошли жители греческого „квартала“ варварского Елизаветовского городища, выселившиеся на его территорию около середины IV в. до н.э., возможно, в результате политической борьбы на Боспоре. Не исключено, что именно этим объясняется существование в раннем Танаисе полисных институтов, зафиксированное в опубликованном недавно танаисском декрете. Мы присоединяемся к точке зрения, согласно которой Танаис поначалу представлял собой небольшое по размерам и численности населения поселение, и лишь после гибели Алопекии и переселения части ее обитателей в Танаис этот последний приобрел те размеры и население, которые он имел во II–I вв. до н.э.³⁴ Среди жителей раннего Танаиса были носители разных культурных традиций и разного антропологического облика, что позволяет говорить о неоднородном, в культурном и этническом отношении, составе населения Танаиса III–I вв. до н.э. Разумеется, многие из изложенных в настоящей статье положений носят характер гипотез. Дальнейшее изучение источников, прежде всего – археологических, позволит проверить наши взгляды на дискуссионные проблемы истории раннего Танаиса.

Сноски

- ¹ Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в III–I вв. до н.э.*, Москва 1970, 30, 65–75.
- ² К.К. Марченко, В.Г. Житников, В.П. Копылов, *Елизаветовское городище на Дону. Ротис Septentrionalis II, „Tanais“ 2*, Москва 2000, 66–68; В.И. Кац, *Ревизия хронологии ранних керамических клейм Родоса*, „Античный мир и археология“, вып. 11, Саратов 2002, 160.
- ³ И.Ф. Федосеев, *Елизаветовское городище – Псиа – Танаис*, [в:] *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*, Ростов-на-Дону 1996, 98–100; В.И. Кац, *Керамические клейма раннеэллинистического времени из Танаиса*, [в:] *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века*, Ростов-на-Дону 2002, 98–99.
- ⁴ Б.А. Шрамко, *Древности Северского Дона*, Харьков 1962, 139.
- ⁵ И.Б. Брагинский, *Периодизация и хронология греко-варварских взаимодействий на Нижнем Дону – Северо-Восточном Приазовье*, [в:] *Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа*, Ростов-на-Дону 1983, 50; В.Ф. Гайдукевич, *Боспор и Танаис в до-*

римский период, [в:] *Проблемы социально-экономической истории Древнего Мира*, Москва-Ленинград 1963, 306; Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон...*, 40.

⁶ С.А. Жебелев, *Северное Причерноморье*, Москва-Ленинград 1953, 198-202; В.Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, Москва-Ленинград 1948, 229-230.

⁷ Д.Б. Шелов, *Некрополь Танаиса (раскопки 1955-1959 гг.)*, МИА 1961, № 98, 58-62, 89-93; А.И. Болтунова, *Ранний Танаис (III-II вв. до н.э.)*, [в:] *Археологические раскопки на Дону*, Ростов-на-Дону 1962, 91-93.

⁸ И.С. Камеицкий, *Население Нижнего Дона в I-III вв. до н.э.* Диссертация канд. ист. наук, Москва 1965, 357-362.

⁹ С.А. Жебелев, указ. соч., 200; В.Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, 230; Е.А. Молев, *Боспор в период эллинизма*, Нижний Новгород, 1994, 43.

¹⁰ Е.А. Молев, указ. соч., 42-43.

¹¹ Н.Ф. Федосеев, *Елизаветовское городище...*, 98-100.

¹² Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон...*, 197.

¹³ Д.Б. Шелов, *Танаис - эллинистический город*, ВДИ 1989, № 3, 49.

¹⁴ Д.Б. Шелов, *Боспор и Танаис в III-I вв. до н.э.*, ВДИ 1967, № 4, 40; А.И. Болтунова, *Были ли Танаис разрушен Полемонами?*, ВДИ 1969, № 2, 61-62.

¹⁵ Т.М. Арсеньева, Б. Бетгер, Ю.Г. Виноградов, *Новые исследования в Танаисе*, ВДИ 1990, № 3, 63-64.

¹⁶ С.А. Науменко, *Проблемы изучения эллинистического Танаиса (по материалам раскопок последних лет)*, „Таманская старина“, вып. 3, СПб, 2000, 152-154; В.И. Кац, *Керамические клейма*

¹⁷ В.Д. Блаватский, *Архаический Боспор*, МИА 1954, № 33, 42; В.Ф. Гайдукевич, *Боспорское царство*, 55-57; Ф.В. Шелов-Ковалев, *История Боспора в VI-IV вв. до н.э.*, [в:] *Древнейшие государства на территории СССР*, Москва 1985, 82-85; В.Д. Блаватский, *Об именах Спартокидов*, [в:] *Художественная культура и археология античного мира*, Москва 1976, 56-58.

¹⁸ Д.Б. Шелов, *Боспор и Танаис...*, 38-40.

¹⁹ Д.Б. Шелов, *Некрополь Танаиса*, 61.

²⁰ И.В. Толочко, *Некрополь Танаиса (начало III в. до н.э. - V в. н.э.): опыт сравнительного изучения*. Автореф. диссертации канд. ист. наук, Москва 2004, 12-14.

²¹ Д.Б. Шелов, *Некрополь Танаиса*, 89-93; Т.М. Арсеньева, *Некрополь Танаиса*, Москва 1977, 149.

²² М.М. Герасимова, И.М. Рудь, Л.Т. Яблонский, *Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы*, Москва 1987, 73.

²³ Там же, 74-79.

²⁴ В.Д. Кузнецов, *Афины и Боспор: хлебная торговля*, РА 2000, № 1, 115-116.

²⁵ К.К. Марченко, В.Г. Житников, Э.В. Яковенко, *Елизаветовское городище - греко-сарматская торжище в дельте Дона*, СА 1988, № 3, 66.

²⁶ К.К. Марченко, В.Г. Житников, В.П. Копылов, указ. соч., 248-252.

²⁷ Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон...*, 70.

²⁸ В.Г. Зубарев, *Характер искажений и общая картина северо-причерноморского региона в „Географическом руководстве“ Клавдия Птолемея*, РА 1995, № 3, 58.

²⁹ Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон...*, 82-83.

³⁰ Там же, 71.

³¹ Н.Ф. Федосеев, *Благодеяния Фамела*, [в:] *Античные полисы и местное население Причерноморья*, Севастополь 1995, 164.

³² В.И. Кац, *Ревизия хронологии...*, 160.

³³ К.К. Марченко, *Боспорские поселения на территории Елизаветовского городища на Дону*, ВДИ 1990, № 1, 136-137; А.Г. Язовских, *Терракоты греческого „этория“ на месте Елизаветовского городища*, [в:] *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и в начале века*, Ростов-на-Дону 2002, 92-95.

³⁴ С.А. Науменко, указ. соч., 154.

Список сокращений

ВДИ - Вестник древней истории
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
РА - Российская археология
СА - Советская археология

The ancient town of Tanais and barbarians

Summary

The problem of foundation of Tanais still remains disputable. Archaeological data allows assuming, that population of Tanais in 3rd-1st centuries BC was heterogeneous.

The structure of Tanais' population was included inhabitants of the Greek quarter at Scythian Elizavetovka settlement in second half of 4th century BC. Perhaps, those Greeks were political emigrants from Bosphorus. The population of Tanais also was included representatives of the barbarous population of Low Don area, in that number - barbarians from Elizavetovka settlement.

Probably, Tanais was founded in the end of 4th-the beginning of 3rd century BC. In the 260s BC the population of Tanais had been filled up by inhabitants of Bosphoran Greek colony at Elizavetovka. The authors suppose this colony might be identifying as Alopekia mentioned by Strabo and Ptolemy.

The major factor which influenced on Tanais' foundation, was political situation in Low Don area and in the neighboring regions about a boundary of 4th-3rd centuries BC. Destruction of Atey's "state" and disintegration of Sauromatian tribal union had led both to strengthening of Bosphorus' political activity and activation of new tribes - Sirmatians and Sarmatians of the ancient written tradition. In these conditions unfortified and small Tanais, probably, had been supported by Sirmatians and Sarmatians. Without such support Bosphorus had rapidly lost the influence in region and also its trading colony - Alopekia. These circumstances had caused political independence of Tanais with reference to the Bosphorus in 3rd-1st centuries BC.

Мартин Матера

ГРЕЧЕСКИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КЛЕЙМА ИЗ РАСКОПОК ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ТАНАИСЕ (РАСКОП XXV)

С 1996 г. Институт Археологии Варшавского Университета и Центр Исследований Античности Юго-Восточной Европы ведут археологические работы на территории древнего города Танаис. Изыскания ведутся в рамках Нижне-Донской Археологической Экспедиции Института Археологии РАН под руководством Т.М. Арсеньевой [Arseniewa, Scholl 2000, 13–16; Arseniewa, Scholl 2001, 17–20; Arseniewa, Scholl 2002, 13–20; Arseniewa, Scholl 2003, 91–98; Scholl 2005, 248].

В 1999 г. археологическая экспедиция Варшавского Университета под руководством др. Томаша Шоля начала исследования оборонительных сооружений античного города Танаис. Был заложен новый раскоп XXV [Scholl 2005, 248–249]. Работы на нем продолжаются до настоящего времени.

За 1999–2004 гг. на раскопе XXV найдено 159 клейм (и их фрагментов) на греческих амфорах, а также 1 обломок клейма на амфоре римского времени. (Все клейма обработаны проф. Зофьей Штеттыццо). Количество клейм из ранних российских и немецких раскопок представляет таблица 1.

Табл. 1. Количество клейм найденных во время немецких и российских раскопок [Jöhrens 2004, 151]

Источник	Шелов [1975]	Шелов [1994]	Ерэнс, Ильяшенко [2001]	Раскопки ДАИ в 2000–2002 гг.	Всего
Количество клейм	605	269	411	116	1401

Греческие клейма происходят из пяти керамических производственных центров: Родос, Синопа, Книд, Фасос и Кос. Среди них было пять экземпляров, которых происхождение выяснить не удалось. Предположительно три из них – родосские клейма.

Табл. 2. Количество клейм найденных в Танансе во время раскопок Варшавского Университета

Год	Количество клейм
1999	12
2000	28
2001	24
2002	34
2003	23
2004	39
Всего	160

Самая многочисленная группа – родосские клейма – 137 штук. Количество клейм из других керамических производственных центров можно представить следующим образом (см. диаграмма):

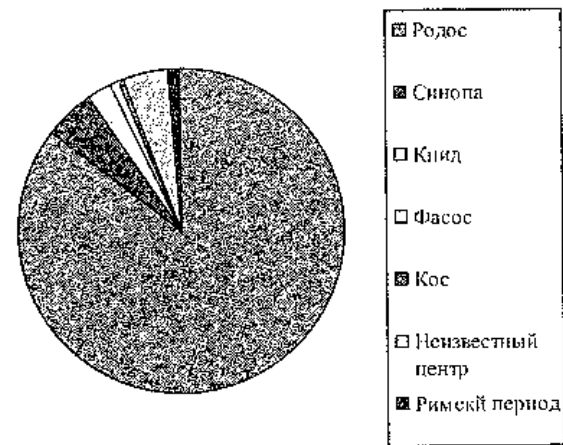

Диаграмма 1

Синопа – 8,
Книд – 4,
Фасос – 1,
Кос – 1,

Римское время – 1,
Неопределенные производ-
ственные центры – 5.

Количество клейм опубликованных Д.Б. Шеловым также Г. Ерисом и С.М. Ильяшенко с разделением на центры производства представляет таблица 3.

Табл. 3. Количество клейм из разных производственных центров [Jöhrens 2004, 151]

Центр производства	Шелов 1975	Шелов 1994	Ерис, Ильяшенко	Раскопки ДАИ в 2000–2002 гг.	Всего
Родос	530	244	339	82	1195
Синопа	32	9	43	24	108
Кос	14	5	9	1	29
Книд	12	3	11	2	28
Херсонес	6	1	2	—	9
Фасос	—	2	—	—	2
Гераклея	—	—	1	—	1
Хиос	—	—	1?	—	1
Неопределенные производственные центры	11	5	5	7	28

Находки родосских клейм составляют ок. 85,6% от общего их количества, обнаруженного за период 1999–2004 гг. на раскопе XXV. Это соответствует данным российских исследований, согласно которым число клейм из Родоса равно почти 90% [Шелов 1975, 8; Шелов 1994, 9; Jöhrens, P'jašenko 2001, 368].

Здесь следует обратить внимание на то, что количество керамических клейм нельзя просто так соотносить с количеством импортного товара из отдельных центров. Особенно это касается клейм из Родоса, потому что процесс маркировки клеймами амфор в этом центре был другого типа, чем в других производственных центрах. Во-первых, на Родосе маркировали клеймами обе ручки амфоры, а в других местах клеймили только одну ручку либо горло амфоры [Шелов 1975, 8; Монахов 1999, 9–10]. Во-вторых, нужно иметь в виду, что многие производственные центры в отличие от Родоса, маркировали не все амфоры [Шелов 1975, 9].

Среди рассматриваемых клейм преобладали клейма в форме прямоугольника (либо овала – прямоугольные клейма с округленными углами) – 136. Круглых клейм зафиксировано девять экземпляров. Среди находок есть также одно неопределенное клеймо с вогнутым рельефом, своей формой напоминающее букву „С” латинского алфавита.

Клейма Родоса

Из 137 родосских клейм 47 – эпонимные клейма, а 63 – мастерские. Чаще всего (четыре раза) повторяется имя эпонима Ксенофана II [Pellegrini 1887, nos. 361–363; Schuchhardt 1895, nos. 1149–1154; Nilsson 1909, no. 340; Macalister

1912, 360; Paris 1914, LXVII; Porro 1916, no. 152; Придик 1917, nos. 273–282; Maiuri 1921/1922, nos. XVIII–XXII; Reisner 1924, p. 313; Grace 1934, no. 56; Grace 1950, no. 21a; Grace 1952, 529; Canarache 1957, no. 585; Crowfoot 1957, 381; Gentili 1958, no. 148; Мирчев 1958, nos. 102–103; Лазаров 1974, no. 55; Шелов 1975, nos. 163–167; Sztetyło 1975, no. 93; Sztetyło 1976, no. 15; Лазаров 1977, no. 79; Calvet 1982, no. 74; Brugnone 1986, no. 43; Ariel 1990, no. S 234–235; Sztetyło 1991, nos. 67–69; Jöhrens 1999a, nos. 151–154; Sztetyło 2000, nos. 37–38; Jöhrens, П'jašenко 2001, nos. 93–94], три раза – имена **Павсания III** [Macalister 1912, no. 391; Grace 1952, 529; Gentili 1958, no. 7a et 157; Бадалянци 1970, nos. 26–27; Grace, Savvatiadou 1970, no. E 12; Шелов 1975, no. 175 et 178; Empereur 1977, no. 76; Бадалянци 1978, no. 17; Calvet 1978, no. 37; Nachtergaeel 1978, no. 22; Calvet 1982, nos. 81–82; Criscuolo 1982, appendice no. 2; Nicolaou, Empereur 1986, no. 7b; Ariel 1990, no. S 306; Lungu 1991, no. 31; Шелов 1994, no. 61; Jöhrens 1999a, nos. 210–212; Jöhrens 1999b, no. 21; Jöhrens, П'jašenко 2001, no. 102; Ariel, Finkielsztejn 2003, no. Rh 16] и **Пытогена** [Pellegrini 1887, nos. 399–401; Шкорпил 1902, 159, no. 55; Nilsson 1909, no. 365; Paris 1914, no. LXXIX; Porro 1916, no. 169; Grace 1952, 529; Canarache 1957, no. 592; Gentili 1958, no. 164; Le Roy 1975, no. 12; Шелов 1975, nos. 187–189; Лазаров 1977, no. 89; Säflund 1980, nos. 11–12; Calvet 1982, no. 86; Brugnone 1986, no. 50; Nicolaou, Empereur 1986, no. 6b; Sztetyło 1990, no. 56; Шелов 1994, no. 69; Rosenthal–Heginbottom 1995, nos. 68–69; Jöhrens 1999a, no. 214; Jöhrens, П'jašenко 2001, nos. 107–108], и два раза – **Эсхина** [Шкорпил 1902, 152, no. 2; Nilsson 1909, no. 33; Paris 1914, nos. VII, 1–11; Придик 1917, no. 38; Grace 1952, 528; Canarache 1957, no. 509 et 540; Бадалянци 1970, no. 3; Лазаров 1974, no. 7; Шелов 1975, nos. 10–12; Sztetyło 1975, no. 112; Sztetyło 1976, nos. 166–168; Шелов 1994, no. 6; Rosenthal–Heginbottom 1995, no. 87; Ariel 2001, no. 1; Jöhrens, П'jašenко 2001, nos. 15–16], **Клиптомаха** [Pellegrini 1887, no. 327 et 606; Nilsson 1909, no. 279; Paris 1914, no. LVI, 1; Придик 1917, nos. 224–226; Grace 1934, no. 44; Grace 1952, 529; Canarache 1957, no. 573; Gentili 1958, no. 127; Леви, Ольвия 1964, nos. 119; Шелов 1975, no. 141; Sztetyło 1976, no. 107; Brugnone 1986, nos. 36–38; Lungu 1990, 216, no. 5; Jöhrens, П'jašenко 2001, no. 76], **Клевкрата I** [Pellegrini 1887, nos. 308–318; Schuchhardt, nos. 1087–1096; Nilsson 1909, no. 275; Придик 1917, nos. 228–231; Grace 1952, 529; Grace 1956, no. 105; Gentili 1958, no. 6a et 128; Мирчев 1958, no. 99; Леви, Ольвия 1964, nos. 120–122; Лазаров 1974, no. 19; Шелов 1975, no. 134; Лазаров 1977, no. 69; Бадалянци 1978, no. 10; Lazarov 1980, no. 27? et 31; Calvet 1982, no. 63; Ariel 1990, nos. S 201–202; Sztetyło 1991, no. 61; Jöhrens 1999a, no. 144; Jöhrens, П'jašenко 2001, no. 48], **Ксенофонта II** [Nilsson 1909, no. 341; Paris 1914, no. LXIX, 1–2; Придик 1917, nos. 283–285; Grace 1950, no. 44; Grace 1952, 529; Мирчев 1958, nos. 55–56; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, no. 1144; Лазаров 1974, no. 23; Calvet 1978, no. 35; Calvet 1982, nos. 75–77; Brugnone 1986, no. 44; Ariel 1990, nos. S 304–305; Sztetyło 1990, no. 31; Sztetyło 1991, no. 70; Шелов 1994, nos. 104–105; Rosenthal–Heginbottom 1995, nos. 59–61; Ariel 1999, no. 5; Jöhrens 1999b, no. 20; Ari-

el 2001, no. 14; Jöhrens, П'jašenко 2001, nos. 96–98], а также **Тимасагора** [Pellegrini 1887, no. 451; Schuchhardt 1895, nos. 1194–1203; Nilsson 1909, no. 406; Paris 1914, no. LXXXVI, 1; Придик 1917, nos. 369–377; Maiuri 1921/1922, nos. XXIX–XXX; Grace 1952, 530; Canarache 1957, nos. 600–601; Gentili 1958, no. 179; Мирчев 1958, no. 115; Леви, Ольвия 1964, nos. 158–159; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, no. 730; Calvet 1972, no. 38 et 51; Лазаров 1974, no. 32; Шелов 1975, nos. 209–211; Empereur 1977, nos. 85–86; Calvet 1982, nos. 91–92; Brugnone 1986, no. 55; Lungu 1990, no. 1a, 8a et 18; Sztetyło 1991, nos. 73–74; Jöhrens 1999a, no. 32; Ariel 2000, no. 15]. Что касается мастерских клейм, то пять раз повторяется имя **Агоранакта I** [Pellegrini 1887, nos. 31–40; Schuchhardt 1895, nos. 804–808; Nilsson 1909, no. 19; Paris 1914, no. V, 1; Porro 1914, no. 24; Porro 1916, no. 109; Придик 1917, nos. 443–450; Breccia 1920, no. 5; Maiuri 1921/1922, 260; Grace 1934, nos. 49–50; Grace 1952, p. 525; Grace 1956, no. 103; Canarache 1957, nos. 609–611; Gentili 1958, no. 33; Леви, Ольвия 1964, nos. 173–174; Бадалянци 1970, no. 33; Grace, Savvatiadou 1970, no. E 1; Calvet 1972, no. 36; Börker 1974, no. 4; Лазаров 1974, no. 2; Sztetyło 1975, no. 41; Sztetyło 1976, nos. 3–5; Empereur 1977, nos. 6–10; Бадалянци 1978, no. 33; Sztetyło 1978, no. 15; Säflund 1980, no. 3; Calvet 1982, nos. 16–18; Criscuolo 1982, nos. 75–76; Sztetyło 1983, nos. 17–20; Brugnone 1986, nos. 64–65; Coulson 1986, no. 2; Ariel 1990, nos. S 16–17; Empereur 1990, no. 1–2a; Sztetyło 1991, nos. 82–83; Sztetyło 1992a, no. 15; Шелов 1994, nos. 104–105; Jöhrens 1999a, nos. 84–87; Jöhrens 1999b, nos. 4–5; Sztetyło 2000, no. 54], четыре раза **Сократа II** [Pellegrini 1887, nos. 430–439; Schuchhardt 1895, nos. 1188–1190; Nilsson 1909, no. 382; Macalister 1912, p. 362; Paris 1914, no. LXXXII, 1–2; Porro 1916, no. 177; Придик 1917, nos. 823–827; Breccia 1920, no. 171; Maiuri 1921/1922, 262; Reisner 1924, p. 312; Grace 1934, no. 48; Grace 1950, no. 32; Grace 1952, p. 528; Canarache 1957, no. 649; Gentili 1958, no. 171; Levi, Pugliese Caratelli 1961–1962, no. 53; Леви, Ольвия 1964, no. 314; Levi, Iasos 1965–1966, no. 29; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, no. 1151; Grace, Savvatiadou 1970, no. E3; Börker 1974, no. 5; Grace 1974, no. A4; Лазаров 1974, no. 50; Шелов 1975, nos. 452–454; Sztetyło 1975, nos. 95–96; Sztetyło 1976, nos. 128–130; Empereur 1977, nos. 81–82; Лазаров 1977, no. 106; Calvet 1978, no. 39; Sztetyło 1978, nos. 35–36; Calvet 1982, nos. 87–88; Criscuolo 1982, nos. 123–126; Brugnone 1986, nos. 101–104; Lungu 1990, 215, no. 2b et 28; Lungu 1991, no. 32; Sztetyło 1991, nos. 153–155; Шелов 1994, nos. 201–202; Şenol 1996, no. 1b et nos. 28–29; Jöhrens 1999a, nos. 126–127; Finkielsztejn 2000, no. CRh 16; Sztetyło 2000, nos. 105–106; Jöhrens, П'jašenко 2001, no. 262 et p. 466, no. 205], три раза **Демократа I** [Pellegrini 1887, no. 502; Schuchhardt 1895, nos. 997–1000; Nilsson 1909, no. 165; Paris 1914, no. XXX; Porro 1916, no. 64; Придик 1917, nos. 557–573; Maiuri 1921/1922, no. XXVIb–c; Grace 1934, nos. 90–92; Grace 1950, no. 73; Grace 1952, 526; Canarache 1957, nos. 515–517; Шелов 1957, 211; Gentili 1958, no. 5b, 12b, 79; Мирчев 1958, nos. 132–134; Леви, Ольвия 1964, nos. 226–234; Grace 1968, no. 2 et 4; Calvet 1972, nos. 40–42; Börker 1974, no. 24; Лазаров 1974, no. 14; Лазаров 1975, no. 16; Шелов 1975, nos.

307–314; Sztetylko 1975, nos. 64–66; Sztetylko 1976, nos. 77–82; Empereur 1977, nos. 29–33; Лазаров 1977, no. 30; Calvet 1978, no. 15; Sztetylko 1978, no. 25; Saflund 1980, no. 20; Calvet 1982, nos. 38–40; Criscuolo 1982, nos. 89–90; Sztetylko 1983a, nos. 43–44; Brugnone 1986, nos. 79–83; Buzoianu 1986, no. 34; Геров 1989, no. 2b; Ariel 1990, nos. S 169–177; Lungu 1990, 213, no. 3b, 214, no. 5b, 215, no. 25, 216, no. 4b; Sztetylko 1990, nos. 21–22; Sztetylko 1991, nos. 104–106; Sztetylko 1992a, nos. 22–23; Sztetylko 1992b, nos. 27–28; Шелов 1994, nos. 125–126 et 129–130; Jöhrens 1999a, no. 34b et nos. 92–94; Jöhrens 1999b, no. 10; Sztetylko 2000, nos. 63–65; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 183–185], **Дия** [Pellegrini 1887, no. 211; Schuchhardt 1895, no. 1006; Шкорпил 1902, 155, no. 28; Nilsson 1909, no. 179; Paris 1914, no. XXXV; Porro 1916, no. 71; Придик 1917, nos. 590–596; Reiser 1924, no. 85; Grace 1934, no. 45; Grace 1952, 526; Canarache 1957, no. 625; Gentili 1958, no. 84; Levi, Pugliese Caratelli 1961–1962, no. 23; Grace 1968, no. 9b; Леви, Ольвия 1964, nos. 236–246; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, no. 756; Шелов 1975, no. 326; Sztetylko 1976, no. 86; Лазаров 1977, no. 36; Calvet 1978, no. 18; Brugnone 1986, no. 85; Ariel 1990, nos. S 178–182; Lungu 1990, 216, no. 3b; Sztetylko 1991, nos. 108–109; Шелов 1994, nos. 132–135; Jöhrens 1999a, no. 97; Sztetylko 2000, no. 68; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 191–193], а также **Имаса** [Pellegrini 1887, nos. 279–285; Schuchhardt 1895, no. 1240; Шкорпил 1902, 157, no. 37; Nilsson 1909, no. 254; Paris 1914, no. LI, 1; Porro 1914, no. 14 et 38; Придик 1917, nos. 669–672; Grace 1952, 527; Lenger 1955, no. 3; Gentili 1958, no. 121; Levi, Festos 1965–1966, no. 4; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, nos. 1147–1148; Grace, Savvatiannou 1970, nos. E7–E9; Calvet 1972, no. 56; Шелов 1975, no. 368; Sztetylko 1975, no. 137; Sztetylko 1976, no. 191; Empereur 1977, no. 63; Sztetylko 1978, nos. 45–46; Criscuolo 1982, no. 108; Sztetylko 1983a, nos. 64–65; Brugnone 1986, no. 90; Ariel 1990, no. S 190; Sztetylko 1990, nos. 53–54; Sztetylko 1991, nos. 126–127; Шелов 1994, nos. 152–154; Rosenthal – Hegimbotom 1995, nos. 39–41; Jöhrens 1999a, no. 185; Jöhrens 1999b, nos. 27–29; Ariel 2001, no. 13; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 208–209] и два раза **Антигона** [Pellegrini 1887, no. 96; Schuchhardt 1895, no. 1042 et 1119; Nilsson 1909, no. 53; Paris 1914, no. X, 1; Придик 1917, nos. 483–485; Grace 1952, 526; Canarache 1957, nos. 510–511; Gentili 1958, no. 44; Мирчев 1958, no. 121; Леви, Ольвия 1964, no. 194; Лазаров 1974, no. 3; Шелов 1975, no. 251 et 270; Sztetylko 1975, no. 43; Sztetylko 1976, nos. 47–49; Ariel 1990, no. S 103; Lungu 1990, 215, no. 20; Sztetylko 1992a, no. 16; Jöhrens 1999a, nos. 165–166], **Аристидя** [Pellegrini 1887, nos. 113–114; Schuchhardt 1895, nos. 887–890; Nilsson 1909, no. 81; Paris 1913, no. XIII; Paris 1914, no. XIII; Придик 1917, nos. 511–515; Breccia 1920, no. 36; Grace 1934, no. 57; Grace 1952, 526; Gentili 1958, no. 49; Мирчев 1958, no. 123; Gramatopol, Poenaru Bordea 1969, no. 709; Börker 1974, no. 6 et 36; Лазаров 1974, no. 7; Sztetylko 1975, no. 47; Лазаров 1977, no. 12; Бадальянц 1978, no. 37; Calvet 1978, no. 9; Brugnone 1986, no. 67; Ariel 1990, no. S 18; Lungu 1990, 213, no. 2b, 214, no. 9; Brugnone 1986, no. 67; Ariel 1990, no. S 18; Lungu 1990, 213, no. 2b, 214, no. 8b, 215, no. 21; Sztetylko 1991, no. 92; Jöhrens 1999a, nos. 175; Sztetylko 2000, no. 60; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 173 et 283(?)], **Вромия** [Pellegrini 1887, nos.

177–178; Nilsson 1909, no. 146; Paris 1914, no. XXIV; Porro 1914, no. 40; Придик 1917, nos. 548–554; Grace 1934, no. 60; Grace 1950, nos. 51–53; Grace 1952, 526; Шелов 1957, 211; Gentili 1958, no. 72; Бадальянц 1970, no. 34; Börker 1974, no. 34; Шелов 1975, nos. 302–304; Sztetylko 1975, no. 101; Sztetylko 1976, nos. 151–152; Empereur 1977, no. 27; Бадальянц 1978, no. 40; Lazarov 1980, no. 38; Sztetylko 1983a, nos. 60–61; Brugnone 1986, nos. 77–78; Ariel 1990, nos. S 281–285; Sztetylko 1990, no. 39; Sztetylko 1991, no. 101; Ariel, Finkielsztejn 1994, no. SAH 33; Шелов 1994, nos. 122–123; Jöhrens 1999a, no. 216 et 234; Jöhrens 1999b, no. 26; Ariel 2001, no. 10; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 181–182; Ariel, Finkielsztejn 2003, no. Rh. 4], **Дамократа II** [Nilsson 1909, no. 165, 58–59; Придик 1917, nos. 573–574; Maiuri 1921/1922, 258; Gentili 1958, no. 79; Бадальянц 1970, no. 35; Grace, Savvatiannou 1970, no. E 18; Шелов 1975, nos. 315–318; Sztetylko 1975, no. 67; Лазаров 1977, no. 31; Sztetylko 1978, no. 50 et 52; Empereur 1990, nos. 7–8; Sztetylko 1990, nos. 97–100; Шелов 1994, nos. 127–128; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 186–187], **Гермния** [Шкорпил 1902, 155–156, no. 30a – b; Nilsson 1909, no. 198; Paris 1913, no. XLI; Canarache 1957, no. 629; Gentili 1958, no. 94; Леви, Ольвия 1964, no. 249; Levi, Festos 1965–1966, no. 2; Calvet 1972, no. 94; Шелов 1975, no. 343; Лазаров 1977, no. 44; Бадальянц 1978, no. 46; Criscuolo 1982, no. 100; Ariel 1990, no. S 290; Шелов 1994, nos. 142; Jöhrens 1999a, no. 217; Jöhrens, П'jašenko 2001, no. 451; Ariel, Finkielsztejn 2003, no. Rh. 4], а также **Филения** [Pellegrini 1887, nos. 467–474; Schuchhardt 1895, nos. 1207–1212; Nilsson 1909, no. 422; Macalister 1912, p. 362; Paris 1914, nos. LXXXVIII – LXXXIX; Porro 1916, no. 200; Придик 1917, nos. 848–854; Breccia 1920, no. 191; Reiser 1924, p. 312; Grace 1950, no. 33; Grace 1952, p. 528; Canarache 1957, no. 651; Crowfoot 1957, p. 384; Gentili 1958, no. 184; Леви, Ольвия 1964, nos. 320–331; Grace 1968, no. 9; Calvet 1972, nos. 44–45; Börker 1974, no. 37; Лазаров 1974, no. 90; Шелов 1975, no. 468; Sztetylko 1976, no. 136; Лазаров 1977, no. 115; Calvet 1978, nos. 44–45; Sztetylko 1978, nos. 37–38; Criscuolo 1982, no. 129; Sztetylko 1983b, no. 9; Brugnone 1986, nos. 106–108; Coulson 1986, no. 15; Nicolaou, Empereur 1986, no. 4a; Ariel 1990, nos. S 269–272; Lungu 1990, 214, no. 6b; Sztetylko 1990, no. 34; Sztetylko 1991, nos. 158–159; Sztetylko 1992a, no. 37; Шелов 1994, nos. 209–210; Şenol 1996, no. 31; Börker 1998, nos. 517–520; Jöhrens 1999a, nos. 197–199; Sztetylko 2000, no. 108; Jöhrens, П'jašenko 2001, nos. 270–271; Ariel 2005, no. 11] и **Поликсена** [Pellegrini 1887, no. 392; Nilsson 1909, no. 359; Paris 1913, no. LXXV; Porro 1914, no. 46; Porro 1916, no. 167; Придик 1917, nos. 337–343; Reiser 1924, no. 66; Grace 1952, 527; Gentili 1958, no. 161; Мирчев 1958, no. 159; Лазаров 1977, no. 98; Calvet 1982, no. 83; Coulson 1986, no. 14; Ariel 1990, nos. S 316–317; Шелов 1994, nos. 195–196; Şenol 1996, no. 27; Jöhrens 1999a, no. 220; Jöhrens 1999b, nos. 30–32; Jöhrens, П'jašenko 2001, no. 260; Полный список имен эпонимов и родосских мастеров выступающих на клеймах из раскопа XXV находится в приложении].

На 48 находках видны наименования месяцев родосского календаря. Десять раз появляется название месяцев *Δάλιος* и *Πανάριος*, семь раз повторяется на-

звание Ὑακίνθιος (что касается находки инв. № Т.ХХV.03.2р, может это быть месяц Σμίνθιος). Месяц Σμίνθιος появляется здесь пятикратно. На четырех экземплярах видно название месяца Θεσμοφόριος. Три раза появляется название таких месяцев как: Ἄρταριτιος, Βαδρόμιος и Ἀγριάντιος, два раза – название месяца Κάρνειος и по одному разу – месяцев Θεοδαίστιος и Πανάμιος δεύτερος. Таблица 4 представляет количество клейм с наименованиями отдельных месяцев орубликованных Д.Б. Шеловым, Г. Ерэнсом и С.М. Ильященко.

Табл. 4. Количество клейм из немецких и российских раскопок с названиями отдельных месяцев

Названия месяцев	Шелов [1975, 11]	Шелов [1994, 30]	Ерэнс, Ильященко [2001, 471]
Ἀγριάντιος	24	12	12
Ἄρταριτιος	23	10	13
Βαδρόμιος	5	6	4
Δάμιος	31	10	14
Διόσφοριος	3	2	3
Θεσμοφόριος	16	4	10
Θεοδαίστιος	2	1	1
Κάρνειος	4	4	7
Πανάμιος	29	13	20
Πανάμιος δεύτερος	1	1	-
Πεδαγυίτινος	2	-	2
Σμίνθιος	23	13	13
Ὑακίνθιος	41	11	16

На 49 клеймах кроме надписи имеются иконографические изображения. Доминирует цветок розы (18 экземпляров). Пять родосских клейм содержали изображения разного вида звездочек или розеток. Пять раз зафиксирован кадуцей (в одном случае – инв. № Т.ХХV.99.21р – может быть это факел), четыре раза факел (в одном случае – инв. № Т.ХХV.99.21р – может быть это кадуцей, на клейме № Т.ХХV.02.31р кроме изображения факела представлена и герма), а также голова Гелноса, три раза – кисть винограда (на клейме инв. № Т.ХХV.01.51р, может быть это виноградный лист), два раза оливковая ветвь, а также герма. Зафиксированы единичные экземпляры родосских клейм с изображениями стагун (инв. № Т.ХХV.04.20р), якоря (инв. № Т.ХХV.04.23р), тирса (инв. № Т.ХХV.03.48р) и венка (инв. № Т.ХХV.04.44р).

Среди находок с изображениями цветка розы было пять клейм эпонимов и шесть экземпляров клейм производителей. Из-за степени сохранности или качества изготовления в семи случаях определение имени чиновника или производителя оказалось невозможным.

В группу родосских эпонимов, которых клейма имели изображение цветка розы, входят: Клеарх I или Клеоним (инв. № Т.ХХV.01.7р – определить точно, к какому из эпонимов принадлежало клеймо, учитывая степень сохранности находки и реконструированное чтение, не представляется возможным), Клитоммах (инв. № Т.ХХV.04.78р), Кленостратос (инв. № Т.ХХV.99.19р), Клеократ I (инв. № Т.ХХV.00.8р), а также Тимасагор (инв. № Т.ХХV.04.58р). Чаще всего по отношению к клеймам с изображением цветка розы выступает имя производителя Дамократа I (три раза – инв. № Т.ХХV.00.53р, Т.ХХV.02.26р, Т.ХХV.02.48р). Кроме клейм с именем Дамократа I зафиксированы также находки с именами производителей таких как: Антигон (инв. № Т.ХХV.04.75р), Аристокл II (инв. № Т.ХХV.03.63р) и Поликсен (инв. № Т.ХХV.03.53р).

Из 140 родосских клейм удалось датировать 113 экземпляров. Три из них относятся к второй половине III в. до н.э., восемь – к концу III в. до н.э. К концу III–началу II вв. до н.э. принадлежит 28 находок, а первой половиной II в. до н.э. (здесь 146 г. до н.э. – т.е. конц IV периода согласно V. Grase) датированы 46 находок, из которых 24 приходится на первую четверть того же века. Три клейма были сделаны производителями, которые действовали в первой и второй половине II в. до н.э. Серединой того же века датированы две находки. 21 клеймо принадлежит ко второй половине II в. до н.э., при этом три из них – последним 25 годам. Только в одном случае клеймо имеет широкую дату – II в. до н.э. Одно из клейм отнесено к концу II–началу I вв. до н.э.

Клейма Синопы

На клеймах Синопы удалось прочесть имена четырех астиномов и двух производителей этого центра. В группе астиномов появились: Διονύσιος ὁ Διονυσίου τοῦ Κλειταγόρου [Граков 1928, 149, no. 9; аналогичные клейма этого астинома и производителя Гестийоса: Шкорпил 1902, 124, no. 15a–b; Jöhrens, П'jašenko 2001, no. 368]; Δέλφις ὁ Ἀρτεμιδώρου [Граков 1928, 143, no. 4] или Ἐστιαίου [Граков 1928, 143, no. 5]; Πλεισταρχίδης ὁ Ἀπηνάντου [Граков 1928, 150, no. 37; аналогичные клейма этого астинома и производителя Апатуриса: Sztetyllo 1983a, no. 266(?); Jöhrens, П'jašenko 2001, no. 389] и предположительно, Αισχίνης. Сохранившиеся имена производителей – Ἐστιαίος [Граков 1928, 150, no. 30] (на клейме Дюнисия) и Ἀπατοῦριος [Граков 1928, 150, no. 6] (на клейме Плейстархида).

Два из восьми клейм относятся к VI и одна находка относится к V хронологической группе Б.Н. Гракова. Уровень сохранности пяти оставшихся клейм не позволяет атрибутировать их хронологически.

Клейма из Книда

В раскопе XXV найдено четыре книдские клейма. На двух из них сохранились имена эпонима Дракона [Grace 1952, 521; Jöhrens 1999a, no. 534, 545, 561, 591, 599, 604, 622–623 et 629 (клеймо с именами Дракона и Менеса); Jöhrens 1999b, no. 3a-b; см. также: Grace, Savvatiadou 1970, no. E 71] и производителя Менеса [Grace 1934, no. 162; Grace 1952, 521; Lenger 1955, no. 53; Grace 1956, no. 127; Lenger 1957, no. 93; Grace, Savvatiadou 1970, nos. E 75–76; Sztetyńo 1992a, no. 48; Jöhrens 1999a, nos. 507–508 et 627–631, no. 629 (клеймо с именами Дракона и Менеса)]. Одно из найденных книдских клейм (инв. № Т.ХХV.99.23р) принадлежит к группе, известной как *duoviri*. На нем видны имена двух чиновников – Агатодора и Нисия [Шелов 1975, no. 535; см. также: Pellegrini 1887, no. 542; Придик 1917, no. 36; Grace 1952, 521], а также этникон.

Два клейма датированы второй половиной II в. до н.э., а одно – началом I в. до н.э. Уровень сохранности четвертого клейма не позволил его продатировать.

Находка с инв. № Т.ХХV.99.23р помогла в датировке последней фазы перестройки дороги, ведущей к мосту, открытому на раскопе XXV. Клеймо было найдено в яме, на которой позже был установлен западный бордюр дороги.

Клейма из Коса

На раскопе XXV найдено только одно клеймо из Коса. Уровень его сохранности позволяет только приблизительно датировать эту находку II в. до н.э. С трудом удалось прочесть неполно сохранившееся имя [Σωκράτης [Crisuolo 1982, no. 154; Sztetyńo 2000, no. 174]. Это был один из производителей амфор на острове Кос.

Клейма из Фасоса

Единственное найденное в раскопе XXV клеймо из Фасоса плохо сохранилось. Это не дало возможности определить его хронологию.

Приложение

Условные обозначения:

- Кн. – Книд
К. – Кос
Род. – Родос
Син. – Синопа

- а. – астином
д. – *duoviri*
э. – эпоним
ф. – фабрикант (эргастериарх)

Α	
*Αγαθόδωρος	Кн. д.: Т.ХХV.99.23р
*Αγαθοκλής	Род. ф.: Т.ХХV.03.62р
*Αγησίλας	Род. ф.: Т.ХХV.02.16р
*Αγλούμβροτος	Род. э.: Т.ХХV.04.93р
*Αγοράναξ	Род. ф.: Т.ХХV.01.26р; Т.ХХV.01.33р; Т.ХХV.02.63р; Т.ХХV.04.25р; Т.ХХV.04.48р; Т.ХХV.04.84р
*Αθανόδοτος	Род. ф.: Т.ХХV.01.48р
Αινησίδαμος	Род. э.: Т.ХХV.03.65р
Αισχίνας	Род. э.: Т.ХХV.00.40р; Т.ХХV.04.60р
Αισχίνης	Син. а.: Т.ХХV.01.41р
*Αλεξιάδης	Род. э.: Т.ХХV.02.3р
*Αμόντας	Род. ф.: Т.ХХV.99.34р
*Αντίγυνος	Род. ф.: Т.ХХV.04.75р; Т.ХХV.04.76р
*Απατούριος	Син. ф.: Т.ХХV.00.79р
*Απολλώνιος	Род. ф.: Т.ХХV.04.63р
*Αρατοφάνης	Род. э.: Т.ХХV.02.50р
*Αρίσταρχος	Род. ф.: Т.ХХV.04.74р
*Αριστείδης	Род. ф.: Т.ХХV.02.29р; Т.ХХV.02.41р
*Αριστίων	Род. ф.: Т.ХХV.02.58р
*Αριστόγαιτος	Род. э.: Т.ХХV.00.20р
*Αριστοκλής	Род. ф.: Т.ХХV.03.63р
*Αρχέμβροτος	Род. э.: Т.ХХV.99.22р
*Αρχίδαμος	Род. э.: Т.ХХV.04.87р
*Αρχοκράτης	Род. э.: Т.ХХV.00.18р
Αυτοκράτης	Род. э.: Т.ХХV.02.52р
Β	
Βρόμιος	Род. ф.: Т.ХХV.00.13р; Т.ХХV.04.44р
Δ	
Δαμόθεμις	Род. э.: Т.ХХV.04.73р
Δαμοκλής	Род. ф.: Т.ХХV.01.53р
Δαμοκράτης	Род. ф.: Т.ХХV.00.45р; Т.ХХV.00.53р; Т.ХХV.02.26р; Т.ХХV.02.48р; Т.ХХV.03.48р
Δέλιος 'ο 'Αρτεμιδώρου или 'Εστιαίου	Син. а.: Т.ХХV.01.21р
Διόδωτος	Род. ф.: Т.ХХV.04.27р
Διόκλεια	Род. ф.: Т.ХХV.00.38р
Διονύσιος 'ο Διονυσίου του Κλειταγόρου	Син. а.: Т.ХХV.00.79р
Δίος	Род. ф.: Т.ХХV.99.29р; Т.ХХV.01.10р; Т.ХХV.02.40р
Δίσκος	Род. ф.: Т.ХХV.02.56р

Δράκων Δῶρος	Κη. ε.: T.XXV.02.9p; T.XXV.02.43p Ροδ. φ.: T.XXV.03.4p
Ε	
Ἑρμίας Ἑρμογένης Ἑστιαῖος Ἑδάμος Εὐκλείτος	Ροδ. φ.: T.XXV.00.11p; T.XXV.03.57p Ροδ. φ.: T.XXV.03.43p Син. φ.: T.XXV.00.79p Ροδ. ε.: T.XXV.00.15p Ροδ. φ.: T.XXV.00.41p
Η	
Ἡράκλειτος Ἡφιστίων	Ροδ. φ.: T.XXV.03.46p Ροδ. φ.: T.XXV.02.2p
Θ	
Θέστωρ	Ροδ. ε.: T.XXV.01.15p
Ι	
Ἰασκράτης Ἰάσων Ἰεροτέλης Ἰέρων Ἰμάς	Ροδ. ε.: T.XXV.04.77p Ροδ. φ.: T.XXV.02.28p Ροδ. φ.: T.XXV.04.94p Ροδ. ε.: T.XXV.01.9p Ροδ. φ.: T.XXV.00.4p; T.XXV.03.64p; T.XXV.04.29p
Κ	
Κάλλων Κλέαρχος или Κλεώνυμος Κλειτόμαχος Κλευκράτης Κληνόστρατος Κρατίδας	Ροδ. φ.: T.XXV.02.31p Ροδ. ε.: T.XXV.01.7p Ροδ. ε.: T.XXV.04.78p; T.XXV.04.88p Ροδ. ε.: T.XXV.00.8p; T.XXV.02.30p Ροδ. ε.: T.XXV.99.19p Ροδ. ε.: T.XXV.04.61p
Λ	
Λίνος Λυσίων	Ροδ. φ.: T.XXV.01.51p Ροδ. φ.: T.XXV.04.23p
Μ	
Μαρσύας Μένης Μόσχος Μυτίων	Ροδ. φ.: T.XXV.00.64p Κη. φ.: T.XXV.02.9p; T.XXV.02.43p Ροδ. φ.: T.XXV.00.1p Ροδ. ε.: T.XXV.01.1p
Ν	
Νάνης Νικαγίς Νύσιος Νύσιος	Ροδ. φ.: T.XXV.03.24p Ροδ. φ.: T.XXV.03.47p Ροδ. φ.: T.XXV.04.20p Κη. δ.: T.XXV.99.23p
Ξ	
Ξενόστρατος	Ροδ. ε.: T.XXV.03.53p

Ξενοφάνης	Ροδ. ε.: T.XXV.02.57p; T.XXV.02.62p; T.XXV.04.62p; T.XXV.04.95p
Ξενοφάντος	Ροδ. ε.: T.XXV.99.27p; T.XXV.04.65p
Π	
Πεπῶς Πρωσανίας	Ροδ. φ.: T.XXV.00.31p Ροδ. ε.: T.XXV.00.21p; T.XXV.02.25p; T.XXV.02.35p
Πρωσανίας Πρωσίστρατος Πρωσταρχίδης 'ο' Ἀπηνάντου Πολύξενος Πυθολόγης	Ροδ. φ.: T.XXV.01.42p Ροδ. ε.: T.XXV.01.32p Син. α.: T.XXV.03.49p Ροδ. φ.: T.XXV.02.53p; T.XXV.03.60p Ροδ. ε.: T.XXV.00.16p; T.XXV.03.45p; T.XXV.03.58p
Πυθόδωρος	Ροδ. ε.: T.XXV.04.30p
Σ	
Σάδαμος Σακράτης	Ροδ. ε.: T.XXV.01.57p Ροδ. φ.: T.XXV.01.17p; T.XXV.01.25p; T.XXV.02.44p; T.XXV.04.22p
Σακράτης Σασκίλης Σάστρατος Σάταιρος	Κ. φ.: T.XXV.02.49p Ροδ. φ.: T.XXV.99.21p Ροδ. ε.: T.XXV.04.98p Ροδ. φ.: T.XXV.00.37p
Τ	
Τεισαγόρας или Τεισαμευός Τεισαγόρας Τιμόθεος Τιμοκλής Τιμό	Ροδ. ε.: T.XXV.99.35p Ροδ. ε.: T.XXV.04.34p; T.XXV.04.58p Ροδ. ε.: T.XXV.00.34p Ροδ. ε.: T.XXV.00.2p Ροδ. φ.: T.XXV.04.28p
Φ	
Φυλαίνιος	Ροδ. φ.: T.XXV.99.32p; T.XXV.04.67p

Литература

- Бадальяни 1970 – Ю.С. Бадальяни, *Родосские амфорные клейма из Пимфел*, ВДИ, 3, 113–126.
 Бадальяни 1978 – Ю.С. Бадальяни, *Родосские амфорные клейма (раскопки 1970–1974 гг.)*, СА, 4, 207–217.
 Гетов 1989 – Л. Гетов, *Към хронологията на родоските фабрикантски печати*, Археология 3, 41–45.
 Граков 1928 – Б.Н. Граков, *Древне – греческие керамические клейма с именами астиномов*, Москва.
 Лазаров 1974 – М. Лазаров, *Амфорните печати от Одесос*, ИИМВ X/XXV, 19–54.
 Лазаров 1975 – М. Лазаров, *Непубликувани антични амфори и амфорни печати от българското Черноморие*, ИИМВ XXVI, 128–136.
 Лазаров 1977 – М. Лазаров, *Търговските връзки на Родос със западнопонтийските градове през еллинистическата епоха*, ИИМВ XIII/XXVIII, 1–47.

- Леви, Ольвия 1964 – В.И. Леви, *Керамический комплекс III–II вв. до н.э. из раскопок ольвийской агоры, Ольвия, Теменос и Агора*, Москва, 225–280.
- Мирчев 1958 – М. Мирчев, *Амфорные печати от Музея във Варна*, София.
- Монахов 1999 – С.Ю. Монахов, *Греческие амфоры в Причерноморье. Комплексы керамических тары VII–II веков до н.э.*, Саратов.
- Придик 1917 – Е.М. Придик, *Инвентарный каталог клейм на амфорных ручках и горлышках Эрмитажского собрания*, Петроград.
- Шелов 1957 – Д.Б. Шелов, *Клейма на амфорах и черепицах найденных при раскопках Наутикален в 1945–1949 гг.*, МИА 56, 202–226.
- Шелов 1975 – Д.Б. Шелов, *Керамические клейма из Танаиса III–I веков до н.э.*, Москва.
- Шелов 1994 – Д.Б. Шелов, *Новая коллекция эллинистических керамических клейм из Танаиса*, „Вестник Танаиса” 1, 9–43.
- Шкорпил 1902 – В. Шкорпил, *Керамические надписи, найденные при раскопках на северном склоне горы Митридата в городе Керчи в ноябре и декабре 1901 г.*, ИАК, 122–165.
- Ariel 1990 – D.T. Ariel, *Imported Stamped Amphora Handles*, [in:] *Excavations at the City of David 1978–1985. II*, „Qodem” 30, 13–98.
- Ariel 1999 – D.T. Ariel, *Stamped Amphora Handles from Giv'at Yasaf (Tell Er – Ras)*, „Attiqot” 37, 25–30.
- Ariel 2000 – D.T. Ariel, *Imported Greek Stamped Amphora Handles*, [in:] H. Geva, ed., *Jewish Quarter Excavations in the Old City of Jerusalem Conducted by Nahman Avigad, 1969–1982, I: Architecture and Stratigraphy: Areas A, W and X–2. Final Report*, 267–280, Jerusalem.
- Ariel 2001 – D.T. Ariel, *Stamped Amphora Handles*, [in:] R. Frankel, N. Getzov, M. Aviam, A. Degani, *Settlement Dynamics and Regional Diversity in Ancient Upper Galilee*, IAA Reports 14, 154–163.
- Ariel 2005 – D.T. Ariel, *Stamped Amphora Handles and Unstamped Amphora Fragments from Akko ('Akko')*, „Attiqot” 50, 181–194.
- Ariel, Finkielsztejn 1994 – D.T. Ariel, G. Finkielsztejn, *Stamped Amphora Handles*, [in:] S.C. Herbert, ed., *Tel Anafa I 1. Final Report on Ten Years of Excavation at a Hellenistic and Roman Settlement in Northern Israel*, JRA Suppl. 10, 183–240.
- Ariel, Finkielsztejn 2003 – D.T. Ariel, G. Finkielsztejn, *Amphora Stamps and Imported Amphoras*, [in:] A. Klöner, *Muresha Excavations Final Report I: Subterranean Complexes 21, 44, 70*, IAA Reports 17, 137–151.
- Arseniowa, Scholl 2000 – T. Arseniowa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej przeprowadzonej na terenie zachodniej nekropolii Tanais w sezonie 1999*, „Światowit” 43, fasc. A, 13–16.
- Arseniowa, Scholl 2001 – T. Arseniowa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej przeprowadzonej na terenie zachodniej nekropolii Tanais w sezonie 2000*, „Światowit” 44, fasc. A, 17–20.
- Arseniowa, Scholl 2002 – T. Arseniowa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w roku 2002*, „Światowit” 45, fasc. A, 13–20.
- Arseniowa, Scholl 2003 – T. Arseniowa, T. Scholl, *Отчет о совместных исследованиях, проведенных в Танаисе в сезон 2003 года Беатой Блюкевич, Людмилой Казаковой, Светланой Науменко и Мариушем Вольским*, „Światowit” 46, fasc. A, 91–98.
- Börker 1974 – Ch. Börker, *Griechische Amphorenstempel vom Tell Halaf bis zum Persischen Golf*, BaM 7, 31–49.
- Börker 1998 – Ch. Börker, *Der Pergamon-Komplex*, [in:] Ch. Börker, J. Buraw, *Die hellenistischen Amphorenstempel aus Pergamon*, PF 11, 1–69, Berlin.
- Breccia 1920 – E. Breccia, *Rapport sur la marche du Service du Musée pendant l'exercice 1919–1920*, Alexandrie.
- Brugnone 1986 – A. Brugnone, *Bolli anforari rodii dalla necropoli di Lilibeo*, „Kokalos” 32, 10–100.

- Buzoianu 1986 – L. Buzoianu, *Les premières importations d'amphores timbrées dans les cités grecques de Tomis et de Callatis*, BCH Suppl. 13, 407–415.
- Calvet 1972 – Y. Calvet, *Les timbres amphoriques (1965–1970). Salamine de Chypre III*, Paris.
- Calvet 1978 – Y. Calvet, *Les timbres amphoriques de Salamine (1971–1974)*, RDAC, 222–234.
- Calvet 1982 – Y. Calvet, *Kition-Bamboula, I: Les timbres amphoriques*, Paris.
- Canarache 1957 – V. Canarache, *Importul amforelor stampilate la Istria*, București.
- Coulson 1986 – W.D.F. Coulson, N.C. Wilkie, W. Richard, *Amphoras from Naukratis and Environs*, BCH Suppl. 13, 535–550.
- Crisuolo 1982 – L. Crisuolo, *Bolli d'anfora greci e romani. La collezione dell'Università Cattolica di Milano*, Studi di Storia Antica VI, Bologna.
- Crowfoot 1957 – J.W. Crowfoot, *Potter's Stamps. The Objects from Samaria*, [in:] *Samaria – Sebaste III*, London, 379–388.
- Empereur 1977 – J.-Y. Empereur, *Timbres amphoriques de Crocodilopolis-Arsinoé*, BIFAO 77, 197–233.
- Empereur 1990 – J.-Y. Empereur, *E chronologisi ton rodiakon amforeon stin hellenistiki periodo*, [in:] *B' Epistimoniki Simantisi giatin Ellinistiki keraniki*, Athina, 199–209.
- Finkielsztejn 2000 – G. Finkielsztejn, *Amphoras and Stamped Handles from 'Akko'*, „Attiqot” 39, 135–153.
- Gentili 1958 – G.V. Gentili, *I timbri anforari rodii nel Museo Nazionale di Siracusa*, „Archivio Storico Siracusano” 4, 18–95.
- Grace 1934 – V. Grace, *Stamped Amphora Handles found in 1931–1932*, Hesperia 3, 197–310.
- Grace 1950 – V. Grace, *The Stamped Amphora Handles*, [in:] *Tarsus I, Excavations at Gözli-Kule*, Princeton, 135–148.
- Grace 1952 – V. Grace, *Timbres amphoriques trouvés à Délos*, BCH 76, 514–540.
- Grace 1956 – V. Grace, *Stamped Wine Jar Fragments*, „Hesperia Suppl.” 10, 113–189.
- Grace 1963 – V. Grace, *Note on the Amphoras from the Koroni Peninsula*, „Hesperia” 32, 319–334.
- Grace 1968 – V. Grace, *Die Gestempelten Amphorenhenkel aus stratigraphisch gesicherten Fundzusammenhängen*, [in:] O. Ziegenaus, G. de Luca, *Altertümer von Pergamon XI, Das Asklepieion*, Berlin, 175–178.
- Grace 1974 – V. Grace, *Stamped Amphora Handles, Anatolian Collection of Charles University, Kyme I*, Prague, 89–98.
- Grace, Savvatiadou 1970 – V.R. Grace, M. Savvatiadou-Pétopoulakou, *Les timbres amphoriques grecs*, [in:] *L'ilot de la maison des comédiens. Delos XXVII*, Paris, 277–382.
- Gramatopol, Poenaru Bordea 1969 – M. Gramatopol, Gh. Poenaru Bordea, *Amphora Stamps from Callatis and South Dobruja*, „Dacia” 13, 127–282.
- Jöhrens 1999a – G. Jöhrens, *Amphorenstempel in National Museum von Athen. Zu den H. G. Lolling aufgenommenen „unedierten Henkelschriften”. Mit einem Anhang: Die Amphorenstempel in der Sammlung der Abteilung Athen des Deutschen Archäologischen Instituts*, Mainz.
- Jöhrens 1999b – *Griechische Amphorenstempel hellenistischer Zeit der Grabungen 1974–1994*, [in:] F. Rakob, ed., *Karthago III. Die deutschen Ausgrabungen in Karthago*, Mainz, 239–258.
- Jöhrens 2004 – G. Jöhrens, *Amphorenstempel und die Gründung von Tanais*, [in:] J. Eiring, J. Lund, eds., *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean. Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens. September 26–29, 2002*, „Monographs of the Danish Institute at Athens” 5, 149–153.
- Jöhrens, Il'jašenko 2001 – G. Jöhrens, S.M. Il'jašenko, *Amphorenstempel hellenistischer Zeit aus Tanais*, „Eurasia Antiqua” 7, 367–479.
- Lazarov 1980 – M. Lazarov, *Timbres amphoriques de Nessebre*, [in:] V. Velkov, ed., *Nessebre*, vol. II, Sofia, 156–185.
- Lenger 1955 – M. Lenger, *Timbres amphoriques trouvés à Argos*, BCH 79, 484–508.
- Lenger 1957 – M. Lenger, *Timbres amphoriques trouvés à Argos*, BCH 81, 160–180.

- Le Roy 1975 -- Chr. Le Roy, *Timbres amphoriques provenant de Tanis (Égypte)*, BCH 99, 235-246.
- Levi, Iasos 1965-1966 -- D. Levi, *Nuovi bolli vascolari da Iasos*, ASAtene 43-44, 547-567.
- Levi, Festos 1965-1966 -- D. Levi, *Bolli d'anfore e pesi fittili da Festos*, ASAtene 43-44, 569-577.
- Levi, Pugliese Caratelli 1961-1962 -- D. Levi, G. Pugliese Caratelli, *Nuove iscrizioni di Iasos*, ASAtene 23/24, 605-632.
- Lungu 1990 -- V. Lungu, *Nouvelles données concernant la chronologie des amphores rhodiennes de la fin du IIIe siècle au début du I^e siècle av. J.C.*, „Dacia” 34, 209-218.
- Lungu 1991 -- V. Lungu, *Nouveaux timbres amphoriques de Sarichioi (dép. De Tulcea)*, „Dacia” 35, 185-188.
- Macalister 1912 -- R.A. Macalister, *The Excavations at Gezer II*, London.
- Maiuri 1921/1922 -- A. Maiuri, *Una fabbrica di anfore rodie*, ASAtene 4/5, 249-269.
- Nachtorgael 1978 -- G. Nachtorgael, *La collection Marcel Hombert, I: Timbres amphoriques et autres documents écrits acquis en Égypte*, „Papyrologica Bruxellensia” 15, Bruxelles.
- Nicolaou, Empereur 1986 -- I. Nicolaou, J.-Y. Empereur, *Amphores rhodiennes du Musée de Nicosie*, BCH Suppl. 13, 515-533.
- Nilsson 1909 -- M.P. Nilsson, *Timbres amphoriques de Lindos. Publiés avec une étude sur les timbres amphoriques rhodiens. Exploration archéologique de Rhodes V*, Copenhagen.
- Paris 1913 -- J. Paris, *Une nouvelle collection rhodienne de timbres amphoriques*, Mélanges Helleux, 153-175.
- Paris 1914 -- J. Paris, *Timbres amphoriques de Rhodes*, BCH 38, 300-326.
- Pellegrini 1887 -- A. Pellegrini, *Iscrizioni ceramiche d'Erice e suoi dintorni*, „Archivio Storico Siciliano” 12, 184-303.
- Porro 1914 -- G.G. Porro, *Bolli d'anfore rodie trovati in Sardegna*, „Archivio Storico Sardo” 10, 380-389.
- Porro 1916 -- G.G. Porro, *Bolli d'anfore rodie del Museo nazionale romano*, ASAtene 2, 103-131.
- Reisner 1924 -- A. Reisner, *Harvard Excavations at Samaria 1908-1910*, Cambridge.
- Rosenthal-Heginbottom 1995 -- R. Rosenthal-Heginbottom, *Imported Hellenistic and Roman Pottery*, „Qedem Reports” 2, 183-204.
- Säflund 1980 -- M.L. Säflund, *Stamped Amphora Handles, Labraunda. Swedish Excavations and Researches*, vol. II, Stockholm.
- Scholl 2005 -- T. Scholl, *The fortifications of Tanais in the light of Warsaw University excavations*, EtTrav 20, 248-259.
- Schuchhardt 1895 -- C. Schuchhardt, *Amphorenstempel*, [in:] M. Frankel, ed., *Die Inschriften von Pergamon. Altertümer von Pergamon VIII 2*, 423-498.
- Şenol 1996 -- G. Concardes Şenol, *Some Rhodian Stamped Amphora Handles in the Istanbul Museum*, „Arkeoloji Dergisi” IV, 37-57.
- Sztetyło 1975 -- Z. Sztetyło, *Timbres amphoriques grecs des fouilles polonaises à Alexandrie (1961-1972)*, EtTrav 8, 160-235.
- Sztetyło 1976 -- Z. Sztetyło, *Les timbres céramiques (1965-1973). Nea Paphos I*, Varsovie.
- Sztetyło 1978 -- Z. Sztetyło, *Timbres céramiques des fouilles polonaises à Alexandrie (1973-1974)*, EtTrav 10, 259-316.
- Sztetyło 1983a -- Z. Sztetyło, *Les timbres céramiques dans la collections du Musée National de Varsovie*, Varsovie.
- Sztetyło 1983b -- Z. Sztetyło, *Timbres céramiques des fouilles polonaises à Nea Paphos en 1978*, EtTrav 13, 365-370.
- Sztetyło 1990 -- Z. Sztetyło, *Timbres céramiques des fouilles polonaises à Alexandrie (1974-1979)*, EtTrav 14, 160-212.
- Sztetyło 1991 -- Z. Sztetyło, *Pottery Stamps (1975-1989). Nea Paphos IV*, Varsovie.
- Sztetyło 1992a -- Z. Sztetyło, *Timbres céramiques des fouilles polonaises à Alexandrie (1979-1982)*, EtTrav 16, 151-177.

- Sztetyło 1992b -- Z. Sztetyło, *Timbres céramiques des fouilles polonaises à Alexandrie (1982-1989)*, EtTrav 16, 180-223.
- Sztetyło 2000 -- Z. Sztetyło, *Pottery Stamps. Tell Atrih 1985-1995. Travaux du centre d'archéologie méditerranéenne de l'Académie Polonaise des Sciences* 34, 53-163, Varsovie.

Список сокращений

ASAtene	- Annuario della Scuola Archeologica di Atene e delle Missioni Italiane in Oriente
BaM	- Baghdader Mitteilungen
BCH	- Bulletin de Correspondance Hellénique
BCH Suppl.	- Bulletin de Correspondance Hellénique Supplément
BIFAO	- Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale
EtTrav	- Études et Travaux
Hesperia	- Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens
Hesperia Suppl.	- Hesperia. Journal of the American School of Classical Studies at Athens. Supplements
IAA Reports	- Israel Antiquities Authority
JRA Suppl.	- Journal of Roman Archaeology Supplementary Series
PF	- Pergamon Forschungen
RDAC	- Reports of the Department of Antiquities, Cyprus
ВДИ	- Вестник Древней Истории
ИАК	- Известия Императорской Археологической Комиссии
ИИМВ	- Известия На Народния Музей - Варна
МИА	- Материалы и Исследования По Археологии СССР
СА	- Советская Археология

Greek ceramic stamps from the excavations of Warsaw University at Tanais. Trench XXV

Summary

Ceramic stamps which are the objects of this article come from excavations in ancient town Tanais where since 1995 the Institute of Archaeology of Warsaw University and the Antiquity of Southeastern Europe Research Center have carried out archaeological excavations supervised by T. Scholl. Excavations have been conducted within Archaeological Mission of Lower Don supervised by T.M. Arsen'eva.

The material collected over the course of six field seasons in the years 1999-2004 consists of 160 items. Rhodian stamps are definitely predominant. Of the 160 objects, 137 come from Rhodes. Other centers are represented less numerously: Sinope - 8 stamps, Cnidus - 4 stamps, Cos and Thasos - for one object, Latin - 1, five are uncertain.

Of the 137 stamps from Rhodes 47 belong to eponyms, 63 to producers. The chronology of stamps is concerned of both official and workshop variety cover the Grace's periods II to VI.

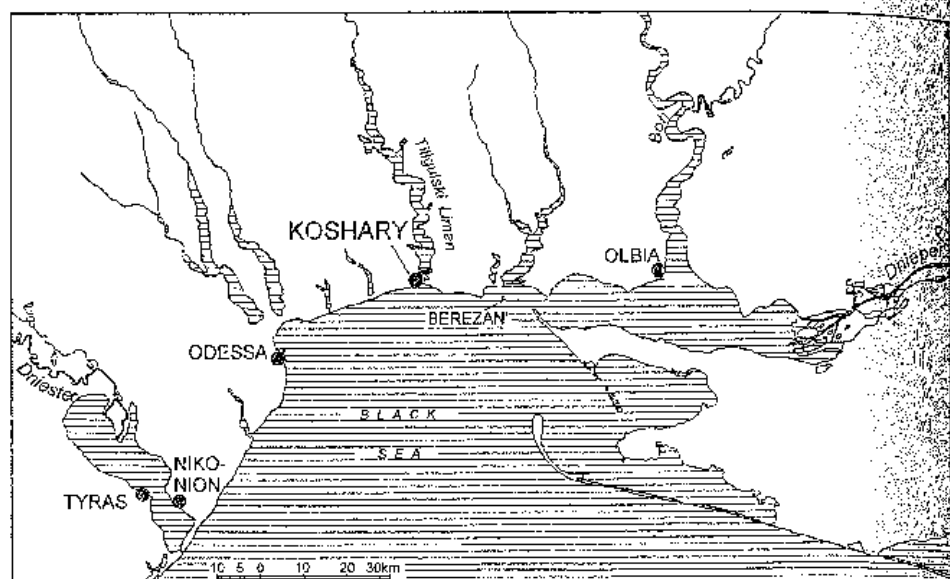
The scope of this article is to present a preliminary statistical and chronological report of these findings.

Евдоксия Папуци-Владыка, Евгения Ф. Редина

КОШАРЫ – ПОСЕЛЕНИЕ ХОРЫ ОЛЬВИИ

Исследование античных памятников Северного Причерноморья входит в число приоритетных направлений в изучении древней истории Украины. Огромную роль в исторических процессах второй половины 1 тыс. до Р.Х. играло Северо-Западное Причерноморье. После основания около середины VII в. до н.е. колонии Борисфен, а затем и Ольвии, греки на протяжении VI–V вв. до н.е. постепенно заселяют Нижнее Побужье и Нижнее Поднестровье. На фоне крупных античных полисов, таких как Ольвия -Борисфен на востоке и Никоний –Тира на западе, значительный интерес представляют памятники их хоры, включающие, как небольшие сельские поселения, так и укрепленные городища, игравшие значительную роль в экономическом и культурном развитии региона. К их числу относится Кошарский археологический комплекс, расположенный на мысу правого берега Тилигульского лимана при впадении его в Черное море (ил. 1). Расстояние от морской береговой линии до памятника 0,5 км.

Устье Тилигульского лимана (древняя река Аксиак) давно привлекало внимание исследователей, в связи с локализацией, упомянутых греко-римскими авторами географических пунктов, в частности Одессоса¹. Особенно актуальным это стало после открытия памятника в 1950 г. Э.А. Симоновичем, который в составе Буго-Днестровской археологической экспедиции ИА АН УССР, под руководством Л.М. Славина, проводил археологические разведки обоих берегов Тилигульского лимана². Целенаправленное изучение памятника положено Э.А. Симоновичем в 1954 г.³, а со временем это право было передано Одесскому археологическому музею НАН Украины. С 1967 г. работы проводились под руководством сотрудников музея Э.И. Диаманта⁴ и Э.А. Левиной⁵. С 1998 г. – и до настоящего момента – на памятнике проводятся исследования совместной украинско-польской археологической экспедицией. С украинской стороны работами руководит Е. Редина, с польской – Я. Хохоровский (до 2000 г.) и Е. Папуци-Владыка. Памятник является базовым для проведения археологической практики студентов Института археологии Ягеллонского университета и исторического факультета Одесского национального университета.

Ил. 1. Северо-Западное Причерноморье – расположение античного памятника Кошары.

Исследования проводятся в рамках совместного украинско-польского проекта, направленного на сохранение культурного наследия Украины и Греции. Финансирование исследований осуществляется при поддержке Ягеллонского университета, грантов польского Министерства науки (КБН), Одесского филиала греческого фонда культуры, а также Управления охраны культурного наследия Одесской областной администрации (за исключением последних двух лет).

В рамках научной программы проекта были поставлены задачи по комплексному изучению памятника. Основное внимание направлено на выявление границ городища, плана его застройки, изучение материальной и духовной культуры населения, оставившего его.

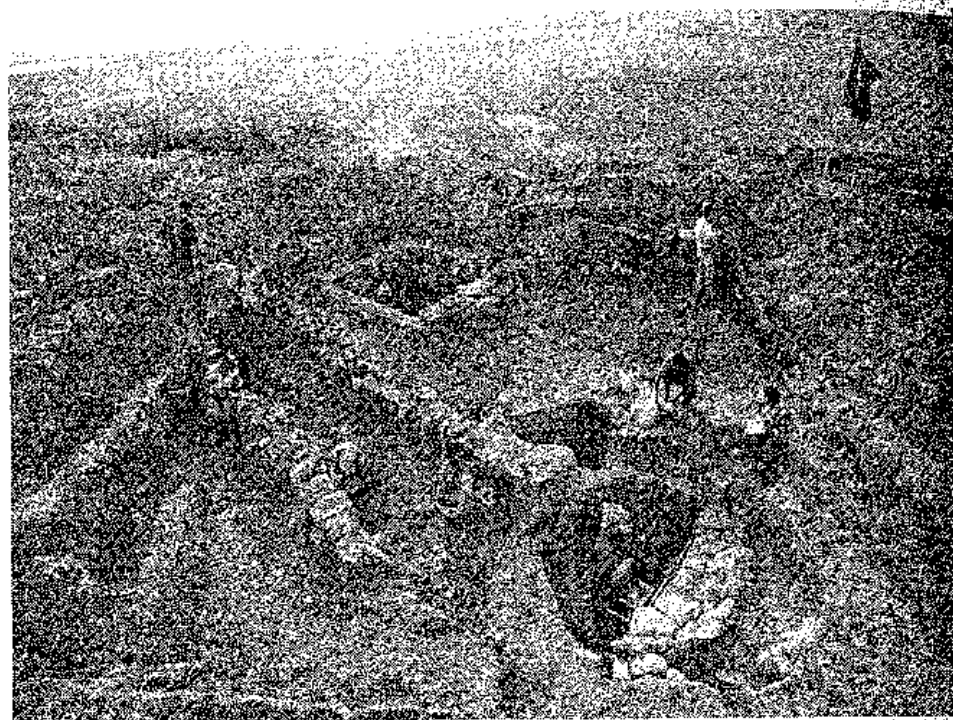
Результаты исследований Кошарского археологического комплекса свидетельствуют о существовании, на этом месте, в IV–III в. до н.э., довольно крупного населенного пункта, с городской инфраструктурой⁶. Центральная часть поселка, на определенном этапе его жизни, была обнесена оборонительной стеной и рвом. Исследования позволяют утвердительно говорить, что за пределами городища располагалось предместье, с отдельно стоящими усадьбами (раскоп VI, усадьба № 1), которое входило в состав поселенческой структуры памятника. Общий обзор памятника позволяет предположить и о существовании нижнего города. На южной окраине поселка располагалось культовое место, в виде рельефно выделяющейся насыпи – зольника.

К северу и северо – западу от поселка находился и одновременный ему некрополь.

Городище

Расположено на слегка возвышенном, относительно ровном, участке окружено оборонительными стенами с системой внешних рвов. Площадь укрепленного городища составляет около 6000 кв. м. Археологические остатки оборонительных укреплений зафиксированы по западной линии, при исследовании участков III и VII. Фортификационная стена сохранилась частично, к ней, одновременно, или в более позднее время, были пристроены жилые и хозяйственные помещения, возможно входившие в систему регулярной застройки. Анализ строительных комплексов поселка позволяет выделить три строительных периода. Об этом свидетельствуют стратиграфические наблюдения, а также преднамеренная забутовка более ранних ям и землянок, перекрытых более поздними постройками. После прекращения функционирования они засыпались бытовым мусором. В некоторых случаях продумывалась система укреплений цоколей стен, возведенных над землянками и большими хозяйственными ямами, отслужившими свой срок, а именно со дна этих объектов, возводились каменные подпорки, в редких случаях использовались слоевые основания.

На городище и предместье открыто значительное число земляночных сооружений, как округлой, так и прямоугольной формы, с различными конструктивными особенностями. С ростом благосостояния населения земляночный тип построек был заменен на сырцово – каменные сооружения. По археологическому материалу пока трудно определить хронологический приоритет представленных в Кошарах типов землянок. По предварительным данным первыми появились округлые землянки (на данный момент их исследовано 7), близкие к ранним типам архаического и классического периодов. Их концентрация наблюдается в южной части поселка, который примыкает к району зольника. Во внутреннем оформлении круглых землянок часто использовался камень. На участке IV (полевой сезон 2002 г.), в землянке округлой формы, с диаметром 2,4 м, на дне зафиксировано углубленное сооружение, диаметром 1,6 м, обложенное по периметру камнями, со следами обработки, большая часть из которых вторичного использования (ил. 2). В этой же землянке, в заполнении верхнего уровня, обнаружено скопление каменных грузил от рыболовной сети. Можно предположить о специализированном использовании этого помещения. Землянки имеют круговые „лежанки“, в одном случае с облицовкой стен. Отмечены углубления от деревянных конструкций, подпорного характера. Основное число землянок данного типа относится к первой половине IV в. до н.э. Практически в это же время появляются прямоугольные землянки и полуземлянки, которые существуют и во второй половине этого же столетия (ил. 3). Они ориентированы по сторонам света, вырезаны в материке, имеют углубления для опорных столбов, на которых крепилась кровля. Иногда фиксируется вход в виде ступенек, или же следы от угловых деревянных лестниц. Как и круглые, прямоугольные землянки близки более ранним постройкам архаического времени, которые известны на памятниках Нижнего Побужья (Петуховка,

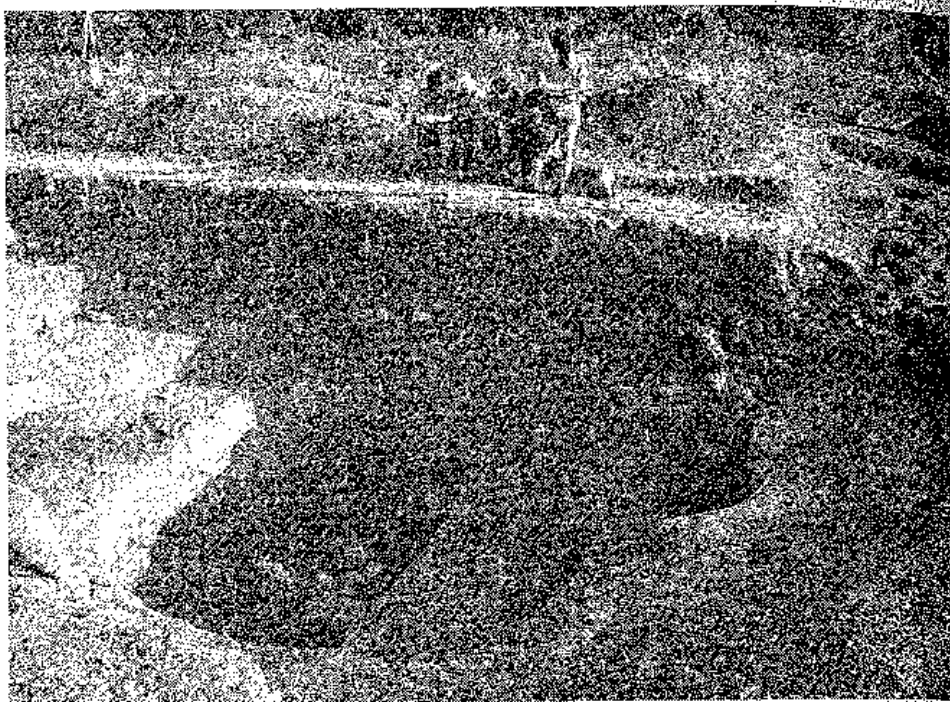
Ил. 2. Раскоп IV яма (землянки) 48 и подвал

Ил. 3. Раскоп III – землянка исследованная в 1998 г.

Козырка XII, и др.), на поселениях Одесского залива (Лузановка – размеры: 3,5 x 2,8⁷, Жевахова гора)⁸. Не исключено, что некоторые квадратные землянки могли служить в более позднее время в качестве подвалов-хранилищ. По назначению землянки могли быть бытовыми, хозяйственными, а иногда и культовыми (полуземлянка № 3 зольника). Значительное число хозяйственных ям, колоколовидной в разрезе формы, предназначались возможно для хранения зерна. На городище в 2004–2005 гг. были исследованы значительных размеров ямы, которые могли быть использованы как зернохранилища. Их размеры (диаметр одной из них превышает 3,5 м, при глубине до 4 м, ил. 4), позволяют говорить о промышленном хранении зерна, для продажи. В одной такой яме могли храниться сотни тонн зерна⁹. Значительная по размерам зерновая яма обнаружена и в комплексе усадьбы № 1. Если согласиться с высказанным мнением И.В. Бруяко о существовании вокруг поселения земельных наделов¹⁰, то картина сельскохозяйственной направленности хозяйства Кошарского поселка становится вполне вероятной. К этому можно добавить и вероятность существования в нижней части поселения гавани, через которую могло транспортироваться это зерно. Для полного восстановления характера застройки городища необходимо проведение дополнительных археологических работ.

Интерес представляют строительные остатки поселка второго и третьего хронологического периода – второй половины IV–начала III вв. до н.э. И хотя исследования памятника далеки до завершения, по накопленному материалу можно говорить о том, что городище имело линейную планировку. Дома, вытянутые вдоль улиц, с запада на восток, образовывали определенную систему кварталов. Они различной площади и состоят из небольших жилых и хозяйственных помещений. В интерьере помещений имеют место хозяйственные загородки – лари, печки, вымостки. Внутри и за пределами построек отмечено наличие подвалов и полуподвалов, значительное число хозяйственных ям. В качестве строительного материала использовались бутовые камни ракушечника, реже песчаника, разнообразных размеров и степени обработки. Обработанные камни применялись редко, в основном они были грубо отколоты и слегка обработаны. Средняя высота сохранившихся кладок достигает высоты 0,6–0,7 м, от глубины залегания оснований цоколей. В некоторых местах верхние уровни сохранившихся кладок расположены прямо под дерновым слоем современной дневной поверхности. Кладки помещений двухлицевые, выполненные в иррегулярной орфостатно-ностелистой технике, в выдержанной параллельном принципу планировке. По количеству камней от развалов стен, и остаткам каменных цокольных кладок, можно предположить наличие каменных и сырцово-каменных наземных сооружений. Использование сырцовых кирпичей в строительной технике поселения отмечено при строительстве стен домов, землянок, где они использовались при сооружении перегородок и облицовок стен, а также в конструкциях погребальных сооружений.

Илл. 4. Раскоп III - исследование зерновой ямы

Зольник

Отсутствие храмового комплекса на поселении восполняется наличием священного места в виде зольного холма, который играл особое место в духовной культуре населения Кошар (илл. 5). К югу от предполагаемой линии оборонительной стены фиксируются расплывшиеся зольные участки, под которыми находятся землянки, а на окраине южной границы памятника расположен зольник. Исследуемый объект представляет собой холмообразную насыпь (20 x 30 м). По всей длине раскрытой площади (350 кв. м), прослежен слоистый характер насыпи, образованной чередующимися прослойками серо-зольного грунта различной плотности и оттенков со слоями суглинка, золы, горизонтальными отложениями из раковин мидий и камки (морской травы). Максимальная мощность напластований составляет ок. 2,5 м. В 2004–2005 гг. в южной части зольника, под слоистыми напластованиями, исследован культовый комплекс.

Материал зольника многочисленный и разнообразный; в нем обнаружены фрагменты амфор, греческой чернолаковой и расписной краснофигурной керамики, сероглиняных, красноглиняных и лепных сосудов, изделия из кости, фрагменты от терракот и статуэтка сидящей женской фигуры с кощелкой и прялкой. Возможно она изображает одну из Мойр, или же принадлежит к кругу

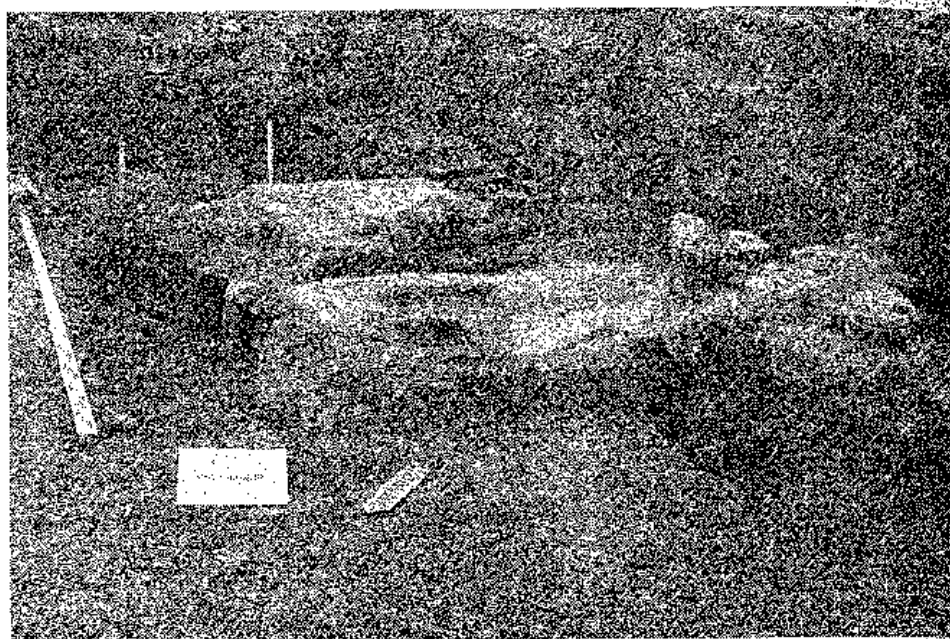

Илл. 5. Кошары, общий вид поселения: на первом плане зольник

ритуальных статуэток, относящихся к культу Деметры. Время функционирования зольника начинается со второй четверти IV в. до н.э. и продолжается до первой четверти III в. до н.э. Исследования 2005 г. позволяют говорить о нем, как о святилище, с определенной системой выделения отдельных сакральных зон, как например ступенчатый глинобитный алтарь и сопутствующие ему объекты (илл. 6). В частности возле алтаря и находилась терракотовая статуэтка Мойры.

Проявившись в культовой практике эллинов, традиция сооружения подобных священных мест имеет глубокие корни в системе древних земледельческих культов (Павсаний У., 13,8–11; VIII 38, 7). Она связана с магическими действиями и ритуалами, отражающими отношение греков к огню, очагу и солнцу¹¹. Структура зольника и вещественный материал указывает на связь исследуемого объекта с областью культа Деметры. Это позволяет причислить зольник к известным на территории Северного Причерноморья типам археологических памятников зольникам -- жертвенникам открытого типа¹².

Ил. 6. Зольник – глинобитный алтарь (2004–2005)

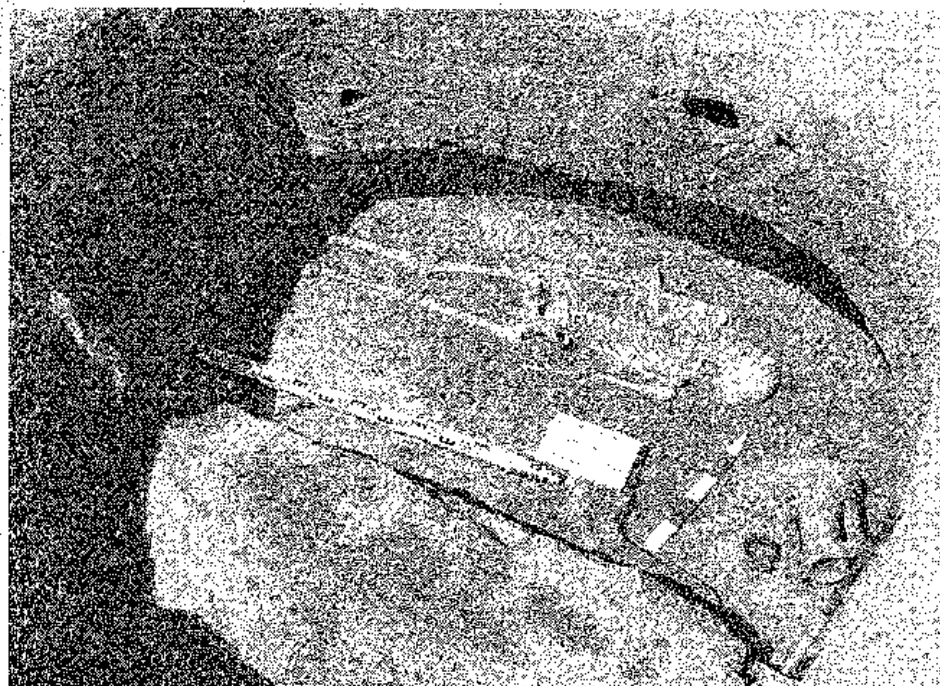
Могильник

К северу и к северо-западу от поселения находился существовавший одновременно с ним некрополь (ил. 7). Он представляет собой совокупность погребальных и культовых комплексов. Установлено, что и поселение, и могильник расположены в зоне более древнего курганного поля (эпохи энеолита-бронзы). Все поминально-погребальные сооружения выполнены с соблюдением греческих традиций, однако небольшая часть погребений близка к скифским (например курган 1998 г.). Погребальные комплексы греческого времени представляют собой различные типы погребальных сооружений с ингумацией: подбой (ил. 8), склепы, простые могилы, каменные и сырцовые гробницы. Раскопано и несколько комплексов с кремацией. Характерным и наиболее распространенным типом погребальных сооружений являются подбой – прямоугольные погребальные ямы с нишами для умерших. Ниши перекрывались камнями, сырцовыми кирпичами. Следует отметить, что встречаются и комбинированные сырцово-каменные заклады.

Наряду с подбоями, со второй половины IV в. до н.э. появляются более сложные погребальные сооружения – катакомбы или склепы – гробницы (ил. 9). Как и в подбойных могилах, вход в камеру, после завершения захоронения, за-

Ил. 7. Могильник – раскопки 2005 г.

Ил. 8. Подбойное погребение 265, 2005 г.

крьвали сырцовыми кирпичами и камнями. Отличительной чертой склепов-катакомбов Кошарского некрополя является простая входная яма вместо традиционного греческого дромоса – длинного входа в погребальную камеру.

Существенный вклад в исследование некрополя внесли находки каменной и сырцовой гробниц, к сожалению, ограбленных. Каменная гробница сооружена из прямоугольных крупных блоков и перекрывающей большой плиты у изголовья. Из-за ограбления верхнее перекрытие было разрушено. Уникальной является сырцовая гробница.

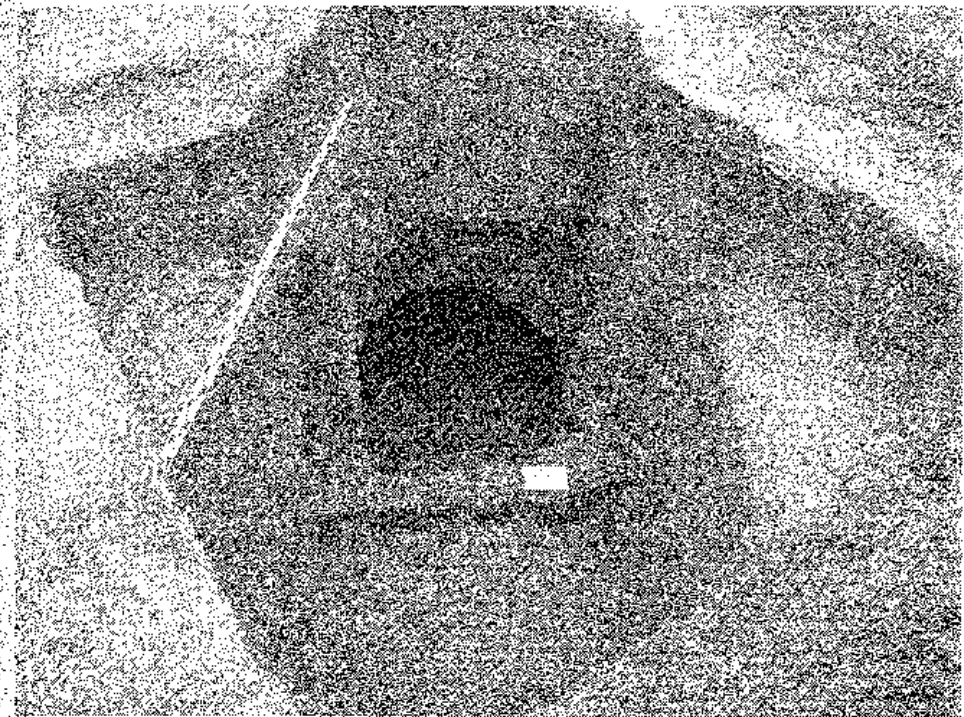
Как правило, умерших укладывали головой на восток, что было присуще греческому погребальному обряду. Исключением является западная ориентация, которая свидетельствует о варварских скифских влияниях.

Напутственный инвентарь следующего порядка: сосуды для хранения пищи и жидкости (амфоры – ил. 8, кувшины), сосуды для питья (канфары – ил. 10, килики), сосуды для хранения ароматических веществ (лекифы, алабастры), оружие, предметы быта и украшения. Интересными в этой связи являются находки костяных астрагалов – игральных костей, обнаруженных в детских захоронениях. На некрополе в ходе исследований были зафиксированы следы поминальных тризнь, ям – ч есудари над могилами, золистых пятен, алтарей и надгробий. Учитывая специфику греческой погребально-поминальной обрядности, выраженной в неоднократном совершении поминальных ритуалов, необходимо отметить, что с поминальной практикой были связаны практически все погребения некрополя. Однако до нас дошла только часть из них. На некрополе исследовано 275 объектов. Несколько погребений, найдены на территории поселения. На могильнике зафиксирована рядность могильных сооружений, выделение отдельных участков с конкретным типом погребальных сооружений и детского некрополя.

В географическом плане поселок располагался в стратегически важном для Ольвийского государства месте. Судя по редким находкам, поселение существовало уже в конце V в., однако общая его характеристика для этого периода требует дополнительных исследований (с каждым сезоном исследований этот материал пополняется). Главным для исследования Кошарского комплекса является то, что его исследование осуществляется комплексно – на всех составляющих его объектах.

В результате археологического изучения Кошарского археологического комплекса можно сделать вывод, что оно было довольно крупным греческим центром, входившим в состав Ольвийского государства. Совместное проживание здесь греческого и скифского (а может и фракийского?) населения наложило отпечаток на его жизнь, материальную культуру, различные обряды, в том числе и погребальные. Вопрос о локализации древнего Одесса до сих пор остается открытым. Однако исключать возможность его отождествления с Кошарским поселением не следует.

Результаты проведенных исследований позволяют рассматривать на базе Кошарского комплекса круг проблем касающихся: соотношения городища

Ил. 9. Склеп 266, 2005 г.

Ил. 10. Канфар и наконечники стрел, погребение 265, 2005 г.

и предместья, специфики и планировки античного некрополя, характеристик и хронологии вещественных комплексов. Это в свою очередь позволяет рассматривать памятник в системе экономических и политических интересов Ольвийского государства.

Поселение Кошары представляет собой исключительно интересный источник изучения далекого прошлого Украины.

СНОСКИ

¹ Барбот де Марни Н., *Геологический очерк Херсонской губернии*, Одесса 1869, 18; Влассберг С. *Choix de medailles antiques d'Olbiopolis ou Olbia*, Paris 1822, 6; И.А. Стемповский, *Исследования о местоположении древнегреческих поселений на берегах Понта Эвксинского по случаю находения в Одессе древностей*, Санкт-Петербург 1826, 160; *Известия о древностях, найденных в Одессе в течение лета 1826 года*, СПб., 1827; З. Аракс, *Сравнительная таблица эллинических поселений на Эвксинскому понту безименного автора с местами, обозначенными на Меркаторской карте Черного моря по последней описи 1836 года капитан-лейтенанта Манганари*, ЗООИД, т. III, Одесса 1853, 144–150; П.В. Беккер, *Берег Понта Эвксинского от Истра до Борисфена*, ЗООИД, т. III, Одесса 1853, 151–209; Ф.К. Брун, *Черноморье*, Одесса 1865, 72–97; А.С. Уваров, *Исследования о древностях Южной России и берегов Черного моря*, вып. II, СПб 1856, 146–148; В.Н. Юргенс, *Об археологических раскопках и открытиях в Южной России, предшествовавших учреждению Одесского общества (истории и древностей)*, ЗООИД, т. XIV, Одесса 1886, 27–51; Э.И. Штерн, *Археологические новинки*, ЗООИД, т. XXV, Одесса 1904, 60–61; С.Д. Пападимитриу, *Местонахождение древней Одессы*, ЗООИД, т. XXIX, Одесса 1911, 25–26; Е. Митч, *Scythians and Greeks*, Cambridge 1913; И.В. Фабрициус, *Археологическая карта Причерноморья Украинской ССР*, Киев 1951; М.С. Силипин, *Карта поселень і городищ між гирлами Дністра і Південного Бугу скіфо-сцифатського часу*, „Наукові записки Одеського державного педагогічного інституту” Одесса 1955, т. X, 42, 44.

² Э.А. Симонович, *О древней Одессе*, ВДИ 1954, № 4, 146–150; тот же, *Античный памятник на Тигизульском лимане*, КС ОГЛМ за 1962 год, Одесса 1964, 145–153; Е.Ф. Редина, *Античные поселения междуречья Южного Буга и Днестра в древнегреческой литературной традиции и попытки их локализации*, [в:] *Древнее Причерноморье. Сборник статей, посвященный 85-летию со дня рождения профессора П.О. Карышковского*, Одесса 2006, 182–187.

³ Э.А. Симонович, *Ольвийские монеты с Кошарского городища*, ВДИ 1969, № 2, 105–106.

⁴ Э.И. Диамант, *Раскопки некрополя Кошарского городища*, АО 1968 ю-м, 1969, 176–179; тот же, *Раскопки античного поселения у с. Кошары*, [в:] *Материалы 13-й конференции АН УССР*.

⁵ С.П. Смолянинова, А.С. Островерхов, В.Г. Кушнир, *Археологическая миссия Тигизуло-Кульничанского лимана*, Одесса 1996, 44–46 (см. библиография).

⁶ J. Chochorowski, E. Papuci-Władyka, E.F. Redina, *Polish-Ukrainian Archaeological Research of Ancient Settlement and Necropolis in Koshary, Odessa district. Preliminary Report*, [in:] *Studies in Ancient Art and Civilization* 9, Kraków 1999, 55–63; *Polsko-ukraińskie badania wykopaliskowe zespołu stanowisk z okresu antycznego w miejscowości Koşary koło Odessy*, [w:] *Materiały i Sprawozdania Rzeszowskiego Ośrodka Archeologicznego*, vol. XXI, Rzeszów 2000, 185–202; J. Chochorowski, E. Papuci-Władyka, *Odkrywanie antycznej przeszłości Ukrainy*, „Alma Mater” 11, 1999, 10–12; E.F. Redina, J. Chochorowski, E. Papuci-Władyka, L. Nosova, J. Bodzek, *Раскопки древнегреческого поселения и могильника у села Кошары одесской области*, [в:] *Охрана и исследование памятников археологии в одесской области*, Одесса 1999, 19–24; E.F. Redina, J. Chochorowski, *Koshary*, [in:] *Ancient Greek Sites on the Northwest Coast of the Black Sea*, ed. T.L. Samoylova, Kiev 2001, 139–154; J. Chochorowski, E. Papuci-Władyka, E.F. Redina, T.N. Kokorzhitskaia, L.V. Nosova, J. Bodzek, W. Machowski, *The Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District: 1998–2001*, [в:] *Ольвий*

та античний світ, Київ 2001, 148–150; E. Papuci-Władyka, *Kultura grecka nad Morzem Czarnym*, „Alma Mater” 41, 2002, 10–16; E. Papuci-Władyka, J. Chochorowski, E.F. Redina, *Koshary grecka osada nad Morzem Czarnym*, „Archeologia Żywa” no 2 (21), 2002, 13–17; E. Papuci-Władyka, *Pięć lat w Koszarach*, „Alma Mater” 50, 2003, 30–33; E.F. Redina, E. Papuci-Władyka, *Исследование археологического комплекса античного времени у с. Кошары*, [in:] *Archaeological Researches in Ukraine 2001–2002. Археологические исследования на Украине 2001–2002. Збірник наукових праць*, 5, Київ (ИА НАНУ) 2003, 240–242; E. Papuci-Władyka, J. Chochorowski, E.F. Redina, *Polsko-ukraińskie Ausgrabungen an dem antiken Fundstellenkomplex von Koshary bei Odessa*, [in:] *Recherches archéologiques de 1993–1998*, ed. J. Blajer, J. Poluski, Kraków 2004, 243–265; E. Papuci-Władyka, J. Chochorowski, E.F. Redina, with contribution by: J. Bodzek, W. Machowski, L.V. Nosova, T.N. Kokorzhitskaia, *Koshary grecka osada nad Morzem Czarnym w świetle pięcioletnich badań polsko-ukraińskiej ekspedycji (1998–2002)*, [w:] *PORTOLANA. Studia Mediterranea*, vol. 1, Kraków 2004, 47–64; E. Papuci-Władyka, T.N. Kokorzhitskaia, *Greek Amphorae from the Polish-Ukrainian Excavations at Koshary, Odessa District (Fourth and Third Centuries BC) – a First Presentation*, [in:] *Transport Amphorae and Trade in the Eastern Mediterranean*, (Acts of the International Colloquium at the Danish Institute at Athens, September 26–29, 2002), ed. J. Eiring, J. Lund, Athens 2004 (Monographs of the Danish Institute at Athens, vol. 5), 313–324; E. Papuci-Władyka, E.F. Redina, J. Bodzek, W. Machowski, *Koshary: Greek settlement on the Northern Black Sea coast. Polish-Ukrainian excavations in the 2001–2003 seasons*, [in:] *Etudes et Travaux XX*, Warszawa 2005, 194–234; E. Papuci-Władyka, E.F. Redina with collaboration of S. Stelmach, *The Black glaze pottery of fourth and third centuries BC. From the Polish-Ukrainian excavations in Koshary (Black Sea coast, Odessa district). First Presentation*, [in:] *7th Scientific Meeting on Hellenistic Pottery*, Aigio 2005, Athina (в печати).

⁷ Э.И. Диамант, *Поселение античного времени на территории г. Одессы*, АО 1973–1974, 270–271.

⁸ Э.И. Диамант, В.И. Кузьменко, *Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива*, АО 1976, 1978, 290; они же, *Раскопки Жеваховского поселения на побережье Одесского залива*, АО 1977, 1978, 321–322.

⁹ А.А. Масленников, *Эллиническая хора на краю Ойзумены. Сельская территория европейского Боспора в античную эпоху*, Москва 1998, 51.

¹⁰ И.В. Бруйко, Е.П. Назарова, В.Г. Петренко, *Древние культурные ландшафты на юге Тигизуло-Днестровского междуречья по данным аэрофотосъемки*, [в:] *Северо-Западное Причерноморье – контактная зона древних культур*, Киев 1991, 37–44.

¹¹ С.Б. Буйских, *Эсхары Глубокой Пристани*, „Древнее Причерноморье”, КСОЛО, Одесса 1993, 80–82.

¹² Л.В. Носова, *О культовых землянках античных поселений Северо-Западного Причерноморья (в связи с раскопками Кошарского археологического комплекса)*, [в:] *Боспорский феномен. Погребальные памятники и святилища*, Санкт-Петербург 2002, 62–68.

¹³ С.Т. Иванова, В.Г. Островерхов-Петренко, *Археология и история западного берега Тигизульского лимана: Проблемы исследования и охраны культурного наследия*, „Причерноморский экологичний бюлетень” 2(12), Одесса 2004, 193–196.

Koshary – Ancient settlement in *chora* of Olbia

Summary

The archaeological complex near the modern village Koshary (Kominternovska district of Odessa province) is one of the important ancient sites on northern-western part of the Black Sea shore dated to 4th-3rd century BC. It is located about half way from modern Odessa to ancient Olbia on the right bank of the Tiligulskii Liman (ancient Axiakos), some 700 m from the present coastline. From 1998, for eight years now, the joint Ukrainian-Polish Expedition of the Archaeological Museum NANU in Odessa and the Institute of Archaeology at the Jagiellonian University in Krakow has been doing archeological research at Koshary.

The excavation site occupies a high promontory with neighboring plateau, now situated some 700 m from the present coastline and standing around 25 m above the level of the wide, silted-up liman delta. The main part of the complex was a settlement (small town) located on the top of the promontory, where the remains of stone architecture can still be seen on the surface. An open-air altar, the Russian *zol'nik* is located in the southeastern edge of the promontory. To the northwest from the settlement a fairly big necropolis occupies an extensive plateau.

The site presumably belonged to the *polis* of Olbia, one of the most influential Greek city colonies in the Black Sea littoral. The present Ukrainian-Polish project aims at determining the nature of the Koshary complex and its position within the Olbian *chora*. Another objective is to define the character of the relations between the Greek colonists and the native tribes, chiefly Scythians. In effect, the researchers hope to verify the hypothesis (advanced many years ago by E.A. Symonovich) identifying the settlement of Koshary with the ancient city of Odessos mentioned by Pliny the Older (*Naturalis Historia* IV, 82)*.

The main part of the paper will be devoted to the results of the research in the settlement of Koshary. Several occupation phases were distinguished. The first one, only partly preserved, is represented by dugout huts and storage pits, which subsequently were filled up and the stone and stone-clay housing was unearched. The settlement of this phase proved to be a small "town" with a typical Greek urban layout with streets, some cobbled, intersecting at right angles. Architectural remains had the form of large, multi-room houses, some with basement, and sunken or semi-sunken cellars. The center of the town was situated in the northern-eastern higher part of the promontory (architectural features in trenches III, IV, VII and probably VIII) and was protected from the northwest and west by a sort of "fortification wall" and "embankment". The acme of its development fell in the second half of the 4th century and the beginning of the 3rd century BC. To the west and south of the "for-

* This is a second ancient Odessos; the first one, identified with modern Varna in Bulgaria, is older, established in c. 610 BC.

tifications" there was a "suburban zone" with large farms (like the one uncovered in trench VI) and possibly the "lower town" – small harbor existed in the foot of the promontory.

The excavated material is very rich and various (different kinds of pottery, mostly imported, metal objects, terracottas, jewelry, weapons, etc.) and does not differ from the other sites of Olbian *chora*. The main objects confirming the attachment of Koshary to Olbian *chora* are coins: most of them were struck in Olbia mints. The rich material from the big necropolis also points to this. Funeral monuments and rituals have analogies in necropolis of Olbia, Berczan' and rural settlements of Lower Boh territories.

Томаш Шоль

ДЕСЯТЬ ЛЕТ РАСКОПОК ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА В ТАНАИС

Начатые в 1955 г. систематические раскопки города и некрополя Танаиса продолжаются до наших дней. Работы осуществляются Археологической экспедицией Нижнего Дона ИА РАН, сначала под руководством Д. Шелова, а в настоящее время Т. Арсеньевой.

Начало польского заинтересования Танаисом выпадает на 1958 г. В этом году была отозвана польская археологическая экспедиция под руководством К. Михайловского из Мирмекия. К. Михайловский и М. Артамонов организовали археологические разведки на южных территориях СССР, в поисках другого археологического памятника для польской миссии. Руководителем „археологических разведок” была М.И. Берихард¹. Отряд посетил среди прочих Танаис (ил. 1) и Елизаветинское городище. К сожалению, итоги разведок не удовлетворили К. Михайловского и польские ученые выехали в Египет.

В начале девяностых годов XX в. два археолога-геофизика из Варшавы (Т. Хербих и К. Мисевич) начали совместную работу с археологической немецкой миссией из Немского Института Археологии в Берлине. Следующим шагом было подписание в 1994 г. соглашения о совместных исследованиях между Центром Археологических исследований „Нове” и Институтом Археологии Варшавского Университета с Музеем-заповедником Танаис. В 1996 г. был подписан договор о совместных исследованиях с Историческим департаментом Государственного Ростовского Университета, а в 2001 г. с Институтом Археологии Российской Академии Наук.

В 1995 г. в Танаисе появилась первая группа наших студентов под руководством П. Дычка. Участком их работ был раскоп XX, где руководителем была С. Науменко. С 1996 г. руководителем раскопок Варшавского Университета является Т. Шоль.

В 1996–1998 гг. работы проводились на территории западного некрополя Танаиса, на юг от раскопа XVII, в раскопе XVII.2 (ил. 2). Эти работы можно назвать охранными раскопками, так как в этом месте планируется расширение строительства музея. В течении трёх сезонов раскопок нами вскрыто 180 м кв.

поверхности, исследовано 18 грунтовых погребений и 35 ям². Большинство захоронений датируется I–III в. н.э., несколько – V–VI вв. н.э., а одна могила – современная. К сожалению, почти все погребения были ограблены, причем некоторые неоднократно, даже в конце прошлого века (ил. 3). Могильные ямы, как и погребальный инвентарь являются типичными для грунтовых некрополей Танаиса: простые грунтовые ямы (ил. 4), в некоторых случаях с парапетами (лежанками) или нишами (ил. 5); в одной могиле найдены остатки деревянного гроба. Погребальный инвентарь очень бедный: простые глиняные сосуды (ил. 6), пряжки и фибулы, наконечники стрел (ил. 7), гвозди от гробов (ил. 8). Из интересных находок следует обратить внимание на сарматскую курильницу (ил. 9) и перстень с геммой из стеклянной пасты (см. статью П. Яворского), железные ножницы (ил. 10) и остатки разбитой шкатулки (ил. 11).

Ямы были разной формы (овальные, округлые, нерегулярные), разрезы (прямоугольные, воронковидные, колоколовидные), глубина (от 0,20 м до более чем 1 м) и с разным назначением (хозяйственные, мусорные, грабительские). В заполнении ям прежде всего земля с камнями, иногда зола, кости, а также в небольших количествах керамика (ил. 12).

Самым важным результатом работы на первом этапе была фиксация культурного горизонта, связанного с сезонным проживанием представителей салтовомаяцкой культуры – прежде всего, хозяйственных ям и связанных с ними культурными напластованиями (ил. 13).

В восточной части нашего раскопа XVII.2 выявили край участка выборки глины, образовавшегося, по-видимому, во время второго расцвета города, то есть в первых веках н.э. (ил. 14). По этой причине в указанном месте отсутствуют ранние погребения и культурные напластования (см. статью Р. Хованец).

В 1999 г. работы были перенесены ближе к западной оборонительной стене, на территорию т.п. Западного Танаиса³ (ил. 15). Нашей задачей было исследование жилой застройки этой части города на участке её стыка с оборонительными стенами. В ранее заложённых раскопах IX и XIII исследованы только оборонительные стены (ил. 16), а в раскопах VI и VII⁴ – только жилая застройка (ил. 17). С целью дополнения наших знаний, касающихся пограничья города и ближайшей хоры, был заложен раскоп XXV, на месте предварительного проведения геофизических исследований (ил. 18).

Раскоп XXV, который должен был представлять только узкую траншею, проводящую внутрь города, в настоящее время имеет размеры 20 x 25 м (ил. 19). В западной части нашего раскопа, по-видимому, имеем дело с другой стороной участка выборки глины, выявленного в раскопе XVII.2 (ил. 20). Уже первые два сезона исследований оказались настолько интересными, что работы в раскопе XXV продолжаются до настоящего дня⁵. Самым важным открытием, с моей точки зрения, является обнаружение оборонительного рва, защищающего город с запада (ил. 21). Ров (ил. 22) шириной на поверхности 12 м и глубиной до 2,5 м имеет крутой восточный склон и западный – пологий. В северной части дно рва выбито в скале (ил. 23) – по этой причине есть уверенность в направлении

рва, в отсюда – и оборонительной стены. Это особенно важно, если принять во внимание значительные разрушения эрозией южной части фортификации: как рва, так и внешнего лица оборонительной стены (ил. 24).

Необыкновенное открытие, которое мы сделали в этом раскопе – перекинутый над вышеупомянутым рвом мост каменно-деревянной конструкции (ил. 25). Этот мост со стороны степи (с запада) имел подъезд из брусчатки, ограниченный двумя бордюрами (сохранился только западный бордюр, в то время восточный, скорее всего, сполз в ров) (ил. 26). При обустройстве подъезда, углубления на поверхности были снивелированы землёй и глиной, а сверху убит слой мелкого известнякового щебня. На приготовленный таким образом субстрат положены средней величины камни, и только тогда на них размещены известняковые плиты, из которых до наших дней сохранилось только несколько (ил. 27). Подъезд с южной стороны заканчивается въездом на мост, а с северной стороны продолжается в длину до 10 м при сохранившейся ширине 2,5–3 м (ил. 28). Похоже, что благодаря такому солидному, покрытому брусчаткой подъезду возы не вязли в грязи и тем самым не тормозили движение перед мостом. В одной из ям, над которой поставлен западный бордюр подъезда, найдена ручка амфоры с клеймом из Книда, датированной началом I в. до н.э. Похоже, что были две фазы строительства моста. Первый мост был деревянным и уничтожен в конце II в. до н.э. (одновременно с мазанкой-складом посуды в северо-западной части раскопа). Второй мост – каменно-деревянный, построен в начале I в. до н.э. Может быть, с первой фазой моста (а может, также и со второй фазой) связана яма под деревянную опору с захоронением собаки, что является типичной строительной жертвой, когда собака исполняет роль сторожа (ил. 29, 30). Эта яма находится у порога западного въезда на мост.

Благодаря существованию каменного, северного основания моста великолепно сохранилась северная часть оборонительного рва, а также часть внешней конструкции оборонительной стены (ил. 31). Это основание выполняло роль преграды, способствующей быстрому заполнению участка рва, находящегося на север от неё (ил. 32). Нам известно, что траншея фундамента под внешнее лицо оборонительной стены была вырыта в материке на глубину 0,8 м при ширине 0,6 м (ил. 33). К сожалению, во время существования готского поселения выбраны полностью лицевые камни. Кажется, отсутствие внутреннего лица оборонительной стены (не обнаружено его на ширину до 4,20 м – столько мы открыли – а типичная ширина оборонительной стены в этой части города составляет 3 м) связано со специальным усилением оборонительной стены и существующего въезда в город. Скорее всего, здесь находился бастион, о чем также может свидетельствовать специальная подсыпка под заполнение стены, состоящая из мелкого известнякового щебня, связанного материковой глиной. Этот субстрат в общем виден в длину ок. 10 м – на севере заметна граница, а на юге был разрушен эрозией (ил. 34).

На северо-запад от моста нами была обнаружена упомянутая выше мазанка, исполняющая роль склада посуды (ил. 35). Мазанка (заглублена в материк

до 0,30 м) в плане имеет овальную форму размерами около 5,5 x 3,5 м, со стенками толщиной 0,10–0,15 м, выполненными из камыша и веток, с обеих сторон обмазанных глиной. Похоже, что хорошей аналогией является современная реконструкция племенной хаты, находящейся в Танаисе (ил. 36). Внутри мазанки обнаружен слой мощностью до 0,30 м, состоящий исключительно из керамических сосудов (главным образом лепных и светильников). Находки керамики на полу свидетельствует о том, что эти сосуды первоначально стояли на полках, которые рухнули. Обращает внимание очень небольшое количество фрагментов амфор. По мнению Т. Арсениевой, содержимое мазанки можно датировать второй половиной II в. до н.э.

Как повсюду в Танаисе, так и на территории нашего раскопа имеется участок некрополя (см. статью Б. Балюкевич). Это в основном погребения новорожденных детей, из которых 12 размещены в амфорах (ил. 37), а часть похоронено в погребальных ямах. С. Науменко датирует амфоры второй половиной II–первой половиной III в. н.э. (ил. 38).

Также мы наткнулись на захоронение воина хазарского каганата, датированное IX–X вв.⁶ (ил. 39). Воин вместе с его боевым конем захоронено на участке давней, античной дороги к мосту, используя часть камней дороги как обрамление могилы. Богатое оснащение воина и его коня полностью сохранилось до наших дней (ил. 40). Единственным нарушителем оказался, по-видимому, сурок, который нарушил часть оснащения воина. При воине, почивающим на спине в вытянутой позиции, с головой, направленной на запад, найдена железная пряжка от пояса, а с его правой стороны находился лук со стрелами. До нас дошли единственно беспорядочно лежащие костяные накладки лука, а также два железные наконечники стрел. Над головой умершего находился лепной сосуд для воды и вбитый в баранью кость железный нож (ил. 41). Между головой умершего и лбом коня расположен череп старого барана, рядом бараньи кости: нога с копытом и длинные кости (ил. 42). Около коня найдены 2 железные стремя, железная уздечка и железная пряжка от подпруги. Под конем находились кости молодого барана – ляжка с ногой.

Наши планы на будущее связаны с открытием городских ворот, очищенном раскопе VII (ил. 43) и соединением его с нашим раскопом XXV. Также хотели бы мы найти улицу, отходящую от ворот на восток, что позволило бы локализовать ворота в восточной части эллинистического Танаиса, где в настоящее время исследования проводит С. Науменко. Следующим шагом будет выявление застройки, расположенной по обеим сторонам этой главной улицы. В этом сезоне (2005 г.) наши усилия похоронили готы – мы наткнулись на два культурные горизонты, залегающие над въездом (ил. 44). Это, скорее всего, те самые готы, которые выбрали камни из внутреннего лица оборонительной стены.

Из анализа профилей в квадратах 100–106 следует, что нет никакого т.н. турецкого вала (ил. 45). Верхняя часть насыпи представляет современные выбросы, а ниже залегают готские культурные напластования. Может быть, такая зигзагообразная форма оборонительной линии, связана с типичным греческим

искусством строительства фортификации. Особенно там, где не было башен, куртины сооружались таким образом, чтобы имелась возможность стрелять также вдоль оборонительной стены. Надеемся, что наши гипотезы подтвердятся среди прочего результатами дальнейших работ С. Ильяшенко, проводимых на запад от города.

В 1999–2000 годах нами осуществлены разведки с целью пробы реконструкции хоры Танаиса⁷ (ил. 46). Наши исследования показали исключительный характер хоры Танаиса, по сравнению с сельской округой других греческих городов. Мы пришли к выводу, что застройка сельской территории расположена исключительно вдоль Дона: на запад и, может быть, на восток от Танаиса. Существование западной части хоры подтверждено вышеупомянутой работой С. Ильяшенко. Разведки подтвердили также существование грунтовой дороги, соединяющей Танаис с территорией, расположенной на запад. Брод на речке Донской Чулек, характерный уклад территории и курганы, насыпанные по обеим сторонам предполагаемой дороги, также подтверждают направление этой дороги.

Подводя итоги проведенных нами исследований, следует подчеркнуть, прежде всего, возвращение, надеюсь, навсегда польских археологов к исследованиям памятников античности на территории северного побережья Черного моря. Результаты наших работ значительно изменили существующее представление о фортификациях эллинистического Танаиса. Западный Танаис в настоящее время нам представляется хорошо укрепленной частью города, окруженного оборонительным рвом и обладающего каменными стенами, сооруженными согласно основам эллинистического военного искусства (ил. 47).

Во всех исследованиях, проводимых до настоящего времени под руководством Т. Арсениевой, участвовали сотрудники, студенты и выпускники Варшавского Университета, сотрудники и студенты РГУ, сотрудники Музея-заповедника, а также волонтеры из Польши, России, Англии, Литвы. В итоге в них участвовало 245 человек (из них часть по нескольку раз). Число участников последующих компаний колебалось от нескольких человек (первоначально) до 40 человек в сезоне 2005 г. Вышли в свет более десятка статей, связанных с результатами наших исследований⁸.

Надеюсь, что это только начало наших совместных раскопок, публикаций, а также действий, пропагандирующих Танаис, как место исключительно интересное для археологов и приятное туристам (ил. 48, 49).

Сноски

¹ M.L. Bernhardt, *Sprawozdanie z objazdu strefy archeologicznej ZSRR*, „Rocznik Muzeum Narodowego w Warszawie” 4, 1959, 7–38.

² T. Scholl, *Tanais 1996 – wykopaliska nekropoli zachodniej – pierwszy sezon badań*, „Światowit” 41, 1998, fasc. A, 190–193; T. Arseniewa, T. Scholl, *Tanais – trzy lata badań nekropoli zachodniej*, „Światowit” 1 (42), 1999, fasc. A, 15–16, pl. 1–6.

³ T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej przeprowadzonej na terenie zachodniej nekropoli Tanais w sezonie 1999*, „Światowit” 2 (43), 2000 (2001), fasc. A, 13-14, pl. 2-11.

⁴ Д.Б. Шелов, *Танайс и Нижний Дон в III-I вв. до н.э.*, Москва 1970, *passim*; А.И. Болтунова, Н.С. Камешевский, Д.В. Деопик, *Раскопки западного района Танайса*, [в:] *Античные Древности Подонья-Приазовья* (далее: АДПП), Москва 1969, 6-97; Т.М. Арсеньева, *Исследование вали на западном участке городища Танайса*, АДПП, 98-103; А.И. Болтунова, *Раскопки оборонительной стены западного района Танайса*, АДПП, 104-135.

⁵ T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej przeprowadzonej na terenie tzw. zachodniej nekropoli Tanais w sezonie 2000*, „Światowit” 3 (44), 2002, fasc. A, 17-19, pl. 2-15; T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z kampanii wykopaliskowej w Tanais przeprowadzonej w sezonie 2002*, „Światowit” 4 (45), 2002 (2004), fasc. A, 13-20, pl. 1-11; T. Scholl, *Polish excavations at Tanais*, „Novensia” 15, 2004, 239-245; T. Scholl, *The fortifications of Tanais in the Light of Warsaw University excavations*, „Etudes et Travaux” XX, 247-259; Т. Арсеньева, Т. Шолль, *Отчет о совместных исследованиях, проведенных в Танайсе в сезон 2003 года Б. Болюкевич, Л. Казаковой, С. Науменко и М. Вольским*, „Światowit” 5 (46), 2003 (2006), fasc. A, 91-98, pl. 19-36; T. Scholl, *The Western Part of Hellenistic Tanais*, [in:] *Greeks and natives in the Cimmerian Bosphorus (7th-1st centuries BC): Proceedings of the International Conference Taman, Russia, October 2000*, St. Petersburg 2006, 201-207; T. Scholl, *Polish excavations in Hellenistic Tanais*, „Eurasia Antiqua” 11, 2005, 137-145.

⁶ T. Arseniewa, K. Piasecki, T. Scholl, *Żelazny wojownik*, „Archeologia Żywa” 4 (13), 2000, 27-29.

⁷ T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z powierzchniowych badań terenowych prowadzonych w okolicach antycznego miasta Tanais*, „Światowit” 2 (43), 2000 (2001), fasc. A, 11-12, pl. 1; T. Arseniewa, T. Scholl, *Sprawozdanie z powierzchniowych badań terenowych prowadzonych w okolicach antycznego miasta Tanais*, „Światowit” 3 (44), 2002, fasc. A, p. 13-15, pl. 1.

⁸ R. Chowaniec, *Trzy zapinki z nekropoli w Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 11, 2003, 21-24; R. Chowaniec, *Sprzączki z nekropoli Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 12, 2005, 41-46; K. Paczyńska, *Czarki megarjskie z Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 10, 2000, 159-168; K. Paczyńska, *Fragmenty czarek megarjskich z polskich wykopalisk w Tanais*, „Studia i Materiały Archeologiczne” 12, 2005, 129-136.

Ten years of the Warsaw University excavations in Tanais

Summary

In the year 1995 the first group of students under the supervision of P. Dyczek went to dig at the site. This group worked in trench XX run by S. Naumenko. Since 1996 T. Scholl has been in charge of the work of the Warsaw University team. The Polish excavations are part of the Lower Don Archaeological Expedition headed by T. Arsen'eva.

In 1996-1998, the work was concentrated in the pit burial ground -- trench XVII.2. Since 1999 the focus of research has shifted to trench XXV. The results of our work change the opinion about the defense system in Hellenistic time. Among the archi-

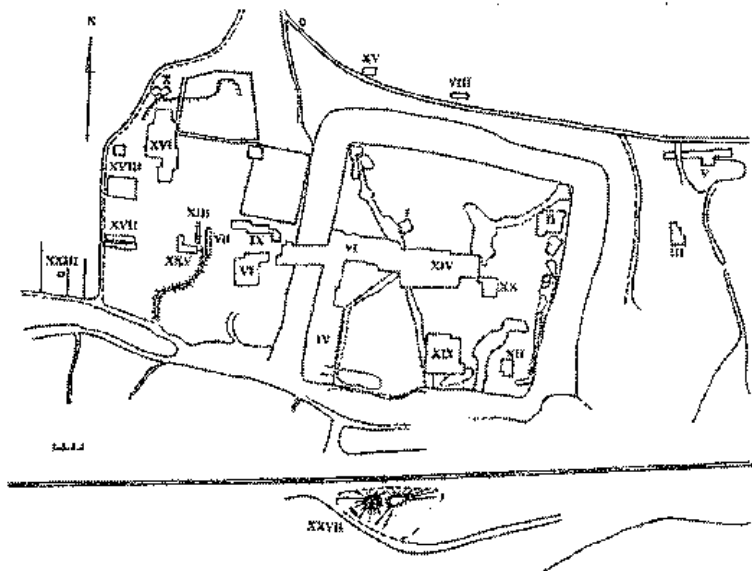
tectural remains we have to mention: defensive trench, bridge which is a unique structure made of a combination of wood and stone and also the hut of local type used as a store for pottery wares.

Our plans is to explore the entry gate and a part of the habitations immediately inside the gate and the street moving to the east. We want also to continue cleaning the ditch to the south.

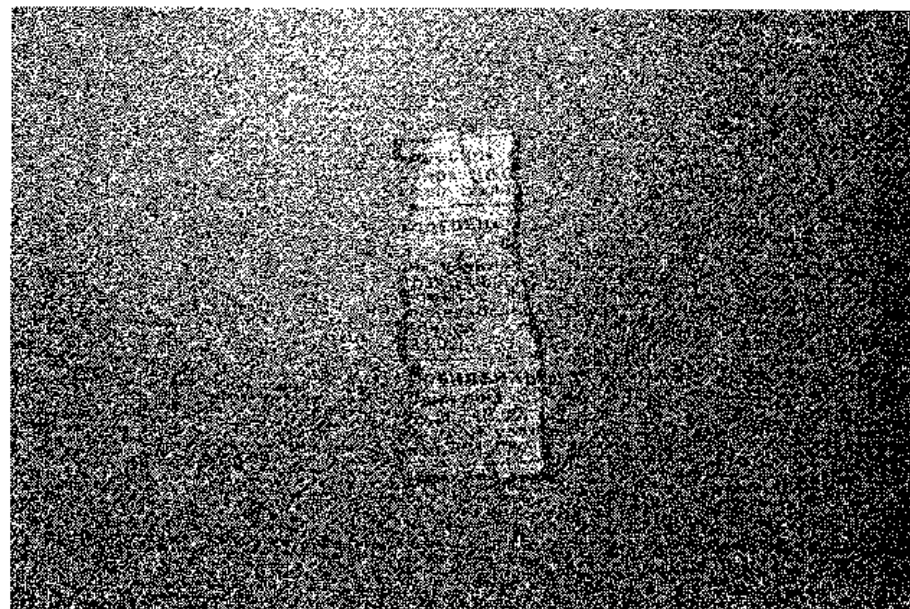

Ил. 1. Танаис 1958 г., М.Л. Бернхард и руководитель раскопок в Елизаветовке, В.П. Шилов [фото Т. Бишевски]

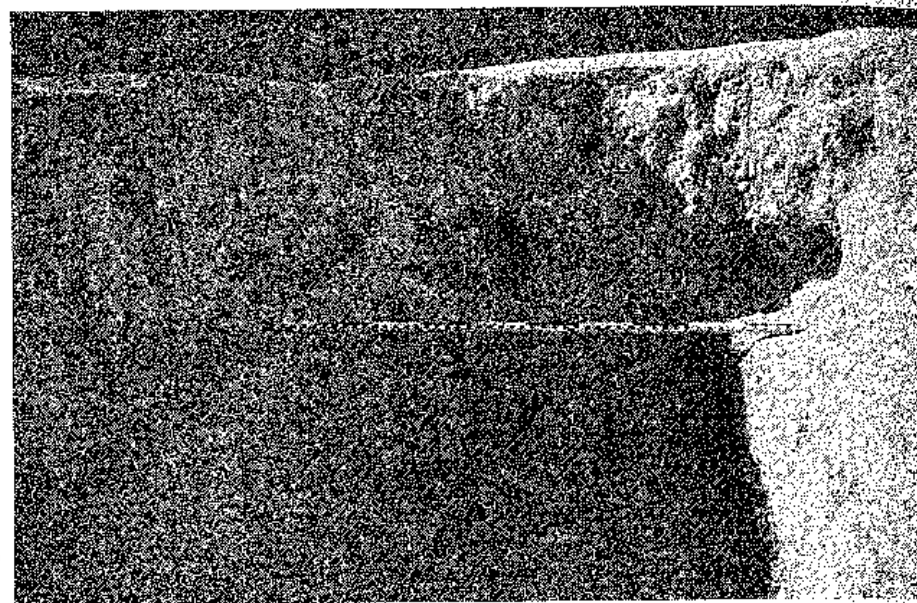
Ил. 2. Локализация раскопов [по С.А. Науменко]

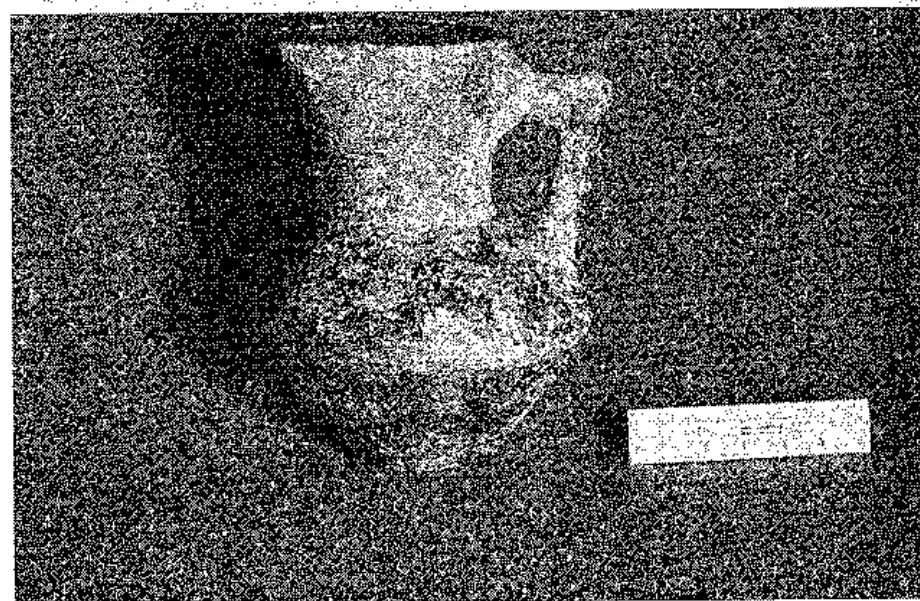
Ил. 3. Фрагмент современной газеты на дне ямы № 19 [эта фотография и все дальнейшее Т. Шольц]

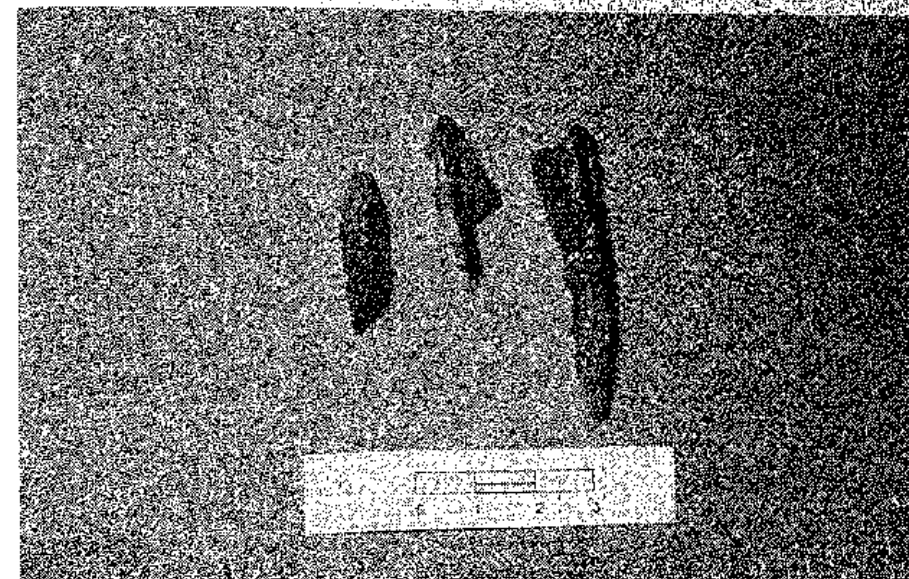
Ил. 4. Раскоп XVII.2 1996 г., первый сезон раскопок

Ил. 5. Погребение G-3

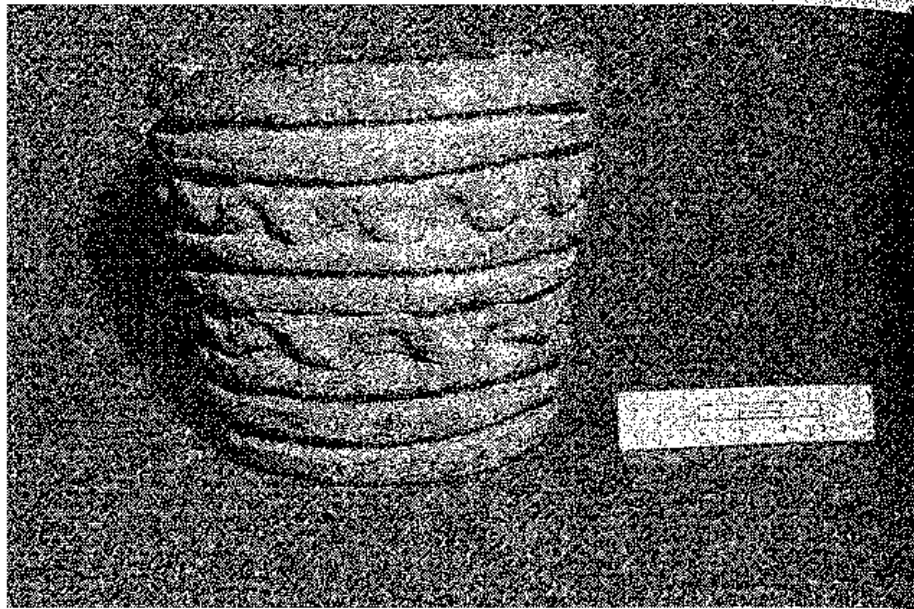
Ил. 6. Глиняный сосуд из G-5

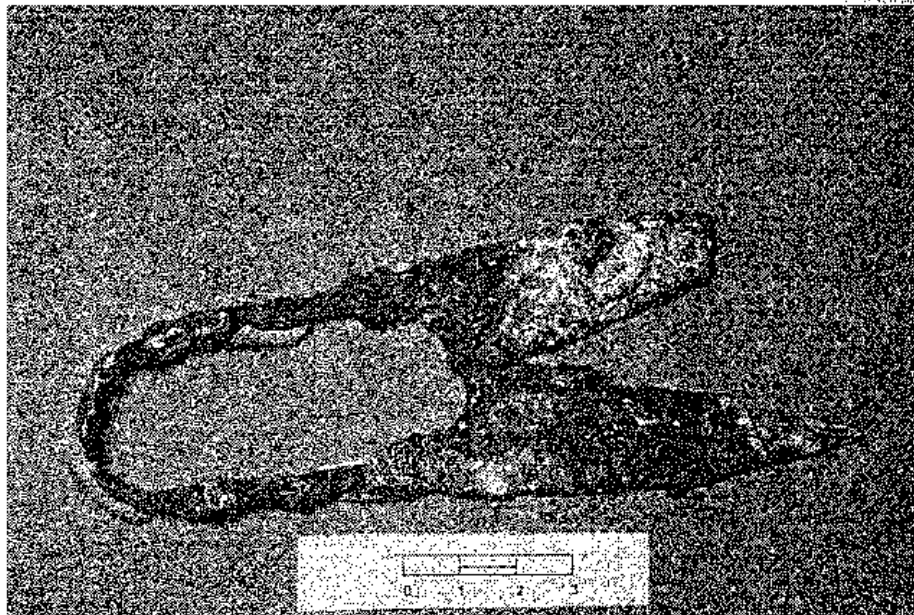
Ил. 7. Железные наконечники стрел из G-13

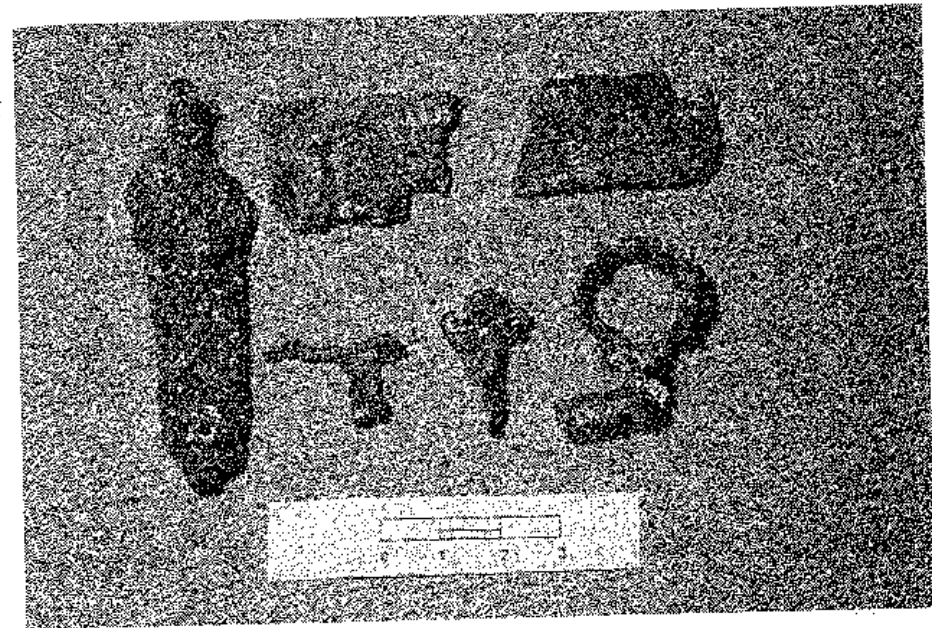
Ил. 8. Фрагменты гвоздей из G-6

Ил. 9. Сарматская курительница из G-1

Ил. 10. Железные ножницы из G-14

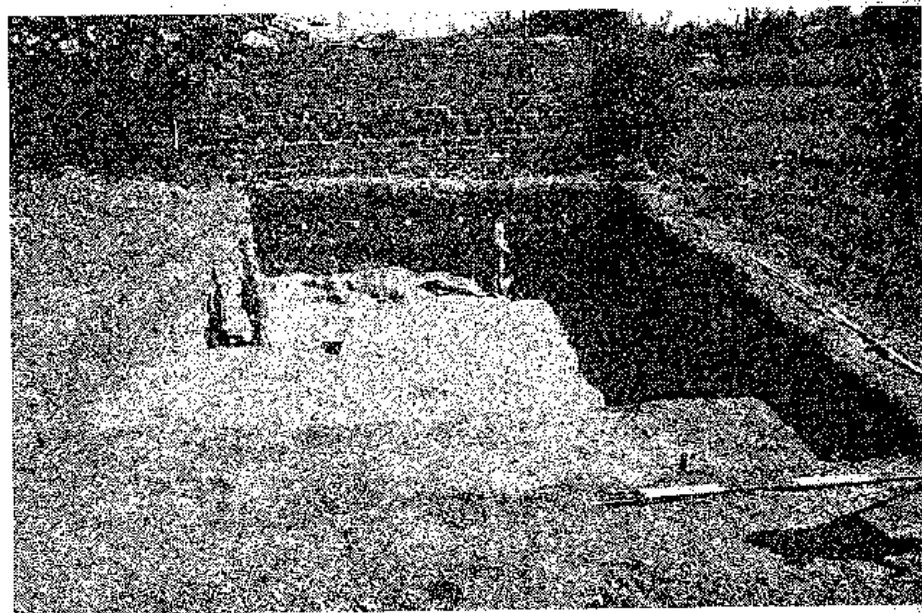
Ил. 11. Остатки шкатулки из G-14

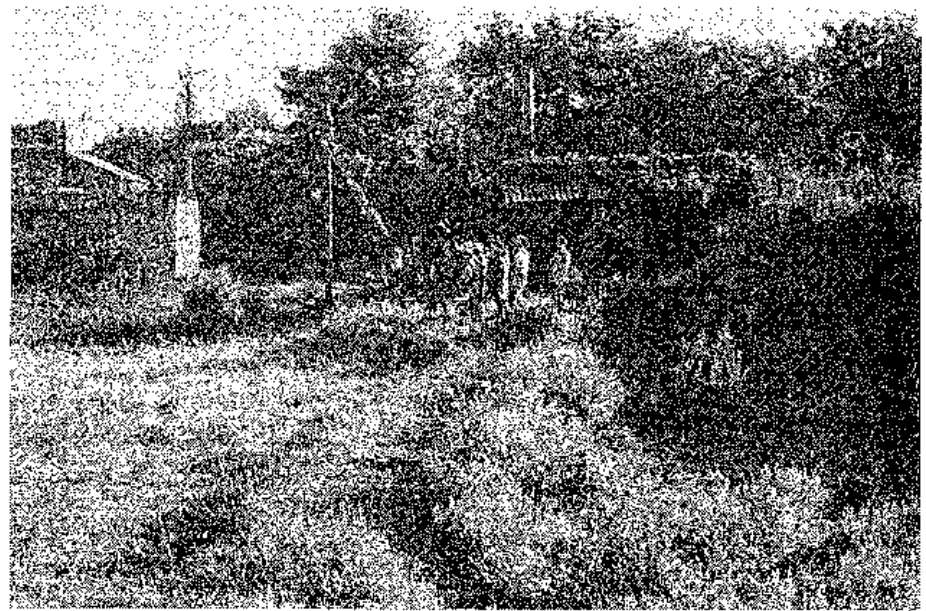
Ил. 12. Ямы № 23 и 25

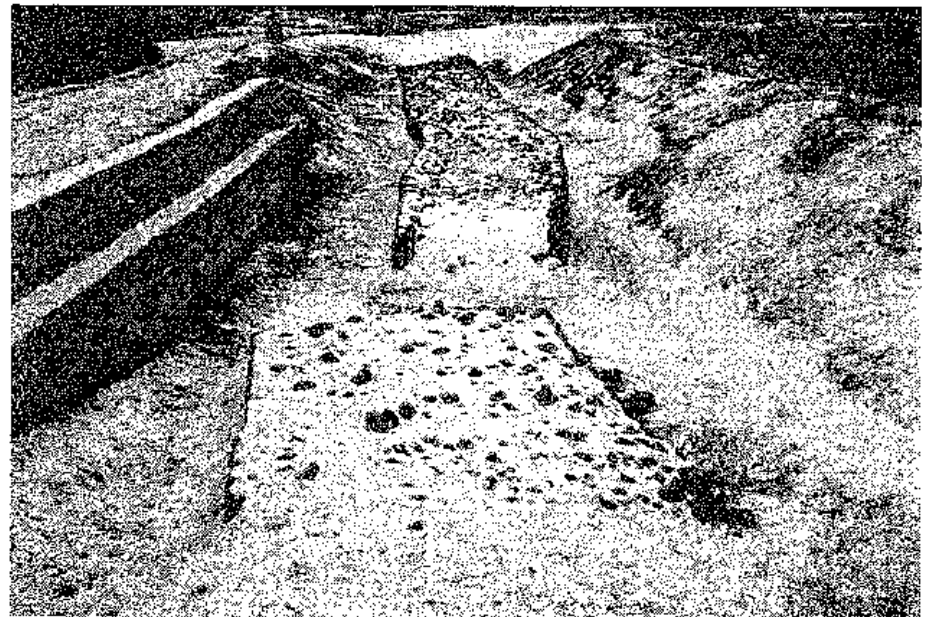
Ил. 13. Горизонт салтово-маяцкой культуры

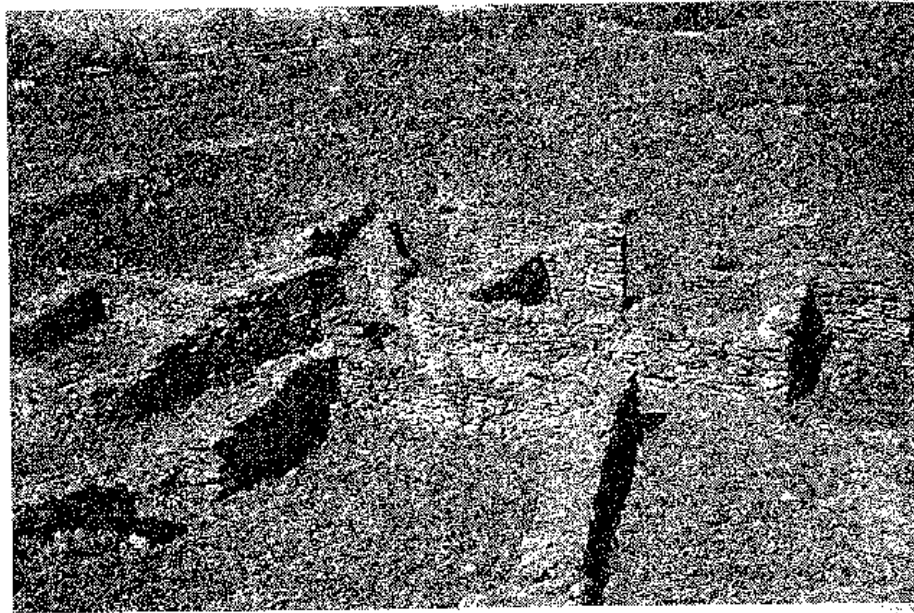
Ил. 14. Край участка выборки глины

Ил. 15. Территория будущего раскопа XXV

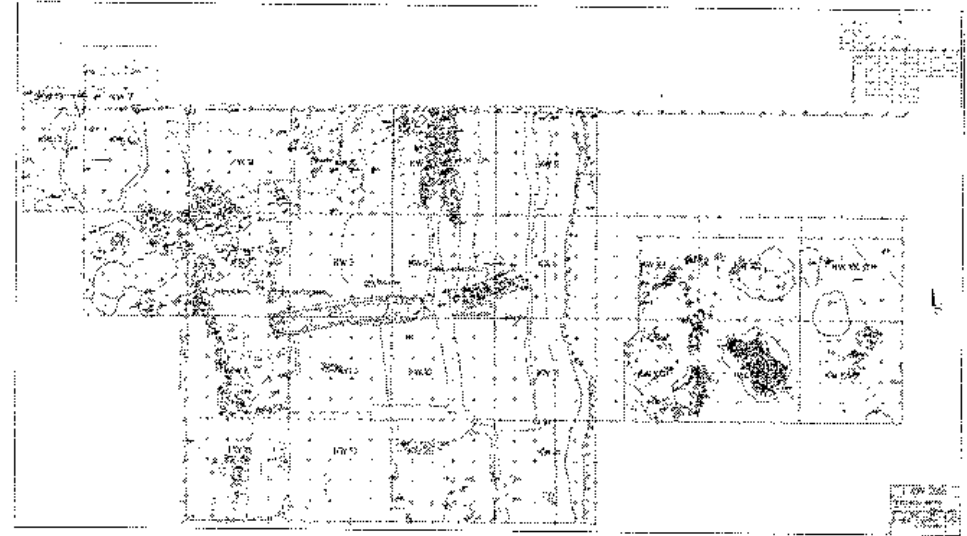
Ил. 16. Раскоп IX, фрагмент оборонительной стены

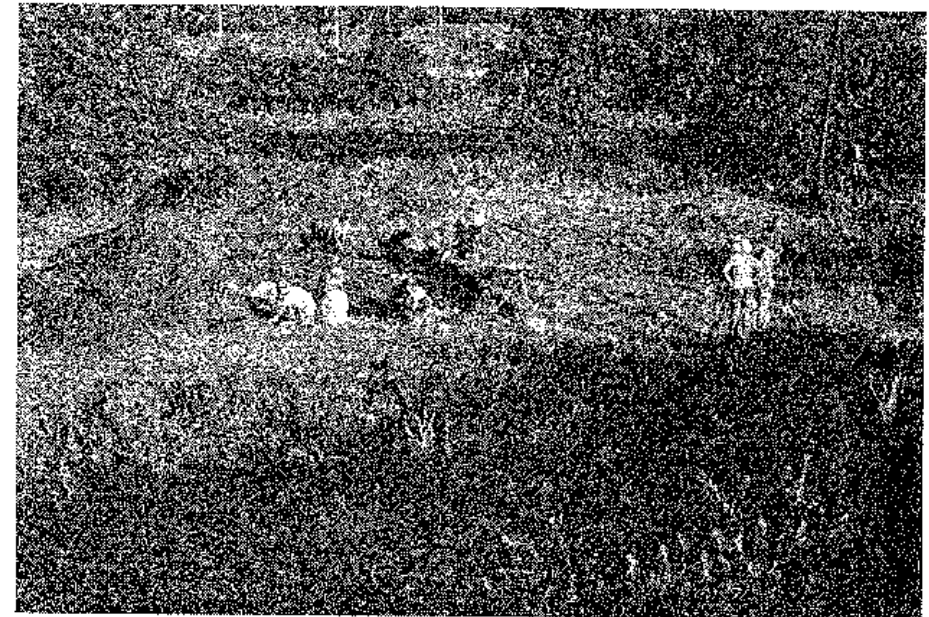
Ил. 17. Раскоп VI, фрагмент жилой застройки

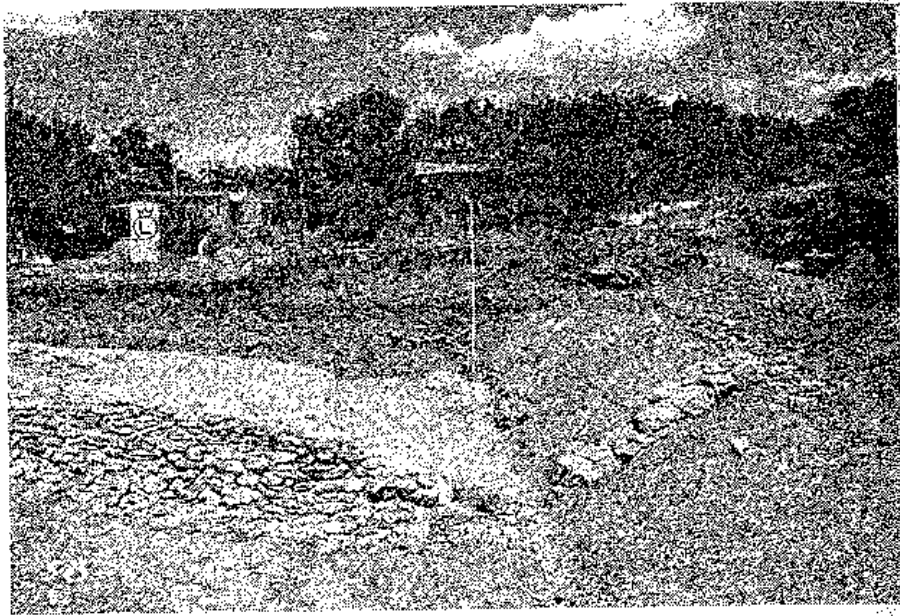
Ил. 18. Геофизические работы перед заложением раскопа XXV

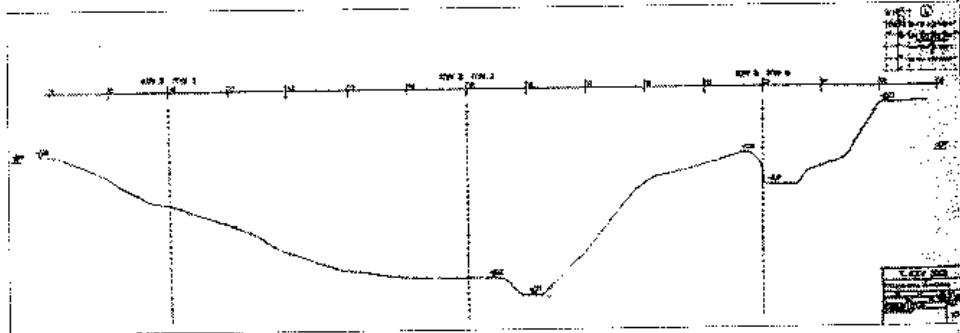
Ил. 19. План раскопа XXV

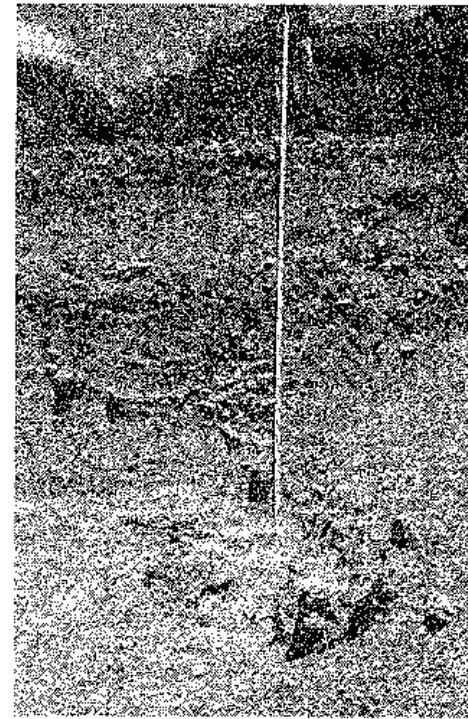
Ил. 20. Начало работ в раскопе XXV

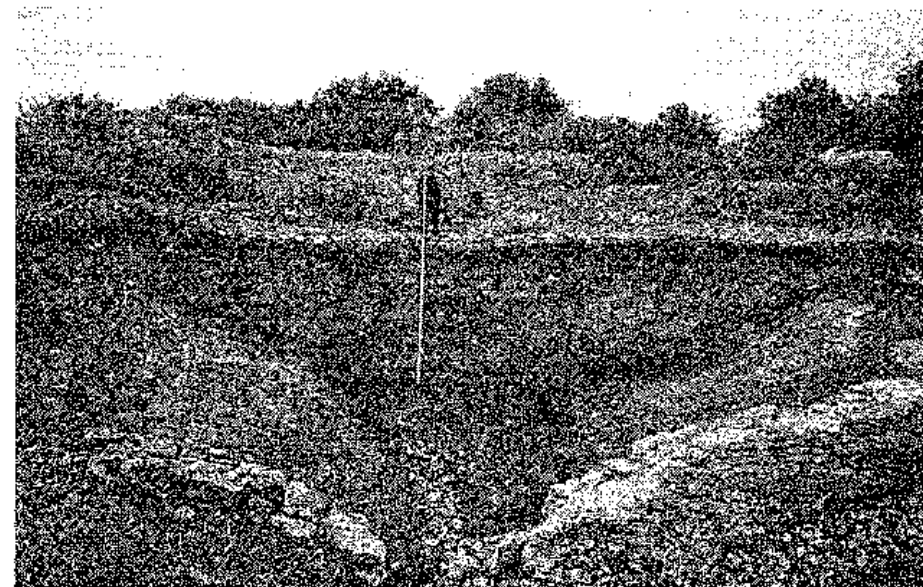
Ил. 21. Оборонительный ров

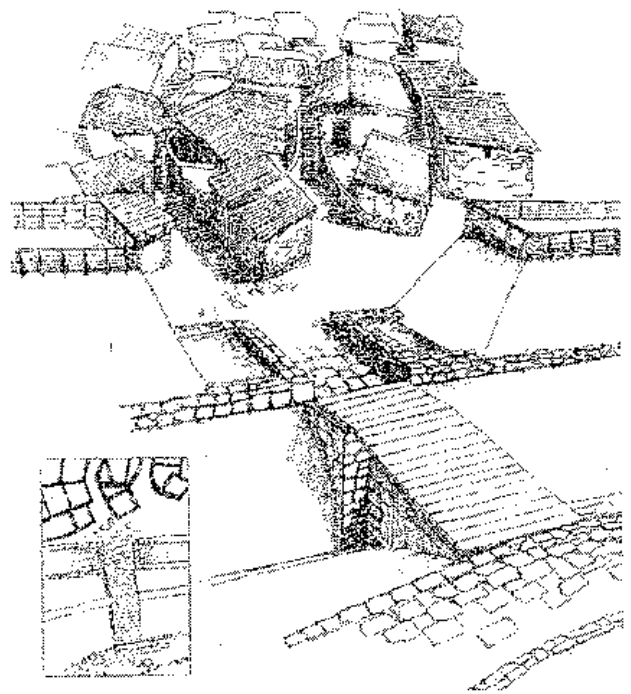
Ил. 22. Разрез оборонительного рва [рис. М. Вольский]

Ил. 23. Дно рва, вытесанное в скале

Ил. 24. Южная часть оборонительного рва, разрушенная эрозией

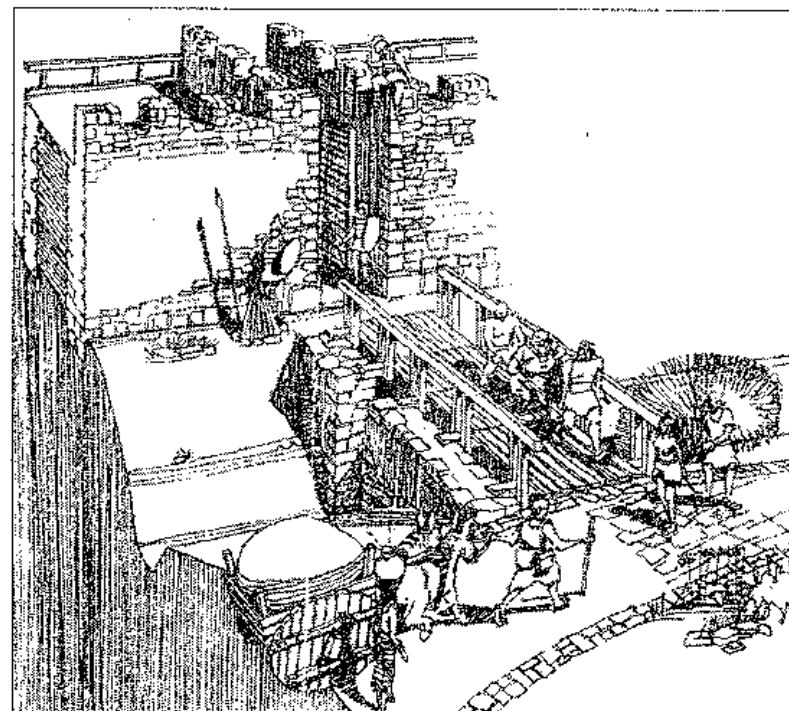
Ил. 25. Мост и въезд [реконструкция М. Вольски с использованием реконструкции В. Толстикова]

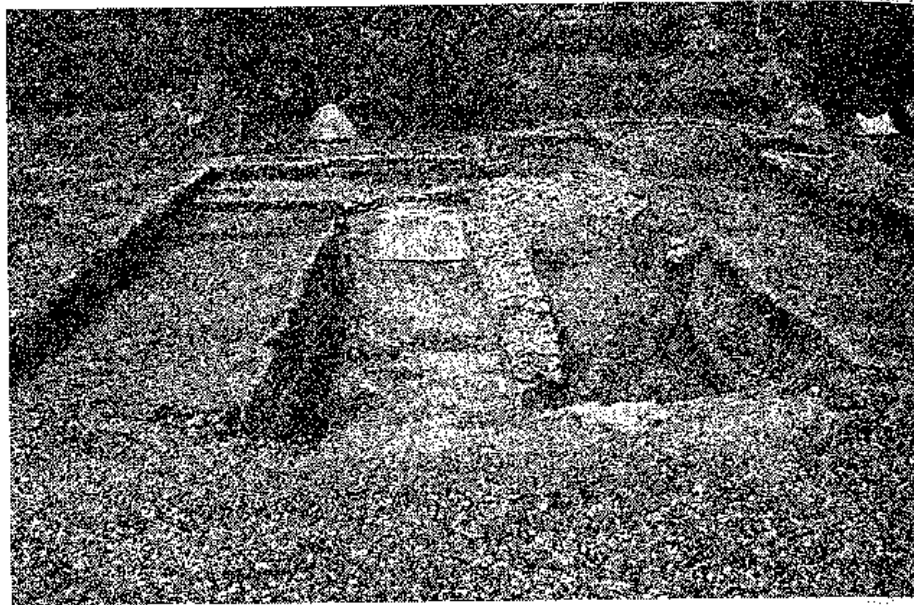
Ил. 26. Западный бордюг подъезда

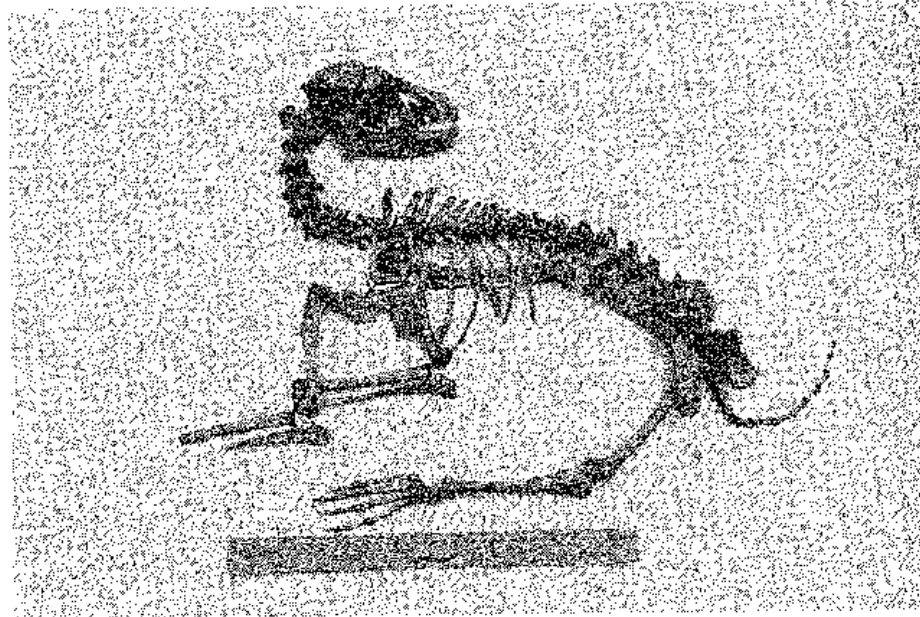
Ил. 27. Остатки каменных плит подъезда

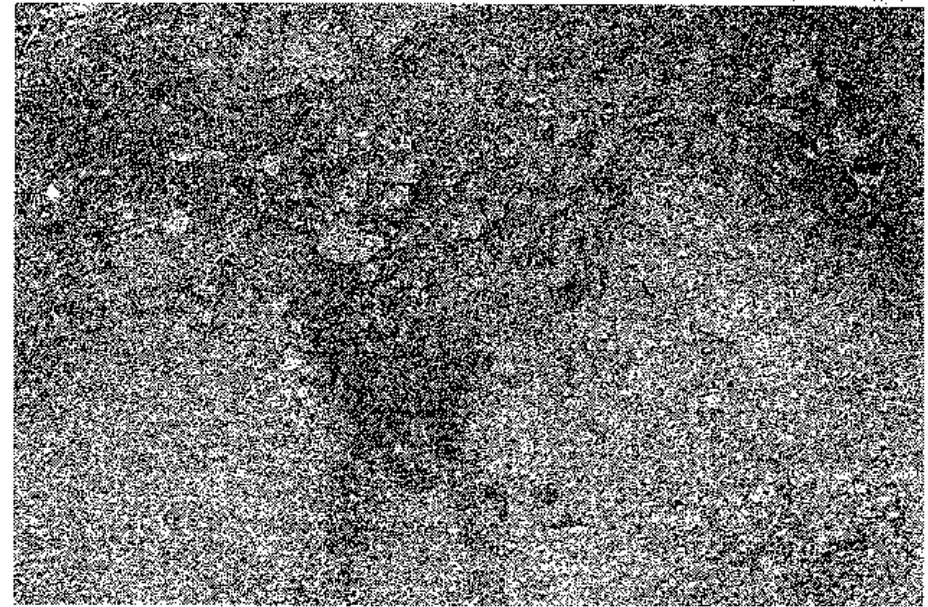
Ил. 28. Ров, мост и въезд [рис. А. Пастевка]

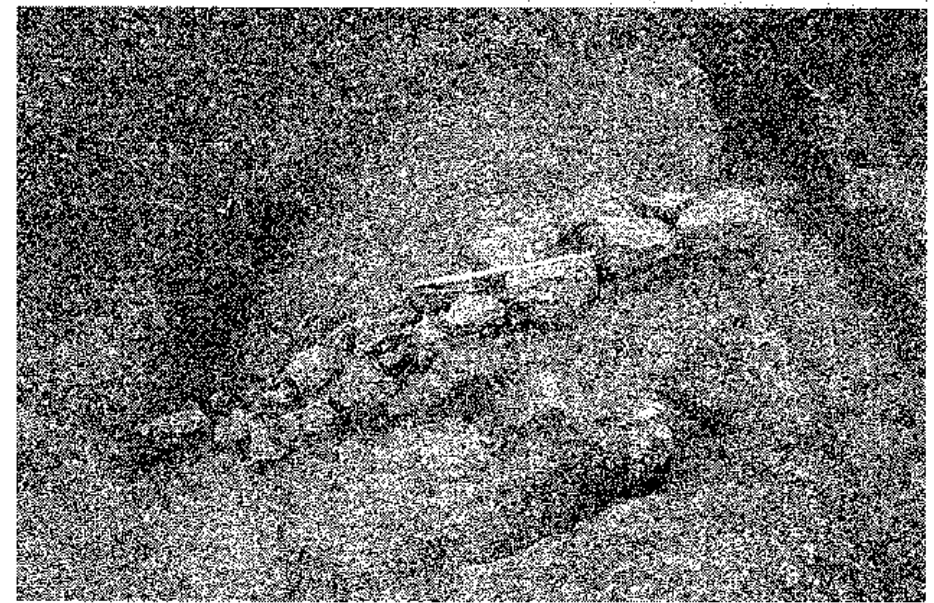
Ил. 29. Каменное основание моста и яма с собакой (под покрытием)

Ил. 30. Собака — стражник моста

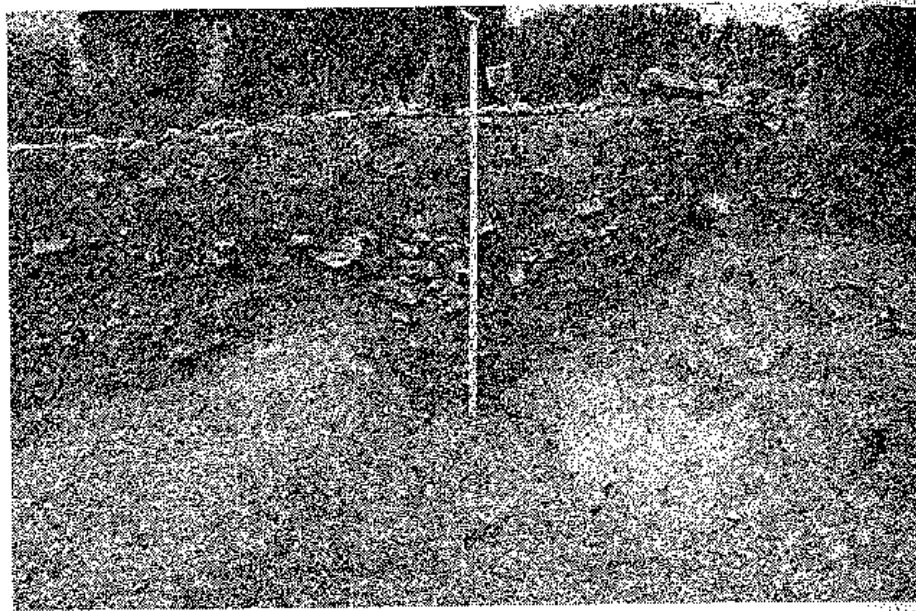

Ил. 31. Внешняя траншея под фундамент западного лица оборонительной стены

Ил. 32. Восточная часть каменной стены моста на склоне оборонительного рва

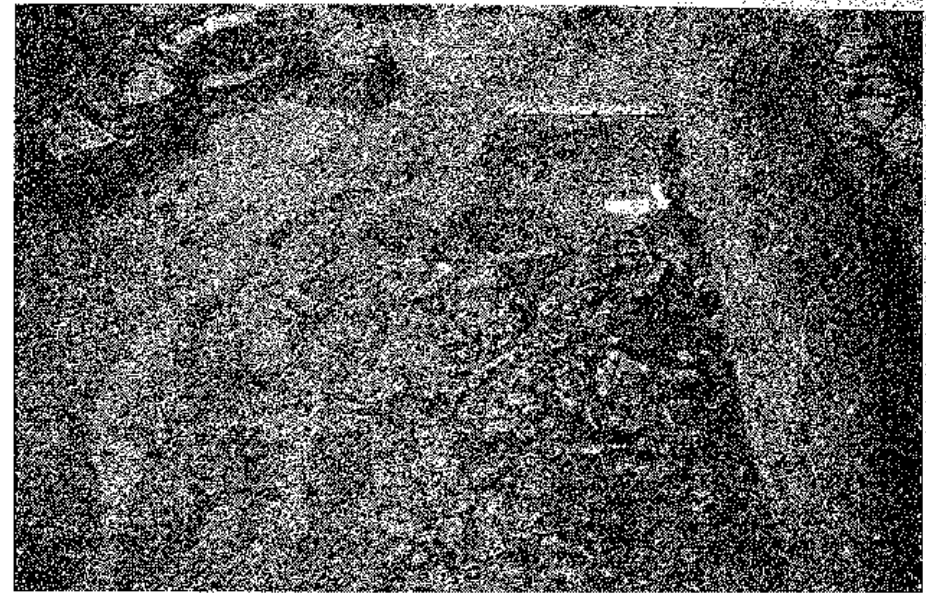

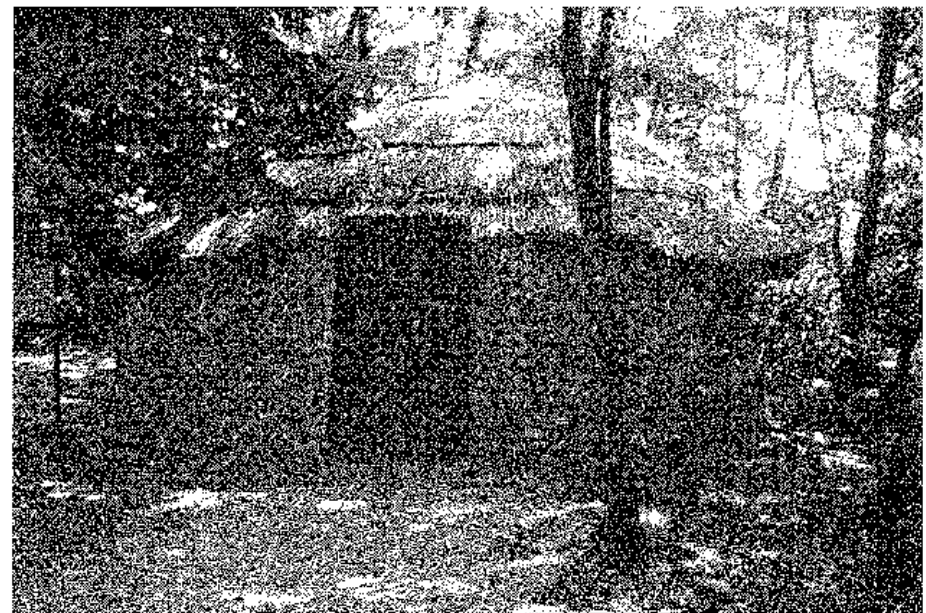
Ил. 33. Разрез северной части раскопа XXV с траншеей под фундамент западного лица оборонительной стены

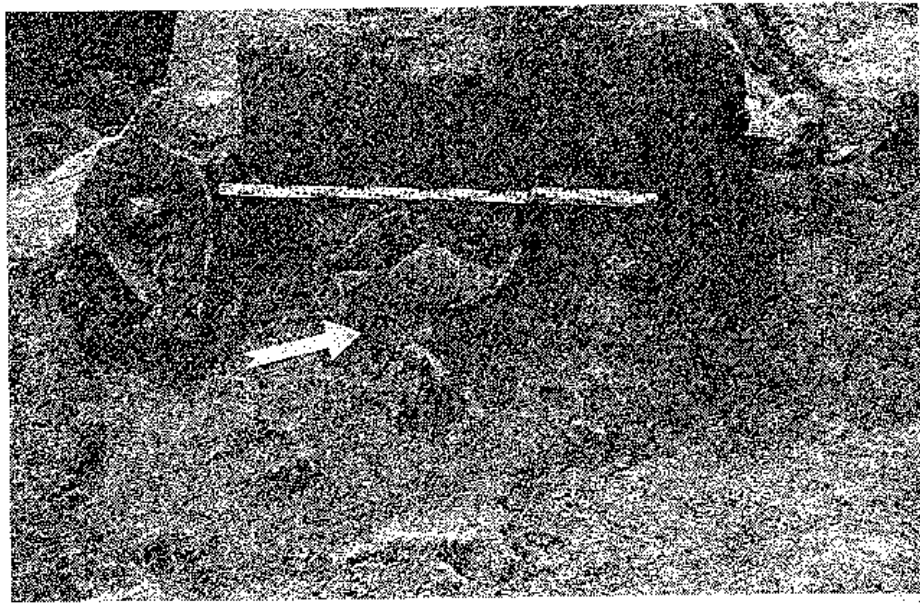
Ил. 34. Заполнение оборонительной стены

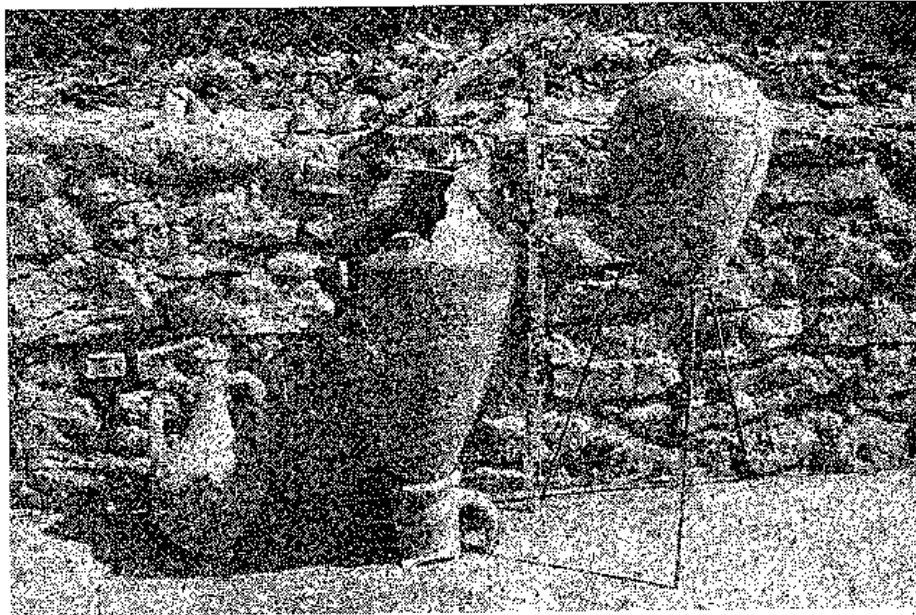
Ил. 35. Фрагмент восточной части мазанки

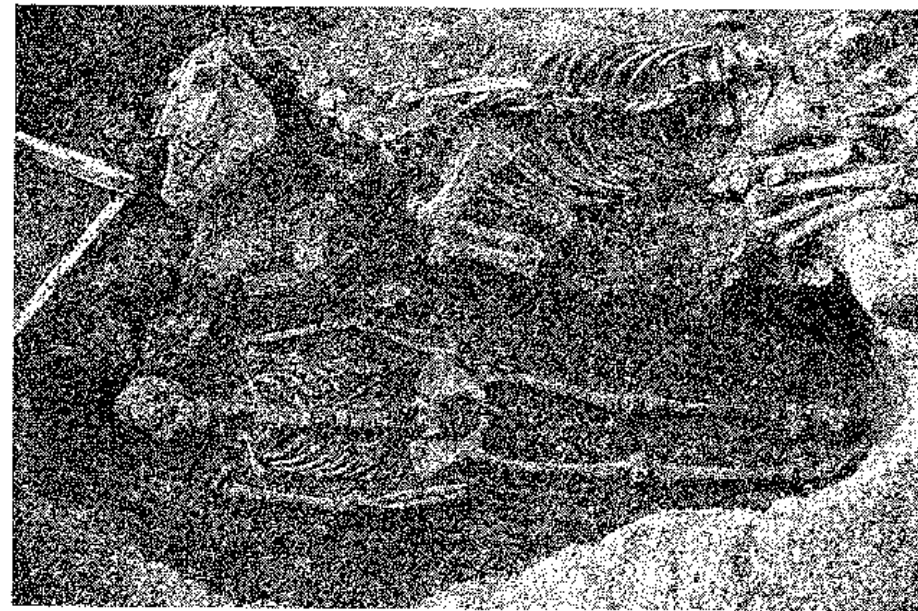
Ил. 36. Племенная хата в Танаисе - реконструкция

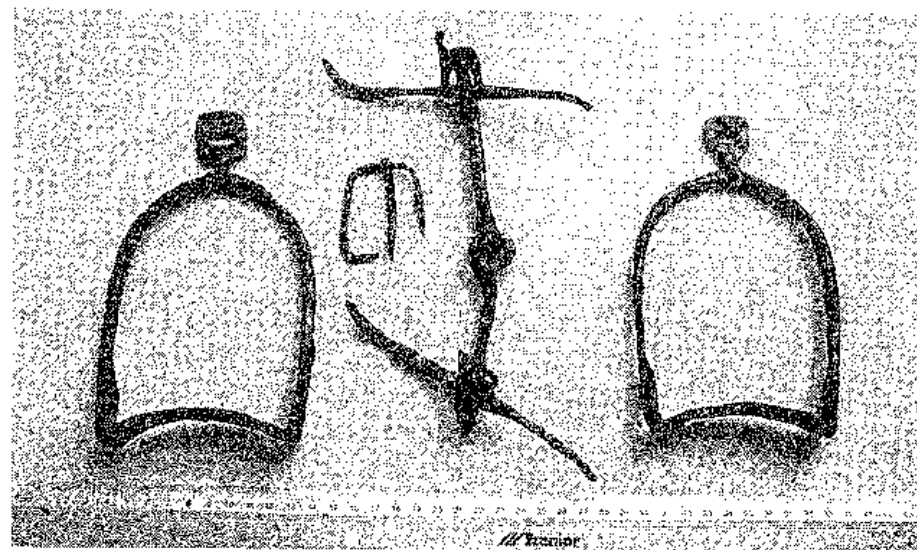
Ил. 37. Детские захоронения в амфорах (погребения № 2, 3, 4)

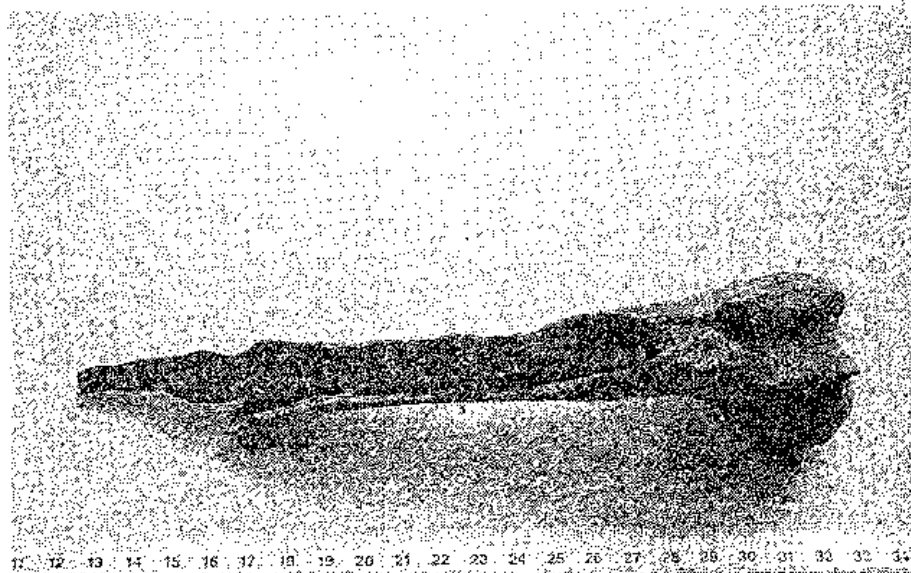
Ил. 38. Амфоры из детских захоронений (погребения № 2, 3, 4)

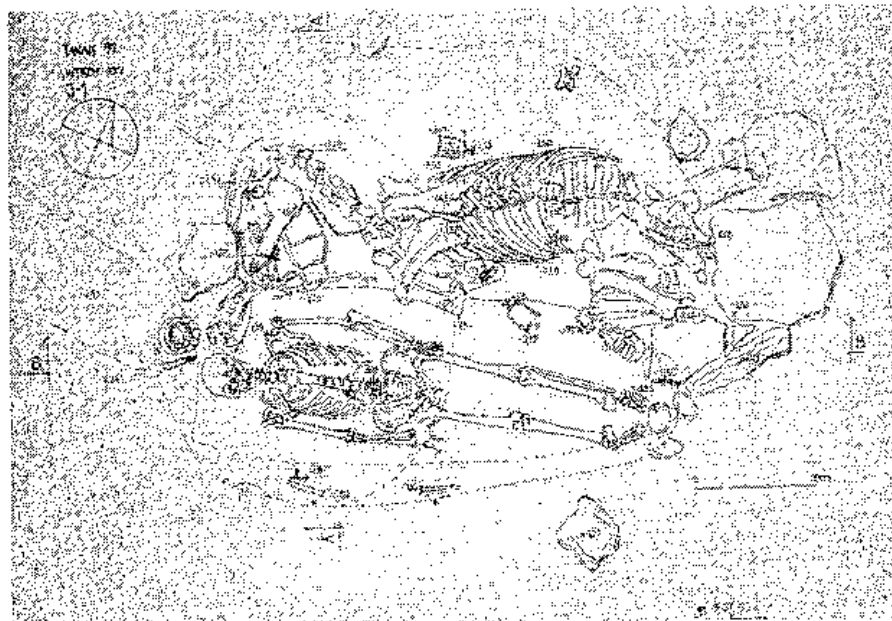
Ил. 39. Воин хазарского каганата (погребение № 1)

Ил. 40. Элементы снаряжения воина

Ил. 41. Кость с ножом – следующий элемент снаряжения воина

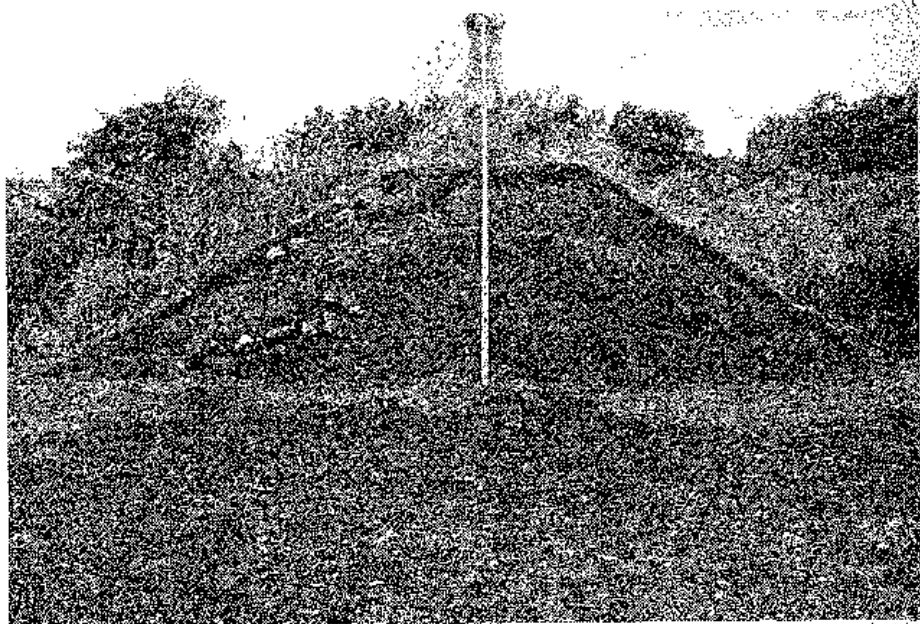
Ил. 42. План погребения воина

Ил. 43. Раскоп VII

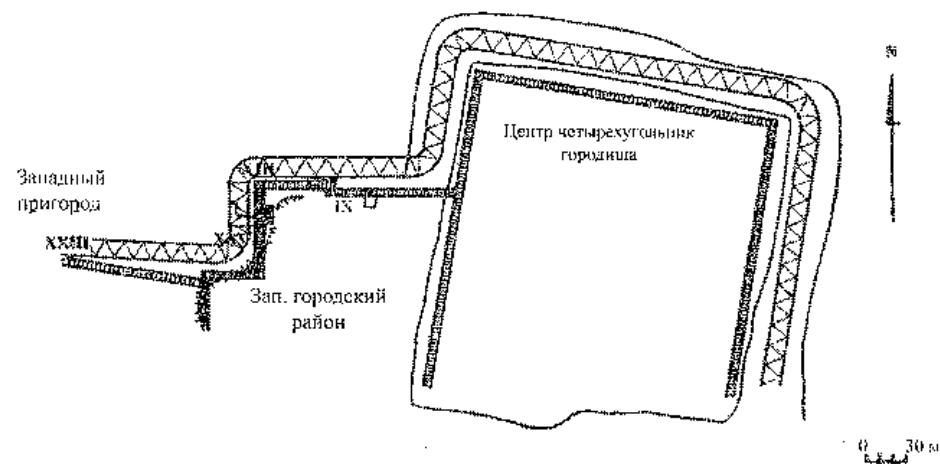
Ил. 44. Остатки культурных напластований готского периода

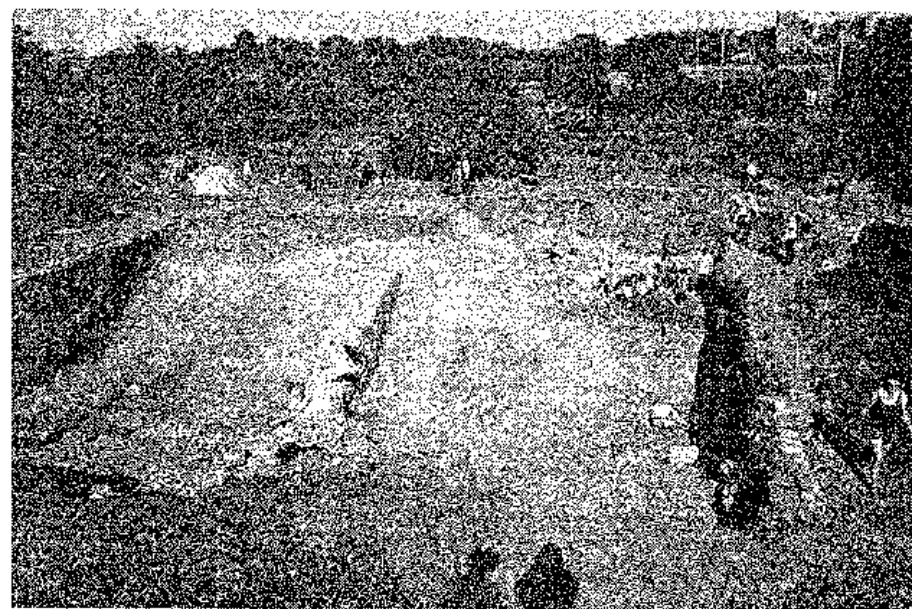
Ил. 45. Разрез северной части вала

Ил. 46. Окрестности Танаиса с обозначенными античными элементами

Ил. 47. Реконструкция оборонительной системы Танаиса в эллинистическое время

Ил. 48. Раскоп XXV - западная часть

which has received wide development already at the initial stage of the settlement, obviously, had the subordinated character, caused all the same trading orientation of the colony. The development of connections between Greeks, first of all Ionians, and the local population at the steppe and forest-steppe Scythia, Northwest Crimea and Dneister River region was the main condition of successful existence of this port of transit trade during almost hundred years, and those connections have not lost their value even after its transformation into the Greek colony of the classical type.

It is possible to expect, that something similar occurred at the northern coast of Sea of Azov, where the Taganrog settlement became the unique advanced post of the Greek trade. The trading orientation of its economy is obvious. Most likely, its trading connections should reach up to the Middle Dneiper River area, where they faced with trading interests of Borysthene, and covered the basin of the Lower and Middle Don River region. About the reasons, which have disturbed for the foundation of a colony in Don Delta, it is necessary to guess only. Probably, there were difficulties with communications in conditions of seasonal variability of lower reaches of Tanais, or, and, perhaps, not in the last instance, there was the dangerous neighborhood of the nomads running the winter pastures there already in the Archaic time. Obviously, for the same reason, namely because of a seasonal migration of nomads, the territory of Eastern Crimea remained unattractive for Greeks down to the first half of the 6th century BC. Most likely, the enforcing of nomads in last quarter of the same century has interrupted the development of Northeast Azov Sea coastal area by Greeks almost for two centuries, down to the foundation of *emporion* on the Elizavetovskaya site. It has not been observed on Berezan, though the data of its necropolis specified the existence of nomads' threat for the life at the settlement just at the end of the 6th century BC. The most vivid example to that is the reduction of *chorai* of Borysthene and Olbia in the beginning of the next century.

Альфред Твардецкий

ПРОБЛЕМЫ ЭПИГРАФИКИ БОСПОРСКОГО ЦАРСТВА
НА ПРИМЕРЕ НАДПИСИ KL 705
(Керченский музей)

В 1993 г. одновременно с подписанием многолетнего договора о сотрудничестве началась совместная работа Национального музея в Варшаве (НМВ) и Керченского музея в существующей форме. Однако традиции сотрудничества зародились ещё в 1956 г., с началом раскопок в Мирмекии. В 2002 г. был подписан договор о сотрудничестве также с Фондом „Деметра“.

Предметом совместной деятельности является, прежде всего, музейная работа, а именно:

1. Обмен официальными и научными визитами работников обоих музеев и Фонда „Деметра“.
2. Совместная работа консерваторов.
3. Работа над публикацией мегарских чаш из собраний Керченского музея.
4. Составление музейного каталога греческих надписей, находящихся в Керченском лапидарии.
5. Совместная выставочная работа.

Группа исследователей, принимавших участие в работе в 2005 г. со стороны НМВ (ил. 1): Сабина Гжегжувка (мегарские чаши), Збигнев Долиньски (фотограф), Альфред Твардецкий (греческие надписи), координатор программы со стороны НМВ.

Одним из важнейших пунктов совместной работы является публикация греческих надписей из коллекции Керченского музея. Для этой цели была сформирована группа, в состав которой входили: Сергей Р. Тохтасьев (Российская Академия Наук, Петербург), Татьяна А. Матковская (Керченский музей, Керчь), Альфред Твардецкий (Национальный музей в Варшаве).

В собрании греческих надписей хранящихся в Керченской коллекции в основном преобладают надгробные надписи (ок. 70% находок). В большинстве случаев надгробия имеют простые надписи, упоминающие имена умерших, со скромной дополнительной информацией (имя отца или степень родства, иногда указывается дата). Исследуемые эпиграфические памятники, бесспорно, представляют ценный материал по просопографии и ономастике — прежде все-

Ил. 1. Слева на право стоят: Альфред Твардопки, Сабина Јежжувка, Збигнев Долинський.

го, для специалистов, занимающихся иранскими (скифы и сарматы) и фракийскими именами и названиями. Большие надписи обычно представляют собой надгробную поэзию, декреты, почетные тексты, учредительные, религиозные посвящения, а также находки связанные с деятельностью служителей культа. Эти объекты очень интересны с точки зрения эпитафиста и, бесспорно, являются необыкновенно ценными для историков и археологов, изучающих историю Боспорского царства. В коллекции находим очень немного текстов, относящихся к V в. до н.э., чуть больше – к IV в. до н.э., подавляющее же большинство написано в эллинистический и римский период (например, основная часть надгробий).

Работы над созданием каталога были начаты в 2003 г. Публикация первой категории эпитафических памятников (украшенные рельефами надгробные надписи) предусмотрена в 2008 г. Позднее надеемся успешно представить следующие тома. Версию на русском языке готовит Керченский музей совместно с Фондом „Деметра”, на английском – НМВ.

Очень важным элементом подготовки каждой эпитафической публикации является сбор информации по истории находки и ознакомление с работами, уже

существующими на данный момент. В случае боспорских надписей имеем дело с достаточно специфической ситуацией, характеристике которой считаем необходимым уделить немного внимания. Первоначально наибольшая активность в эпитафических исследованиях этого региона отмечалась в Одессе под руководством В.И. Юргевича, неоднократно возглавляющего Общества Истории и Древностей. Там появились самые ранние, хотя в большой степени любительские, публикации.

Во второй половине 50-х гг. XIX в. большая часть боспорских надписей перевезена в Эрмитаж, где сейчас и хранится. Именно там, в Петербурге, был основан самый большой до настоящего времени центр исследований боспорской эпитафики. Первые серьезные исследования начал самый известный в то время российский эпитафист В.В. Латышев (1855–1921), работающий в Петербурге. Результатом его деятельности было издание монументального, повсеместно признанного труда *Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae* (IOSPE) [т. I, 1 изд. 1885, 2 изд. 1916; т. II, 1890; т. IV, 1901, включает дополнение за период 1885–1900], изданного Российским Археологическим Обществом в Петербурге. Второе издание этой работы вышло в 1965 г. (Hildesheim, Georg Olms). Это типичное *editio maior*, в котором находим подробное описание находок, прорисовку текстов (напечатанных специальным эпитафическим шрифтом) или (реже) фотографии.

В.В. Латышев планировал опубликовать новое издание II тома, включающего надписи с территории Боспорского царства и начиная с 1916 г. даже готовил рукопись к печати, но смерть (в 1921 г.) помешала ему реализовать планы. Неоконченная рукопись В.В. Латышева находится в Архиве Петербургского Отделения Академии Наук, и содержит обработку надписей из II и IV томов *Inscriptiones Ponti Euxini*, издательства Археологической Комиссии в Петербурге, где сам В.В. Латышев в 1901–1918 г. публиковал новые находки, а также в статье Ю.Ю. Марти в Записках Одесского Общества и В.В. Шкорпила в Бюллетене Императорской Археологической Комиссии. Там находится документация ок. 1200 боспорских надписей, опубликованных еще при жизни В.В. Латышева, которые должны были войти во 2 издание (в опубликованных II и IV томах находим ок. 780 текстов).

После смерти В.В. Латышева работу над собранием боспорских надписей продолжил член Академии С.А. Жебелев (1867–1941), которому удалось просмотреть ок. 1200 находок. С.А. Жебелев отступил от концепции *editio maior* В.В. Латышева и подготовил материал по принципу *editio media* со значительно более сокращенными описаниями, однако часто иллюстрированный фотографиями. Этот подход оказался настолько обоснованным, что боспорские надгробия были подробно опубликованы Г. Кесерицким (директор Эрмитажа) и К. Ватзингером в *Griechische Grabreliefs aus Südrussland* [Berlin 1909]. Позднее надгробиями занимались А.А. Иванова [Скульптура и живопись Боспора, Киев 1961, разделы 5 и 6], а также Т.А. Матковская (многочисленные статьи) и другие.

В 1945–1949 гг. руководство над подготовкой к публикации эпитафического материала принял С.Я. Лурье (1891–1964), ученик С.А. Жебелева и М.И. Ро-

стовцева, один из редакторов SEG в 1929-1937 гг. Согласно сохранившимся документам ему и его сотрудникам удалось осмотреть 210 надписей в Керчи и Симферополе. В конце концов С.Я. Лурье оказался отстранённым от работы по обвинению в „космополитизме” и в подверженности „чужим влияниям”. Впоследствии, в 1949 г. было принято решение опубликовать корпус надписей на русском языке.

С 1950 по 1952 г. работу возглавлял И.И. Толстой (1880-1954). Под его редакцией рукопись была переведена на русский язык и заново просмотрены около 800 надписей. В результате, согласно утверждению А.И. Болтуновой [ВДИ № 4, 1966, 230-232], было подготовлено 1200 текстов надписей. Т.Н. Книпович в своей рецензии рукописи обвинила исследователя в ряде недостатков (главное отсутствие фотографий). Болезнь и смерть редактора вновь закончили подготовительный этап работ без конечного результата.

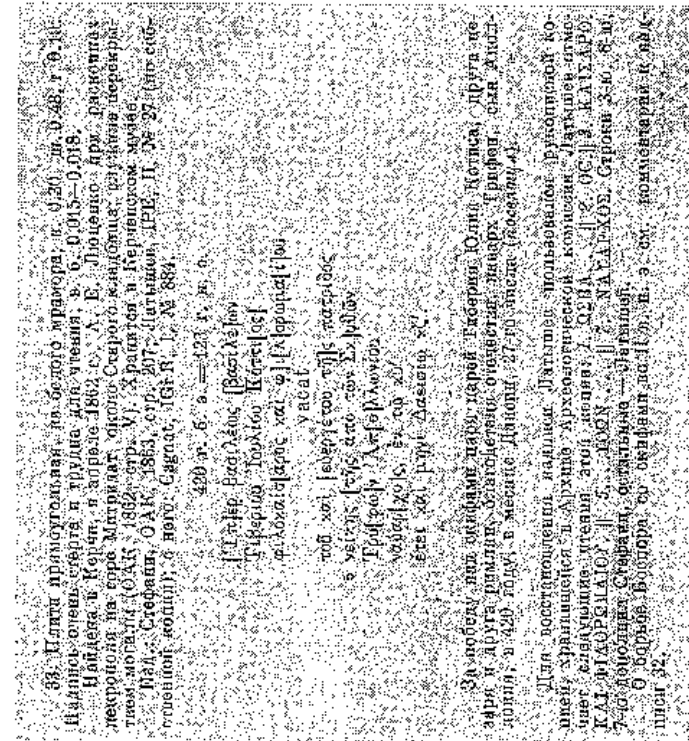
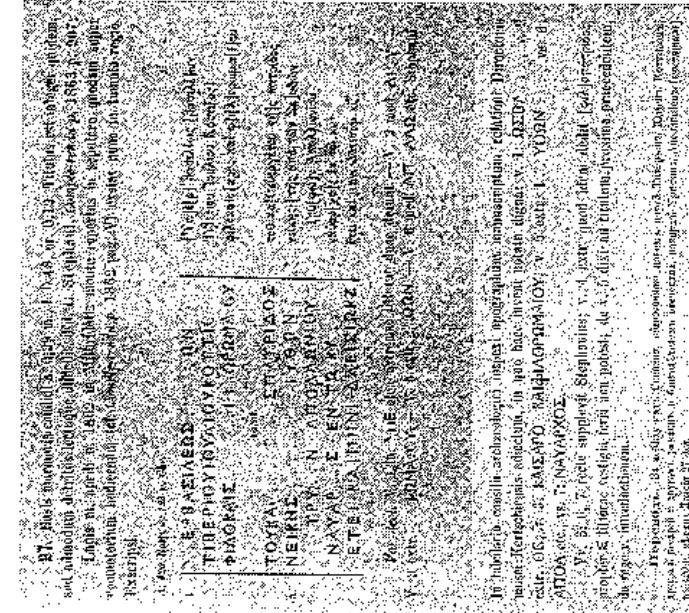
С 1956 г. редактирование собранием надписей принял В.В. Струве (1899-1965), востоковед, хорошо знакомый с Причерноморской проблематикой. Его старания увенчались успехом – *Корпус Боспорских Надписей* (КБН) был издан в 1965 г. и включал 1328 надписей (в том числе 82 из Танаиса).

К сожалению, публикация обладает одним большим изначальным недостатком и рядом менее значительных ошибок. Самым важнейшим её изъяном является отсутствие фотографий, и это, не смотря на возможность доступа авторов до богатого собрания фотографий, приготовленных ещё В.В. Латышесвым. Известно только, что запланированный ранее вариант издания тома не удалось осуществить по финансовым причинам.

В работе также не хватает более решительного вмешательства редактора, что повлекло разнохарактерные комментарии – например комментарии Т.Н. Книпович и В.Ф. Гайдукевича носят характер в основном исторический, а А.И. Доватура – языковедческий. Недостатки имеются также в комментариях, касающихся варварских имен, хотя этот аспект представляет самую большую ценность боспорских надгробных памятников, и это, опять таки, не смотря на существование таких комментариев у В.В. Латышсва [ср. IOSPE IV, 1901, № 249, 279, 339], который в этой проблематике работал совместно с известным ирановедом В.Ф. Миллером.

Впрочем, это одно из немногих отклонений от работы В.В. Латышсва, ибо КБН в значительной степени опирается на ранние публикации и неизданные рукописи известного учёного. Это заметно хотя бы в анализе *contrafinitum*. Среди 1328 надписей 1200 было обработано В.В. Латышесвым в форме публикации или рукописи. Влияние этого исследователя также видно в расположении материала и выражений в описании археологических памятников (№ 36, 78, 84, 87, 90, 103), в примерах (№ 48, 52, 54, 78, 113, 114, 120, 124, 126, 129, 130, 131 и т.д.), в тексте комментариев (№ 29, 30, 78, 125, 130 и т.д.) и даже в некоторых ошибках (ил. 2).

К сожалению, позднее внимание известных российских эниграфистов, таких как Е.И. Соломоник, А.И. Болтунова, Т.Н. Книпович, Ю.Г. Виноградов или

Ил. 2. С левой стороны виден текст, помещенный в КБН (№ 37), касающийся рассмотренной ниже пахелки KL 705, справа - тот самый объект, описанный В.В. Латышесвым (IOSPE № 27)

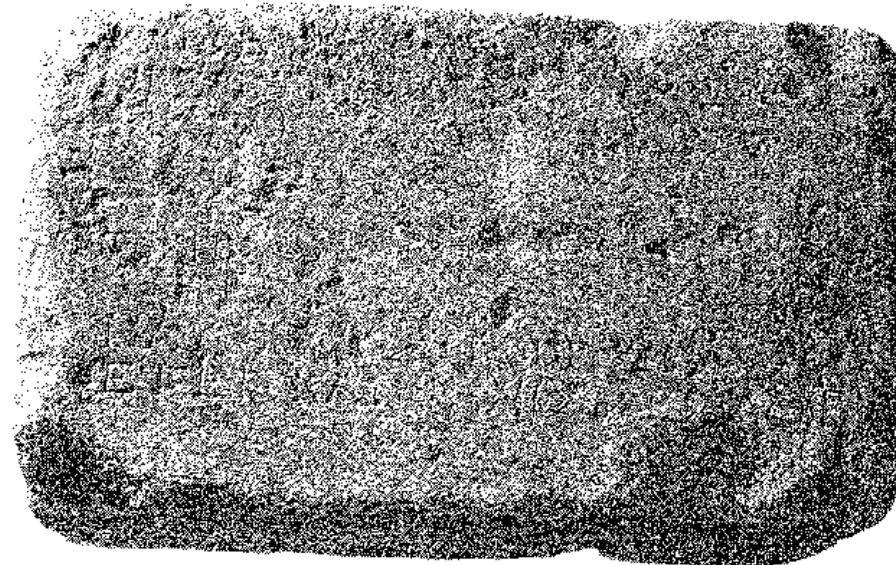
С.Р. Тохтасьев, главным образом было сконцентрировано на материале из Ольвии и Херсонеса и значительно меньше на боспорских надписях. Не создано в это время никакой значительной книжной публикации, посвященной этим эпиграфическим памятникам, хотя опубликовано много надписей и написано много очень важных статей, среди которых особого внимания заслуживает работа В.Р. Яйленко – *Материалы по боспорской эпиграфике* [в: *Надписи и языки древней Малой Азии, Кипра и античного Северного Причерноморья*, Москва 1987, 4–201]. Упомянутая работа является очень важным, выдержанным в стиле SEG дополнением, не только к боспорским надписям в КБН, но и также к разбросанным статьям, появившимся до публикации в КБН.

Только недавно в Петербурге принята попытка продолжения работы над эпиграфическими памятниками, которой результатом явилась публикация в 2004 г. *Album Imaginum* в КБН под редакцией А.К. Гаврилова. Имеющиеся иллюстрации взяты из архива и отражают состояние памятников, по крайней мере несколько десятков лет назад. Фотографии (находок, прорисовок или эстампажей) сопровождаются также короткими замечаниями на латинском языке, дающими основную информацию о находке, иногда также условия её обнаружения и библиографию после 1965 г. К сожалению, эти замечания очень короткие и не носят систематического характера. Не смотря на критику со стороны ряда специалистов (ср. рецензия С.Р. Тохтасьева и И.А. Левинской [ВДИ 2005: № 4, 179–198]), сам факт публикации фотографий является краеугольным камнем для боспорской эпиграфики.

В то же время, необходимо подтвердить, что огромный эпиграфический материал Керченского музея хранился в условиях очень неблагоприятных для эпиграфических памятников (в большинстве своём выполненных из известняка). Достаточно констатировать, что много находок было размещено просто под открытым небом или в каменоломнях Аджи-Мушка, что имело разрушительное влияние на сохранность объектов.

Благодаря сотрудничеству между ИМВ и Керченским музеем, при значительном финансовом вкладе Фонда „Деметра“, в 2002 г. был создан проект подготовки и публикации греческих надписей из Керченской коллекции. Первоначальные действия необходимо было направить на документацию и учёт находок, что стало физически возможным благодаря предоставлению музеем соответствующего помещения под лапидарий и трудоёмкому сбору разбросанных на обширной территории находок. Здесь необходимо заметить активное участие Т.А. Матковской, заведующей лапидарием, а также постоянную поддержку со стороны Фонда „Деметра“. В итоге, в 2005 г. сбор и размещение находок закончилось.

Большим препятствием для начала непосредственно эпиграфической работы было состояние сохранности находок. Неудовлетворительная сохранность надписи, разбитые на мелкие куски плиты иногда затрудняющее прочтение текста, сильно усложняли работу и, конечно, были причиной многих ошибок и неточностей. Ситуацию немного спасло наличие архива фотографий.

Ил. 3. Общий вид надписи KL 705

и в этом случае идентификация находок не могла быть полной. Необходимо подчеркнуть большую помощь в этой работе госпожи Анастасии Куликовой из Петербурга, которая по просьбе С.Р. Тохтасьева занималась описью и идентификацией части надписей.

При этом важно уяснить себе, что надписи и надгробные стелы составляют львиную часть лапидарной коллекции, насчитывающей ок. 800 объектов (не все с надписями). Эта информация позволяет представить себе масштаб систематической работы, перед которой оказались участники проекта. Достаточно сказать, что только после трёх лет упорной работы эта систематизация закончилась, и каждая надпись была заново прочитана, описана, обмерена и сфотографирована. Начало же непосредственно эпиграфической работы будет возможным только в 2006 г.

Целью публикации является создание каталога музейного собрания находок, а не классического корпуса надписей. По этой причине полная коллекция будет опубликована скорее под углом зрения археологическим, чем эпиграфическим. Так как 70% эпиграфического материала составляют надгробные стелы с надписями, первый том публикации будет посвящен систематизации рельефов.

Показательной иллюстрацией проблем, с которыми приходится бороться участникам проекта, может быть пример надписи KL 705 (ил. 3). Это база статуи с короткой посвятительной, воздающей почести надписью, выполненная из мрамора. Этот последний факт необыкновенно облегчил работу, так как находка подверглась незначительной деградации (единственно затерлась часть букв текста). Эта база была найдена в апреле 1862 г. А.Е. Люценко во время

раскопок на горе Митридата, недалеко от старого кладбища. Она была использована в качестве прикрытия захоронения [ср. *Отчёты Императорской археологической Комиссии* (ОИАК), 1862, V].

Описание находки

Размеры: высота 29,5 см (фас надписи); ширина 48 см; толщина 19,8 см.
Размеры букв: Омикрон (2 строка) – Н 1,5 см; Каппа (2 строка) – Н 1,3 см; W 1 см; Эта – Н 1,5 см; W 2 см.

Литература

- Stephani, OIAK, 1863, 207.
- Латышев, IOSPE 2, № 27 (согласно собственной копии).
1. Cagnat, *Inscriptiones Graecae ad Res Romanas Pertinentes* (IGR) I, no 884, Paris 1906 (reprint Chicago 1995).
- КБН, № 33.

На тему уточнения даты см. также:

- B. Nadel, St. Oświęcimski, „Eos”, 56, fasc. 1 (1966), 225.
- B. Nadel, St. Oświęcimski, „Archeologia”, XVIII (1967), 244–245.

На тему отношений между Боспорским царством с Римом см. также:

Fergus Millar, *Emperors, Kings and Subjects: The Politics of Two-Level Sovereignty*, „Scripta Classica Israelica” (SCI) 15 (1996), 159–173 (167–173 анализ терминов *filokaisar* и *filoromaioi*; без упоминания самой надписи).

Текст

- ὑπὲρ βασιλέως [βασιλέων]
- Τιβερίου Ἰουλίου Κόττιος
- φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου.
- [εὐσεβοῦς]
- τοῦ καὶ [εὐεργέτο]ς τῆς πατρίδος
- γαίκης [τῆς ἀπὸ τῶν Σκυθῶν
- Τρύφων] Ἀπολλωνίου
- ναύαρχος ἐν τῷ κυ'
- ἔτει καὶ μηνὶ Δαεισίῳ κε'

Аппарат

Необходимо обратить внимание на разницу в нумерации строк у В.В. Латышева и в КБН – там в нумерации пропущена строка 4, неверно определенная как *vacat*. Как видно из комментария IOSPE В.В. Латышев заново пересмотрел текст после получения из Керчи его старательной копии. Хотя этот комментарий значительно отличается с точки зрения степени прочтения текста, В.В. Латышев представил его единственно как дополнение к аппарату.

L. 1

ὑπ]ἔ[ρ] βασιλέως [----- Stefani; ὑπ]ἔ[ρ] βασιλέως [βασιλέ]ων Латышев (хотя из его замечаний следует, что он видел ὑπὲρ βασιλέως βα[σιλέ]ων); [ὑπ]ἔρ βασιλέως [βασιλέ]ων КБН | L. 2 Τιβερίου Ἰουλί[ο]υ Κόττι[ο]ς Stefani, Латышев (в аппарате дает версию Ἰουλι[.]ου Κόττιος); Τιβερίου Ἰουλίου Κόττι[ο]ς КБН | L. 3 φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου Stefani; φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου Латышев (в аппарате после повторного изучения дает прочтение φιλοκαίσαρο[.] καὶ φιλορωμαίου), КБН | L. 4 *vacat* Stefani; КБН; Латышев || L. 5 τοῦ κ[-----] [φιλ]οπάτριδος Stefani; τοῦ καὶ εὐεργέτου τῆς πατρίδος Латышев, который не соглашается с прочтением Стефани по причине отсутствия буквы Σ, КБН; хотя из его замечаний следует, что он видел: τοῦ καὶ [εὐεργέτου τῆς πατρίδος] L. 6; γαίκης [χάριν]-----θων Stefani; γαίκης [τῆς ἀπὸ τῶν Σκυθῶν] Латышев (из аппарата и транскрипции в маюскуле можно вывести прочтение τῶ]ν [Σ]κυθῶν), КБН | L. 7 Τρύ[φω]ν Ἀπολλωνίου Stefani, КБН; Τρύ[φω]ν Ἀπολλωνίου Латышев | L. 8 ναύαρχος ἐν τῷ κυ' Stefani, КБН; Латышев (в аппарате дает с уверенностью ναύαρχος); L. 9 κζ' Stefani, КБН; Латышев; прочтение ΚΕ видна на камне относительно выразительно, а вариант ΚΖ возникает по причине повреждения поверхности в этом месте, на фотографии или копии создается именно такое впечатление (ср. ил. 4, 5).

Перевод

В царствование Царя Царей
Тиберия Юлия Коттиса
Друга Цезаря, Друга римлян,
Благочестивого
Благотелья Отчизны
(По случаю) победы над скифами
Трифон, сын Аполлония
Навархос, (поставил) в 420
Году, месяца Дейсос, 25 дня

Ил. 4. Вид нижней части надписи KL 705. Дотационная формула находится в конце текста, в правом нижнем углу

Ил. 5. Участок надписи, где указывается дата её установки KL 705, в сближении

Филологический комментарий

Л. 5 Новое предложение восполнения строки 5 опирается на аналогии большинства переведённых надписей, в которых выступает царский титул в полной форме, произносимой: *φιλοκαίσαρος καὶ φιλορωμαίου εὐσεβοῦς*. Ср. например, надпись KL 1163 (КБН № 76, Пантикапей). Также определение *τοῦ καὶ εὐεργέτου τῆς πατρίδος* появляющееся единственно в этой надписи, и то как дополнение, вызывает сомнение. Формула *καὶ εὐεργέτου τῆς πατρίδος* известна в других посвящениях (ср. например: KL 736 = КБН 1047, Гермонасса), но никогда как *τοῦ καὶ* и тд. Тем временем появляется обоснованное подозрение, что имеем дело с концом выражения предыдущей строки. В таком случае можно предложить дополнение 4 строки: *εὐσεβοῦς, υἱοῦ βασιλέως Σαυρομάτου*. Менее вероятным кажется предложение *εὐσεβοῦς, ἀρχιερέως τῶν Σεβαστῶν διὰ | υἱοῦ* с точки зрения на выразительное, но однако видимое, скорее всего, как *ΤΟΥ*, чем *ΥΙΟΥ* в начале 5 строки.

Благодаря сравнению текста опубликованного В.В. Латышевым (вместе с аппаратом) с текстом видимым сегодня на камне можно себе представить изменения в сохранности находки за 100 лет. Не смотря на то, что имеем дело с объектом из мрамора, очень хорошо заметен регресс в степени сохранности текста. В случае находок из известняка ситуация иногда бывает ещё более сложной. Вывод, исходящий из подобного положения вещей, является несомненным: ключевую роль в правильной идентификации и реконструкции текста всегда играют уже существующие публикации, особенно фотографии, а также наследие после В.В. Латышева. КБН хотя и сыграл огромную роль в истории боспорской эпиграфики, но по причине отсутствия иллюстраций, а также явной зависимости от В.В. Латышева, имеет в той работе меньшее значение. Часто просто имеем дело с простым переводом на русский язык работ В.В. Латышева, причем иногда перевод вместе с техническими и мериторическими неточностями. Хорошим этому примером является вопрос датировки нашей надписи (ср. ил. 2).

Надпись KL 705 (похоже, как и многие другие) датируется местным летоисчислением (ноптийским), которое в основе своей является вариантом вифинской эры. В этой эре за первоначальный пункт летоисчисления принят 297 г. до Р.Хр. (вифинская 298). Названия месяцев заимствованы из македонского календаря, где начало года помещено в октябре месяце (согласно юлианскому календарю 15 октября, согласно грегорианскому 28 октября). Об этом припомнили одинаково как В.В. Латышев во вступлении к тому 2 [33–34], так и Г. Диттенбергер [*Orientalis Graeci inscriptiones selectae*, Leipzig 1903–1905, 458 л. 69 и сл.].

При переведении боспорских дат на годы нашей эры следует обратить внимание на факт, что имеем дело с „переходным” годом, в котором первые месяцы: *Δίος* (Δεῖος), *Ἀελλαῖος* и половина месяца *Ἀθύναῖος* принадлежат к существующему году, а остальные месяцы: *Περίτιος*, *Δύστρος*, *Ξανθικός*,

'Αρτεμίσιος, Δαίσιος, Πάνημος, Λῶος, Γορπιάιος, Ὑπερβέρτατος относятся к следующему году. Следовательно, в случае, когда в годовой дате не назван месяц, нужно давать „переходный” год (в нашем случае 123/124 Р.Хр.). Эта проблема является причиной неточного датирования (помимо прочего) нашей надписи: ἐν τῷ κν' ἔτει (= 420 г.) καὶ μηνὶ Δαείσιῳ κζ' которая датировала 27 днем месяца Δαείσιος 123 г. Р.Хр., хотя должен быть 124 г., так как месяц Дайсиос приблизительно соответствует нашему июню, то в случае „переходного” года (настоящий/будущий) выпадает на лето следующего года. Приняв во внимание предложение измененного текста в строке 9, следует также изменить дату с 27 на 25 день месяца.

Исторический комментарий

Текст надписи (и сам памятник) относится к началу правления Котиса II (123–132 гг. Р.Хр.). Как в период его царствования, так и во время правления его отца Савромата I (94–123 гг. Р.Хр.) дошло до нескольких военных конфликтов со скифами, которые для этих последних заканчивались, как правило, поражением. Именно, во время царствования Котиса II римляне повторно признали в том регионе Боспорское царство как своего главного союзника (и вассала), отказываясь от мысли непосредственного включения этого государства в Империю. Доминирующая роль римлян (и довольно продолжительное время) была причиной включения к официальному титулу φιλοκαίσαρος καὶ φιλορῶματος.

Таким образом, ясно видно, что специфика боспорской греческой эпиграфики заключается в основном на огромной работе по систематизации находок, чтобы определить их настоящее состояние и иметь возможность идентифицировать в существующей библиографии. К вышесказанному следует добавить, что современная литература по данной проблематике в большой степени разбросана. Это касается также публикаций новых комментариев и замечаний к уже опубликованным надписям. Только завершив этот, требующий много времени и усилий этап, можно приступить непосредственно к эпиграфической и искусствоведческой работе. Надеемся, что используем возможность выпустить в жизнь публикацию, отвечающую новейшим исследовательским стандартам.

Problems of the Bosporan Kingdom epigraphy exemplified by inscription KL 705 from the Kerch Museum

Summary

The National Museum in Warsaw and the Museum in Kereç began their cooperation in 1993. In 2002 both museums prepared, along with the Demeter Foundation, a project of publishing a catalogue with the Greek inscriptions from Kerch. This project was originally supervised by: T.A. Matkovska, S.R. Tokhtas'ev and A. Twardcki. The publication of the first volume is planned for 2008. The main tasks for the participants of the project were to establish the state of preservation, systemize and describe the objects. The principal problem is that a part of the inscriptions, which were previously described in the Corpus of Bosporan Inscriptions have lost their initial state of preservation. Inscription KL 705 on a marble statue basis is an example for that problem.

- Price 1992 – J. Price, *Hellenistic and Roman Glass*, [in:] L.H. Sackett, ed., *Knossos from Greek city to roman Colony*.
 Rütli 1991 – B. Rütli, *Die römischen Gläser aus Augst und Kaiseraugst. Katalog und Tafeln*, Augst.

Список сокращений

- ГМНИ – Государственный музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина.
 МИА – Материалы и исследования по археологии СССР.
 СА – Советская археология.
 САИ – Свод археологических источников.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

Glass vessels from the 1st–half 2nd century AD from Tanais

Summary

This article includes an outlook on glass items found in the archaeological complex in Tanais, dated within the 1st–half of the 2nd century. The analysis shows that the set of glass items employed by the inhabitants in this time was quite diverse. This set included parade vessels produced with the millefiori technique and cast cups.

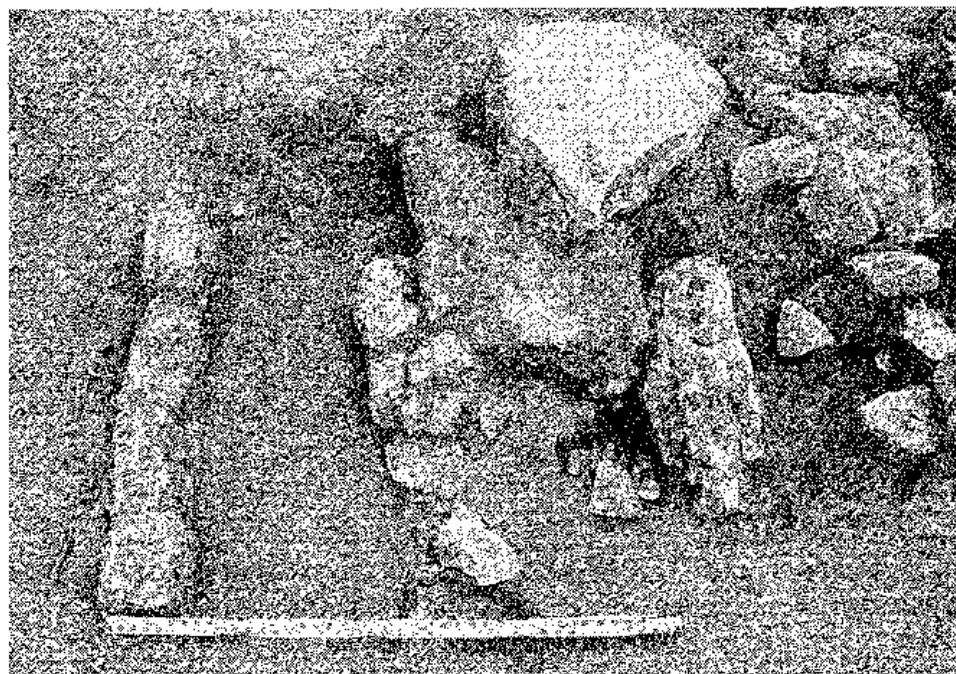
Инна В. Циркунова

ЧЕРНОЛАКОВЫЙ КАНФАР ИЗ ЗАПАДНОГО ПРИГОРОДА ТАНАИСА

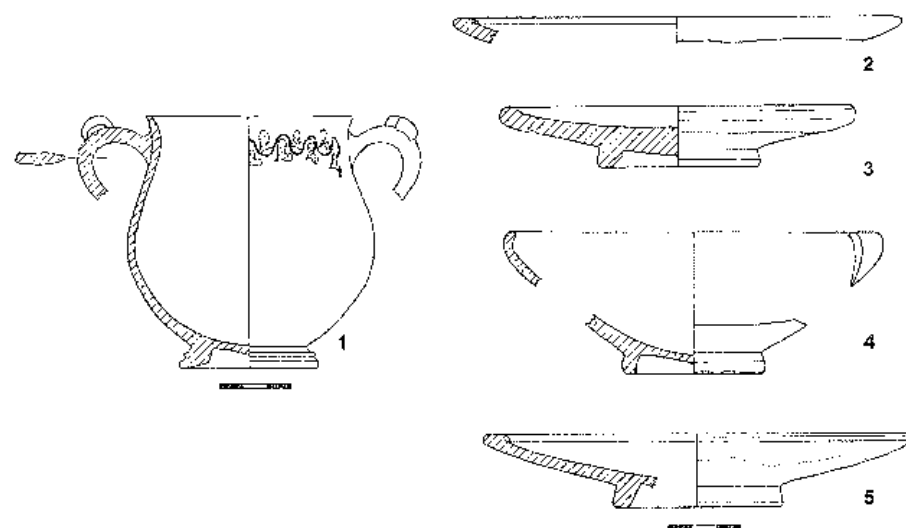
Эллинистические комплексы Танаиса представляют большой интерес. К сожалению, на основном четырехугольнике городища Танаиса их исследование сильно осложнено более поздними постройками и, как следствие этого, большими разрушениями. Многие артефакты первых веков до н.э. оторваны от комплексов, так как происходят из перемененных слоев. Поэтому чрезвычайно важным является открытие в конце 1990-х гг. на новом участке к западу от основного четырехугольника городища эллинистических жилых кварталов (раскол XXII), которые позволили по-новому взглянуть на размеры раннего города и выделить еще один район древнего Танаиса, так называемый „Западный пригород“. Раскопки, проводившиеся в течение 5 лет (с 1998 по 2002 гг.) отрядом Нижне-Донской археологической экспедиции ИА РАН* – дали несколько комплексов с достаточно ярким материалом. Во многих случаях это закрытые комплексы, сопровождающиеся амфорными клеймами (большая часть родосскими), которые дают возможность надежной датировки. Материал с этого участка представляет несомненный интерес для исследователей. Основная масса находок с данного раскопа еще не опубликована.

Особое место среди эллинистического материала занимают чернолаковые сосуды. В Танаисе имеется большое количество фрагментов этого вида керамики, но целые формы крайне редки. До настоящего времени известны только чернолаковая пелика из погребения 13 грунтового некрополя Танаиса (1955 г.) [Шелов 1970, рис. на с. 134, 136], и сосуд из подвала ИО (1989 г.) [Арсеньева, Беттгер, Науменко 2001, 92–93, рис. 29, 6; 30]. В 2001 г. коллекция Танаиса пополнилась еще одним экземпляром, когда на квадрате 16 среди камней основания северного фаса стены 37 (северной оборонительной стены западного пригорода) были обнаружены остатки конструкции, получившей условное название „очажной“. Она состояла из трех параллельных линий (ориентированных осью С-Ю) плоских обгоревших камней среднего размера, поставленных на ребро (ил. 1) [Арсеньева,

* Начальник экспедиции Т.М. Арсеньева, начальник отряда С.М. Ильяшенко

Ил. 1. Очаг в основании оборонительной стены на раскопе XXIII

Ил. 2. Черноголаковая керамика на раскопе XXIII (2001 г.): 1 – канфар; 2–5 – тарелки

Ил. 3. Черноголаковый канфар из очага

Ильяшенко 2001, 14]. Изначально данная конструкция, вероятно, имела призматическую в плане форму (длинной осью по линии В-3) со сторонами $\approx 0,60 \times 4,00$ м. ВУ очага – + 0,86 м; НУ – + 0,63 м. Между линиями камней – зола и фрагменты обожженной глины. В этом слое были обнаружены фрагменты небольших черноголаковых тарелок (блюд) (ил. 2, 2–5). Внутри контура очага находились многочисленные мелкие обломки черноголакового двуручного канфара. Еще несколько фрагментов этого сосуда были рассеяны по площади квадрата. В ходе реставрации удалось собрать археологически целую форму (ил. 2, 1; 3).

Канфар с округлым туловом на невысоком кольцевом поддоне; стенки слегка сужаются кверху; край мягко отогнут наружу; верхняя часть тулова украшена поясом из волнистых веток и листьев плюща. Ветви изначально процарапаны, а затем дорисованы жидкой бежевой краской. Ручки небольшие петлевидные, уплощенные в сечении. На ручках – напелы в виде плоских кружков. Дно округлое, слегка выпуклое, на невысоком рельефном кольцевом поддоне. Лак черный, матовый, сильно потерт. Тулово сосуда заметно деформировано. Высота канфара – 10,5 см, диаметр тулова – 10,5 см, диаметр дна 5,5 см.

Подобные канфары нередко встречаются среди художественных изделий из Смирны и Александрии [Schäfer 1968, 49, Abb. 3, 3], а также известны в Северном Причерноморье, в частности, в Пантикалее и Ольвии [Забелина 1992, рис. 4в, 5в; Книпович 1949, рис. 1, 3, 4]). Сходный по форме и декору красноглазый сосуд происходит из слоя пожара 1 Южного дворца Неаполя скифского [Зайцев

1998, 57, рис. 3, 25; Зайцев 2003, 14, рис. 59, 2]. Среди многочисленных находок фрагментов т.н. „bauchige Becher“ из Пергама встречаются аналогии нашему сосуду [Schäfer 1968, Taf. 15, 16; Luca, Radt 1999, Taf. 14, Kat. 451-455, 463).

Пергамское происхождение сосудов этого типа отмечает Т.Н. Книпович. Однако, она осторожно определяет группу подобных сосудов как малоазийскую [Книпович 1949, 275]. Последующие публикации результатов работ Германского археологического института в Пергаме [Schäfer 1968; Luca, Radt 1999] подтвердили ее выводы. Об этом же пишет и В.С. Забелина, описывая канфары со „скрученной в спираль, процарапанной линией стебля и сердцевидными листьями, обозначенными жидкой глиной“ [Забелина 1992, 292].

Что касается датировки данного типа сосудов, то авторы, в основном, не слишком расходятся во мнениях. Т.Н. Книпович относит схожий с танаисским канфар из погребения пантикапейского некрополя к числу раннеэллинистических образцов [Книпович 1949, 275]. В.С. Забелина, анализируя импортную расписную керамику из эллинистических слоев Пантикапея, датирует канфары с суженными сверху стенками и отогнутым наружу краем более широко – концом III–II вв. до н.э. [Забелина 1992, 292]. Слой пожара, из которого происходит краснолаковый канфар из Неаполя Скифского, Ю.П. Зайцев по многочисленным родосским клеймам датирует 135–131 гг. до н.э. [Зайцев 2003, 21]. Й. Шеффер относит интересные нас формы сосудов самое позднее к началу II в. до н.э.–200/190 гг. [Schäfer 1968, 55]. Согласно сравнительно недавним исследованиям D. Behr, канфары с выпуклым туловом с течением времени претерпели лишь незначительные типологические изменения и встречаются с конца III до середины I вв. до н.э. [Behr 1988, 113].

Поскольку танаисский экземпляр находился в основании северной оборонительной стены западного пригорода, его датировка, вероятно, непосредственно связана со временем сооружения стены, и относится к рубежу III–II вв. до н.э.

Литература

- Арсеньева, Ильяшенко 2001 – Т.М. Арсеньева, С.М. Ильяшенко, *Отчет о спасательных раскопках на территории западной части х. Небывовка в 2001 г. (раскоп XXIII)*, [в:] Архив музея-заповедника „Танаис“.
- Арсеньева, Беттгер, Науменко 2001 – Т.М. Арсеньева, Б. Беттгер, С.А. Науменко, *К истории эллинистического Танаиса*, [в:] *Проблемы истории, филологии, культуры*, Москва–Магнитогорск.
- Забелина 1992 – В.С. Забелина, *Расписная керамика эллинистического времени из раскопок Пантикапея 1945–1974 гг.*, СМНИ, вып. 10.
- Зайцев 1998 – Ю.П. Зайцев, *Керамика с лаковым покрытием из слоя пожара I южного дворца Неаполя Скифского*, „Груды ГИМ“, вып. 102: *Эллинистическая и римская керамика в Северном Причерноморье*.
- Зайцев 2003 – Ю.П. Зайцев, *Неаполь Скифский (II в. до н.э.–III в. н.э.)*, Симферополь.
- Книпович 1949 – Т.Н. Книпович, *К вопросу о торговых сношениях античных колоний Северного Причерноморья в эпоху эллинизма*, СЛ XI.

Шелов 1970 – Д.Б. Шелов, *Танаис и Нижний Дон в III в. до н.э.*, Москва.

Behr 1988 – D. Behr, *Neue Ergebnisse zum pergamenischen Nestabbauepithel*, Berlin 38.

Luca, Radt 1999 – G. de Luca, W. Radt, *Sondagen im Fundament des grossen Altars*, Berlin, Roma, New York.

Schäfer 1968 – J. Schäfer, *Hellenistische Keramik aus Pergamon*, Berlin.

A black varnished kantharos from western Tanais

Summary

During excavations at the northern defensive wall in western Tanais (trench XXIII), fragments of black varnished pottery, including a kantharos were found during the remains of an object named “fireplace”. The vessel was completely restored. It is the third wholly preserved black varnished item from Tanais (the other two were found the year before). The author dates it on the verge of the 3rd and 2nd centuries BC.